

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ МАЙОРА

ВЛАДИМИР СУХИНИН
ПЕШКА
В БОЛЬШОЙ ИГРЕ

Annotation

Майор Глухов получил вторую жизнь в теле пятнадцатилетнего наследника барона Ирридара из закрытого магического мира. Завербованный метаморфом с позывным Демон в полевые агенты Управления административного дознания и оснащенный сверхсекретным экспериментальным симбиотом, юный барон продолжает свой путь по магическому миру. Ему предстоит разрешить сложную задачу — как, будучи пешкой в чужой игре, выжить и преуспеть.

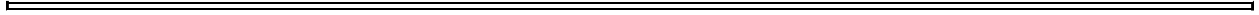
- [Владимир Сухинин](#)

-
-
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

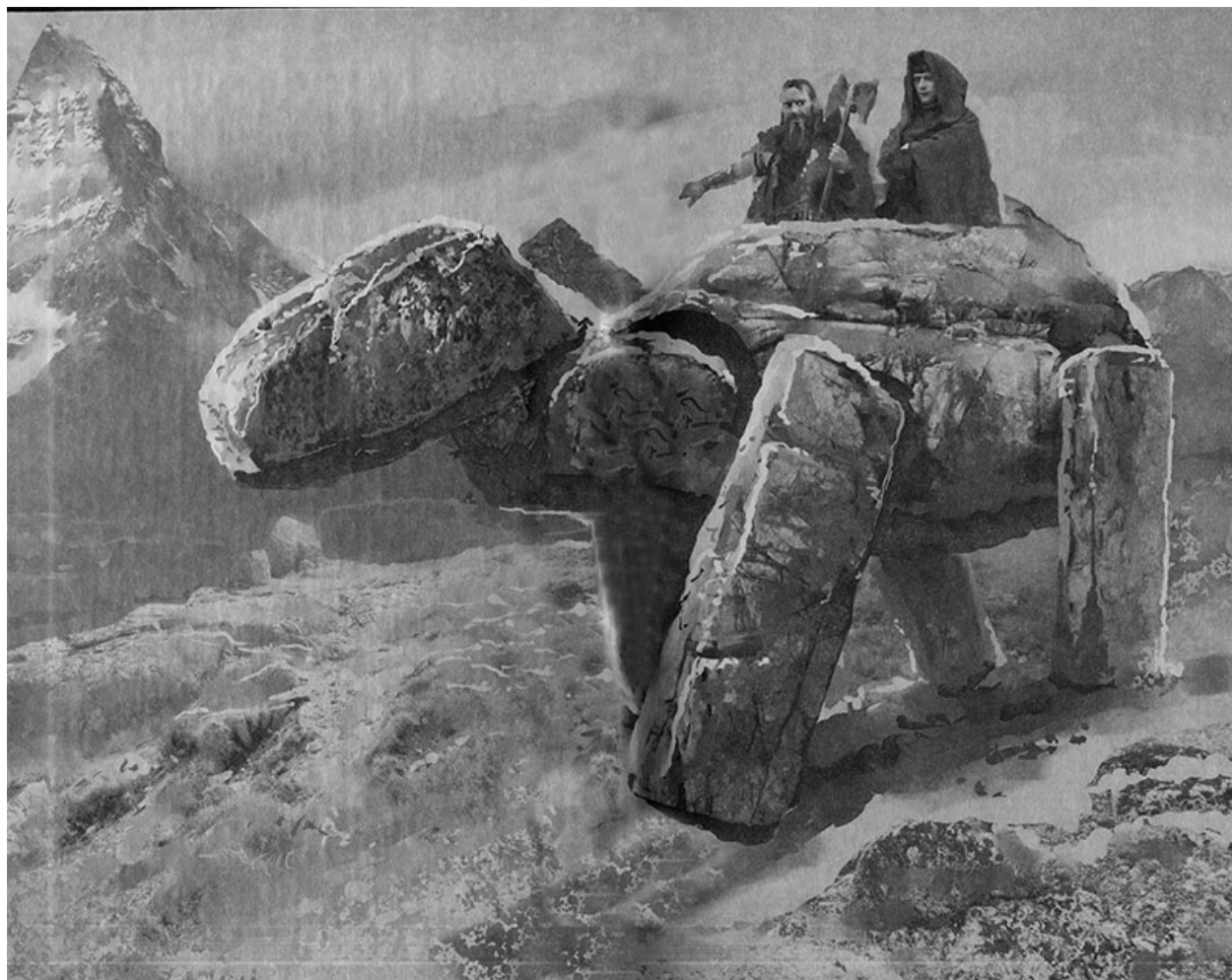

Владимир Сухинин

ПЕШКА В БОЛЬШОЙ ИГРЕ

Когда наши братья нарушают законы предков и убивают не врагов, а так, ради забавы, Отец всех орков начинает гневаться и посылает духа мщения, чтобы образумить детей своих. Это время Худжгарха!

Предания орков

ПРОЛОГ

— Хозяин, к тебе двое пришли, хотят поговорить. — К Тай Ро зашел охранник и почтительно посмотрел на трактирщика.

— Кто такие, знаешь? — оторвавшись от чтения письма, спросил демон.

В последнее время он стал осторожен. Посетителей принимал вместе с охраной, да и то не всех. После разгрома «Ночного двора», странной гильдии нищих, где нашли себе место пришельцы и бойцы Великого леса, можно было ждать разных неприятностей. Уж лучше подстраховаться.

У Истинных было два определения своих владений: Вечный лес, так как он стоял изначально, и Великий лес, так как он был местом обитания великого народа Истинных.

— Хуманы, — пожал плечами охранник, — раньше их не видел без амулетов и оружия. Скорее всего, только что прибыли с Сивиллы.

— Ну, пусть заходят, сам тоже останься тут, — немного подумав, ответил Тай Ро.

Хуманы... Послушаем, что понадобится людям от демона.

Он понимал, что для него и членов братства наемников-ветеранов после известных громких событий могут быть серьезные последствия. Среди убитых были и дворфы, и лесные эльфы, и странные хуманы-иномиряне. Какие-то непонятные общие интересы свели этих разумных здесь, в Брисвиле, переплетя всех в один змеиный клубок. Но за ними, скорее всего, стояли правители Вечного леса. А лесные обид не прощали.

В комнату вошли двое хуманов в одежде купцов: простые лица, спокойный взгляд и заметное отсутствие внутренней агрессии успокоили хозяина трактира.

— Вы Тай Ро? — оглядевшись, спросил один из вошедших. Быстрым цепким взглядом обожегал комнату, остановился на мгновение на охраннике и потерял к нему интерес.

— Он самый, — ответил демон. — Присаживайтесь и расскажите, зачем я вам понадобился.

Неожиданно хуманы молниеносно извлекли какие-то странные штучки, и Тай Ро почувствовал, что не может ни двигаться, ни говорить. Он проследил взглядом, как упал на пол обездвиженный охранник, и понял: вот они, последствия. Настигли его!

Один из хуманов вскинул ногу, и из носка сапога выскочило тонкое

лезвие. Размахнувшись, он ударил лежащего охранника ногой в висок.

— Мы пришли отдать долги, трактирщик. — Второй человек подошел к неподвижному демону, поднял его голову за небольшие рога, и бывший наемник увидел, как из черной перчатки с еле слышным гудением появилось переливающееся радугой прозрачное лезвие.

Тай Ро не боялся умереть, он давно знал, что на пути, который избрал, смерть от старости ему не грозит. Он закрыл глаза, мысленно активировал заклинание и умер быстро и безболезненно.

— Проклятье! — выругался человек и отпустил голову трактирщика. — Эта тварь сдохла! — провел гудящим лезвием по горлу и бросил на стол отрезанную голову. — Уходим! — приказал он.

Они беспрепятственно покинули трактир и направились к площади телепортов.

Ур Цванг вздрогнул. Его друг погиб! Лопнула, как туго натянутая струна, нить, связующая двух старых друзей. Случилось то, что они ждали с самого начала, — ответный ход противника. Жаль, очень жаль, что первой жертвой стал Тай Ро. Аптекарь закрыл лавку и ушел через подземный ход. Через десять ридок к лавке подошли четверо; если бы кто-нибудь посмотрел на них магическим взглядом, снимающим иллюзию, то увидел бы в полудемонах лесных эльфов.

— Мы опоздали! — с раздражением проговорил один из них. — Они уже знают об охоте. Уходим через портал! — приказал он, и все четверо поспешили на площадь.

Вечер накрыл Брисвиль, как темные шторы закрывают окно. В городе смолкла суэта, и только ветер, приносящий ночную прохладу и туман, властвовал на улицах и площадях. Здесь никогда не было ни зимы, ни лета, погода напоминала то ли раннюю осень, то ли позднюю весну. Такова была воля Творца.

В тоннелях под городом, о которых знали только посвященные, собрались члены совета братства. На каменном постаменте лежало тело Тай Ро, забранное в дорогую броню, руки сжимали отрезанную голову. Члены совета молча прощались со своим боевым товарищем. Наконец они все как один развернулись и покинули подземелье, ставшее гробницей для погибшего главы Братства ветеранов-наемников.

— План на такой случай у нас есть, — спокойно начал Ур Цванг. — По воле нашего брата Тай Ро новым главой становлюсь я. — Он оглядел членов совета и, дождавшись согласного кивка каждого, продолжил: — Вот запись того, что произошло в комнате Тая.

Он включил голограмму.

— Мы видим, что это иномиряне, и они используют немагическое оружие, такое мы нашли при разгроме гильдии. Оно парализует жертву и делает беспомощной. К сожалению, пользоваться им мы не можем, в наших руках оно не работает.

Он включил вторую голограмму и показал на четверых полудемонов, стоявших у входа в лавку.

— Это лесные эльфары под иллюзией. Итак, круг наших противников очерчен. Согласно плану, принятому на прошлом совете, мы должны: первое — уйти на нелегальное положение. Второе — создать группы слежения и захвата прибывающих через порталы хуманов и эльфаров. Третье — добыть информацию от них и направить на Сивиллу специальные отряды для проведения необходимых акций, которые потребуются в дальнейшем. Общее руководство на мне. Командиры групп назначены заранее. Если вопросов и дополнений нет, тогда приступаем.

ГЛАВА 1

Неизвестно где. Степь

Когда боль накрыла меня, я, по-видимому, шагнул за грань, не знаю, что это было, но я назвал это Великое Ничто. Это не была прослойка мироздания, в которой я плыл после своей смерти, это была пустота. Совершенная пустота. С чем ее можно было сравнить? С космосом, в черноте которого находятся планеты и звезды? Но космос при всем своим величии и бесконечности не пуст.

Я же был в пустоте и потихоньку в ней растворялся. «Может, наполню ее собой, и она уже не будет пустой», — подумал я. Но следом пришло отторжение такой перспективы. Зачем мне становиться наполнителем для бездушной пустоты? Все мое естество вопило и протестовало, выкидывая меня из равнодушного небытия, и я шагнул обратно. А может, мне показалось, что я сделал этот шаг. Но ощущение уловил именно такое, пустота не смогла меня удержать, и я вернулся. Открыл глаза, бессмысленно уставившись на белое пятно. Перед моим взором был белый потолок, я лежал на кровати, укрытый белой простыней. Я смог вернуться, на душе стало спокойно и одновременно как-то тревожно от того, что я не помнил себя. Кто я? Что со мной происходит? Где я нахожусь? От хаотично мельтешивших мыслей меня отвлекло то, что сильно зачесались ступни ног, просто ужасно зачесались, мешая думать. Я протянул руку, чтобы почесать ноги, и не понял... Вместо руки у меня была культя по локоть!

— Пришел в себя! — услышал я детский голос рядом с собой. Повернул голову и озадаченно уставился на сидящую девочку в желтом платице, сложившую руки на голых коленях. Рядом стояли два маленьких пацаненка, лет по пять, очень похожие друг на друга.

— Прощай, девочка в желтом платице! — моим голосом, но полным ехидства, произнесла она.

Пареньки захихикали.

— Шиза! — удивился я. Огляделся еще раз, и воспоминания стали наполнять мою душу, как горькая таблетка наполняет неприятным вкусом рот. Память возвращалась ко мне, всплывая из каких-то глубин сознания, постепенно, но все увереннее и увереннее. Я вспомнил, как был на пиру, как купил раба и... попался. Меня заманили, оглушили, четвертовали и чем-то накормили! «Твою дивизию! — подумал я. — Как! Как такое могло

со мной произойти? Я, как ребенок, верящий всему, что ему говорят, попался в примитивно расставленные силки». От нахлынувшей обиды я сморщился... Как глупо и неосмотрительно я себя вел. Мне было до боли стыдно и одновременно обидно. В своей гордости, купаясь в крутизне (а как же, мне нет равных!), посчитал, что мне сам черт не страшен, и попал в простую ловушку. Верно говорят, на всякого мудреца довольно простоты. Я смотрел на девушку в желтом платье — мой ангел-хранитель, симбионт, который предназначен, чтобы оберегать и спасать меня в критические минуты. Где была ее помощь в тот момент? Неужели и на старуху бывает проруха?

— Шиза, как такое могло произойти, что мы оба оказались слабыми и беззащитными перед простыми дикарями? — Я не винил ее. Мне хотелось разобраться в происшедшем и постараться избежать в дальнейшем подобных промахов. — Ты мой ангел-хранитель! Сама знаешь, что меня заносит дальше чем нужно, я не могу остановиться на середине и пру до самого конца, рискуя собой и тобой. Знаешь, что мне самому все предусмотреть и защитить себя невозможно! Я один в этом полном врагов мире.

Я с огорчением смотрел на девочку и ждал ответа.

— Хорошо, что ты это понял, — ответила она. — Значит, не безнадежен. Вот послушай. Орк, который тебя позвал, не знал, что с тобой произойдет. В нем не было проявлений эмоций вражды, и он не представлял опасности. Ирридар, у меня нет своей воли и силы, чтобы направлять твои шаги. Брать власть над тобой и заставлять тебя быть послушным. У нас с тобой на двоих есть только твоя воля, мы живем и руководствуемся исключительно твоими решениями и поступками. Мне нужно твое согласие на установку пакета осмотрительности. С твоей удачливостью вкупе с моими расчетами ты станешь принимать более разумные решения. Я на это надеюсь, — добавила она и с большим сомнением посмотрела на меня.

Я задумался и отвел глаза. Она во многом была права, я частенько не слушал ее рекомендаций. Привык к тому, что мне всегда сопутствовала удача, даже в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. О том, что симбионт не обладает своей волей, знал давно, но не придавал этому значения, считал, что механизм помощи у Шизы включается автоматически. Как оказалось, это не так. Мое слабое место — то, что я живу прежними земными установками. Сначала делаю, потом думаю. Эта черта характера погубила меня на Земле и ввергла в пучину неприятностей здесь, на Сивилле.

— Даю свое согласие, — ответил я и провалился во тьму.

Сколько был без сознания, не знаю, но, когда пришел в себя, рядом все так же сидела Шиза, положив тонкие ручки на коленки.

— Привет, Шиза, как прошла установка? — спросил я. Не скажу, что это меня сильно интересовало, но надо было как-то отвлечься от тягостных мыслей. Мне требовалось понять, где я нахожусь и что сейчас происходит с моим телом. И надолго ли я застрял в таком положении калеки?

— Ты находишься в своем сознании, у меня, можно так сказать, в гостях. Твое тело немного повалилось в овраге, завернутое в ковер, — ответила она на невысказанный вопрос. — Я остановила кровотечение, заблокировала боль, снизив чувствительность на семьдесят процентов. Потом я перенесла тебя на спутник. Рострум залез в скафандр по моей просьбе и положил тебя в медкапсулу. Программу задала я.

— А там, в овраге, меня не могли сожрать хищники, привлеченные запахом крови? — с опаской спросил я. — Как-то не хочется стать кормом.

— Сожрать не могли, я отпугиваю всех животных от этого места, — ответила она.

Я лежал в той же комнате и смотрел в потолок, обдумывая слова девочки. И тут я вспомнил, что лесной эльфар засунул мне в рот какую-то гадость и та проползла внутрь. Меня прошиб холодный пот. Ничего хорошего от насильственной кормежки я не ждал.

— Шиза, а что за убийца такая та лиана, которую мне скормил этот лесной выродок? — повернул я голову к девочке.

Она внимательно посмотрела на меня и, немного помолчав, ответила:

— Эта тоже еще одна странность, произошедшая с тобой.

Ее слова были туманными и малопонятными — то ли все плохо, то ли все лучше, чем могло быть.

— А поконкретней?

Такой пространственный ответ меня не устраивал. Со мной с недавних пор постоянно происходит что-то странное.

— Это, по сути, магический имплантат, сродни мне, но живущий и развивающийся по другим принципам, для его полноценного развития нужно восемьсот энеронов, иначе он сжирает и поглощает своего носителя. Я думаю, это защита от применения его теми, кому он не должен достаться. И это не разработка лесных эльфаров, у него схожая со мной энергетическая матрица. Непонятно, как он к ним попал, но они используют его как ужасную казнь для врагов и провинившихся. Семя, не имея должной энергетической подпитки, потребляет ресурсы того, в кого оно внедрено: всю его энергетику, включая душу. И, не дойдя до полного

развития, превращается в одушевленное растение, заточив в себе душу носителя на долгий срок жизни лианы и обрекая жертву на невероятные муки.

— А в чем странность? — не понял я. — Она же меня не сожрала.

— В этом-то и странность: семя не стало прорасти и использовать твою энергию. Мне показалось, что оно тебя стало изучать. Лиана испускала еле заметные волны, сканируя твоё тело. Я не беспокоилась, так как у тебя есть запас в полторы тысячи энеонов. Потом я закапсулировала семя в пространственный карман, и теперь оно спит. Нам надо решить, будем мы его использовать или выведем из организма? — Она выжидающе смотрела на меня.

— Ты знаешь примерно, на что оно способно? — подумав, спросил я у Шизы.

— Да, — кивнула она, — в нём открыт код с информацией, я его смогла прочитать. Это усилитель физических способностей. Имплантат изменяет кости, сухожилия, мышцы и кожный покров. Он наделён способностью быстрой регенерации, усиления и защиты. Я не уверена, но, по-видимому, он даёт защиту и в открытом космосе, и в огне плазмы.

— Ничего себе! И сколько эта лиана будет жрать энергии, когда полностью разовьётся?

— Смотря в каком режиме. Пассивно — один энеон в круг. При использовании возможностей усиления и защиты — даже не могу себе представить. Но если остаться совсем без энергии, она будет есть носителя, — предупредила Шиза. — Однако... — Она замолчала, выдержала драматическую паузу и продолжила с улыбкой: — Имплантат даёт возможность установить ещё один жаргонит, а это очень ценно. С таким запасом можно действовать и вне закрытого сектора. И это ещё не все, он тоже симбионт и полезен ещё тем, что может отбирать из среды любую энергию и переводить в энеоны, восполняя запасы в накопителях, при условии, что есть проводник от источника энергии к нему. Но осуществлять такую переработку энергий он сможет, только когда полностью разовьётся.

— Какой ещё проводник? — Я получал информацию, которую не успевал осмыслить и переварить. Каким-то непостижимым образом, в результате трагических для меня событий я стал обладателем просто нереальных имплантатов. В открытом мире меня бы посчитали модификантом третьего, а то и четвертого класса. Выше уже не было, я знал, что человеческий организм способен принять два, максимум три имплантата с жесткой перестройкой этого самого организма.

— Проводник, который получает энергию извне и передает ее симбионту. А симбионт получает дар жизни, как и я, а взамен усиливает носителя, защищая его и себя.

— Ладно, с проводниками потом разберемся. Как долго он будет развиваться внутри до полного внедрения? — спросил я и вдруг понял, что задаю несвойственный себе вопрос. Раньше я бы сразу ухватился за возможность усилить себя и только потом стал бы разбираться, во что мне это выльется.

Я посмотрел на довольную Шизу, которая тоже заметила изменения, происшедшие со мной, и с теплотой в голосе сказал:

— Спасибо, крошка!

— Там три режима: медленный, средний и быстрый. У тебя проблема в том, что новый симбионт будет одновременно развиваться и регенерировать твои конечности. Рекомендую поставить средний режим и посмотреть, что получится. Если будет совсем неумоготу, поставим медленный.

— А почему он, а не медкапсула будет меня регенерировать? — Что-то не доверял я до конца непроверенной технологии неизвестных мне создателей.

— Тут видишь какое дело, — ответила Шиза. — Я уже пробовала запустить медкапсулу, но происходит конфликт между лианой и оборудованием. Лиана рассматривается системой как паразит, и система пытается ее уничтожить, в ответ семя начинает защищать себя.

— И что оно делает? — с большим удивлением спросил я.

— Начинает жрать энергию, включается защита, и капсула отключается. Поэтому я закапсулировала семя внутри твоего желудка, создав пространственный карман. И еще один момент, но весьма важный: для того чтобы лиана смогла начать свое развитие, ты должен находиться на планете. Система ввела тебе все необходимые инъекции для быстрой регенерации тканей, и тебя нужно переместить обратно на планету. Я жду твоего решения. — Поведав мне проблемы, Шиза замолчала.

— Давай перемещай, — согласился я и провалился во тьму. Но даже там, пребывая в забвении, я чувствовал, как чесались мои ступни. Тьма ушла, я смог протянуть руку и с истинным наслаждением почесал ноги.

Ноги! У меня были целые руки и ноги, я недоверчиво посмотрел на них и радостно обернулся к Шизе. Вместо нее на меня с удивлением глядел мой новый слуга, снежный эльф.

Последний год у разведчика-следопыта Гради-ила, служившего на

пограничной заставе, был полон неприятностей. Пришел новый командир заставы и стал выживать его с места службы. Погиб его брат, и умерла старая мать. Все ее имущество досталось дяде, брату матери, который и близко не пускал на порог дома племянника. Единственное, что у него оставалось, это тяжелая служба на границе и бесконечные придирки нового начальника.

— Слишком много времени проводишь в горах. Надо еще посмотреть, что ты там делаешь. Не соблюдаешь форму. Не ходишь на разводы. Подрываешь дисциплину своим примером, — выговаривал он разведчику.

Теперь на заставе ходили строевым шагом, учили устав и сдавали зачеты. Все меньше времени оставалось для обхода и защиты границы. Ветераны потихоньку увольнялись, а молодежь границу толком не знала. Гради-ил махнул рукой на придирки и пропадал в горах, все реже появляясь на заставе.

Он обходил участок, закрепленный за заставой на рубеже с лесными эльфарами, дозора из молодых пограничников на маршруте не было. Но зато он обнаружил следы чужого отряда, идущего внутрь территории княжества, а потом нашел тела пограничников, скинутых в расщелину, прикрытые ветками. Всех бойцов уничтожили, сначала обездвигили, потом просто зарезали. Значит, это сделал тот, кого они знали и кому доверяли. Незаметно подобраться даже к молодым пограничникам не смогли бы даже рейдеры леса. Быстро добравшись до своих, он предупредил командира заставы лера Ромаста-ила. Тот молча выслушал, покачал головой и сказал:

— Иди поешь, потом поведешь группу по следу нарушителей. Вот, — он протянул стакан воды разведчику, — ты устал, утоли жажду.

Выпив залпом стакан воды, Гради-ил упал, потеряв сознание. Очнулся он уже в повозке, связанный и с ошейником раба на шее. Его долго везли через горы и продали в рабство оркам. Эльфара не убили только потому, что командир оказался очень жадным и решил заработать на следопыте. Разведчик мог давно свести счеты с жизнью, но на нем висел долг. Долг, который надо было вернуть. И еще сообщить верным эльфарам о предательстве в их рядах. Случилось то, чего он никак не ожидал. Среди снежных эльфаров появились алчные и продажные душонки! И в окружении князя должны об этом знать. Вот что держало и придавало силы следопыту. Он трудился в бронной мастерской племени и делал для орков отличные доспехи, легкие и прочные. Его не трогали и не били, как других, пока в стане не появился странный орк. Заметив Градиила, он что-то прошептал верховному шаману, и тот, посмотрев на снежного эльфара, согласно кивнул головой. Теперь он вместе с другими рабами стоял рядом с

пирующими орками и их гостями, чтобы участвовать в боях с молодыми степными волчатами. В душе его стало пусто, он понял, что не сможет вернуть долг, но осталась еще возможность забрать с собой за грань парочку клыкастых дикарей. Гради-ил отрешился от всего, что происходило рядом. Он уже настраивал себя на смертный, последний бой, как услышал, что его хочет приобрести гость вождя.

С гневом он посмотрел на говорившего с вождем и увидел юношу, который тоже смотрел на него. Было в парне что-то неуловимое и не свойственное заносчивым аристократам людей. А он был явно аристократ. Окинув его оценивающим взглядом, эльфар понял, что паренек был не тот, кем хотел казаться. Под маской простодушного дворянского недоросля скрывался опасный хищник, разглядеть которого Гради-илу помог только врожденный внутренний взор, позволяющий видеть скрытое. А этот парень очень хорошо прятал свою суть. Кроме того, он оказался богатым и спокойно заплатил за Гради-ила сто золотых монет. Еще больше следопыт удивился, когда юноша, сняв с него ошейник раба, отпустил его.

— Почему? — спросил он и получил ответ, которого не ожидал:

— В этом ты должен разобраться сам.

На Гради-иле повис еще один долг.

— Я останусь, — сказал он и надел ошейник раба себе на шею.

Поздно ночью к повозке пришел хмурый и худой маг, посмотрел на эльфара и тихо произнес:

— Твой хозяин не вернется, ты можешь уйти или остаться моим помощником до конца посольства.

— Если позволите, я уйду, — так же тихо ответил разведчик.

— Как пожелаешь. — Маг отвернулся и залез в повозку, больше эльфар его не интересовал.

Гради-ил неслышно растворился в степи. Вот только что он стоял рядом с повозкой, и вдруг его не стало, но этого маг уже не видел, он достал платок и вытер набежавшую слезу.

Пограничник обошел секреты варгов и приблизился к стойбищу. Ему нужна была информация. Он недолго пролежал рядом с часовыми, слушая их разговоры, и двинулся к следующему посту; у третьего костра ему улыбнулась удача.

— Хармун, ты не знаешь, кого на этот раз завернули в ковер? — спросил молодой орк у пожилого. На охрану стойбища орки всегда ставили пару — ветерана и молодого бойца, и в этом был смысл: опытность бывшего воина поддерживалась силой и ловкостью молодости.

— Урзам, чем меньше знаешь о делах вождя и шамана, тем дальше ты

находишься от того ковра, — спокойно ответил ветеран и прикрыл глаза.

Гради-ил отполз от поста и пошел по следам верховых животных орков, среди старых он без труда нашел свежие и волчьим шагом двинулся в степь. Сто шагов шагом, сто шагов бегом, так он мог двигаться без усталости несколько часов подряд.

Следы привели его к заросшему кустами оврагу, от которого веяло чем-то тревожным и заставляло уходить от этого места помимо воли. Походив вокруг, он все-таки преодолел страх и спустился вниз. В примятых кустах лежал свернутый ковер. Размотав его, пограничник вздрогнул. На окровавленном ковре лежал выкупивший его юноша, только у него были отрублены руки и ноги.

Не жалея, сначала подумал эльф и хотел добить паренька его же кинжалом. Но рука не поднялась, она безвольно повисла вдоль тела. И тогда он вырыл ямку, разжег небольшой костер и стал ждать. Чего он ждал? Следопыт не мог ответить ясно даже себе. Отдать последний долг умирающему и не дать сожрать его степным хищникам? Но те близко не подходили к оврагу, даже подземные грызуны покинули его, напуганные волной ужаса, исходящего от ковра, в который было завернуто тело. Раны его уже не кровоточили, они покрылись тонкой пленкой кожи. Под утро разведчик пробудился от дремоты с ощущением потери. К своему ужасу он увидел, что ковер лежит пустой. Юноши с торчащими обрубками вместо рук и ног не было. Он закрыл глаза, досчитал до десяти, открыл глаза... и ничего не изменилось, перед ним все так же лежал ковер со следами запекшейся крови. А парня как не бывало. Следопыт поднялся и, двигаясь по спирали, стал внимательно осматриваться вокруг. Он обошел весь овраг и вылез на край, но никаких следов, указывающих на то, что паренька похитили и незаметно вынесли, не было. Разведчик вернулся к стойбищу и весь день ползал, слушая разговоры часовых. Усталый и расстроенный, он вернулся в овраг, на место, где нашел ковер, и остолбенел. Юноша лежал на том же самом месте и спокойно дышал. Казалось, он просто спит и его не беспокоят боль и раны.

Прошла ночь, прошел день. Парень не умирал и не истекал кровью, разведчику даже показалось, что у того стали отрастать обрубленные конечности. А на второе утро он проснулся от шевеления рядом. Его удивленному взору предстало зрелище, от которого он оторопел. Парень с удовольствием чесал целой рукой свою ногу и был здоров, цел, только очень худ. Он повернулся к разведчику и удивленно заморгал.

— Ты что тут делаешь? — спросил я, рассматривая выкупленного

«снежка».

— Вас сторожу, хозяин, — ответил он, также с удивлением рассматривая меня.

— Долго сторожишь? — Мне было интересно, сколько времени моя тушка провалялась в этом овраге.

— Третий круг, — не убирая удивленного выражения с лица, ответил мой сторож.

Недолго, подумал я. Осмотрелся и остался недоволен. Орки испортили мой костюм, он, да и я сам были в крови, ноги без сапог с розовой нежной кожей. Я снял одежду, достал фиал с эликсиром (воды у меня не было), прочитал заклинание очищения и смочил ладони. В следующее мгновение по телу прокатилась волна истомы и чистоты. Удовлетворенно осмотрев себя, я вытащил из сумки одежду, купленную Марком, походные сапоги и переоделся. Все это я делал под пристальным взглядом эльфа. Вылил на ковер остатки эликсира и очистил его. Потом достал дастархан и выложил снедь.

— Садись, эльф, — сказал я, — поговорить надо. Мы уселись по-орочьи, и я представился: — Меня зовут Ирридар тан Аббаи, я третий сын нехейского барона из рода Гремучих Змей.

Говорил не торопясь, давая собеседнику вникнуть в мои слова. Чем больше я говорил, тем больше выражал удивление его взгляд.

— Я Гради-ил, служил на границе с лесными эльфами, разведчик, был продан своими в рабство оркам.

— Предательство, значит! — констатировал я. — Ты узнал что-то, чего не должен был знать?

— Так и есть, — подтвердил он мою догадку.

Мы спокойно ели, я раздумывал, как мне поступить дальше. То, что я должен отомстить, не подлежало обсуждению. Вопрос стоял, как сделать это намного изощреннее и ужаснее для моих врагов. Вот еще разведчик сидит рядом, с ним тоже решать надо. Но его можно отпустить, дам денег, амулеты, оружие, не пропадет. Значит, сначала надо определиться с ним.

Прожевав кусок мяса и съев пирожок, обратился к эльфу:

— Гради-ил, спасибо за охрану, ты выполнил свой долг и можешь вернуться домой. Я так понимаю, у тебя там долги остались.

Он перестал есть и прямо посмотрел на меня.

— У меня дома никого не осталось, идти сейчас туда — это верная смерть. Прими мою службу и отпусти, когда придет время отдавать долги, — немного подумав, произнес он.

— Не буду скрывать от тебя, Гради-ил, у меня есть тайны, в которые

придется посвятить тебя, поэтому тут нужна клятва преданности или вассалитета. Готов ли ты на это пойти?

Разведчик молча обдумывал мои слова. Этот парень, видать, очень непрост, он никогда не видел регенерации без магов-целителей, при этом он обладал очень маленьким запасом собственной энергии. Таких обычно называют крохоборами за то, что они пользуются крохами энергии, до которой смогут дотянуться. Была в нем какая-то притягательная уверенность в своих силах, отсутствие сомнений и уверенность в своей правоте. Исходящая от него внутренняя сила не подавляла, а приносила успокоение — с таким не пропадешь.

— Ты поможешь мне, когда придет время, вернуться домой и отдать долги? — спросил он, явно ища ответа в моих глазах.

— Помогу, — просто ответил я. — Если ты предан мне, я тоже предан тебе, — вспомнил я фразу, которую произносят нехейцы друг другу, заключая союз.

— Тогда прими мою вассальную присягу, — сказал этот странный «снежок». Наверное, я был единственный разумный неэльфар, у которого в вассалах появился представитель этой расы.

— Принимаю твою присягу, — ответил я. Такая простота во взаимоотношениях «сюзерен-вассал» мне нравилась, ни тебе бумажных договоров с кучей оговорок, ни нотариальных заверений с вензелями. И все придерживаются строгих правил неукоснительно. Да, были плюсы в Средневековье, забыв про римское право решали все просто с помощью меча и слова!

Итак, первую задачу я решил — получил нового отличного бойца. Теперь надо провести ритуал на крови верховного шамана. Собрав остатки еды, я выложил кинжал и зачитал заклинание. Надрезал руку и капнул кровью на клинок, где запеклась кровь моего врага. Прочитал новое заклинание и потянул свою нить, которая образовала кровную связь с шаманом. Есть! Я ее почувствовал. Теперь накладываем заклинание подчинения, в следующий раз надо будет только капнуть капельку и пожелать нужное мне действие, которое исполнит шаман. Но не факт, что сработает, нет полного ритуала подчинения. Пока пусть будет так, а потом посмотрим, решил я. Эльфар тем временем спокойно наблюдал, как я занимаюсь запрещенными магическими действиями.

Гради-ил, согласившись стать вассалом паренька, ощутил внутреннее успокоение. Значит, то, что он сделал, — правильно, а юноша собрал остатки еды убрал в свою необычную сумку с пространственным

карманом. Достал кинжал с запекшейся кровью на лезвии и стал творить черную волшбу. Так он еще и некромант, почему-то очень спокойно подумал эльфара. Его не беспокоили проводимые юношей повсеместно запрещенные практики магии крови. А сюзерен, что-то шепча, капал свою кровь, и лицо его, искаженное оскалом, стало напоминать маску неукротимого хищника. От мурашек, пробежавших у него между лопаток, разведчик поежился. Не хотел бы я стать его врагом, подумал он. Такой всегда вернется, чтобы раздать долги.

— Вальгум, вылезайте, — скомандовал я и увидел, как из сумки потянулось темное облачко. Оно превратилось в хмурого магистра, смотревшего на нас змеиными глазами. Он увидел мои целые конечности, сначала удивился, и из его глаз вылезли четыре змеиные головы, тоже удивленно меня рассматривая.

— Вы целы, прохожий? — всплеснул он руками и облегченно вздохнул. — Мой друг, не пугайте так больше старика! Я только начал новую жизнь, обзавелся товарищами, — он икнул и прикрыл беззубый рот ладошкой, — а тут бац — и вам рубят руки, ноги. Мы, если честно сказать, по вам поминки уже справляли. Вы знаете, юноша, я еще ни разу не слышал в адрес покойника столько добрых слов.

Все это магистр произнес заплетающимся языком, но потом осекся и виновато замолчал. Вид у него был синюшный, как у пропойцы. Ну вот что за слабый характер у магистра! Недаром попал в сеть к своим ученикам, видать, опоили его, зная слабость к вину, и прибили пьяного к кресту.

Он словно прочитал мои мысли, замер и сказал:

— Не выдумывайте, мой юный друг, небылиц. Меня поймали немного выпившим, и только. — Вид при этом он имел гордый и оскорбленный, сложил руки на груди и задрал нос.

Я посмотрел на эльфара. Тот сидел недвижимый, словно ему вставили кол в одно место и прибили к коврику. Он даже не мигал. Я понимал его чувства, магистр получился у Шизы весьма страшным, и, чтобы привыкнуть к его виду, не пугаться его страхолюдности, нужно, чтобы прошло какое-то время, но даже у меня это не сразу получилось.

— Магистр, что, духи тоже начали пить? — озабоченно спросил я. Мне не хватало еще компании духов-алкоголиков. Если один магистр меня частенько забавлял и им можно было попугать других, то компания пьяных духов была сродни стихийному бедствию.

— Мой юный друг, неужели вы могли подумать, что, имея товарищей, я буду пить один, не поделившись с ними! Я дал им иллюзии, — он сделал

жест рукой и говорил, как император Нерон со сцены театра, — и мы провожали вас за грань, как провожают короля. Но, к нашему счастью, все оказалось не так печально. — Он перестал махать руками и с умилением уставился на меня.

Я был поражен и стоял с открытым ртом. Этот иллюзорный маг — создание Шизы, сумел наколдовать иллюзорные оболочки своим собутыльникам. С ума сойти! Какого Франкенштейна сотворили мы с Шизой?! Он научился колдовать, как полноценный маг! И чего ждать от него дальше? Он сумел создать иллюзии для духов. Но вот кого? Этот вопрос был для меня неразрешимым. И тут я услышал прысканье Шизы, она смеялась и фыркала. Теперь я понял, что без этой проказницы дело не обошлось, мне стало немного страшно. Она от меня почерпнула одну черту, от которой я страдал всегда, — авантюризм с неизвестным исходом.

— Пусть покажутся, Рострум, — с тяжелым вздохом разрешил я. А когда они появились пьяненькие и предстали перед нашим с эльфаром взором, я понял, что недооценил Шизу. Рядом со мной, держась друг за друга, стояли и улыбались мессир Кронвальд и мастер Гронд. Я, оторопело выпучив глаза, смотрел на них и не смог бы отличить настоящих от иллюзорных. А эльфар вообще закрыл глаза и отгородился от мира. — Шиза! — застонал я. — Зачем тебе это понадобилось?

— Мне было скучно, — ответила она. — Ты лежал, Рострум пил и горевал, духи кружили вокруг и страдали. Потом я их пыталась развеять, но не смогла, — призналась нейросеть. — И я больше не буду, — произнесла она слова покаяния, которые уже ничего не меняли. У меня в сумке завелись нелегалы, и я ждал от них неприятностей.

— У вас есть лекарство от похмелья? — спросил Рострум.

Я подал ему фиал и, чтобы привести свои чувства в порядок, тоже сел на ковер.

Так мы и сидели, эльфар медитируя, я — задумчиво рассматривая творения Шизы. От них уже никуда не денешься, они привязаны к моей сумке, как джинн к лампе Аладдина. Значит, надо придумать им применение. Раз они снимают у меня жилплощадь и не торопятся иммигрировать за грань, пусть приносят пользу.

— Быстро построились! — скомандовал я, и духи, толкаясь, стали выстраиваться в одну линию. — Рострум, назначаетесь командиром отделения спецназа «Дух». Как поняли приказ? — не давая времени им подумать, спросил я.

— Есть командовать отделением, мой командор! — доложил магистр. Видно было, что тут подобрались служивые ребята, понимающие

толк в дисциплине.

— Доложите о том, кем были в прошлой жизни ваши подчиненные! — приказал я.

— Оба боевые маги снежных эльфаров, — браво доложил магистр.

— Всем в сумку! Вам, магистр, надлежит проинструктировать подчиненных о правилах проживания в казарме. Кто будет нарушать, тот отправится в тюрьму и лишится оболочки.

Духи исчезли, а я в сумке расширил помещение Рострума, чтобы оно способно было вместить троих.

В это время пришел в себя эльфяр, осмотрелся и облегченно вздохнул.

— Привидится же такое!

Я не стал его разубеждать, а обратился к Шизе:

— У меня к тебе вопрос, девочка. Ты разбираешься в шаманских причиндалах?

— Ты о чем? — осторожно спросила она.

— Нам надо разобраться, что делать с тремя посохами шаманов, подумайте с магистром и дайте мне свои рекомендации.

Шиза снова на некоторое время зависла.

— Я пока не могу привыкнуть к тому, как ты изменился; боюсь, как бы мне скучно не стало, а ты не превратился в зануду, — ответила она и, показав мне желтый шарик с плакатом «Не беспокоить», ушла в фоновый режим.

Вопрос, который я задал сам себе уже не в первый раз, — что же или кто же моя нейросеть? Это не бездушный наноробот, внедренный в организм, а живое существо со своим разумом, душой и клетками тела. Она, как и электронные нейросети, обладает теми же функциями: изучение баз, подключение имплантатов усилителей, выход в глобальную сеть и многое другое. Но она живая. Шиза имеет свои чувства, подвержена смене настроений, у нее даже есть чувство ревности, и ей бывает одиноко без носителя. Она, как все живые существа, хочет радоваться и испытывать наполненность жизнью, впечатлениями, эмоциями. Что это — слабость, внедренная ее создателями? Не думаю. Те, кто пошел по пути не технического прогресса, а совершенствования живого организма, понимали гораздо больше, чем я. Значит, надо изучать мою девочку и учиться использовать ее сильные стороны. При всей своей патриархальности этот мир коварен и полон вражды ко мне. Он чувствует чужака, присматривается и не торопится признать меня частью своей реальности. А для меня он не стал полностью моим миром. Можно сказать, я здесь нахожусь на нелегальном положении разведчика. И то, что я еще живой,

заслуга не столько моя, сколько Шизы, и, как мне ни хочется признать, думаю, что еще и Рока.

Я сидел, раскладывая информацию по полочкам, разбирая свой путь и вживание в этот мир, и видел много несуразностей, сотворенных мной, но при этом я еще жив. Кто мне скажет, сколько я еще проживу? Ответа я не нашел, но ко мне пришло понимание истоков вражды сыновей Творца. Это было как откровение — может быть, посланное свыше, а может быть, явившееся плодом моих размышлений и выводов, оформленных слоенным сознанием.

Все дело в том, что братьям стало скучно! Если вечно пребывать в однообразии и бесконечно долго заниматься рутинной, то такая жизнь может надоесть. Скажем так, ты имеешь все что пожелаешь, но это тебе уже не нравится, наскучило, то тогда ты включаешься в игру — кто кого. Весь мир как шахматная доска, но со своими правилами. Один сделал ход, другой сделал ход, и понеслось. Будоражающие кровь всплески адреналина. Победы, поражения, азарт! Кто же я в этой игре? Не надо много думать, чтобы понять. Я неучтенный фактор, который выставил на доску один из игроков. Меня выставили потому, что с другой стороны тоже выставлены иномиряне, но это более солидная фигура — валорны. Наши возможности несоизмеримы. Ведь я всего лишь пешка, самая слабая фигура на игровом поле. А у пешки всего две возможности — погибнуть на размене или пройти в ферзи, но это путь через все поле противника.

«Чего же ты ждешь от меня, кукловод?» — задумался я. Найти ответ на этот вопрос, сейчас или в ближайшее время, как бы выразился Владимир Ильич, «архиважно». Если Рок отвлекает внимание на меня и проводит другую пешку, это одно, и шансы выжить минимальные; если он ждет, какая из пешек займет более выгодную позицию, это совсем другой расклад, тут многое будет зависеть от самой пешки. А в том, что у него есть несколько фигур, я не сомневался. Находясь в своих раздумьях, я не обратил внимания на то, что работаю в ускоренном режиме, зато почувствовал на себе чей-то взгляд и стал озиаться. Эльфар сидел с закрытыми глазами, и сканер не показывал наличия посторонних. Я тоже закрыл глаза и мысленно спросил: «Рассматриваешь меня?» И услышал эхо смеха: «Хо-хо», от которого повалился на спину.

— Вот вернется батька, — проворчал я вслух, — он даст вам ремня. Непутевые!

Чья-то неведомая сила подняла меня и усадила. Потом слегка похлопала по спине. Ну как слегка — я улетел в кусты метров на десять, проделав небольшую просеку в кустах.

Мой кульбит видел Гради-ил и с удивлением наблюдал за кувырками. Отдирая от себя прилипшие колючки, я встретил взглядом его молчаливый вопрос: «Что это было?»

Я пожал плечами и ответил:

— Проверял возможности новых конечностей. Теперь, если ты в норме, у меня для тебя есть задание. — Я уселся на свое место, правда, с небольшим опасением огляделся по сторонам. Кто знает, как еще захочет пошутить его божественность.

— Ты вернешься к посольству. Найдешь магистра — худого, с крючковатым носом — и будешь ему помощником до конца миссии посольства. Кроме того, ты должен будешь защищать его, как меня. Не думаю, что здесь, в степях, у человеческого посольства есть иммунитет от нападений, скорее всего, он распространяется только на посла. У снабженца посольства будешь брать продукты и готовить, я ему заплатил за десять дней вперед. Но если этот жулик будет отпираться, не спорь, оплати ему снова. Вот деньги. — Я протянул кошель с серебром. — Тут двести серебряных коронок.

Я выложил амулеты и оружие на ковер.

— Гради-ил, брони у меня нет, но есть энергетический щит. — Я протянул ему монисто из серебряных бляшек. — Это прыжковый телепорт, это ручной метатель ледяных игл, — подавал я эльфару снаряжение. — Меч восстанавливает здоровье своего владельца после ранения нанесенного противником. Кинжал зачарован на иглы боли. — Я еще раз осмотрел снаряжение и сказал: — Думаю, тебе хватит. Вот еще амулет «примус», — и показал, как он работает, — и пять фиалов лечебного эликсира. Может отрезанный палец восстановить.

Подумал и протянул амулет с пятью торнадо, улучшенный магией крови.

— Этот амулет применяй на крайний случай, для защиты себя и магистра. Очень убойная вещь. Не направляй в сторону союзников. Ну, вроде все, — добавил я.

Разведчик смотрел на это богатство, выложенное перед ним, и не мог выйти из шока. У простого крохобора было снаряжение на тысячи золотых илиров и с такими поражающими магическими свойствами, что перехватывало дыхание, — прыжковый телепорт, меч, похищающий жизнь, он о таком даже и не слышал.

Эльфар взглянул на юношу:

— Теперь я лучше понимаю ваши слова о сохранении тайны.

Он собрал выложенное нехейцем на ковре оружие, амулеты и, не прощаясь, растворился в кустах оврага.

Когда скрылся разведчик, я был сильно удивлен. Гради-ил быстро пробирался через колючий кустарник. Это показывал сканер, но в зарослях не шелохнулась ни одна ветка. «Умеют же!» — восхитился я.

— Рострум, вы протрезвели? — позвал я магистра. Мне не терпелось заслать его в стан врага. Примерный план у меня уже был.

— Вы обижаете меня, юноша! — обиделся бывший Искореняющий и дымкой выплыл из сумки.

— Магистр, давайте правильно выстроим отношения, — напористо ответил я. — Вы начальник в прошлом, если вы вышли на пенсию, то ищите место под светилом в районе теплого моря и отдельно от моей сумки. Если вы еще способны приносить пользу, то я для вас не юноша и друг, а командир.

Голова, утыканная гвоздями, сделала скорбное выражение лица, все остальное было скрыто в дымке. Тот еще любитель спецэффектов.

— Вы, командор, не оставляете мне выбора, я подчиняюсь насилию, — быстро, не раздумывая, ответил он и замер.

— Ну вот и славно. Ваше первое задание — в качестве разведчика проникнуть в стан к оркам, найти верховного шамана и вселиться в него.

Магистр задумался, подняв свои четыре вертикальные буркала к небу.

— Проникнуть, найти, вселиться, — повторил он. — С последним есть проблемы, я не в силах вселиться, если существо в сознании. Оно меня не пустит.

— Я решу проблему с сознанием шамана. Вам нужно будет вовремя зайти и затаиться.

— Хорошо, — согласился он, — передайте тогда нужные сведения через вашего секретаря, что тело готово к внедрению.

— Какого секретаря? — удивился я.

— Секретарь пространственной аномалии Ши́за, — ответил Рострум, — она мне ответы присылала на мои запросы.

— Понятно, — успокоился я. — Все сделаем в лучшем виде.

— Тогда я полетел, — ответил он и исчез.

— Ши́за, вылезай из бунгало, разговор есть, — обратился я к симбионту.

— Уже слышала, — проворчала она, — проводи ритуал связи с шаманом, я скажу, когда его можно будет отключить.

— Подожди, дорогуша, у меня есть вопросы, которые требуют

пояснения, — прервал я ее.

— Ну точно зануда, — проворчала она. — Ты хочешь спросить про сканер?

— Да, я хочу знать, почему на нем не было красных маркеров орка и эльфа, находящихся в шатре!

— Удивительно, как на пользу идут некоторым укорачивания конечностей, — уколола меня чертовка, — сразу в голове прибавляется.

— Ты не девочка, — спокойно парировал я, чем ввел ее в состояние сильного недоумения.

— А кто? — после секундного замешательства спросила она.

— Ты старая Баба-яга под личиной порядочной девочки. Сварливая и глупая.

— Ладно, я была не права, ты мудрый и могучий, — охотно пошла она на попятную. — Шатер оказался закрыт волшбой шамана. Ритуальная магия творится медленно, но действует эффективно. У меня мало знаний по шаманизму, и я пока не знаю, как ей противостоять. Это магия духов. Поэтому мы оба не увидели врагов. А потом было уже поздно. Перенести на спутник твое тело из шатра я не могла, точка привязки оттуда не определялась. А прыгать коротким телепортом можешь только ты, выбирая мысленно направление. Но если тело парализовано, заклинание, которое знаем мы, не сработает. Наверное, так хотели древние или дело совсем в другом... В общем, тут надо разбираться.

— Понятно. — Я был несколько озадачен.

Значит, существует еще магия духов, незнакомая нам. Да, сколько еще неясностей с этой магией! Магия стихий, магия крови, магия хаоса, магия духов, магия природы, пространственных аномалий. Надо будет это учесть в своих дальнейших действиях. И кроме того, я даже не пробовал удрать телепортом. Почему? Неужели впал в панику и затормозил? Странный выверт сознания? Нет. Скорее всего, оно (мое сознание) знало, что заклинание не сработает. Я задумался. Смогу ли я в дальнейшем просчитать варианты своих действий? Совершать прыжки короткими телепортами я могу. На спутник прыгнуть не могу, это делает моя нейросеть, используя телепортационную площадку. Здесь работает эффект прокола материи тонким телом человека. Как, скажем, прокол иглой тонкого листа бумаги. Раз — и ты уже на другой стороне листа, вместо того чтобы ползти по нему до края и возвращаться по другой стороне. Тонкое духовное тело человека проникает в междумирье и открывает проход физическому телу. Проход осуществляется мгновенно. Если телепортационной площадки нет, используется источник внешней энергии

или магическая энергия мага. Степь обширная, на лошади не наскочишься, мне нужны точки привязки в нужных местах степи, но их надо еще определить. Дел много, а времени, как всегда, мало.

Проводив эльфа, я сидел, приводя свои чувства в порядок, выкинул прочь самоедство и решил успокоиться согласно принципу «что нас не убило, сделало сильнее». Что поделать, я из тех людей, что учатся на своих ошибках.

Покинув юношу, разведчик устремился вслед ушедшему каравану вангорского посольства. Двигался он скрытно и умело использовал складки местности. Пусть это удлиняло его путь, но зато он оставался незаметной фигурой на просторах южной степи. Несколько раз он первым замечал орочи разъезды и, лежа в высокой траве, пережидал, когда они скроются за холмами. Следопыт читал следы, как другие читают книги, и находил пути, где не было никаких знаков пребывания орков. Но в то же время он неумолимо двигался за растянувшимися повозками посольства. Забравшись очередной раз в овраг, он замер: здесь он был не один. Сев на землю, он погрузился в транс, его внутренний взор стал кругами охватывать окружающее пространство, пока не нащупал двоих, спрятавшихся, как и он, в густых порослях кустов. Хорошо, что для них он оставался пока невидим. Применив заклинание слияния с природой, он медленно пополз к обнаруженным существам. На небольшой полянке сидело два орка. Присмотревшись к ним, следопыт понял, что это иллюзия. Не прибегая к магическому взгляду, он снова посмотрел внутренним взором, и злая усмешка искривила его красивые черты. Лесные эльфы — рейдеры. Слабые маги, но универсальные бойцы. Могут провести разведку, могут совершить нападение. Но главная их задача — совершить глубокий рейд, нанести молниеносный удар и скрыться. Недостаток магических способностей восполняют амулетами. Значит, у них есть цель в степи, и это уж точно не орки. Гради-ил осторожно вытащил меч и кинжал, активировал прыжковый амулет и мгновенно оказался рядом с противниками. Укол боли, и один завалился в неловкой позе: кинжал, не встретив защиты, пробил ему горло. Второй, не медля, откатился в сторону и включил щит. Новый прыжок разведчика и разрыв дистанции. Атака «вьюгой» снесла щит рейдера и лишила его возможности видеть обстановку; новый прыжок за спину противника, несколько взмахов мечом, восстановленный щит пробит и противник ранен. Укол кинжалом разрушил ослабленную, но быстро восстанавливающуюся защиту противника, и взмах меча срубил голову. Обезглавленное тело рейдера рухнуло ему под

ноги. Напряжение схватки отступило, и пришла дрожь в ногах вместе с усталостью и радость от победы. Вот это снаряжение у парня, довольно подумал Гради-ил, без него он никогда бы не решился на поединок с лесными рейдерами. Те сильные и умелые бойцы, специально натренированные вести бой в любой обстановке и с превосходящими силами противника. Противостоять им в одиночку смерти подобно. На отлов таких двоек выходила группа захвата вместе с магом, и всегда были потери. Он осмотрел тела и собрал трофеи, после чего покинул овраг.

Я сидел, объятый думами, в позе роденовского мыслителя. А что? Проверьте, так лучше думается. Неожиданно проявилась Шиза, до этого тихонько пребывавшая в своем оазисе.

— Агент прибыл к месту назначения; докладывает, что не может проникнуть в жилище объекта, оно закрыто для проникновения духов, ждет дальнейших указаний, — вытащив меня из размышлений, выдала информацию довольная Шиза.

Я усмехнулся; ага, девочка включилась в игру в шпионов.

— Пусть ждет, когда выйдет шаман, и даст тебе знать об этом, — ответил я. — Ты уже придумала агенту оперативный псевдоним? — с ехидством спросил я. Ну вот не удержался от колкости, но я плохо знал Шизу, она четко, по-военному отрапортовала.

— Позывной агента, ушедшего на задание, — «Магистр», — сообщила она и захрюкала, сдерживая смех.

— А что смешного? Позывной нормальный. — Я был в недоумении.

В ответ на этот вопрос у меня выплыло прошение, составленное магистром на мое имя:

«Командор! Я не приемлю ту кличку, которую мне дала ваша секретарь. Я не „законченная пьянь“, я командир боевого отряда и требую вернуть мне звание магистра.

P.S. И если можно, пришлите нам бутылочку белого, чтобы отметить начало службы с моими коллегами.

Командир отряда специального назначения „Дух“, бывший великий магистр ордена демоноборцев Искореняющих Великолепный Рострум Вальгум.

P.P.S. Можно из всего оставить Великолепный».

Скромностью и воздержанием наш магистр не страдает, вздохнул я, и его надо будет как-то держать в узде. Да еще эти боевые маги «снежков» на

мою голову свалились. И как они спелись? Я удивился.

— Шиза, ты все это затеяла, значит, на тебе и контроль за этими тремя бойцами невидимого фронта, — принял я соломоново решение. Кроме того, я хотел знать, что можно сделать с посохами шаманов и духами, запечатанными в них.

— Магистр Великолепный предложил выпустить их всех в сумку. Накрыть стол и провести с ними переговоры, показав им, что в сумке жить лучше, чем в посохе, — ответила серьезным тоном злобная Шиза. — Какое будет ваше решение, мой командор?

— Закопать где-нибудь посохи и сбежать от этого места подальше. — Я был ошарашен перспективами наплыва эмигрантов из-за грани, да еще под чутким руководством Рострума Великолепного Законченная Пьянь.

— Непродуктивное использование ресурса, — не согласилась Шиза. — Их можно запустить на пустые слои сознания, где они обретут новую обитель и смогут быть полезны.

— И что они у меня будут делать? Сорок лет бродить по безводной пустыне? А если захватят мое тело, то стану одержимым. — Я был сильно удивлен такому предложению продуктивного использования ресурсов. Запустить внутрь себя полчище обозленных, замученных духов разумных, я такого даже в жутком сне не мог представить. «Имя мне легион», — вспомнил я рассказы бабушки. Брр, меня передернуло.

— Не так все страшно на самом деле, мы им выделим один слой, который они обживут и сделают из него цветущий сад. Духи это умеют. Если бы у тебя был один слой, как у всех, то да, ты стал бы одержимым, но так ты получишь дополнительные возможности накапливать скрытно энергию, и новый жаргонит не понадобится. А также из них можно сформировать военное поселение и использовать для скрытых акций.

— Шиза, из того, что ты мне сказала, я ничего не понял! Как они будут жить у меня в сознании, переделывать слой и откуда они будут брать энергию и накапливать ее? Ты не бредишь?

— Я не знаю всех ответов на твои вопросы; можно сказать, мне было откровение, как лучше всего использовать подвернувшиеся возможности. Чтобы знать следующий шаг, нужно совершить первый, — ответила она.

— Хорошо, остановимся на том, что я подумаю над твоим предложением.

Становиться сосудом с кучей разных духов, это было превыше того, на что я мог пойти. Пока! В то же время не доверять Шизе у меня не было причин. Поэтому лучше отложить решение данного вопроса на потом, на когда-нибудь. Это чисто по-глуховски, да и что скажут фантомы дедов, они

тоже где-то по пустыне бродят, давно их не слышал. Не растворились, случаем? Но пора заниматься насущными делами. Я надрезал руку, почувствовал нить к шаману и замер в ожидании.

Сарги Улу спал плохо. После казни странного молодого хумана он не находил покоя. Духи, к которым он обращался, хранили молчание. Обдумав ситуацию, он решил пойти к вождю. Там сидел их общий «друг», который помогал им в борьбе за власть и влияние. Этот эльфар сумел убедить муразу, что поможет тому стать великим ханом, и с тех пор они вместе. Шаман ведет беседы с шаманами племен, вождь — с вождями. А несогласных устраняет эльфар. Они по-тихому уже убрали двух противников и подарками да посулами склонили на свою сторону преемников. Шаман встал, поморщился — травмы еще давали о себе знать. Змеиный колдун, с ненавистью подумал он о казненном, была бы возможность, он мучил бы его долго и болезненно, но время поджимало, посольство вангорцев двигалось в ставку великого хана, и его надо было притормозить.

Выйдя из шатра, он огляделся и вдруг потерял сознание, к нему бросились ученики и осторожно подняли.

— Что со мной? — спросил пришедший в себя шаман.

— Вы упали, учитель, — осмелился сказать новый старший ученик.

— Хорошо, я в порядке, отпустите меня, — сказал верховный и живо поднялся.

В шатер к вождю он зашел уже в бодром настроении.

Я пребывал в ожидании, как вдруг пред моими глазами появился мураза Шадлыб Уркуй.

— Здоров ли ты, мой друг? — обратился он ко мне.

Я замер в оцепенении, а голос верховного шамана произнес:

— Все хорошо, вождь.

Так, стало быть, я вижу глазами шамана с помощью магистра, догадался я. И стал слушать. Шаман уселся на шкуры и требовательно посмотрел налесного эльфара.

— В стойбище племени чахоя послезавтра предстоит сбор шаманов, которые поддерживают нас. Но из двадцати племен придут только четыре, там буду я и верховный шаман чахоя. Всего шесть, этого мало для совета, посольство надо задержать кругов на десять-пятнадцать. В племенах Баргчу и Техколо есть наши единомышленники, но заправляют там верные псы Быр Карама. Если до прибытия посольства сменить там

вождей и шаманов, мы сможем продвинуть нужных нам орков. Они уже прикормлены и только ждут, когда освободится место. Среди племен нет полного единодушия по вопросам, куда идти, и колеблющихся мы постараемся перетянуть на свою сторону. Желательно как-то скомпрометировать посольство в глазах племен, и тогда можно считать дело сделанным. Орда пойдет на Вангор.

— Я не зря тебя считал самым умным из шаманов, — ответил эльфар, — посольство мы задержим, мураза выделил отряды бойцов, с ними наши маги. В степь направлены двойки рейдеров, они получают приказ на устранение строптивых.

— Специально, чтобы направить по ложному следу тех, кто будет искать убийц, подбросим что-нибудь, что принадлежит Гремучим Змеям.

— Хорошо, — согласился Сарги Улу, — я пошел собираться, выходим в ночь.

Я закрыл глаза и когда открыл, то увидел, что больше не смотрю глазами шамана, вокруг меня удлинились еле видимые тени и властвовал сумрак. Стрекотали кузнечики, костер, разожженный эльфаром, уже не горел. Осмотревшись, засыпал яму с потухшим костром, замечая следы, свернул богатый и красивый ковер (а зачем добру пропадать), сунул его в сумку и, перейдя в «скрыт», направился в сторону стойбища. Двигался я легко и бесшумно, на ходу вдруг понял, как пользоваться лианой, ставшей моим новым имплантатом. Вся необходимая информация распаковалась у меня в сознании и стала неотделимой частью знаний и умений, как при установке базы. Я был очень поражен тем, что узнал! Часть костной, мышечной и нервной ткани была заменена клетками имплантата. Это живое, почти разумное существо признало меня годным к внедрению и раскрыло свои возможности. Уже не переходя на режим ускоренного восприятия, я мог двигаться гораздо быстрее, чем раньше. При этом не рвались мышцы и сухожилия, а нервная ткань не сгорала в перегрузках. И это существо было всеядным, могло питаться энеронами, могло брать все нужное из пищи, а при нужде закусило бы мной. Но в этом я увидел действие закона равновесия — «за все надо платить».

Кости мои могли иметь прочность титана и гибкость лианы. Для эксперимента я взял и согнул предплечье посередине, вернул обратно и превратил пальцы в острые заточенные клинки, при этом ногти превратились в переливающиеся антрацитовые лезвия. Обалдеть! Я двигался и одновременно замороженно смотрел на них. Мое расслоенное сознание давало мне эту возможность — обрабатывать сразу до десятка процессов. Еще у меня было новое свойство, переводилось оно

приблизительно как «каменная кожа», кожный покров не изменялся, его накрывал тонкий энергетический слой защиты. Даже воздух проникал через эту защиту, как через фильтр. И еще я, как мне казалось, понял главное назначение симбионта-лианы — способность потреблять любую доступную энергию и переводить ее в магическую. Значит, она была создана для возможности использования магии в немагических мирах. У меня захватило дух от открывающихся перспектив. И тут же пришло понимание о сверхсекретности полученных мною знаний. Как же много интересного было собрано на этой планете! Не говоря уже о космических паразитах, запечатанных в холме у поместья Овора. Учитывая только факт наличия матки родафаги, систему надо было закрыть от всего мира. Не дай бог сюда наедут археологи, вскроют гробницу, и наступит конец человечеству, о котором оно даже не подозревает. Но само человечество бесечно обживало новые галактики. А на нашем небе стали гнездиться звезды.

Наступал поздний вечер, и далеко на границе видимости, у рощи, расположился обоз посольства. Гради-ил лежал в высокой траве на склоне оврага. Там в глубине скрывалось три десятка орков, и среди них был эльфар. Разведчик оценивал ситуацию: тут орки и Истинный, они прячутся. Рядом посольство. Значит, ожидается нападение, скорее всего, под утро. Он отполз от края и прыжками телепортов приблизился к окруженному повозками посольству. Стоянку охраняли патрули воинов и несколько скрытых секретов, в одном он увидел воина, который провожал его до повозки хозяина. Воин опрометчиво снял шлем. Недолго думая он телепортировался к бойцу и ударил по голове сзади. Наложил заклятие молчания и связал руки и ноги. Потом привел того в чувство. Увидев, как дернулся усатый боец, он только усмехнулся и тихо прошептал:

— Слушай внимательно, воин, в той стороне в овраге сидит засада — три десятка орков и один лесной эльфар. Их цель — посольство. Нападать будут, скорее всего, под утро. Я тебе все сказал. — Он наложил оцепенение, развязал бойца и скрылся.

Боец, негодуя, огляделся и так же скрытно двинулся к патрулю.

Гради-ил незаметно миновал линию охранения и осторожно приблизился к повозке магистра. Тот сидел у костра и готовил в котелке себе ужин. На появившегося эльфара он только бросил равнодушный взгляд.

— Магистр, — обратился следопыт к магу, — я пришел к вам помогать и стать помощником на весь путь.

— С чего бы это? — все так же равнодушно спросил худой и длинный старик, почти залезая своим крючковатым носом в котелок и смешно водя им из стороны в сторону. Он был недоволен.

— Такова была воля моего хозяина, — ответил правду разведчик, засмотревшись на нос.

— Ты его видел? — В глазах старика появился интерес. — И как он?

— Ему отрубили руки и ноги. Но он был жив, — опять правдиво ответил эльфар, об остальном он по договоренности с Ирридаром умалчивал.

— Мне жаль паренька, — вздохнул магистр, — великий маг-артефактор пропал. Хорошо, эльфар, я не против, будь моим помощником. Юноша еще что-нибудь передал?

— Да, мессир. Примус и слова.

— Говори, — собрался маг.

— На посольство готовят нападение. Я сам видел орков и с ними лесного эльфара, здесь недалеко. Думаю, первое нападение на посольство будет сегодня ночью или под утро.

— Этого следовало ожидать, — подумав, ответил Луминьян. — Союзники не хотят, чтобы орда пошла на Лигирийскую империю, тогда часть орды повернет к лесу. А мы не хотим, чтобы орки пошли на Вангор. Здесь схлестнулись разные интересы. Лучше иметь врагов, чем таких союзников, — добавил он задумчиво. — Ну что же, встретим нападение, — вдруг улыбнулся магистр, и на его лицо упал отблеск костра.

Следопыту почудилось, что губы мага, искривленные в усмешке, перепачканы кровью. Разведчик проморгался и увидел, что на него внимательно смотрят глаза мага, в которых отражаются языки пламени так, словно в них воспламенился огонь войны. «Под стать нехейцу», — неожиданно для себя сделал вывод Гради-ил.

Простому жителю Вангора могло показаться, что ничего не изменилось, все так же горели и дымили костры, вдалеке маячили конные разъезды охранения, но опытный глаз разведчика подмечал детали, непонятные остальным. Исчезли орки, ехавшие с посольством, и только догорающий костер говорил, что тут кто-то был, разъездов стало меньше, и они приблизились к повозкам.

— Мессир, я схожу к снабженцу за продуктами, — сказал эльфар и, не дожидаясь ответа мага, поднялся. Он неспешно пошел вдоль повозок, с усмешкой посматривая на суету и ругань среди посольских, но отошел недалеко, рядом неслышно появилось трое усатых воинов, взявших его в клещи с трех сторон.

— Стоять, эльфар! — тихо проговорил один. — Не двигайся, иначе стрелу получишь в брюхо. Пошли за нами! — приказал он.

Эльфар молча кивнул и исчез, потом появился рядом и бросил лук к ногам воина.

— Этим луком ты угрожал? — спросил он.

Степной варг дернулся, как от удара, и побагровел:

— Что ты сделал с братом?

— Только лук отобрал, — раздался недовольный голос из-за повозки, и на свет костра вышел незадачливый лучник. Подобрал лук и недовольно засопел.

— Я понял тебя, — успокоившись, произнес первый воин. — Пошли, — уже без напора обратился он к разведчику.

В роще их поджидал десяток таких же усатых и ладных бойцов.

— Поговорить надо, — обратился один из них к разведчику. — Я командир отряда «Степные варги» Гаржет Варг. Под моей охраной весь обоз посольства.

— Слуга юноши, которому орки отрубили руки и ноги. Теперь помощник магистра по воле хозяина, — представился следопыт.

— Ты видел студента живым? — хмуро посмотрел на эльфара командир варгов.

— Когда я уходил, он был еще жив, — не вдаваясь в подробности, ответил Гради-ил.

— Почему не добил мальчика?

— Рука не поднялась, — спокойно ответил следопыт и замолчал.

Воин снял шлем, и следом так поступили остальные. Все помолчали, потом водрузили шлемы на голову.

— Что можешь еще сообщить про нападение? — Командир варгов внимательно смотрел на следопыта.

— Я видел в степи рейдеров Истинных. Они пришли по вашу душу. Это нападение первое, но, видно по всему, не последнее.

Варг согласно покивал головой:

— Я услышал тебя, возвращайся к магу.

Гради-ил развернулся и исчез, командир варгов только с завистью покачал головой. Умеют же снежные!

Снабженца разведчик нашел возле повозок, тот сидел в удобном кресле и попивал пиво, греясь у костра. Посмотрев на эльфара, он удивленно спросил:

— Ты кто такой?

— Помощник магистра. Продукты давай.

— А где другой помощник? Молодой который, — еще больше удивился толстяк.

— У орков остался, — ответил следопыт и уставился требовательно на снабженца.

— Жаль, предприимчивый был юноша, — огорчился снабженец. — Условия знаешь?

— Знаю: три серебряка в круг. За первые десять кругов тебе уже заплатили.

— Не вопрос, я своих не обманываю, — ответил жулик, — репутация не позволяет. Держи набор, — и вытащил из повозки большой сверток. — А чего это молодой у орков остался? — поинтересовался он.

— Ходить не мог.

— Заболел, что ли?

— Ноги отрезали, — спокойно ответил эльфар и ушел.

— Вот оно как! — огорченно вздохнул ему в след снабженец. — Жаль, веселый был юноша и деловой.

Я приблизился к лагерю сивучей и, наладив связь с шаманом, затаился.

— Шиза, ты там не конфликтуешь с новым имплантатом? — чтобы чем-то занять себя, спросил я. Она долго молчала, потом озадаченно ответила:

— Он изменил мои клетки вместе с твоими, и я ничего сделать не могла. Теперь, если я отпущусь, во мне будет еще и эта лиана. И я уже не девочка!

— Он что, лишил тебя невинности? — Я был искренне возмущен.

— Дурак! — обиженно ответила она. — Я стала взрослее, причем неожиданно.

— А посмотреть можно? — Мне стало интересно, в кого превратилась девочка в желтом платье.

— Нет! — испуганно ответила она. — Я привожу себя в порядок.

— Что, подмышки бреешь и проводишь эпиляцию волос на ногах? — засмеялся я. В ответ опять появился поганый желтый шарик и повертел пальцем у виска. Все, девушка ушла в фоновый режим, подумал я. Теперь она будет подбирать себе шарфик, к нему сумочку, а потом туфельки и больше ничем заниматься не будет. — Тьфу! — сплюнул я в раздражении от такой перспективы. — Повзрослела она!

Ладно, у меня появились другие, более важные вопросы, которые необходимо обдумать. Мое новое сознание работало не переставая, днем и ночью, как процессор искина, и подкидывало мне пищу для размышлений.

Я не стал сомневаться по поводу выводов, сделанных мной, а просто принял их как отправную точку.

Братья от скуки затеяли опасную игру, ставки в ней — все или ничего. Лишь бы они этот мир не отправили прямиком обратно туда, откуда его собрал их папаша. В этой игре есть свои неписанные правила, и о некоторых из них я, думаю, догадался. Начнем с меня. Рок провел филигранную операцию и выставил мою персону на поле игры, при этом сорвав какие-то планы сопернику. Я появился потому, что появились валорцы. Полагаю, изначально, чтобы предотвратить прорыв демонов в этот мир под личинами жителей верхних миров, Рок создал орден демоноборцев. Курама использовал человеческие слабости — похоть, жажду власти и богатства, желание обрести могущество — и стал незаметно проникать в верхний мир, постепенно развращая его. Искореняющие, наверное, стали эффективным оружием против них, и тогда появились иномиряне, которые внедрились и изнутри разрушили эту организацию. Свои местные, учитывая отношение к ордену со стороны населения, этого сделать просто не могли бы.

Вопрос, на который мне нужно было найти ответ, звучал так: почему Рок не повышибал их с планеты своей могучей дланью и не очистил орден? А ответ тут может быть только один: таковы правила игры. Ни Рок, ни Курама не могут прямо воздействовать на ситуацию, только через фигуры. Курама притащил валорцев, Рок — агентов спецслужбы. Это видимые фигуры, вцепившиеся в глотки друг другу. Есть еще я — маленький неучтенный фактор, малек в пруду с щуками. Но снабженный и снаряженный, как линкор. Очень незаметно я неожиданно для самого себя сыграл заметную роль в борьбе с валорцами. Уничтожил их ячейку темного ковена в Вангоре, лишил места силы и ликвидировал всю их верхушку на Сивилле. Не зря мне эти плюшки попались. А ведь я мог пройти мимо них! Непонятно, почему инициатива у Курамы? Как Рок просмотрел столь масштабное вторжение демонов?

— Ротозей, твою дивизию! Полмира просра... — вслух возмутился я и не закончил слова, ибо почувствовал чье-то присутствие, услышал свист ветра, упал на траву, и надо мной пронеслось что-то, взлохматив волосы на голове.

— Хорошо, был не прав, ваша божественность, пропукал, и не надо драться, слушаюсь и повинуюсь, — поправился я. А мысли неслись галопом, заставляя думать и принимать решения. Как быть мне? Что делать? (Кто виноват, я знал: братья.) И как выжить? Если я просто затаюсь, меня подставит Рок для отвлечения от другой своей фигуры. Если буду

проявлять активность, светиться крутизной, не только руки и ноги отрубят, но и голову.

Почему валорцы не используют достижения своей цивилизации здесь, на Сивилле, например оружие, корабли? Потому что тогда их с полным правом и огромной радостью прихлопнут.

Вспомнились поучения моей бабули, которая прожила сто один год и была верующей. Я тогда был пионером и помогал ей летом в деревне гнать самогон, делать мне этого не хотелось, и я ей выговаривал: «Как ты, верующая, можешь заниматься таким делом», — на что она мне отвечала: «Господь нам завещал, Витюша, будьте просты, как голуби, и хитры, как змеи. Прячь бадью с брагой в подпол, опять участковый идет, окаянный».

Вот и мне придется стать таким же простым и хитрым. А как хотелось решить все просто и громко, со спутника вычислить координаты противника и закидать минами с помощью телепортов. Бац-бац, и дело сделано! Ну вот есть у меня чуйка, что все это закончится неожиданной ревизией станции и моей героической смертью. Значит, все операции я должен продумывать и осуществлять, не вылезая на свет. Не очень хорошо, так как не в моем характере. Я снова надолго задумался. Мне нужен был хоть какой-то план.

Отдав магистру сверток с продуктами, Гради-ил задумчиво посмотрел на мага, равнодушно сидевшего в тени повозки, немного подумал и сказал:

— Мессир, среди орков сильный маг, действовать он будет за их спинами, как поддержка. Я направлюсь к оврагу и, когда орки выступят, постараюсь нейтрализовать колдуна.

— Поступай как считаешь нужным, — ответил Луминьян и залез носом в сверток.

Разведчик развернулся и услышал за своей спиной бормотание мага: «Однако, однако!» Он улыбнулся и скрылся из глаз.

Орки продолжали все так же терпеливо сидеть в овраге, ничем не выдавая своего присутствия, но одна деталь в окружающей обстановке ему не понравилась. У ног эльфа лежало тело, и у него был виден тотем змеи, как будто его специально вытащили на обозрение.

Значит, они хотят всю вину за нападение свалить на Гремучих Змей, подумал следопыт, и тут играют по-крупному. Ставка — направление похода. Нужно понимать, что при таких раскладах лесные эльфы мелочиться не будут, значит, и силы они привлекли достаточные для решения возникшего вопроса. Будет туго, сделал небезосновательный вывод Градиил.

Ночь перевалила за середину, наступал час, когда оковы сна захватывают в свои липкие объятия неосторожных и беспечных часовых. В овраге началось шевеление. По траве поползли тени охотников в сторону повозок посольства, остальные орки подобрались к краю, готовые к стремительному броску. Лесной эльфар остался внизу, ожидая известий от охотников. Внутренний взор следопыта показал, что маг не ставил защиту.

Пора, решил разведчик, и прыжком оказался рядом с ничего не подозревающим магом лесных эльфаров. Захват головы и быстрый росчерк по горлу кинжалом. Уход с умирающим магом на край оврага. Все сделано за считанные секунды!

Гради-ил опять лежал на своем месте и слышал, как сильно стучит сердце у него в груди. Он все проделал быстро, а главное, незаметно для орков, ждущих сигнала на краю оврага. Рядом истекал кровью маг. Умели древние делать артефакты, подумал облегченно снежный эльфар. Вот орки поднялись и, пригнувшись, устремились к беспечно спящему лагерю людей. Но когда они приблизились к повозкам, в небо взлетели осветительные шары, затопив своим светом окружающее пространство. Наступающие на несколько рисков ослепли и споткнулись, остановившись недалеко от лагеря. В то же мгновение в их сторону полетели стрелы и огненные шары, атака была неожиданной и результативной. Половина нападающих была выбита сразу, остальные спешно повернули обратно. А им навстречу поднялись такие же орки, но за их спинами стояла шаманка с жезлом в руках. Завизжав, наступающие отчаянно бросились на жидкую цепочку встретивших их Гремучих Змей. Завязалась яростная рукопашная схватка, перешедшая в поединки. Бьющихся бойцов окружили «Степные варги», не вмешиваясь в борьбу. У орков всегда так было. Каждый стремился показать свою удаль и доблесть. Вмешаться в поединок значит нанести оскорбление, опытные варги знали это и следили только за тем, чтобы кто-то из напавших не сбежал. Три здоровенных орка из числа врагов вдруг объединили усилия и атаковали одного воина змей. Они быстро расправились с ним и кинулись на шаманку. Но, не добежав до нее, со стоном упали на смятую и покрытую каплями крови траву. Их груди были разворочены так, словно их насквозь пробил упавший с неба небесный камень.

Не успевшая удивиться орчанка бросилась к поверженному воину и быстро влила тому в рот эликсир. Схватка затухала, врагов оставалось все меньше, никто не сдавался и не просил пощады. Скоро нападавшие были повержены, и варги, обыскав трупы врагов, не нашли среди них живых и раненых, что их удивило. Еще больше их удивило, когда к ним притащили

тело лесного эльфа с перерезанным горлом. Командир «Степных варгов» с уважением посмотрел на шаманку, а та удивленно вскинула на него глаза, но промолчала.

Гради-ил дождался атаки и, когда началась схватка, телепортировался за спины атакующих орков. Вместе с собой он прихватил тело эльфарского мага. Лежа в невысоких кустах, он применил «слияние» и смотрел за битвой, его вмешательства не требовалось. Но неожиданно события повернулись по-другому, в нарушение своих же традиций тройка здоровенных орков объединилась, и они вместе атаковали одного противника, быстро с ним разделились и устремились к шаманке. Сам от себя того не ожидая, разведчик выставил руку с браслетом из костей и выстрелил ледяными иглами три раза. Он действовал не раздумывая, на одних годах отработанных рефлексх. А потом часто заморгал, увидев результат. Иглы попали всем троим в грудь и оставили огромные дыры в телах орков. «Так кто же ты, загадочный юноша, у которого имеются такие магические артефакты?» — подумал он и скрылся по направлению к лагерю посольства.

Раздвигая столпившихся воинов, в круг вошел худой магистр, он осмотрел эльфа и, пробурчав: «А трофеев у него нет», — развернулся и под хмурыми взглядами воинов удалился.

Варги с интересом взглянули на шаманку, а та, недоумевающая, смотрела на убитого эльфа и гадала, где же, в самом деле, его снаряжение? И с усмешкой сама ответила на этот вопрос: оно у того, кто убил мага. И кто это может быть? Варги думают на нее, а она не знает, о ком думать. Это мог быть ОН, но тот, о ком она старалась не думать, мертв. Или не мертв?! Эта мысль ударила по нервам. Она задумчиво помогла брату подняться и повела его в лагерь. Проходя мимо повозки мага, она увидела нового помощника, который вдруг неожиданно появился в их лагере. Снежный эльф! Как говорили люди, его выкупил малыш, перед тем как погибнуть или скрыться, не оставляла ее назойливая мысль.

У костра шаманку встретило скорбное молчание, на земле лежал ее гонец к Быр Караму. Эти шарныги,^[1] подумалось ей, перехватили посланца и убили, потом хотели нападение свалить на Гремучих Змей. В ее сердце мгновенно вспыхнула ненависть.

— У, тох ра мырукан валлид! — произнесла она ругательство на древнем забытом языке орков и приказала: — Готовьте к погребению родича.

Лагерь, проснувшийся от шума схватки, бурлил, посольские высказывали свое громкое возмущение, слуги хаотично носились,

выполняя приказы своих хозяев.

Ленея шла сквозь эту бестолковую суету к повозке магистра. Проходя мимо роскошного шатра посла, она увидела графа, стоявшего с задумчивым видом у тела эльфа.

— Подойди сюда, шаманка, — позвал ее посол. — Где был этот эльф, когда вы его убили?

— Мы его не убивали, господин граф, — не стала обманывать посла девушка и, заметив его удивленный взгляд, добавила: — Его нашли среди убитых орков, за их спинами.

— Если это не вы, тогда кто? — Граф стал еще более задумчивым.

— Не знаю, может быть, степные варги? — сделала предположение Ленея.

— Может быть, — повторил за ней посол. — Или кто-то еще, — и потерял к орчанке всякий интерес.

У повозки магистра дремал снежный эльф, сидя на седле. Он открыл глаза и поднялся, слегка поклонившись орчанке.

— Что угодно госпоже? — произнес он.

— Это тебя выкупил малыш? — спросила она и уселась на траву. — Поговорить надо.

— Я внимательно слушаю вас. — Глаза снежного эльфа, казалось, проникают ей в душу и видят ее потаенные мысли. Он тоже уселся и стал ждать.

— Ты видел своего хозяина? — спросила она и уточнила: — После того как он исчез.

— Видел, — равнодушно ответил он и замолчал.

— Какой он был? — Слова давались ей с трудом.

— Без рук и ног, — не скрывая, ответил разведчик.

— Ясно. — Девушка поднялась и ушла не попрощавшись. Значит, все-таки мертв, простившись с неожиданно вспыхнувшей надеждой, подумала она.

Я до глубокой темноты ждал, когда верховный шаман сивучей отправится в свою поездку, и все-таки дождался: десяток всадников на быках с темнотой покинули лагерь и отправились на юг, вглубь степи. Я следовал за ними на отдалении, не приближаясь и не выпуская их из поля действия сканера. Всю ночь без остановки мы пробирались по густым и сочным травам, и только ночные звезды были нашими неизменными спутниками. Под утро шаман и его ученики заехали в широкий овраг и остановились отдохнуть. Видно было по всему, что они не тронутся в путь,

пока не наступит темнота; почему они скрывались, я мог только догадываться. Сидеть и сторожить орков у меня не было необходимости, как и желания кормить муравьев, ополчившихся на меня тоже. Поэтому я сказал Шизе:

— Давай отправляй нас на спутник. Подождем орков в более подходящей обстановке, — и сразу оказался в помещении техников. Сев за управление искином, увидел входящее сообщение:

«Ваша милость! К нам поступило предложение от планетарного правительства колонистов. Они просят пятьдесят базуниверсального пилота с рассрочкой выплаты на шесть месяцев. За это они готовы оплатить по сорок пять тысяч кредитов за каждую базу. Договор о намерениях прилагаю. Также готов выслать десять процентов предоплаты за базы.

Подданный ее высочества дамы Хомо Шизы — Бран Швырник».

— О как! — изумился я. Целых пятьдесят баз пилотов по сорок пять тысяч кредитов. — Что скажешь, детка? — спросил я Шизу, но та ушла в глубокое подполье и молчала.

Видно, бигуди накручивает, вздохнул я. Или сумочку выбирает, пришла мне мысль. С нее станется магазин создать, вон пруд, бунгало и сад смогла. Как бы не возникли проблемы созревания у повзрослевшего симбионта. Как решаются эти вопросы у девушек, я не имел представления, но предполагал, что меня может ждать мало хорошего.

— Для тебя стараюсь, — прервала мои мысли Шиза.

А вот тут мне по-настоящему стало страшно. Эти слова я впервые услышал из уст своей будущей жены, и после этого она затащила меня в загс. Еще не хватало жениться на своей собственной нейросети, я вспомнил свою шутку, и меня пробрал холодный пот. Стряхнув наваждение, навеянное словами Шизы, я сел клепать базы. Вообще-то этот процесс был полностью автоматизирован. Через медкапсулу пропускалась программа, ей присваивался новый ключ, и вылезала дискетка, уже аккуратно запечатанная в бокс. А я сидел и делал вид, что работаю. От скуки связался с Браном.

Дремавший дилер восторженно воскликнул: наконец их милость появилась.

— И чем таким важным можно заниматься в княжестве, состоящем из одних камней в космосе? — проворчал он и тут же заткнулся. Их милость,

как будто прочитав мысли Брана, написал:

«Бран, высокое начальство было занято решением политических вопросов совершеннолетия ее высочества. Но если ты думаешь, что мне тут приходится отдыхать и плевать в потолок, то это последняя глупая мысль, пришедшая тебе в голову. Потому что она тебе больше не понадобится. Вместе с приветом высылаю подписанный договор о намерениях. Жду предоплаты.

Вурдалак Землянский».

— Ты чего задержался? — повернулась к нему жена, с удивлением смотревшая на побледневшего дилера.

— Его милость привет прислали, — заикаясь ответил он, — и предоплату просят.

Женщина посмотрела на его дисплей и радостно всплеснула руками:

— У нашей княгини такое событие! Надо срочно собрать совет и поздравить правительницу, а также приготовить ей подарок. — Она вскочила и, запричитав: — Сколько дел! Сколько дел, — скрылась из комнаты.

Бран остался сидеть с открытым ртом. Что случилось с его женой после смены гражданства? Какие такие дела? Что за подарки? Он только махнул рукой и перевел его милости обозначенную сумму, с опаской смотря на дисплей, как будто оттуда мог вылезти суровый управляющий и оторвать Брану голову. Но в то, что у его милости рука не дрогнет, он верил. Чтобы разобраться, как выстраивать отношения с аристократами, он просмотрел кучу исторических файлов, и то, что нашел, не вселило в него оптимизма. Выходило так, что самодержец был полноправным владельцем земли и своих подданных. У него было даже право первой ночи. Слава космосу, что Бран уже женат и эта участь его жене не грозит, но, когда он поделился мыслями с Гариндой, та только фыркнула:

— Подумаешь, нашел проблему! Да все наши девочки готовы оказать такую... — она на секунду замялась, подбирая выражение, — такую милость его милости, — и отвернулась.

Мучаясь своей неполноценностью, страхом и ревностью, Бран осмелился написать письмо его суровой милости.

Я засыпал под мерный тихий гул аппаратуры, когда увидел уведомление о переводе двухсот двадцати пяти тысяч кредитов на счет

Шизы, а следом письмо с необычной просьбой.

«Ваша милость, не велите казнить, а велите миловать»,

— начиналось прошение. Он что, сказок на ночь перечитал? — удивился я и стал читать дальше.

«— Я очень прошу Вас разъяснить положение о дворянстве в Новоросском княжестве. За какие заслуги или деньги можно стать человеком благородного сословия?

Подданный ее высочества дамы Хомо Шизы — Бран Швырник».

Сильно озадаченный таким вопросом, я стал чесать затылок. Вот оно как получается, народ дворянства жаждет. Ну что же, стремление полезное и нужное, согласился я. Потом написал ответ.

Дилер, получив входящее сообщение, долго не решался открыть его. Ему казалось, что, сделав это, он увидит разгневанное лицо его милости, тот протянет руки и отдаст ему бомбу или прикажет прислать ему координаты помещения, где он находится. Вытерев платком пот со лба, Бран трясущимися руками открыл ответ. Сначала у него глаза полезли на лоб, потом он чуть сознание не потерял. Потом его стал сотрясать нервный смех.

«Бран! Стремление стать человеком благородного сословия достойно всякой похвалы. Все аристократические семьи начинались с простых людей. Это их потомки стали благородными по происхождению. Чтобы заслужить право стать благородным человеком, нужно совершать благородные поступки или подвиги. Например, убить мечом дракона, похищающего девственниц...»

Рядом была приложена картинка трехглавого дракона, у ног которого лежала обнаженная девушка.

Это где такие водятся? Дилер замер от подобной перспективы получения дворянства.

«...Или совершить ратный подвиг, отстаивая независимость

своей Родины от нашествия врагов, и, если останешься жив, получишь рыцарский пояс...»

Бран всхлипнул, судьба приготовила ему смерть или в бою с драконом, или в битве с пиратами за пустые камни в космосе. Ему стало жалко Гаринду, а потом себя.

«...Но служба на благо государства бывает не только военной, она измеряется той пользой, какую приносит соискатель благородного звания своему государству и государю. Заметь, не только государю!»

Бран облегченно вздохнул: у него есть шанс быть полезным Новоросскому княжеству. Но потом он перешел к «Кодексу чести благородного сословия Новоросского княжества».

«За нарушение кодекса наказание одно: провинившийся должен сделать себе харакири — взять кинжал чести, который ему дается при получении дворянства, и зарезаться, чтобы кровью смыть позор с себя и своей семьи».

Таково было вступление, и Бран начал терять сознание. Но что вызвало у него нервный смех, так это сам кодекс.

Я недолго раздумывал над составлением кодекса дворянства Новороссии и написал:

«Хранить верность государю и княжеству. По принципу — ты верен княжеству, оно верно тебе!

Не уронить достоинство благородного человека и не посрамить честь государя».

И все.

«Бран, ты был первым, кто откликнулся на призыв Новороссии, и в качестве поощрения и награды княгиня Новоросская дама Хомо Шиза производит тебя в дворянское сословие. Для получения титула барона у тебя должны быть в собственности земли. Как полномочному послу княжества я поручаю тебе выкупить земли на планете колонистов в счет

оплаты за базы, после этого княгиня выделит тебе земли. Для получения баронства вышли свои координаты для пересылки баз и кинжала чести».

Прочитав про точные координаты, Бран вздрогнул, вспомнив судьбу юридической конторы, но, поразмыслив, подумал, что его милость не будет взрывать невинных, а придет кинжал для «харакары».

Когда вернулась Гаринда, она увидела мужа, держащего в руках большой ножик в стекляшках, на его голове красовался обод с тремя зубцами.

— Ты куда так нарядился, чучело? — спросила она.

— Гаринда, нас возвели в дворянское сословие, я теперь барон, а ты баронесса. Нам дарованы земли на новой планете, а кинжал чести и баронская корона стоят сто тысяч кредитов, это минимум, — ответил новоявленный барон. — Я уже узнавал у оценщика.

— Да ты что! — воскликнула Гаринда. — Давай тогда ножик продадим.

— Ни в коем случае! — воскликнул Бран и прижал кинжал к сердцу. — Я должен буду им зарезаться!

Я спокойно отдыхал, пока печатались базы, но меня отвлек новый вызов. Недовольно глянув, увидел, что это неугомонный Бран прислал новое сообщение. Когда я начал читать, то мой сон как рукой сняло, да и было отчего возбудиться. Бран прислал купчую на землю на планете 3,62, код 4,12, самоназвание — Суровая. На этой планете Шизе принадлежал материк размером с Африку, в экваториальной зоне материка был выделен кусочек размером с Белоруссию.

«Прошу выделить мне для баронства эту землю и прислать все необходимое. Человек благородного сословия Бран Швырник».

Каков проныра! Мне оставалось только покачать головой. Пришлось снова садиться за «бумажную» работу. Составил грамоту на присвоение титула барона, указал, что сие дано за особые заслуги по расширению границ Новоросского княжества. И не подкопаешься: я присвоил только кучку космического мусора, а Швырник добыл половину планеты почти даром. Пошарил в сумке, нашел золотой обод с камнями и выбрал красивый кинжал. Не поленился и напечатал на специальной бумаге саму

грамоту, на ней к его титулу, имени и фамилии приписал: барон Бран Швырник Проворный и девиз нового дворянского рода — «Добывать и приумножать». Позаботился о гербе, на котором изобразил маленького орла, держащего в лапах золотой рубль, — слизав рисунок с илира. Полубовался и вместе с базами отправил соискателю.

Где-то в Инферно

Наконец свершилось то, к чему он так долго и целеустремленно шел. Прокс смотрел на пейзаж нижнего слоя Инферно и не мог его отличить от того, что он видел на Сивилле. Такие же реки и леса, трава и цветы, птицы летают, дороги вымощены камнем. Вдохнув, он надел ошейник раба, взвалил на спину мешок и, опутив глаза, двинулся вместе с краурами в середине каравана.

Они вышли почти у домена князя тьмы Цу Кенброка и направлялись в его столицу.

Сканер перестал работать и выдавал только серую рябь. Посмотрев магическим взором, Прокс чуть не ослеп: везде мелькали, взмывали ввысь и лопались, как протуберанцы на звездах, сполохи энергии. Надо быть поосторожней, сказал он сам себе и перешел на нормальное зрение.

Столица княжества напоминала захудалый поселок без стен. Только на горе над ним возвышался черный величественный замок властителя домена — символ его власти и могущества. Караван прошел к невзрачному постоялому двору, но войти не смог: у ворот его поджидал отряд демонов во главе с повелительницей хаоса.

— Приветствую тебя, Жаркоб, — с восхитительной улыбкой обратилась она к караванщику. — Значит, глупая Шардана не смогла тебя остановить!

Она стояла почти обнаженная, в короткой юбочке и безрукавке, сквозь большой вырез которой проглядывали два восхитительных полушария, и в высоких черных сапогах, плотно облегающих ее стройные ноги. Своим хлыстом она стучала по правой ноге, и только это выдавало ее сильное волнение.

— Я пришла поговорить и договориться. Тебе нужны дети, мне — предатель, что скажешь?

Неожиданно в центре ее лба образовалась маленькая дырочка с запекшимися краями. Улыбка медленно сошла с ее невообразимо красивого лица, и она рухнула на землю. Демон на маленькой лошадке скосил глаза на хумана, тот держал в руках свое оружие, наставив его на стражников.

— Могли бы договориться, — проворчал он. — Забирайте госпожу и прочь отсюда, — властно скомандовал воинам, и те с опаской подняли тело демонессы. Не обращая больше внимания на караван, они быстро удалились. — Прикажи своим сенгурам, чтобы выгнали всех с постоянного двора, скоро надо ждать самого предателя, — приказал он и преобразился.

Теперь перед Проксом стоял такой же властный демон, каким был он, когда попал в круг призыва демонопоклонников. Сенгуры вошли вовнутрь постоянного двора, и скоро оттуда раздался возмущенный вопль, а следом стали вылетать его обитатели. Они кувырком катились по двору, проклиная нежданных обидчиков. Последними вышли тени и вынесли тело самого непонятливого постояльца, вытащили со двора и бросили на дороге. Почти сразу брошенное тело обступили тверды и рыча принялись рвать его на части.

— Постоялый двор свободен, дорогой, — подошла к Алешу Листа.

— Заходите внутрь, — все так же властно приказал караванщик и один остался у входа.

Прокс расположился у окна, на его руке был станер, на подоконнике лежал готовый к бою бластер. Сам он надел броню космического спецназа и опустил забрало. Долго ждать не пришлось — около двора начали появляться вспышки огня, и из них стали выходить демоны, окружая постоялый двор. Следом появились две демонессы и за их спинами огромный красный демон.

— Жаркоб, какими судьбами тебя сюда занесло? — улыбаясь во весь свой зубастый рот, прогрохотал он. — Говорили, что ты навсегда покинул слой властителей.

— У меня похитили сына и дочь, и я узнал, что они у тебя, Варшарг. — Караванщик говорил отдельно и даже как-то медленно; наверное, оставаться спокойным ему было очень трудно.

— Так в чем проблема? Забирай детишек и отдавай мне свой следящий артефакт, — снова с улыбкой ответил огромный демон.

— Мне нужны все дети, которых вы захватили в Брисвиле.

— Нет проблем, вернем всех, вернее, тех, кто еще жив, — засмеялся демон за спиной демонессы, и в это время рядом с караванщиком без всяких вспышек оказались две суккубы, они сразу положили руки на плечи караванщика, и он обмяк.

Прокс сплюнул: договорился он! Что такое суккубы, он хорошо изучил еще в управлении и понимал, в какую беду попал караванщик, его бдительность усыпили посулами и атаковали оружием, от которого у него не было защиты.

Алеш быстро перевел станер на широкополосный режим и ударил разрядом по стоявшей недалеко от окна тройке. И суккубы и демон как мешки свалились на землю. Перехватив бластер, он открыл неприцельный огонь по демону и демонессам, одна сразу упала, истекая кровью, другая мгновенно скрылась, оставив главного краснокожего гиганта одного. Вспышки бластера слились в одну очередь и догнали пытавшегося скрыться демона, повредив ему ногу. В следующий момент он исчез в огненном всполохе телепорта.

Варшарг хорошо понимал, чем ему грозит раскрытие его предательства и сговор с другим князем, поэтому, получив отпор и ранение, он не стал возвращаться в замок, а телепортом ушел к отряду своих наемников. Сильно хромая, он двинулся к лагерю, но его удивленному взору предстала картина множества мертвых тел, уже сильно тронутых разложением. Отряд был уничтожен вместе с демонессой, которую он послал сюда.

— Кого-то ищешь? — услышал он голос и обернулся: рядом стоял простой смирт, которых в незапамятные времена частично уничтожили, принеся в жертву Кураме. А часть перебралась на Сивиллу и жила там, скрываясь ото всех.

— Ты знаешь, что тут произошло? — хриплым голосом спросил демон.

Он уставился своими красными глазищами на маленькое существо, за поясом которого находился хлыст повелительницы хаоса. От его взгляда всегда приходили в трепет. Но на этот раз смирт засмеялся, не выказывая испуга, и сказал:

— Конечно, знаю, тут принесли жертву Кураме. — Продолжая довольно смеяться, он спросил: — Ты хочешь ему служить?

— Курамы нет, — рыкнул демон и протянул лапу, чтобы схватить наглеца. Но тут силы оставили его, и он упал на колени, так и оставшись без движения с протянутой рукой, на которой скрючились пальцы.

— Курамы не было, но он вернулся, — громким шепотом произнес смирт и, подойдя к коленопреклоненному демону, погладил того по рогатой морде. — Я вернулся, Варшарг, — и прижался лицом к морде демона. — Ты хочешь мне служить? — прошептал он на ухо гиганту. Тот даже стоя на коленях был выше смирта.

— Хочу, господин! — с надеждой в голосе ответил демон.

— Тогда скажи: «Курама, прими эту жертву», — ласково произнес малыш и нежно погладил Варшарга по щеке.

— Курама, прими эту жертву, — прорычал демон и в ужасе ощутил, как его душа покинула тело и зависла над ним. Он видел, как упало тело маленького смирта, как раскрылась его пасть, и, отчаянно закричав: — Не-э-э-эт! — он втянулся в ненасытную глотку и исчез.

Демон поднялся, довольно осмотрел свое тело и не оборачиваясь захромал в сторону холмов. Он был доволен, новое тело было лучше старого.

Стражники, которые заявили вместе с сбежавшим демоном, после бегства последнего тоже рассеялись, на дворе остались только караванщик и суккубы.

— Листи, пошли! — приказным тоном позвал девушку Алеш и вышел с постоянного двора. Двумя выстрелами он добил суккубу и подошел к лежащему демону.

— Ты, Жаркоб, стал слишком человеческим, — сказал он, склонившись над лежащим без движения демоном, влил ему зелье, снимающее парализацию, и поднял его голову. — Как ты мог поверить предателю? — Тон его был спокоен, но в нем слышались нотки осуждения.

Листи подошла и стала водить рукой над телом караванщика. От боли того выгнуло в дугу.

— Не надо, — попросил он, — я не выдержу, стар я.

Во дворе вспыхнуло пламя, и из него вышел простой, но очень черный демон. В руках он держал двухлезвийный топор, сравнимый с ростом демона. На его голове были большие толстые рога, между которыми пробегали искры.

От ощущения неотвратимой беды и опасности Алеш мгновенно перешел в боевую форму метаморфа и принял облик демона. Листи охнула. А следом на них троих обрушилась «скала». От силы черного Прокса и Листи согнуло к земле и припечатало. Алеш почувствовал, что, если демон приложит еще немного усилия, его раздавит в лепешку. А черный демон подошел и остановился рядом с ними.

— Жаркоб, — прогрехотал его голос, — ты решил объявить мне войну?

— Нет, властитель, я пришел предупредить тебя о предательстве Варшарга, — караванщик хрипел, с трудом выдерживая давление.

— С чего бы такая доброта? — усмехнулся черный и ослабил напор.

— Варшарг похитил детей членов братства и отдал их на мучения, я прибыл договориться, — уже спокойнее произнес караванщик.

— Эти с тобой? — показал топором на Прокса и Листи властитель.

— Да, — подтвердил лежащий демон. — Мужчина иномирянин, и у него есть к тебе дело.

— Иномирянин с телом демона? — задумчиво проговорил князь. — Ты знаешь, кто я? — спросил он Прокса.

— Цу Кенброк, один из князей тьмы, — почувствовав некоторую свободу, ответил Алеш.

— Ну что же, приглашаю вас троих в свой замок, — сказал демон, и они мгновенно оказались в большой зале.

ГЛАВА 2

Спутник. Степи орков

Планета, на которой мы с Шизой купили материк, не зря называлась Суровой. Сила тяжести на ней была в полтора раза больше, чем на Земле. Пригодные условия жизни были только на экваторе, и на планете господствовали ураганы.

Ветра огромной разрушительной силы были тут истинными хозяевами. Поднимая огромные волны океанов, они проносили их по побережью, уничтожая всю живность и растительность. Вся природа, казалось, ополчилась на смельчаков, рискнувших организовать здесь свою колонию. Но, несмотря на трудности и опасности, колонисты жили, работали и боролись со стихией и пиратами. Они поставили купола и глубоко зарылись в землю, организовав добычу полезных ископаемых. Они не добывали железо, медь или нефть, они добывали редкоземельные элементы и металлы, которые использовались для производства нейросетей, искинов и реакторов и многого другого. И как только пошла хорошая прибыль, появились стервятники.

Первыми прилетели чиновники конфедерации с предложением вступить в нее. Получив отказ, улыбнулись и улетели. За ними появились пираты и заблокировали транспортное сообщение. Колония была поставлена на грань выживания. С пиратами надо было что-то делать.

Разделавшись с накопившимися делами в княжестве и решив все вопросы быстро и без волокиты, я махнул рукой и вслух произнес:

— А, ладно, дело житейское. Оно само или срастется...

— Или не срастется, — ехидно добавила появившаяся Шиза.

— Что, привела себя в порядок, мадам? Перышки почистила и готова к randevu? — тем же образом ответил обнаглевшему симбионту я.

— Еще нет, — каким-то томным голосом с придыханием ответила Шиза. И я сразу насторожился. Не к добру это!

— Крошка! — обратился я к ней, чтобы расставить все точки над «и». — Не надо ради меня стараться, мы все равно не станем мужем и женой. — И дальше как можно ехиднее добавил: — Как ни старайся, я не собираюсь заниматься разным непотребством в своей собственной душе.

— Дорогой, тебе нужна забота и ласка, тебе нужна надежная пристань, где ты можешь всегда расслабиться и найти отдых и покой от службы. Тебе

нужна настоящая любящая женщина, которая устроит твой быт, создаст уют и будет воспитывать твоих детей.

Я обмер, она говорила почти словами тещи, которая уговаривала меня жениться на беременной Люське, только та еще добавила: «Женись, сволочь, или партбилет на стол положишь!»

От таких заявлений у меня задергался правый глаз, и я прижал его рукой. Потом создал свой шарик с плакатом в тоненьких ручках — «Не беспокоить» и услышал громкий смех проказницы.

— Что, страшно стало?

— Стало! — согласился я, потому что не смог скрыть своего опасения.

— Мы потом вернемся к обсуждению этого вопроса, — важно произнесла она и перебросила меня в степь.

В степи гулял прохладный ночной ветер, качая кусты и траву. По небу плыли облака, низко нависшие над головами, и я подумал, что намечается дождь. Шаман и его команда уже были в седлах и вот-вот должны были тронуться в путь.

Всю ночь мы двигались какими-то странными зигзагами и к утру приблизились к стойбищу еще одного племени.

Стало быть, это и есть племя чахоя, рассматривая раскинувшийся лагерь орков, подумал я. И тут, и у сивучей было приблизительно по пять-шесть тысяч повозок, часть племени двигалась отдельно, чтобы прокормить животных. Тогда в племени будет примерно тысяч двадцать орков, из них пять-семь тысяч мужчин. Всего двадцать племен — это сто тысяч воинов, из них тысяч двадцать пять молодых берсерков, которые отправятся набегом на Вангор или Лигирийскую империю. Значительная мобильная сила против неповоротливой военной машины обоих государств!

Я обошел вокруг лагеря, раскинувшегося на несколько гектаров степи, и занял удобную позицию на холме. Совершил ритуал магии крови и вновь стал видеть глазами шамана.

— Как добрались, уважаемый Сарги Улу? — На меня смотрел крепкий орк с умными глазами. — До нас дошли слухи о вашей болезни.

Сарги Улу поморщился, он знал, что верховный шаман чахоя сам метит в верховные шаманы народа, но вынужден сотрудничать с сивучами. Каждый из них надеялся первым нанести удар в случае борьбы за власть.

— Это просто слухи, уважаемый Кол Рогыр.

«Негодяй имеет своих шпионов в их стойбище, — неприятно удивился про себя шаман сивучей. — И не скрывает этого».

— Вот и хорошо. Все уже прибыли, ждем только вас. — И они зашли в

большой шатер.

На коврах сидело четверо шаманов, которые, не вставая, отвесили Сарги легкий поклон. Когда все устроились, им принесли еду и напитки. Шаманы не торопясь принялись за трапезу и молчали, пока не насытились. Посуду убрали, и перед сидящими шаманами поставили гайрат — местный кумыс.

— Расскажи нам, Сарги Улу, что планируют наши друзья в связи с появлением посольства Вангора? — На шамана-сивуча очень серьезно смотрели остальные.

— Посольство будет потрепано, и его движение задержится на полтрика.

— Это опасно! — прервал его Кол Рогыр. — Великий хан может узнать, кто это организовал, и всем нам придется очень туго.

— Не узнает, — спокойно ответил старик, — мы подкинем улики, указывающие на Гремучих Змей. Друзья планируют захват сына Быр Карама и его убийство охраной посольства. Пока будут идти склоки и разбирательства, у нас окажется большинство, и мы сменим великого хана одного на другого. — Он прекратил говорить и прикрыл глаза.

— Очень хорошо, — довольно оживились гости чахоя.

Дождавшись, когда оживление пройдет, Сарги Улу посмотрел на Кол Рогыра:

— Уважаемый Кол Рогыр, что будешь делать с вождем? Он сторонник великого хана!

Шаман чахоя завозился, моргая глазами, соперник его уел.

— Вождя я убереу, и его брат станет новым вождем. Он приучен к дурманной травке наших друзей и за нее будет делать все, что я пожелаю.

— Хорошо, — согласился старый шаман и достал кисет, бросив его сопернику. — Это яд. Подсыпь его вождю, и он умрет к вечеру.

Шаман чахоя быстро спрятал кисет за пазуху.

— У нас остался невыясненным один вопрос, — он обвел глазами сидящих шаманов. — Кто станет великим ханом?

Вопрос был не праздным. Шаман муразы, которого изберут великим ханом, становится верховным шаманом народа степи. Все сидящие сразу завозились на месте.

— Великим ханом надо ставить муразу племени сивучей, — злобно посмотрев на сидящих, ответил Сарги Улу. — Именно наше племя несет основной груз борьбы против вангорцев. Мы направляем воинов против посольства, устраняем неудобных. Нас поддерживают друзья. — Он еще раз окинул яростным взглядом собравшихся.

— Ты, Сарги, хлопчешь за своего муразу, потому что хочешь быть верховным шаманом всей степи. Но есть много более почетных вождей, например, мураза племени муйага или техколо, эти племена больше племени сивучей, и пастбищ у них больше. Больше у них и скота, — тихо проговорил Кол Рогыр. — И кто скажет нам, как будет править Шадлыб Уркуй? Может быть, он будет еще хуже, чем нынешний хан. Или нами будут править твои друзья через него. — Шаман чахоя исподлобья изучающе посмотрел на противника. Говорил он тихо, но присутствующие уловили главное: если согласиться с шаманом сивучей, то ими будут править лесные эльфары, а этого они принять не могли. Сарги Улу покраснел от сдерживаемой злобы.

— Как только мы изберем нового великого хана, то прогоним наших друзей прочь, — сделав пару глубоких вздохов, сказал он.

— Не знаю, не знаю, — с сомнением покачав головой, ответил шаман чахоя. — Мы для чего хотим поменять великого хана? — Он оглядел сидящих. — Чтобы править самим, так как более достойны.

Все, кроме шамана сивучей, закивали головой, соглашаясь с Кол Рогыром, его слова нашли путь к их сердцам и отозвались одобрением.

— Я думаю, — продолжал он, — надо выбирать брата нашего муразы, Барама Обака, он будет делать то, что мы ему скажем, и тогда действительно будем править мы, а не мураза или лесные друзья. Их легко пригласить, но трудно выпроводить, — закончил он.

— Верно говоришь, Кол Рогыр, — наперебой загомонили шаманы. — Нам нужен послушный хан. Не надо, чтобы в степи правили лесные выскочки.

Понимая, что сейчас он ничего не добьется, шаман сивучей промолчал.

— Уедете опять ночью? — спросил Кол Рогыр гостей.

— Днем! — ответил Сарги Улу. — Прямо сейчас! — И встал.

Я закрыл глаза и проморгался, таким нехитрым способом я переставал смотреть глазами шамана.

Значит, «лесные» спланировали заговор, цель которого не только определить направление похода, но и сместить неудобного им великого хана. Работу они провели большую и близки к успеху. Провокация этих ребят вполне может быть удачной. Да, задача для пешки серьезная — сорвать их замысел и не засветиться. Я почесал затылок, следом незаметно для себя перешел на ускоренное восприятие и стал думать.

Первая задача — сорвать отравление вождя.

Вторая — подставить шамана чахоя.

Третья — постараться убить четверых гостей и подставить шамана сивучей. Потом все остальное. Цель — стравить друг с другом эти шесть племен и остаться в стороне. Рабочий план у меня был, оставалось продумать этапы и мелочи предстоящей операции.

Как стемнело, я прыжками с помощью телепортов проник за посты охраны, включил ускорение и под невидимостью подобрался к шатру вождя. Все-таки я немного сомневался в своих действиях. Как воспримет защита шатра муразы мое проникновение? Действие магии духов было для меня тайной за семью печатями, при этом я пользовался возможностями Рострума, как пользуются электричеством, не зная, что это такое. Поэтому у меня оставался только один путь — путь проб и ошибок. Короткий прыжок, и я в шатре. На шкурах вольготно раскинулся вождь и храпел, рядом свернулись калачиком две полностью обнаженные красотки, обе человечки, и тоже спали. Любят наших девок клыкастые, скривился я. Положил руки на голову вождю и стал вводить в гипнотический транс. На случай неудачи у меня было более кардинальное средство — удар кулаком по черепушке. Но этого не понадобилось. Вождь стал бесчувственный, как кусок полена... Посмотрев на красивые обнаженные тела, так же усыпил подруг вождя.

— Хватит пялиться! — оторвала меня от созерцания Шиза, и в ее голосе промелькнула нотка ревности.

Нечего делать, пришлось укрыть их одеялом из шкур. Вождя завернул в ковер и спросил у Шизы:

— Может, его временно на спутник отправить, чтобы не мешал? В капсулу положим, снимем информацию.

— Согласна, так будет проще, заодно узнаем расклад по силам в совете, уж он-то должен знать, — поддержала меня Шиза.

Сказано — сделано. В стойбище было тихо, никто не заметил моего проникновения, только было слышно, как переминались часовые у шатра да позвякивало их оружие.

— Гаржйк, ^[2] тебя вождь зовет, говорит, срочно, — в шатер начальника охранной сотни вошел воин и изобразил легкий поклон.

Урга Шдзыр поднялся и недовольно подумал, что же тому понадобилось в столь поздний час. Но на зеленом лице с мощными клыками не дрогнул ни один мускул. Он прошел к шатру вождя и увидел, что тот стоит у входа и, сложив руки на груди, внимательно за ним наблюдает. Действительно что-то важное, подумал Урга, раз мураза вышел из шатра.

— Ты звал меня, мураза? — не кланяясь, спросил он, это была привилегия для гаржиков.

— Скажи мне, Урга, что надо делать с предателем, который покушается на жизнь муразы?

Тон вождя был холоден, но глаза его цепко осматривали начальника охраны. Гаржик похолодел, он почувствовал, как смерть протянула к нему свои костлявые руки, и не знал, что сказать.

— О чем ты, мураза? — наконец смог произнести орк, поборов свой страх. Он не знал, почему ему стало так не по себе.

— Меня хотят отравить, и почему этого не знаешь ты? И еще ответь на вопрос: когда мой брат пристрастился к дурман-траве и кто его к этому приучил?

Урга попытался отпрянуть назад. Но сзади его придержали воины.

— Заведите предателя в шатер, — приказал мураза. — И позовите десятника Морогута.

В шатре он сбил гаржика ударом кулака на пол, девушки-наложницы в страхе забились в угол.

— Урга, я поднял тебя из пастухов до гаржика. Все, что у тебя есть, ты имеешь только благодаря мне. Почему ты меня предал?

— Это не я, мураза, это верховный шаман. — Орк упал на колени. — Он хотел сделать твоего брата новым вождем.

В шатер вошел смесок — наполовину орк, наполовину человек.

— Звал, мураза? — поклонился он.

— Морогута, убей этого предателя и тихо прирежь верховного шамана. Если справишься — станешь начальником охранной сотни.

Метис не раздумывая выхватил длинный нож и перерезал горло стоящему на коленях и парализованному от страха Шдзыру. Выскользнул из палатки и через десять ридок вернулся с мешком в руках. Он встряхнул его, и голова Кол Рогыра покатилась к ногам вождя.

— Очень хорошо, теперь ты вправе носить полное имя — Морог Ута, принимай под свое начало сотню и найди достойного верховного шамана. Да, и брата моего в яму посади на трик, давать только мясо, хлеб и воду. Через трик приведешь ко мне.

Новый начальник охраны кивнул и, не кланяясь, удалился.

Утром мураза проснулся выспавшимся и хорошо отдохнувшим, человеческие самки жались в углу палатки и затравленно смотрели на него. Вождь потянулся, и его взгляд упал на отрезанную голову верховного шамана. Выхватив меч, он крикнул: «Охрана, ко мне!» В шатер ворвались стражники во главе с десятником.

— Что случилось, мураза? — осмотревшись, спросил метис.
— Там голова нашего шамана, — показал мечом вождь.
— Ну да, — спокойно ответил метис, — это голова предателя, который хотел тебя отравить.
— Позови начальника охранной сотни! — приказал ничего не понимающий вождь.
— Я здесь, мураза! — ответил десятник, удивленно смотря на всполошившегося вождя.
— А где Урга?
— Ты приказал его зарезать, — озадаченно посмотрел на муразу метис.

Вернув вождя племени чахоя муразу Шурум Бурума, на самом деле Шарым Барума (но созвучно же!), в его шатер, я снял личину Шурума и скрылся. В том, что вождь вспомнит, как казнил изменников, я не сомневался; используя медкапсулу, я вложил в него нужные блоки информации, и через несколько часов небольшой пакет распакуется и внушенные воспоминания он будет воспринимать как свои. А пока пусть немного понервничает.

Первую задачу я решил — сохранил нужного вождя и убрал противника. Теперь нужно что-то делать с остальными. Кроме того, оставалось еще посольство, длинным червяком тянувшееся в ставку великого хана, и сын его правой руки. Просто убить шаманов мало, нужно сделать так, чтобы племена ополчились друг на друга. Как это сделать? Я задумался и отдернул руку, которая автоматически потянулась к затылку, чтобы почесать. Я снова сел думать. Ох и сложная эта работа — найти главное звено в цепочке противников и потянуть его, разрушая планы. Значит, шаманы пока подождут, нужно двигаться к посольству и как-то сообщить «змеijke» Ленее об угрозе, нависшей над сыном Быр Карама.

— Шиза, ты знаешь, когда наша станция будет проходить над степью?
— Через три часа примерно, — ответила она. — Ты что задумал? У тебя мысли какие-то неясные и неоформленные.

— Сам пока не знаю, мне надо сделать первый шаг, чтобы понять, какой будет второй, — передразнил я ее.

— А какой первый? — не смутилась она.

— Первый шаг на спутник.

Оп, и я, можно сказать, дома. Подошел к медкапсуле и стал барабанить пальцами по крышке. Меня томили какие-то смутные, неясные желания, и я вспомнил правило: раз уж нельзя избавиться от воплощенных иллюзий,

их надо подлечить.

— Вы, двое из ларца одинаковых с лица, марш на выход, — скомандовал я.

— Это вы нам, командор? — раздался у меня в голове осторожный вопрос.

— Вам, братья Гримм, на выход!

— Командор, смеем вам заметить, что мы не братья и не похожи друг на друга.

— Вы братья по несчастью, — выдал я им земную мудрость, — и похожи друг на друга, как все несчастные. Это только счастье у всех разное.

Мессир и мастер надолго задумались над глубиной постигшего их откровения.

— Значит, так, позывные у вас будут такие: ты, бородатый, будешь Мессир, а ты, старый, — Мастер. Раз старикам у нас почет, залезай, Мастер, сюда и ложись на это ложе, будем тебя лечить, — показал я на капсулу.

Тот осторожно, с опаской, но не споря, угнездился и сложил руки на груди, как покойничек.

— Мессир, побудьте пока в сумке, вас вызовут потом.

Иллюзия мессира Кронвальда повертела головой и спросила:

— А нельзя ли оглядеться здесь? Тут все так необычно.

— Пока нельзя! Объект секретный, а у вас нет допуска.

Дух пошамкал бородатым ртом, о чем-то раздумывая, и быстро, без спецэффектов втянулся в сумку.

Оборудование, как и в случае с Рострумом, немного подумало и начало работу. Но тут подала свой голос повзрослевшая Шиза:

— В памяти искина есть твоя нейрограмма, ее, по-видимому, сняли, как только ты появился на планете. Я просмотрела ее, там я еще как зародыш. Какое примешь решение?

— Жду профессиональной консультации из своего аналитического центра, то есть от тебя, — перекинул я на симбионта решение этой задачи.

— Предлагаю объединить в один пакет нейрограмму и информацию, имеющуюся в искине медкапсулы. Таким образом мы будем иметь копию твоего сознания с копией малышей, но оставим меня в качестве зародыша. А еще лучше снять новую нейрограмму с учетом лианы. И еще у меня есть план, как надурить управление и Демона. — В ее голосе я почувствовал нескрываемое торжество и ехидство. — Мы возьмем нейрограмму Мастера, присобачим туда мою неразвитую копию и твой внешний облик.

Оп, и обманка для АДа готова. — При этих словах половозрелый симбионт счастливо засмеялась. Она даже мои выражения применила — «надурим» и «присобачим». Вот уж воистину дурной пример заразителен.

— План руководителя моего секретариата утверждаю, — важно произнес я.

— А поцеловать? — обиженно произнесла Шиза, и я от неожиданности закашлялся.

— Я еще маленький, — не нашелся я, что ответить, и спрятался за своей обычной отмазкой.

— А как лучшего друга и соратника? — проявляя любопытство, спросила она.

— Я тебя потом поцелую, попозже, если захочешь.

— Маленький он! Как на голых девок смотреть, он не маленький, — услышал я затухающее ворчание Шизы.

Ух, пронесло, подумал я и увидел желтый шарик с улыбкой во всю его противную харю, он держал плакат с надписью: «И не надейся». И, как обычно, паршивец лопнул.

Чтобы уйти от назойливых мыслей по-тихому отравить Шизу, я решил осмотреть степь по старым снимкам со спутника. К моему удивлению, самые последние были сделаны вчера. Я ушел на ускоренное восприятие и погрузился в работу.

Мне были известны примерные места кочевья племен орков в степи, все они располагались возле рек и больших озер. Скоро я знал не только, где они располагаются, но и примерную численность каждого племени, сколько у них скота, а также видел оседлые племена, выращивающие зерновые культуры. Площади посевов были просто ошеломительные. Этому народу голод явно не грозил. Осели племена вдоль самой южной реки, которая брала начало где-то в горах и впадала в океан. Вот на берегах этой реки, как древние египтяне, орки занимались земледелием. Видел я и кишку посольства, медленно, как гусеница, ползущую на юг. Заложив все это себе в память, я дал команду искину сделать выборку отдельных отрядов орков по степи и отметить их красным квадратом. Вся степь превратилась в красное поле. Поняв, что таким образом я ничего не добьюсь, изменил задачу: мне нужны были отряды орков в скрытых местах степи на пути и около «червяка» из повозок вангорцев. Уже гораздо лучше, мне были отмечены всего четыре квадрата.

Я запустил следующего духа в капсулу, а вылеченного Мастера оправил в сумку, строго наказав не вылезать, так как этот любопытный двойник все время пытался высунуть голову и оглядеться.

Когда пришло время пролета над степью, я сравнил показания скринов и то, что происходило сейчас, и задумчиво хмыкнул: одного отряда не было.

Теперь следовало понять, что делать с остальными. В каждом было по три-четыре десятка орков без их верховых быков. Я чувствовал, как разогреваются слои сознания, обрабатывая информацию, отслеживают мои желания и готовят результат. Мне надо было по-тихому уничтожить засаду. Искин выдал выборку того, что можно использовать.

Дроны — универсальные механизмы, могут снабжаться разными манипуляторами для ремонта, разведки и войны. Они не пойдут, слишком вызывающе заметны, решил я, лучше подстраховаться. Баллоны с газом — нестойкий паралитический газ, анализ показал тот же состав, какой использовался валорцами, — годятся. Плазменные орудия для поражения планетарных объектов. Ну уж нет! На фиг, на фиг! Запас мин разного калибра — пока обождем. Вот пустые оболочки для химических гранат. Даю команду заполнить двадцать штук и доставить сюда. Пока Мессир вылезал из капсулы, прискакал паучок-дрон и притащил двадцать удлиненных, отливающих металлическим блеском, как ртуть, сосудов. Убрав их в сумку, я скомандовал:

— Шиза, телепортация в точку номер один!

Настрой у меня был очень воинственный. И тут она чуть не сорвала всю операцию.

— Хорошо, любимый, — ответила Шиза с сексуальным тембром в голосе, от которого я снова поперхнулся и, оказавшись на планете, зажал рот, чтобы не кашлять и не выдать своего присутствия. Мои глаза вылезали из орбит. А кашель душил так, что, сдерживая его, я едва не задохнулся от удушья. Что-либо еще делать в этот момент я уже не мог, не мог даже думать и материться. Полежав несколько секунд, я почувствовал облегчение и услышал жалостливый шепот Шизы: «Я больше не буду».

Полежал еще с ридку и пришел в себя, на плутовку больше не обращал внимания. Контуры оврага я изучил, знаю места охранения, с них и начал. Уход в боевой режим и прыжок к первому орку, удар ладонью по шее сверху — этот готов. Прыжок ко второму, он виден оркам снизу оврага, поэтому наношу ему в сердце удар кинжалом, вытащенным из ножен орка, усилив его с помощью имплантата, — кинжал пробил тело насквозь и застрял в земле. Не вынимая кинжала, совершаю перемещение к третьему и ломаю шею, свернув голову. Теперь очередь за газовыми фанатами, всего их нужно две, кидаю и жду результата пять риск. Анализатор показывает, что газ заполнил овраг почти мгновенно, потом разложился, не оставив

следов, и только орки, живые и обездвиженные, лежали на дне и склонах.

Спустившись вниз, я был неприятно удивлен: среди орков оказался лесной эльф, притом сильный маг. С него я и начал. Отобрал все амулеты и снял одежду, удобно расположив голого эльфа, стал проводить ритуал связи магии крови. Увидев мои приготовления, эльф попытался задргаться и тихо замычал.

— Потерпи, ушастый, скоро все закончится, и ты не будешь знать мук сомнений и тревоги, — подбодрил его я.

На его груди острым ножом, который стал использовать для кровавых ритуалов, я вырезал круг и звезду. В углах звезды и по центру круга вырезал руны подчинения воли, тела, сознания, разума, жизни. Надрезал свою руку и на выступившую кровь эльфа накапал свою. Потом прочитал заклинание подчинения три раза, что необходимо для полного подчинения жертвы.

— Мастер и Мессир, на выход! — скомандовал я, и из сумки появились двойняшки. Увидев орков и лесного прародителя, они впали в ярость, и только моя воля удерживала их на месте. — Оба вселяйтесь в мага и начинайте свой кровавый пир, — приказал я.

Мгновение, и духи втянулись через нос и открытый рот в жертву. Эльф поднялся и пошел обходить овраг, он подходил к лежащим оркам и, доставая его кинжал, вонзал в сердце. Он оставил только двоих, подошел и похлопал их по щеке, отчего они сразу обмочились. Таков был мой план: оставить двоих свидетелей; меня они не видели, я действовал под «скрытом».

Это была первая, на мой взгляд, засада на пути следования посольства. Где находился исчезнувший отряд орков, я не знал. Может, ушли к себе, может, двинулись решать другие задачи.

Я просидел среди мертвецов до вечера. Мага лесных эльфов, закодировав, отправил на место сбора, определенного для всех эльфов, километрах в тридцати на восток у небольшого озера. Ему была поставлена особая задача. Он не помнил, что происходило в овраге, но понимал, что ему срочно нужно прибыть к месту сбора. Духи, насытившись мстостью, отяжелевшие, как сожравшие целого барана, забрались в казарму. Я же, как кузнечик, прыжками, осторожно приблизился к лагерю, обошел секреты и оказался рядом с Гради-илом, который находился в трансе.

Очень хорошо, подумал я и сунул сидящему эльфу записку. Потом сразу ушел на спутник.

Гради-ил под «слиянием» двигался впереди посольства и охранения. Где волчьим шагом, где прыжками телепортов. Путь его был извилистым,

как путь змеи на песке. Он прочесывал все лощины и овраги на флангах и впереди конвоя. Но за все время движения он не встретил ни одной засады. Значит, как и в прошлый раз, орки будут ждать, когда посольство встанет на стоянку. Близился вечер, и усталые лошади лениво тащили повозки, разомлевшие погонщики изредка подбадривали их кнутами, негромко покрикивая «цоб-цобе».

Он вернулся в лагерь, так как увидел орков из каравана, шнырявших, как и он, в поисках засады. Расседлав лошадь и получив причитающийся им с магистром паек, следопыт зажег «примус», настрогал мясо, нарезал пахучие травы и стал готовить. Усталость тяжелого дня сказывалась на нем, он не спал вторые сутки и, закрыв глаза, отключился на несколько ридок.

Разведчик проснулся в назначенное им время. Мясо было готово, и он решил засыпать крупу, но тут увидел у себя в руках сложенный небольшой листок серой бумаги. Оглянувшись вокруг, он не увидел никого, осмотрел внутренним взором ближайшую округу и не обнаружил посторонних. Медленно, с опаской, развернул лист с удивлением прочитал.

«Рад, Гради-ил, что ты добрался и помогаешь магистру. Сообщи шаманке, что лесные эльфары запланировали убить сына правой руки великого хана и свалить вину на степных варгов. Записку сожги или съешь. Источник информации не выдавай.

Твой Лорд».

Впавший в прострацию разведчик сунул в рот бумажку и стал жевать.

— Ты чего бумагу ешь? — На него из повозки смотрел маг, и от его взгляда эльфару стало не по себе.

— Это не бумага, — нашелся разведчик, — это укрепляющее средство, устал я.

— Понимаю, — согласился с ним Луминьян, — весь день носиться и ловить орков нелегко. Нашел кого-нибудь?

— Нет, мессир, не нашел, потом увидел наших орков и вернулся.

— Запомни, Гради-ил, «наших» орков не существует в природе вообще, — проговорил маг, сунув нос в котел почти до булькающей жижи. Что-то проворчал невнятно и продолжил: — Снимай котелок, уже готово. Сегодня они нас сопровождают, а завтра будут убивать, как великий хан прикажет.

А следом, потеряв всякий интерес к собеседнику, взял из его рук полную тарелку и стал жадно есть, утоляя голод. Гради-ил посмотрел на

него и задумался: не прост мессир, ох не прост. Чужой взгляд разведчик чувствовал сразу, а вот взгляда мага не почувствовал и чуть не спалился. Он тоже принялся за еду, обдумывая, как донести сведения до орчанки и что сделать, чтобы закрыться от всевидящего мага. Под маской равнодушия он чувствовал внутреннее напряжение магистра и понимал: тот постоянно что-то обдумывает и анализирует.

Гремучие Змеи вышли под вечер, они знали привычки своего народа и, широко раскинув крылья загона, двинулись вперед. Легко и незаметно они осматривали степь, приглядывались к каждому холмику и ямке. Вот один подал условный сигнал, слышный только своим, и все остановились. К нему на помощь метнулось двое. У невысокого куста высился большой муравейник, размером почти с сам куст, и насекомые деловито сновали по своим делам, но это только так могло показаться несведущему. Зоркий глаз Гремучей Змеи увидел, как воины-охранники, собравшись в отряды, ползли в одну сторону и возвращались обратно, отпугнутые колдовством. И так раз за разом. Орк показал пальцем на муравейник. Двое подошедших осторожно обошли куст, и один стремительно метнул копье в землю рядом с муравейником. Земля и трава взбугрились, показав аккуратно нарезанные пласты дерна, и опали. Из-под куста они вытащили спрятавшегося наблюдателя. На нем не было тотема племени и тотема рода, но оружие выдавало в нем сивуча. Он был ранен, но жив и не мог пошевелиться: наконечники копий у Змей были смазаны парализующим ядом.

Пленного оттащили подальше в небольшую лощинку, и Ленея приступила к допросу. В том, что она узнает все необходимое, не сомневалась ни она, ни орк. Он не хотел быть заточенным в жезл шаманки и дал знать глазами, что готов к разговору. Она поняла, кивнула в знак согласия головой, сняла частично паралич и посмотрела на пленного.

— В двух лигах отсюда на юг четыре десятка бойцов сивучей из рода Пергов, [\[3\]](#) с ними маг — лесной эльфар. Ждут вас. — Он закрыл глаза и принял быструю смерть от удара копья в сердце.

— Возвращаемся к варгам, — приказала шаманка.

Гаржет Варг жевал кончики усов. Еще одна засада, и снова маг эльфаров. Так они до ставки великого хана доведут одного посла без подарков.

— Ты можешь сообщить правой руке о том, что происходит? — спросил он орчанку и выжидательно на нее посмотрел.

— Нет, — не отвела она глаз, — всех моих курьеров перехватили, отправлять гонца — значит обречь его на смерть. Мы не учитывали роль эльфаров Вечного леса, считалось, что они не успеют оказать

противодействие.

Быр Карам позаботился о секретности посольства.

— Видно, не очень он в этом преуспел, — высказал неприятное для орчанки мнение командир варгов. — Нужно звать помощника мага и скоординировать наши действия. В прошлый раз этот магистр и осветил место боя, и хорошо врезал фаерболами по нападавшим, — закончил он свою мысль.

— Я схожу за ним, — неожиданно для себя предложила шаманка и, не вступая в дальнейшие разговоры, ушла. Она сама не знала, что ее толкнуло на этот поступок, она могла послать орка или дожждаться, когда варги позовут эльфа. Но что-то свыше ее сил тянуло девушку к эльфу. Что она хотела у него узнать? Что увидеть в его небесно-голубых глазах? Она бежала от себя и бежала от мыслей, которые накатывались на нее, как тяжелые волны разбушевавшегося океана накатываются на усталого пловца.

Снежный эльф сидел в раздумьях, когда само провидение привело к нему орчанку. Ее взгляд ловил его выражение глаз, и было в нем что-то невысказанное и спрятанное.

Она влюбилась в юношу, понял разведчик. И чувствует какую-то связь с ним.

Он встал и вздохнул, не его дело разбираться в чувствах орчанки. Сеньор сам решит, как ему быть.

— Госпожа! — начал он, не давая орчанке первой завести разговор. — У меня есть важная информация для вас. На сына правой руки Великого хана лесные эльфы готовят покушение. Его должны выкрасть и убить здесь, чтобы свалить все на охрану посольства и на вас, Гремучих Змей.

Леня замерла.

— Откуда такая информация, эльф? — Она недоверчиво смотрела на него.

— Вы слышали о лесных рейдерах, госпожа? — посмотрел на нее разведчик. Шаманка не отвечая покивала головой. — Двойки бойцов переброшены в степь и укрываются среди племен, несогласных с великим ханом. — Он достал трофеи, взятые у рейдеров, и показал их орчанке.

— Спасибо, эльф, я поняла, — сказала она и быстро побежала обратно, остановилась на мгновение и крикнула: — Иди к варгам, они ждут тебя. Там впереди новая засада.

— Эльф, — обратился к разведчику командир варгов, — в двух лигах от нас к югу прячется отряд орков. С ними маг из Великого леса. Скорее всего, они, как и вчерашние орки, ждут ночи. Поговори с магом,

чтобы оказал нам поддержку.

— Сделаю, — кивнул Гради-ил.

— Хорошо! — удовлетворенно произнес варг.

Следопыт двигался как можно бесшумней, он уклонился далеко на запад и по широкой дуге обошел засаду орков с тыла. В двух лигах было только одно место, где мог спрятаться такой большой отряд. Он прополз к краю и стал внутренним взором ощупывать пространство, но, к своему великому удивлению, ничего не чувствовал. Неужели он ошибся?

Разведчик медленно пополз в овраг, постоянно останавливаясь и прислушиваясь. Нет, не ошибся: на склоне лежал орк и не двигался, его открытые глаза не мигая смотрели прямо на разведчика. Чертыхнувшись про себя, Гради-ил совершил прыжок и вонзил орку нож в шею. Тот даже не шевельнулся.

Осмотрев убитого, он замер, не веря своим глазам. Орк был зарезан своим собственным ножом, который торчал из его спины. О том, что это был нож орка, свидетельствовали пустые ножны. Спустившись чуть ниже, эльфар увидел еще троих орков, убитых тем же способом, только кинжалы торчали из их груди. Не понимая происходящего и гася волну поднимающегося страха, разведчик огляделся и увидел еще тела орков, лежащих на склоне и не подававших признаков жизни. Он осторожно облазил весь овраг, и везде была одна и та же картина: повсюду лежали орки, убитые собственными боевыми ножами. Но тела эльфара он не нашел. «Что бы это могло значить?» — подумал он. Орков убили, не взяли трофеи, а у них у всех были золотые и серебряные украшения в виде фигурок и заколок. Недолго думая он собрал самое ценное и, не показываясь охране, вернулся в лагерь. Магистр сидел у костра и подкидывал поленья.

— Нашел орков? — спросил он, не поднимая головы.

Гради-ил не стал его обманывать и тихо произнес:

— Нашел.

— Маг с ними?

— Мага нет.

— Тогда я пошел спать, — зевнул мессир и залез в повозку.

Следопыт, которого чуть было не разоблачили, облегченно вздохнул. В лагере было тихо, горели костры, тихо перебранивались слуги, не поделившие что-то, да всхрапывали кони, отгоняя хвостами мошкарку и потряхивая гривами. Ночь прошла, утро выдалось свежее и ветреное.

Гаржет Варг хмуро смотрел на тела погибших. Ночью его разведчики

донесли о вырезанном отряде орков, убитых своим же оружием, у них забрали только золотые украшения, все остальное осталось нетронутым.

— Вот так и начнешь верить слухам о способностях снежных эльфаров, — произнес он вслух. — Но где же маг из Вечного леса?

Шарги-ил был выходцем из дома Зеркальной Струи, но служил лично Кирсан-оле, всемогущему начальнику тайной стражи Леса и брату великого князя. Все, кто пришел работать в службу безопасности, отрекались от своих родов и приносили клятву преданности лично Кирсан-оле. Все роды и народы должны были служить Истинным, и только по нелепой случайности или недоразумению кто-то этого не понимал или не делал. С такой идеей лесные эльфары рождались, с такой философией они умирали, унося с собой ненависть к мало живущим и мечты о будущем господстве. Цель каждого Истинного — служить Лесу, а значит, князю и возвышаться над остальными расами неполноценных.

Истинный был боевым магом и участвовал во многих успешных операциях и на континенте, и в Вангоре, и в Лигирийской «недоимперии», а сейчас он в орочьих степях утверждает силу и волю Истинных. Он подал сигнал сбора и спешил сообщить важную весть остальным участникам операции. Маг целеустремленно, без усталости шел день и ночь, скрываясь, надевая иллюзии орков и переходя в невидимость, когда было нужно, но дошел до небольшого озера, на берегах которого расположилась станом сотня преданных им воинов из племени муйага. В простом шатре сидело пять эльфаров Леса, терпеливо ожидая Шарги-ила. Они получили срочное послание и поспешили на встречу. Когда пола шатра откинулась, они увидели пропыленного и измученного товарища. Истинные подобрались, весь вид эльфара показывал, что действительно случилось нечто чрезвычайное.

Шарги-ил вошел, никого не приветствуя, устало опустился на стул и оглядел собравшихся.

— Здесь не все! — произнес он.

— Не все могли прибыть к сроку, указанному тобой, брат, — ответил один из сидевших, — но мы сообщим им весть, которую ты нам принес. Что случилось?

— Случилось, — угрюмо ответил маг и с искаженным лицом, свидетельствующим о том, что он делает то, чего не хочет, выложил на стол три медных шара.

— Что это? — На него недоуменно уставились пять пар глаз.

— Это наша смерть! — произнес маг, и в следующее мгновение

тройной взрыв уничтожил шатер и сидящих в нем.

Испуганные орки сбежались к обгоревшему шатру, черными лоскутами мрачно помахивавшему им, колыхаясь на вольном степном ветру. В воздухе кружилась пыль и пахло гарью. По периметру шатра валялись истерзанные тела лесных эльфаров.

Сотник пробрался сквозь толпу воинов, со страхом смотревших на убитых, и скомандовал:

— Собираемся и возвращаемся в стойбище. Нужно обо всем сообщить муразе.

Следующий мой визит я решил нанести ближайшему племени рбкхна, шаман и вождь которого были сторонниками сивучей. Сам шаман еще не добрался до стойбища, и его небольшой отряд расположился в роще, прячущейся в низинке.

Среди них я заметил ученика Сарги Улу, оставленного, скорее всего, в качестве связного. Я затаился рядом, ожидая какого-нибудь удобного случая. Ясного плана у меня не было, и я решил положиться на импровизацию. Наконец глубоко за полночь ученик верховного шамана сивучей отправился в кусты справить нужду. Он присел и тут же получил по голове, я нанес удар быстро и сильно, так что он щелкнул клыками и так со спущенными штанами, не издавая громкого шума, и повалился в кусты, на время потеряв сознание. Я принял его облик, наложив иллюзию, и спокойно прошел в лагерь. Верховный шаман посапывал, лежа на шкурах. Я побродил, наблюдая за охраной в лице одного ученика, который клевал носом, согревшись у костра. Прошел мимо главного и воткнул ему в висок кинжал, там и оставил. Потом закричал: «Смерть вырождакам рбкхна» — и бросился на часового. Тот от неожиданности упал, откатился в сторону и попал в костер, заорав благим матом, выскочил оттуда и стал носиться по лагерю, пытаясь потушить свою одежду.

Я делал вид, что пытаюсь поймать его, и во все горло призвал проклятия на голову предателям. Под руку попался стоящий столбом опешивший орк, который полным удивления голосом спросил: «Где предатели?» — «Ты предатель!» — я сделал вертушку и ногой врезал ему в ухо. Орк был, и его не стало, только ноги торчали из ближайших кустов. Подняв суматоху в лагере, я еще побегал, собирая на себя стаю разъяренных зеленокожих, и скрылся в направлении, где уже стоял со спущенными по-прежнему штанами очухавшийся, но не понимающий происходящего ученик Сарги. За мной следом неслась орава учеников убитого шамана. Налетев на обидчика, они в один миг растерзали его и

потом в ярости долго еще кромсали мертвое тело.

Надеюсь, что свою роль ученик шамана сивучей сыграл достаточно понятно и племя обнаружило коварного врага, но, если надо будет добавить впечатлений, я добавлю. А теперь пора возвращаться.

Я снова находился на станции контроля и слежения. Часть поставленных задач я выполнил, и нужно было подумать, что предпринять дальше. Четко сформулированного и отработанного плана у меня не было, на данный момент я пользовался подвернувшимися возможностями и действовал, больше импровизируя, чем выполняя пункты своего плана. Время! Все упиралось в него, и, как всегда, его не хватало. Невозможно разорваться и быть одновременно во всех местах.

Кроме того, меня ждало еще одно послание барона Брана и одно баронессы с грифом «лично в руки». Секретно. Что бы это значило? Они что, секретную службу там создали? КГБ, Моссад, МИ7 и раскрыли заговор мирового правительства против маленького княжества Новоросского?

Я был искренне удивлен и заинтригован, поэтому начал с послания баронессы. Ну что сказать, события скачут, и скачут галопом, и иногда не по тому пути, как ты их задумываешь.

Я не удержался и стал озадаченно чесать затылок, да и было отчего чесаться.

«Его милости лично в руки. Секретно».

Вот так, ни много ни мало!

«Ваша милость, высылаю Вам список и голограммы девушек княжества на выданье. (Зачем мне это знать и почему секретно? Мое недоумение толькоросло.) Определите, пожалуйста, график первой брачной ночи для девушек, кого и в каком порядке Вы осчастливите».

«Кого и в каком порядке Вы осчастливите...» — прочитал я еще раз вслух, не понимая смысла послания.

«Замужние дамы, подданные княжества, интересуются, распространяется ли Ваше право первой брачной ночи и на них? Имеет ли этот закон обратную силу? И до какого возраста соискательницы Вашей милости могут претендовать на то, чтобы возлечь с Вами на ложе?»

— Возлечь на ложе... Возлечь на ложе? — тупо и с удивлением повторил я несколько раз и стал читать дальше:

«Я взяла на себя смелость отстранить от конкурса всех дам после сорока лет...»

Какая заботливая конспираторша! Они там что, от скуки с ума посходили?

И внизу кокетливая приписка с отдельной голограммой обнаженной баронессы в разных ракурсах:

«Надеюсь, для дам благородного происхождения все будет вне очереди!»

— и следом открылась галерея голых и полуголых красоток моего княжества. Слева незамужние, справа замужние. Причем замужние все были обнаженные.

— Твою дивизию! — У меня невольно вырвался стон. Я закрыл голографическую эротику и стал с остервенением чесать лоб и затылок.

— А в чем проблема?! — влезла Шиза со своим предложением. — Разве не об этом мечтает каждый мужчина? Прыгнул на станцию к соискательницам вашей милости, осчастливил, и обратно.

Но я зверел и шуток ее не принимал.

— У тебя веревка есть? — спросил я.

— Найду, а зачем? — не поняла она.

— Пойди повесься!

— Мужлан и солдафон, — огрызнулась подстрекательница и скрылась.

События, начавшиеся с продажи корабля и создания фиктивного княжества, катились на меня как снежная лавина, способная завалить и погрести меня под завалами неразрешимых проблем.

Просто отписаться нельзя, затаят обиду. А мне фронда среди подданных не нужна, тем более среди женщин. Я вышел в ускоренное восприятие и набросал основной свод законов княжества, Кодекс поведения дворянок. Уголовный кодекс, трудовой кодекс, налоговый кодекс. Это я вышлю Брану, он Посол полномочный и чрезвычайный, хотел баронство — получи и работай. Сопи в две дырки. Наказание благородному сословию одно: мужик должен зарезаться, дама лишается дворянства и исключается из подданства.

Потом написал ответ.

«Баронессе Гаринде Швырник Проворной, председателю женского собрания дворянок княжества Новоросского. Лично, секретно, по прочтении уничтожить.

Мадам, я получил Ваше столь заманчивое предложение и польщен той честью, которая оказана мне от лица женской половины подданных княгини. Но с прискорбием должен сообщить, что отец нашей государыни отменил этот закон как порочащий честь и славу дворянина. Человек благородный должен совершать подвиги на поле брани, а не в постели. Нарушение этого указа карается „самозарезыванием“ с предварительным оскотлением.

Передаю свой нежный поцелуй всем дамам и отправляю голограммы обратно с наказом уничтожить их все, дабы не возникло у кого желания воспользоваться ими. Его милость Вурдалак Землянский».

Ух, прямо гора с плеч свалилась, мне не очень пришелся по душе энтузиазм дам, и, чтобы они не делали глупостей в дальнейшем, я отправил Устав и список задач, которые стоят перед дворянским женским собранием. Надеюсь, у них не останется времени совершать подобные глупости. И кто их только надоумил?

И тут я понял кто!

Бран, скотина! Он собрал материалы по истории, когда хотел получить дворянство.

Я открыл его послание и хмуро прочитал:

«Ваша милость, у нас все в порядке. Народ благоденствует и восхваляет мудрое управление государыни. (Где только слов таких нахватался? — покачал головой я. Очковтиратель!) Возможно, Вы сможете найти еще десяток таких старых кораблей для заказчика, какой прислали нам ранее.

Преданный Вам барон Бран Швырник Проворный».

— Проворный он... Лучше за женой бы своей следил, — проскрипел я, сдерживая выплескивающиеся раздражение.

Но заказ получен и надо просмотреть файлы, могу ли я его выполнить.

Что я стал искать? Когда я просматривал историю сделок и инвентаризаций за последние сто лет, натолкнулся на интересный отчет все того же почившего юриста второго класса. Отчет был о проверке временной мобильной базы пограничных сил в секторе, которая была законсервирована после установки станций слежения. Вывозить ее не стали, оставив как резерв на всякий непредвиденный случай, потом она уже порядком устарела и была поставлена на списание. Но добросовестный служака, проверив мобильный комплекс, нашел его пригодным и продлил срок хранения еще на пятьдесят лет. А через пятьдесят лет о нем благополучно забыли, и он где-то пылится тут на каком-то астероиде.

Больше упоминаний о мобильной базе я в документах не нашел.

Я внес исправления в отчет специалиста, Шиза поставила нужные даты на файле. Теперь я знал координаты базы, но не имел кодов допуска к ней. И эту задачу надо было решать.

Вот тут и проявились достоинства расслоенного сознания, мне был выдан вариант простого, но, думаю, верного решения. У меня имелся старый идентификационный ключ майора-ревизора. Я вошел в систему главного искина станции через сторонний сервер и активировал его. Операция прошла успешно. Со станции код ушел на мобильную базу и был принят там. На мобильную базу я вышел по учетной записи юриста и получил запрос: «Введите код идентификации». Ввел нужные символы и получил запрос: «Подтвердите код». Подтвердил и вошел в систему резервного искина.

— Рад вас снова видеть, майор, — вдруг раздался скрипучий голос, я от неожиданности отскочил от дисплея.

— Что, снова испугался, старина? — И на экран вылезла страшная мультяшная рожа. — Вас приветствует недремлющий страж — резервный искин Брык-Брык.

— Тьфу, — облегченно сплюнул я: шутки пограничников, умирающих от скуки.

— Опять плюешься? — спросила рожа. — Что на этот раз решил своровать?

— Все! — в сердцах ответил я.

— Все — это хорошо, — одобрительно проговорила морда и сделала задумчивое выражение, — но для этого ты должен отгадать загадки, — и подмигнула. — Помнишь, как в прошлый раз? — и гаденько засмеялась, трясая тремя подбородками. — «Выше колена, пониже пупка, дырка такая, куда всегда лезет мужская рука»?

Я, моргая, смотрел на затейника. Это сколько надо выпить, чтобы на

служебное оборудование прицепить такой приколот!

— Шица, — спросил я, — что это у тебя такое может быть, куда рука мужика всегда лезет?

— У меня такого нет! — отрезала она и очень ехидно добавила: — А вот у тебя есть. Вернее, когда-то было.

Стало еще запутаннее, чем было до общения с девушкой. Стало быть, сейчас нет, а раньше было, куда я мог залезть. Куда?

Кобура от «Макарова», что ли? Да нет, о пистолетах тут не слышали. Я осмотрел себя и хлопнул полбу. У меня нет карманов. А раньше были!

— Ну конечно же. Карманы!

— Ответ принят, ожидайте.

На экране отворился один шлюз, и из него опять выплыла ухмыляющаяся рожа.

— А ты поумнел, старичок! Давай отгадывай: «Порою грязными руками мы достаем его из брюк, подносим к дырке с волосами, и раздается смачный звук»?

— Да там извращенцы одни собрались! — возмутился я. — Еще и с грязными руками.

Видно, туго пришлось парням, коли они такое развлечение придумали, а ведь так до них и их начальство пробивалось тоже. Интересно, куда шутников заслали? Но тут пришло понимание: вопрос-то с подвохом. А в чем подвох? А в том, что надо думать совсем в другой плоскости. Интуиция пролетела по слоям и вернулась с готовым ответом: носовой платок.

— Платок, уроды! — ответил я.

— Ответ принят, ожидайте.

Открылся новый шлюз, и харя, сморщившись, проговорила, осуждающе качая головой:

— Опять ругаешься, старина.

Если всем приходилось так пробиваться к комплексу, то понятно, что о нем забыли сознательно и постарались стереть всякое упоминание. Кому охота чувствовать себя дураком, получив указание проверить, что там с комплексом.

— «В одно отверстие берет, в другое дает?» Дерзай, старина, последний рывок или новый заход.

— Твою дивизию! — мне захотелось материться. Да они по кругу пускают тех, кто не справился!

— Так, спокойно! — вклинилась Шица. — Надо обратиться за помощью к подданным.

Понял, звонок к другу, а кто у нас друг? Бран, барон, дилер и посол в одном лице.

Бран читал статьи новых законов, неожиданно спущенных сверху Его милостью. Все было кратко и доходчиво, когда касалось того, чего нельзя, а что можно шло с припиской: «Что не запрещено, то разрешено». Особо оговаривалось наказание за сексуальное принуждение благородными господами неблагородных дам. Оскопление и «зарезание» своими собственными руками.

— Ну и суров его милость! — подивился барон и зачитал статью жене, удовлетворенно поерзав в кресле. — Но справедлив! — добавил он.

Гаринда кинула на него злой взгляд и отвернулась.

«Чего это она?» — подумал он. Но от мыслей о жене его отвлек сигнал входящего сообщения. Автоматически открыв его, он углубился в чтение. Потом захохотал, чем вызвал опять неодобрительный взгляд супруги.

Его милость писали:

«Бран, ее высочество, узнав о твоих достижениях на поприще приращения территорий княжества, решило наградить тебя титулом графа и поручило это дело мне. Скажу прямо, я не одобряю такое разбазаривание милостей и даю тебе выбор: или убить Змея Горыныча и освободить Белоснежку, честь которой пограл этот Змей (у барона глаза стали размером с дисплей! Он с сомнением посмотрел на дракона и на девушку, безвольно лежащую у его могучих лап. И что он мог сделать с ее честью?), или отгадать простую загадку: „В одно отверстие берет, в другое дает?“»

У барона глаза вернулись в первоначальное положение. Его милость не только справедлив, он еще и с юмором. Эта загадка с бородой. Ей уже лет так триста — триста пятьдесят.

«Ваша милость, я выбрал загадку и, подумав, считаю, что это автомат для приема и выдачи кредитных карт», — отписался он.

В ответ ему прислали корону с четырьмя зубцами и рубином посередине. С припиской:

«Баронскую верни! Господин граф».

— Автомат для приема и выдачи кредитных карт, — сообщил я наглой роже и подумал: если Бран ошибся — лишу титулов.

— Ответ принят, ожидайте.

Открылась створка шлюза, и рожа исчезла, а я вошел в систему. Облегченно вздохнув, спросил:

— Шиза, а как отключить этого затейника?

— Я вошла в систему и работаю над этим. Пограничный оператор систем постарался защитить свое творение, и этот мастер загадок прыгает по базе из одного искина в другой. Есть! Попался! — торжествующе воскликнула она. — Негодяй просит сохранить ему жизнь и дает коды доступа для майора, чтобы входить без загадок.

— Ты этому веришь? — иронично спросил я. — Сколько добрых дядь и тетя уже поймалось на его хитрость, а он живет и резвится. В камеру его на флэш-карту, и до лучших времен.

— Есть, мой командор! — с придыханием ответила Шиза. — И последний вопрос, — голос ее звучал загадочно. — Когда можно записаться в очередь на исполнение вашего права первой брачной ночи?

— Можно записаться, — усмехнулся я, — после дождичка в четверг, когда рак на горе свистнет.

— Спасибо, я запомнила, — как ни в чем не бывало ответила плутовка. А я подумал: где я просчитался?

Теперь я видел, что собой представляла мобильная база: огромный болт от невероятного арбалета. Острие — это рубка с жилым модулем, оперение, реактор и двигатели, посередине — обвес из двух тяжелых космических контейнеров. Один — склад, другой — инженерный модуль. У меня захватило дух. Благодаря свихнувшемуся программисту я стал владельцем сокровищ пещеры Али-Бабы.

— Шиза, мы можем туда телепортироваться?

Оп, и я на круге, в точно таком же зале, что и на станции.

В кресле сидел космонавт.

Космонавт! Я перешел в боевой режим и мгновенно оказался рядом. Нет, это уже не космонавт, это его мумия в скафандре. На пульте лежал листок с одной записью:

«Прощай, моя любовь...»

«Так вот кто все это устроил!» — пришло ко мне понимание.

Получив какое-то разочарование в жизни, свел с ней счеты и занял огромную гробницу, куда закрыл вход остальным, оставив маленькую

щелку. Я откатил кресло в сторону и сел на другое. Потом вошел в систему.

«Здравствуй, мой друг, если ты читаешь мое послание, значит, ты смог проникнуть на базу. Только для тебя я оставил путь, по которому ты смог бы попасть сюда. Извини, что заставил тебя поработать головой. Думаю, мои загадки для тебя не были слишком сложными. Хотя ты много раз их не отгадывал. Мы начали с этой игры наше знакомство. С ней я и завершу свой путь. Мне больше нет смысла жить, мой дорогой друг, — та, которую я любил, не дождалась меня из этой проклятой дыры, где я торчу уже год. Поэтому я решил остаться здесь навсегда. Понимаешь — на-все-гда. Моя программа пустит только тебя, когда ты войдешь в систему под своей учетной записью. Прощай, и желаю удачи.

Эндрю Геринстоун, неудачник».

Неразделенная любовь, покачал я головой, понимая мотивы парня. Как могли отправить на эту базу в качестве инженера личность явно неуравновешенную? Он мог и армагеддон в системе устроить, имея такие возможности.

— Ничего ты не понимаешь, вояка толстокожий! — всхлипнула Шиза. — Парень умер, оставшись без любимой.

— Да я не против, правда, молодец, — не стал я оспаривать мнение симбионта, — оставил нам такое наследство. Я даже гробницу царскую ему выстрою. Пусть покоится с миром Ромео-без-Джюльетты.

— Фигляр! — огрызнулась Шиза и спряталась лелеять свои расстроенные чувства.

Тут я почувствовал, как завозился другой симбионт, и в голове стали проскальзывать мысли и образы. Типа я молодец, и он одобрительно хлопает меня по плечу. Потом показал на разъем на стене, куда можно подключить на зарядку дрона, и стал подталкивать к нему меня.

— Он что, хочет, чтобы я тоже сдох, получив сильнейший разряд тока? — Я был с ним не согласен. На фиг! Я не страдаю от неразделенной любви, а за Шизу не отвечаю. Но тут пришла ясность: ему нужна энергия. Поразмыслив, я вытянул аурный щуп, уж через него меня не убьет, и протянул к разъему. Ух ты, поразился я: через щуп в меня хлынул поток энергии, как вода с крутого водопада, и за одну минуту мой резерв был полон. Лиан довольно отвалился и затих. Это чудо неизвестных создателей

считало себя существом мужского рода. И он дал мне это понять. Было трудно вникнуть в логику своих приживальщиков, которые по необъяснимой для меня причине определяли для себя принадлежность к определенному полу. Шиза типа девочка, а Лиан мальчик. У меня втайне стала закрадываться крамольная мысль: а не схожу ли я потихоньку с ума? Вот оно как происходит! Сказать, что я был поражен, — это промолчать. У меня отвисла челюсть, и я не мог ее подобрать.

— Ну силен, бродяга! — покачал я головой.

Тут всполошилась Шиза:

— Откуда ты набрал столько энергии? И так быстро?

— От того, кто лишил тебя детства, девочка.

— Это кто? — удивленно спросила она, явно не понимая, что я имел в виду.

— Лиана-убийца. Ты, кстати, как-то видишь ее там? Ну или его?

— Нет, но я чувствую его присутствие и взгляд в спину, а когда оборачиваюсь, никого нет.

— Какой богатый у меня внутренний мир, — ответил я. — Дома точно попал бы на Канатчикову дачу. Может, раз у нас такой энергетический насос есть, духов поселим? Без магистра, — осторожно спросил я.

— Конечно, я давно тебе об этом говорила, — обрадовалась Шиза, — выпускай их в сумку.

— А как? — Я пребывал в растерянности.

— Я тоже не знаю, — огорчилась симбионт.

— Мессир, Мастер, прошу на совещание, — позвал я приживал.

Рассматривая стоявших духов, которые в свою очередь рассматривали комнату техника, я спросил:

— Бойцы, у меня есть три палки шаманов и желание выпустить духов на свободу и поселить их в себе.

— Вы станете одержимым, командор, — ответил Мастер. Вот что значит престарелый возраст, он первым освоился.

— Не стану. У меня душа широкая, как орочья степь, — спокойно ответил я и стал ждать продолжения.

— Тогда выпускайте их в пространственную аномалию и прикажите залезть к вам в душу, — ответил Мессир.

— Я услышал вас, но проблема в том, что я не знаю, как выпускать духов, — продолжая смотреть на озадаченных моим ответом старичков, усмехнулся я.

— Это просто, командор. Произнесите слово силы и прикажите покинуть посох.

— Сообщите мне это слово силы. — Я без смеха смотрел на своих жильцов.

— А вы не знаете? — озадаченно спросили они в унисон.

— Не знаю! — Как же с ними тяжело.

— Мы тоже не знаем. — Они были явно огорчены таким поворотом событий.

— Этого не может быть, — не поверил я, — вас-то выгнали словом силы из жезла. Значит, вы его слышали.

— Точно, командор. Ну какой же вы умный! — обрадовался Мессир.

— Ну, какое? — подбодрил ласково его я.

Улыбка медленно сходила с лица духа, он топорщил усы и бороду, выпучивал глаза и наконец сдался:

— Я не помню.

— Опять двадцать пять! Может, ты, Лиан, знаешь, как духов выгнать из жезлов?

И тут я услышал, как мою сумку наполнил вой и стон.

— Точно! — вскричали радостно иллюзии. — Вот это слово! Мы вспомнили!

Вспомнили они, хмуро посмотрел я на них.

— Прикажи, Лиан, духам из жезлов лезть в меня, и приводите с Шизой их в порядок, чтобы все было, как, как... — Я задумался: как где? — Как в кибуце, — нашелся я.

— Это как? — озадаченно спросила Шиза.

— Это пальмы, колхозники — нет, кибуцеры. — Я не знал, как назвать живущих в кибуце. Если в колхозах колхозники, то в кибуцах, значит, должны быть кибуцеры. — Чистота, порядок, виноградник там, финики, — стал вспоминать я, что знал. — Еще бананы. Короче, пусть трудятся, обживаются, водку не пьют. Жениться разрешаю, от арабов пусть защищаются. Назначьте главного и помощника по идеологии. Вот, — закончил я.

— А какая у нас идеология? — От моих задач у Шизы, наверное, закружилась голова.

— Идеология у нас одна — служить новой родине, не жалея живота своего. То есть мне. Памятники мне поставьте в парках, барельефы на улицах. И чтобы две золотые звезды на груди были, как у дважды героя. Народ нужно воспитывать на героических примерах. Мне что, учить тебя всему? При твоем-то тысячелетнем жизненном опыте? — возмутился я.

— Поселенцы прибыли! — вдруг выпалила Шиза и скрылась.

— Ну слава богу, — вздохнул я. — Вы не хотите к ним

присоединиться, господа? — Но, увидев выражение лиц у иллюзий, сразу понял: эти в кибуц не хотят. — Тогда можете побыть здесь и никуда не лезьте без моего разрешения. Как поняли приказ?

— Приказ поняли, командор! — весело отрапортовали они.

— Вот и славно, — поощрительно улыбнулся я. — Так что у нас есть на складе?

Я зашел в спецификацию, тут были тысячи наименований. А мне нужно...

— Командор, можно залезть в этот костюм?

— Нет, нельзя, мне нужно...

— А в этот?

— И в этот нельзя! Мне нужно...

— Ну хоть в этот?

— Да лезьте, черт с вами, и больше никуда. Мне нужно...

— Я первый.

— Нет, я первый. Ты недотепа, который слова силы не запомнил. Смотри и слушай, как надо.

— Да ты сам не помнил и простоял молча, как пустой кибуц.

— Это я кибуц, да? А ты финик!

— А ты банан!

— А ты пальма!

— Мне нужно...

— Давай так, мой верх, твой низ.

— Нет, мой верх, твой низ.

— Тогда ты слева, я справа.

— Согласен.

«Ну наконец-то!» — я, не оборачиваясь на препирающихся духов, покачал головой. Мне нужно знать, сколько здесь летательных аппаратов. Так, рейдеры — двенадцать, легкие разведчики — четыре. Штурмботы космос-атмосфера — два. Грузовой челнок — один.

От экрана меня отвлек шум колесиков кресла, я оглянулся и чуть не уронил сердце в пятки: по помещению, скалясь и бурча, катился ко мне Ромео-без-Джульетты. Его обтянутые желтой пергаментной кожей скулы растянулись в зловещей улыбке, а глаза моргали. Он подкатил ко мне и подмигнул.

— Здесь так здорово, командор! — сказал он мне. — Поехали налево, — предложил он.

— Налево ходят только по бабам, — не понимая, что происходит, ответил я. — Мужчины ходят направо.

— Тогда направо! — весело прокудахтал он и покатился налево. А следом раздался двойной залихватский хохот.

Я потерял глаза, но видение катающегося жизнерадостного зомби не пропало. Твою дивизию! Духи умудрились залезть в мумию и бесконечно радовались жизни. А у меня опустились руки. Потом я обреченно махнул на них рукой. Как дети! А дети чем бы ни тешились, лишь бы не плакали.

Итак, корабли у меня были, и я решил отписаться послу Новороссии и вспомнил, что я ему не дал верительные грамоты! А что ты за посол без грамот? Он должен установить первые дипломатические отношения с колонией и этот знаменательный факт выложить в сеть.

Новоявленный граф любовался короной, когда услышал мелодию вызова. «Как быстро его милость действует», — подивился он и открыл сообщение. Нет, он, конечно, понимал, что управляющий у княгини — человек деятельный, но такого стремительного развития событий он не предвидел.

«Господину графу Брану Швырнику, полномочному послу Новоросского княжества.

Господин граф, засим предлагаю Вам вручить верительные грамоты колониальному правительству на планете Суровая для установления дипломатических отношений. В качестве жеста доброй воли и заверения дружбы государыня передает в дар колонии корабль класса „разведчик“.

Приложения: верительные грамоты (заполнишь сам) и корабль.

P.S. Бран, я готов продать колонии шесть рейдеров по сто пятьдесят тысяч каждый, с дополнительным запасом ракет по два боекомплекта на каждый. Оплату можно произвести после решения вопроса с блокадой».

И небольшая приписка мелким шрифтом, от которой граф покрылся потом: «Старайся не доводить дело до харакири».

Получив такую стимуляцию, посол развил бурную деятельность и стал вызывать представителя колонии.

Грех любовно гладил броню устаревшего и массивного корабля. По сравнению с истребителями пиратов он казался неповоротливым монстром. Зато ему не нужен был корабль-носитель, и на этом бывшем пограничном

рейдере он мог добраться до Суровой. Он понимал, что там его ждали, и был готов к встрече.

Юноша зашел в широкий проем входного шлюза и вдохнул запах своего первого корабля. Здесь смешалась затхлость старого воздуха с кислинкой бронепластика. Но для него это был самый изумительный запах на свете. Створка люка с шорохом закрылась и отгородила паренька от внешнего мира. Грехт переоделся в скафандр пилота и уселся в такое же массивное, как и сам корабль, кресло. Пару мгновений он изучал корабль, подключившись к системам, и сразу перенастроил его под свои параметры.

— Диспетчер, борт 37–64 к вылету готов, прошу выделить коридор, — обратился он по связи к диспетчерской службе станции.

— Назовите свой позывной и принадлежность корабля, — пришел ему ответ.

— Позывной — Суровый. Принадлежит колонии поселенцев на планете Суровая.

— Вылет через пять секунд, коридор Альфа-4. Приятного полета, — приятным голосом сообщила диспетчер.

Створки ангара раздвинулись, и корабль стремительно взял старт. Он идеально прошел коридор и вылетел в открытый космос, где растворился среди звезд.

Дежурный руководитель смены в диспетчерской поперхнулся кофе, который пил в этот момент. На его глазах устаревший «башмак» — так называли на сленге старые корабли за их медлительность и неповоротливость, совершив просто идеальный маневр, на немыслимой скорости покинул коридор и исчез с радаров слежения.

— Он что, сразу ушел в гипер? — удивленно уставился он на свою помощницу.

— Видимо, да, — так же удивленно ответила она. — Дикари, что с них возьмешь, — добавила девушка.

Грехт ушел в гипер и совершил прыжок в следующую систему. Всего ему требовалось сделать три таких прыжка. Он испытывал подъем, это была его стихия, его мир, которому он принадлежал полностью. Резко увеличив ускорение, нисколько не жалея старый корабль, он почти мгновенно набрал нужную скорость и покинул систему.

— Кэп, сенсоры показывают, что у нас гости: старый музейный экспонат. Такие башмаки стоптали лет сто пятьдесят — двести назад. Класс

«рейдер», такие уже не выпускают и такие не летают.

— Рейдер уничтожить, пилота на допрос. Узнаем, из какого музея он прибыл.

— Будет сделано, — радостно оскалился дежурный на капитанском мостике.

— Бруно и Шварц, на вылет. Задача: уничтожить корабль противника, пилота захватить живым. Танцуйте, мальчики!

Из трюма грузового корабля, переоборудованного в боевой носитель, вылетело звено — ведущий истребитель и ведомый штурмовик, они приняли целеуказание и устремились на перехват. Вскоре цель была захвачена сенсорами малых кораблей.

— Бруно, этот музейный экспонат жалко сбивать; может, предложим сдаться?

— Кэп ясно сказал: башмак уничтожить, — раздался по связи голос дежурного на мостике.

Перехватчики разошлись, осуществляя тактический захват противника, а тот, словно не замечая идущих на перехват кораблей, двигался прямо под огонь орудий.

Грехт видел, как на визоре шлема появились маркеры противника. Истребитель второго поколения и средний штурмовик первого. По сравнению с ними его кораблик можно было отнести к минус два. Он продолжал свой полет, не меняя курса, и заходил прямо между ними — классическая вилка. Сердце его не замирало от ужаса предстоящей схватки. Тело двигалось на внедренных рефлексах, точно, быстро и без ошибок.

— Через пять секунд огонь, — прозвучала команда ведущего. А через секунду музейный экспонат исчез.

— Я его не вижу, — раздался удивленный голос пилота штурмовика. — База, ответьте первому. Где противник?

— Мы потеряли его, первый! — раздался удивленный голос дежурного.

И в этот момент башмак проявился между двумя кораблями пиратов, он резко дал старт и, увеличив скорость, проскочил опасный участок и ушел в гипер.

— Ушел, гад! — сокрушенно выкрикнул ведущий, а после на месте перехватчиков вспыхнуло два факела, и они испарились вместе с пилотами.

— Кэп, у нас два сотых, ^[4] звено уничтожено. Противник скрылся.

— Как это произошло?

— Выясняем.

Грехт был внешне спокоен, но внутри его переполняло счастье. Первый боевой вылет — и две победы! Его «Дракон» как живой слушался своего пилота. Он возвращался на торговую станцию.

От мыслей, чем еще нагрузить посла и графа в одном лице, меня отвлек шум. За моей спиной катался оживший инженер, он и после смерти чудил. А мне пришло сообщение от Брана:

«Ваша милость, верительные грамоты вручил Колониальному представителю на станции Грехту Маеру. Информацию об этом волнующем событии выложил в глобосеть. Высылаю координаты места, куда отправить корабли.

Граф Бран Швырник Проворный, полномочный посол Новоросского княжества.

P.S. Если можно, вышлите тысяч пятьдесят кредитов на представительские расходы».

Ну вот, сразу начали расцветать коррупция и воровство, вздохнул я. Меняются страны, галактики, вот только люди не меняются. И отправил Брану форму финансового отчета, по которой он будет должен отчитаться за каждый кредит с приложением необходимых документов и обоснований трат. А также ссылку на Уголовный кодекс. После этого получил ответ, что господин граф отказывается от денег и готов с огромным удовольствием потратить свои средства на службе ее высочества. За что получил первый орден — «Защитник интересов княжества» первой степени: голова нехейского барса, щит первого уровня.

Разрешив все финансовые вопросы, я отправил семь кораблей по одному, каждый раз подзаряжаясь от розетки. Мне даже не надо было вставать с кресла: протянул щуп из ауры, минута — и запас полон. Но кроме энергетических трат на переправку кораблей странным образом уменьшался запас эневронов сам по себе, как утекает вода через маленькую дырочку, медленно, но непрерывно.

— Шиза, у нас где-то образовалась дыра, и моя энергия утекает в неизвестном направлении, разберись там, что-то мне не хочется становиться пищевым концентратом для Лиана.

— Скоро это прекратится, — ответила она, — мы обустроиваемся.

— Мы — это кто?

— Мы — это твои кибуцеры и я. Сам просил пальмы, финики, бананы и парки с памятниками. На все это нужны средства. Кроме того, еще нужны арабы, от которых нужно защищаться. И есть просьба от мужской половины: женщин у них мало, не все они могут жениться.

Услышав от Шизы, что у меня в самом деле внутри образовалась «Лилипутия», я надолго затормозил. Чтобы хоть как-то собраться с мыслями и охватить всю масштабность моей внутренней душевной перестройки, достал бутылку вина и бокал. Налил и одним махом выпил. Посидел и понял: не берет. Эх, щас бы водочки, граммов сто! Только где ее тут взять? Не придумали они, как делать из браги самогон. Бабули на них не хватает, огорчился я.

Тем временем зомби увидел бутылку на столе и, лихо развернувшись, как настоящий гонщик, подкатил к пульту.

— Командор, вы позволите разделить с вами компанию? — обратился он ко мне двумя разными голосами.

— Пейте, чего уж там! — махнул я рукой. — Такой случай, новоселье.

— Куда руку тянешь, финик недоразвитый. Первым я буду брать бокал.

— А почему ты, голова без памяти? Я старше.

— Ты старше? Ты вообще сопля.

— Ах, сопля? Ты у меня получишь! — И на моих глазах правая рука зомби врезала себе в левый глаз.

— А мне не больно, мне не больно. — И левая рука врезала по правому глазу.

— Так, стоп! — крикнул я. — Хватит издеваться над умершим. Поиграли, и в сумку.

Духи покинули тело и, просительно скорчив рожи, покаялись:

— Мы больше не будем. Можно побыть нам еще немного здесь?

— Будьте и не мешайте. Мне благодетеля надо снарядить на долгий путь.

Теперь обещанная гробница для нашего благодетеля. Я создал небольшой проект, и инженерный дрон из куска железного астероида сотворил нечто типа кровати с балдахином, на кровати гроб без крышки, как у спящей царевны. Вот туда, под огорченные вздохи духов, положили Ромео-без-Джульетты. И на этой гробнице была надпись, вырезанная лазерным лучом дрона и залитая краской, которая вспыхивала при попадании лучей от светила: «Покойся с миром! От благодарных потомков», — горели слова.

Дрон придал усыпальнице ускорение, и несчастный в прошлой жизни

инженер начал свой бесконечный путь по Вселенной. Я смотрел и думал: будут затухать звезды, зажигаться новые, будет появляться и умирать жизнь на планетах, а Ромео будет нестись сквозь века и пространство космоса бесконечно. Но тут маркер усыпальницы мигнул и исчез. Как это? — удивился я и получил ответ от искина: объект слежения вошел в гравитационную воронку и вышел за пределы системы.

— Ну, тогда скатертью дорога, — пожелал я вслух. Пора в степь.

Инферно. Замок Цу Кенброка

После переноса они оказались в тронном зале. Князь прошел к трону замысловатой формы и уселся. Гости остались стоять. Тут было одно место, где можно сидеть, и это был фон.

— Что ты хотел показать мне? — обратился Цу Кенброк к караванщику. Тот достал артефакт, и перед присутствующими развернулась голограмма.

— Ты зачем пришла? — спросил Варшарг старуху с длинной палкой в руке.

— Проведать тебя, сынок. Ты мать свою забыл и господину почести не оказываешь.

— Это он тебя послал?

— И он тоже, Варшарг. Что передать по иномирным? Может ли наш господин рассчитывать на них?

Владыка внимательно смотрел на старуху:

— Я сам ему сообщу. Ступай.

Голограмма свернулась. В зале установилась тишина. Черный демон молчал и что-то обдумывал, гости ждали, когда он обратит на них внимание.

— Ты пришел за детьми, Жаркоб, ты их получишь и исполнишь для меня задание.

Караванщик почтительно согнулся.

— Ты соберешь для меня наемников в Брисвиле, я плачу двойную цену каждому, и приведешь сюда. Срок тебе — трик.

— Сделаю, мой господин, — еще раз поклонился Жаркоб.

В зал неслышно вошел распорядитель.

— Иди с ним, — показал князь на вошедшего, — он решит твой вопрос.

Когда караванщик ушел, Цу Кенброк внимательно посмотрел на Прокса. Он изучал его, как изучают головоломку, пытаясь мысленно

собрать воедино разрозненные части. Наконец он спросил:

— Откуда ты? Я не слышал о демонах из внешнего мира.

— Мы прячемся, — ответил агент. — Нас мало, и нас преследуют.

— Понимаю, — покачал головой князь тьмы. — У демонов много врагов. У тебя оружие иномирян? — показал он на бластер, который Прокс так и не успел убрать в рюкзак.

— Да, властитель, — не стал скрывать он очевидного. Прокс уже много раз применял бластер.

— Ты можешь достать мне такое оружие? — Князь впился взглядом в Алеша, ожидая его ответа.

— Нет, властитель, не смогу. Оно настраивается только на одного владельца изначально, и мое оружие будет бесполезно в чужих руках. Оружие без привязки не выдается.

— Дай мне свое оружие! — Это прозвучало как приказ.

Прокс протянул бластер князю не беспокоясь, интеллектуальное оружие в чужих руках не работало. Он сразу увидел, что Цу Кенброк знаком с ним. Он попробовал его включить, но бластер в его руках оставался пустой игрушкой.

— Другие иномиряне обещали мне это оружие, значит, оно может быть не привязано к владельцу. — Цу Кенброк упер потяжелевший взгляд в агента АДа.

— А почему не дали? — осмелился усмехнуться Демон. Он смотрел на князя, который тоже усмехнулся.

— Ты считаешь, что они меня обманывают?

— Считаю, властитель.

Тот помолчал.

— Это твоя сьюра? — перевел он разговор на другую тему. — Сенгурка. Чистая, — произнес он отдельно.

— Моя, — просто ответил Алеш.

— Моя прабабка была сенгурка, — произнес князь. — Одна из последних чистых. Они бежали от наплыва орд крысанов. Много у вас воинов, сьюра?

— Несколько тысяч, но они мутанты.

— Это не важно, я видел ваших бойцов, пара сотен таких мне бы пригодилась для личной охраны. Сенгуры не предают, мне об этом говорила моя мать. Ты сможешь привести их сюда?

Листи повернулась к Проксу:

— Если надзирающий разрешит, то смогу.

— Значит, ты у них захватил власть, пришелец? — Князь смотрел на

Алеша уже с большим уважением. — Я предложу тебе место правой руки, а сьюре — место начальника моей личной охраны. Что скажешь?

Алеш понял, что дела у Цу Кенброка идут неважно, его предадут свои и не надеются на то, что он выстоит. Валорцы кормят обещаниями и водят за нос. Но это реальный шанс изменить обстановку в Инферно в свою пользу.

— Ты позволишь мне расправиться с теми иномирными? — спросил он князя.

— Зачем тебе это?

— Вражда. Они убивают нас, мы — их, — просто ответил Прокс и выжидающе посмотрел на черного демона. Тот задумчиво постучал пальцами по ручке трона и ответил:

— Они обещали помощь в войне.

— Мы тоже обещаем, — ответил Прокс. — Сюда прибудет наш отряд, и они будут демонами.

— А потом ты попытаешься свергнуть меня и сесть на этот трон, — недобро улыбнулся Цу Кенброк. — У сенгуров ты уже стал властителем. Может появиться желание повторить это здесь.

— Мне не нужен твой трон. Моя война не здесь, а там, в открытом мире. Твой трон слишком мал для того, чтобы я претендовал на него. Я здесь потому, что здесь эти иномирные, и они враги.

— Понимаю, — опять повторил Цу Кенброк уже спокойно. — Врагов надо уничтожать. Уничтожь их крепость на моей земле, и мы с тобой еще раз вернемся к этому разговору. Тебя проводят туда. А ты, сьюра, останься.

Прокс лежал за склоном небольшого холма и рассматривал в бинокль базу валорцев. Вот она, цель, к которой он так трудно шел. За энергетическим куполом скрывались мобильный комплекс и телепортационная площадка. Синдикат основательно устроился на территории князя и оградил себя от всяких случайностей, космодрома тут не было. Был телепортационный центр. Значит, корабли-приемники находились на орбите. Скоро шифровка ушла в центр.

Открытый космос. Приграничная станция «Созвездие-57Т»

Блюм Вейс читал общую сводку по зоне ответственности своего департамента. Здесь не было секретных сведений, а была выборка неожиданных и, можно так сказать, занимательных сведений, выходящих за обычные рамки новостей.

У соседей на торговой станции конфедерации Шлозвенга появилось посольство княжества Новоросского. В прилагающейся пояснительной записке сообщалось, что само княжество существует триста лет, но до этого себя никак не проявляло. Владея лишь небольшой кучей камней в космосе, оно пребывало в тихом забвении. Но на днях купило материк на независимой планете и установило дипломатические отношения с колонией. При этом они обменялись верительными грамотами и подписали меморандум о дружбе и взаимопомощи.

Вейс поморщился: еще одно мертворожденное государство, пыжащееся и претендующее на роль державы. Сколько их возникло и исчезло за годы его службы. Только одно отличало новое образование — автократичность.

— Надо же, княгиня! — усмехнулся Блюм. — Дама Хомо Шиза, по имени и не определишь, откуда она.

— Шеф, срочная шифровка от Демона, закрыта личным кодом. — Над столом появилось изображение секретаря.

— Сбрасывай, — приказал Вейс и углубился в чтение.

Степь

Я прятался среди кустов около стойбища племени муйага. Большое племя, союзник сивучей. Палило южное светило, и донимали мошки, но Лиан облек меня своей «коркой» и занимался тем, что ради развлечения ловил неосторожную мошкарку и забирал у нее крохи энергии. Так как я видел, что лапки свои тянули малыши, то понял, что эти, в отличие от озабоченной няньки, нашли общий язык друг с другом. Меня окружили мертвые тела насекомых, и скоро надо будет менять место дислокации.

От скуки я напевал грустную песню: «Степь да степь кругом, путь далек лежит, в той степи глухой, помирал ямщик...» Доходил до «ямщика» и начинал сначала. Я видел, как в стойбище прискакали около сотни воинов, они были возбуждены и что-то кричали часовым.

«Интересно, что за новости они привезли?» — подумал я и, не выходя из «скрыта», телепортировался на территорию стойбища. Рассмотрел спящего в тени орка и принял его образ, вышел из невидимости и пошел спокойно между повозок. Стойбище жило своей суетливой жизнью, и каждый занимался своим делом, не обращая внимания на других.

— Ах вот ты где, вонючий помет лорха! — услышал я женский крик за своей спиной и, не оборачиваясь на чужие скандалы, продолжал путь к шатру вождя, куда побежали и прибывшие.

— Так ему бык еще на ухо наступил! — продолжала ругаться на неведомого бедолагу орчанка. — Уж лучше бы он тебе яйца отдал, ковыль сухой. Я его послала за молоком для гайрата, а он тут вокруг этой лахудры ошивается. Ну, погоди! Ты станешь у меня мерхом.^[5]

Вот дает, улыбнулся я... и получил палкой по голове. Удар вреда мне не нанес (спасибо Лиану), но я возмущенно повернулся и увидел толстую и огромную орчанку, которая возвышалась надо мной на три головы. Прямо тролль настоящий или троллиха.

— Ты что себе позволяешь, женщина?! — высокомерно заявил я.

— Знай свое место и закрой рот.

Рядом с повозкой стояла худенькая симпатичная орчанка, которую портили только сильно выпирающие клыки, и, накручивая волосы на палец, с интересом смотрела на разворачивающийся скандал.

— Что ты проблеял, недоносок? — Толстуха была поражена и, взмахнув толстой палкой, как мечом, попыталась еще раз врезать мне по голове. Я отскочил и погрозил ей пальцем:

— Ты, неотелившаяся самка коровы, брось палку!

Казалось, ту хватит удар. Заревев, она бросилась на меня. А что мне оставалось делать? Я оставил симпатичную дамочку с клыками и бросился наутек. Следом неслась стая разъяренных слонов, оглашая окрестности трубным воплем. Я пригнулся и перекатился под повозкой, следом туда ворвалась орчанка и застряла. Я остановился и уставился на нее, она кряхтела и не могла двинуться ни вперед, ни назад.

— Опять Крингара своего непутевого гоняет, — услышал я чей-то голос. Подобрал брошенную ею палку и зашел сзади, уставившись на необъятный зад дамы. Он воинственно торчал между колес. Посмотрел на палку, потом на Эльбрус, колыхающийся у меня под ногами, и задрал ей подол.

— Ой! — раздалось с той стороны повозки. И Эльбрус замер. — Ты чего удумал, лорх необъезженный? — Голос дамочки задрожал.

— Учить тебя буду, Крингара. Можно сказать, объезжать тебя буду, как лорху необъезженную, — и, размахнувшись, врезал по зеленому задку палкой. Снова размахнулся и врезал еще. Повозка закачалась и стала валиться. Ну и силища! — поразился я и, не дожидаясь, когда повозка рухнет и придавит меня своим весом, побежал прочь. Стали собираться зрители — еще бы, такое развлечение! И среди них стоял орк, образ которого я принял. Как вовремя, обрадовался я и перешел в «скрыт», сняв иллюзию.

Орк увидел фурию, несущуюся на него со скоростью пассажирского

экспресса, и, вытянув руки пред собой, запричитал:

— Крингара, я уже иду! Скоро молоко будет.

Но орчанка подхватила орка, легко, как перышко, забросила на плечо и устремилась к повозке. Сначала закинула туда орка, а потом протиснулась сама.

Из-за шкур фургона послышалась мольба орка:

— Крингара, не надо, я прошу тебя, не надо! — Но все это перекрыл рык, похожий на львиный. Народ, посмеиваясь, стал расходиться под скрип повозки.

Я же облегченно вздохнул. И расстроился. Вот почему я такой невезучий? Взял образ одного только орка из тысяч и сразу вляпался?

Не рискуя больше ходить открыто по стойбищу, ушел в ускоренный режим и очутился в шатре вождя. Там шел военный совет.

— Еще раз повтори, что случилось с моими братьями? — На запыленного орка, стоявшего перед вождем, в упор смотрел лесной эльфар, скрытый под иллюзией степняка.

— Пришел не наш орк, часовым назвал скрытое слово и вошел в шатер, где собрались твои братья, потом раздался сильный взрыв. От шатра остались только лоскуты, все, кто там был, погибли. Но вместо степных воинов там лежали мертвые лесные эльфары. Поэтому я прискакал сообщить муразе, что среди нас спрятались враги, и ты тоже, верно, враг! — безбоязненно ответил воин, но неожиданно замер, не в силах пошевелиться.

Эльфар встал и вонзил нож в шею орка. Подхватил падающее тело и осторожно опустил на пол.

— Зачем ты его убил? — спокойно спросил мураза. — Он был хороший воин.

— Он мог рассказать, что видел, — ответил эльфар.

— Там сотня воинов с ним была, они тоже видели, — ответил шаман. — Всех будешь убивать? — Он так же спокойно смотрел на эльфара.

Я не стал слушать их дальнейшую перебранку, выхватил из ножен эльфара нож и прикончил сначала шамана, перерезав тому горло, потом вождя, вонзив нож ему в сердце и там и оставив. Применит заклинание развеять, и с эльфара сошла иллюзия. Выскочил из шатра, приняв образ убитого воина, и заорал вовсе горло:

— Предательство! Враги убили вождя! На помощь!

Охрана сначала оторопела, а потом, как стая разъяренных волков, бросилась в мою сторону. Я заскочил в шатер и прыгнул телепортом от

него подальше. Принял образ верховного шамана и снова заорал:

— Предательство! На нас напали, — и побежал, потрясая посохом, который успел прихватить из рук умирающего. Собрав толпу, направил ее к шатру вождя, а там уже шла битва. На месте шатра были одни обрывки, стража валялась вся в крови. В центре разгромленного шатра или, вернее, того, что от него осталось, стоял эльфар. Он огородил себя живой изгородью и доставал свиток.

— Вот этого не надо, — пробурчал я. Ушел в «скрыт», ускорился и оказался рядом с магом. Двинул ему в красивую морду кулаком, отобрал свиток, а заодно его сумку. И опять скрылся подальше в другую сторону.

Снова поменял облик. Теперь я был магом эльфаром. На меня неслась толпа орущих степняков, в которую я запустил «торнадо» и побежал от них, прошмыгнув под повозкой и вылез оттуда орком. Огляделся и нос к носу столкнулся с растрепанной Крингарой. Она высунулась наполовину из фургона, накрыв полповозки своим необъятным бюстом, увидела меня и алчно ощерилась. Неожиданно быстро протянула свои лапищи и затащила в повозку. Обхватив меня, она прижала к своей груди, и я утонул в ее складках.

Единственное, что я мог сделать, это пролепетать: «Крингара, не надо, я прошу тебя, не надо!» — но мой возглас отчаяния перекрыл рык голодной львицы. Она навалилась на меня, а подо мной кто-то стал орать и толкаться. Не понимая, в чем дело, женщина ослабила хватку и, перекрыв выход, села. Я тоже сел. Сел и тот, кто был подо мной. Мы смотрели друг на друга. Один голый муж Крингары, другой одетый. Не выдержав испытания нервов, орк заорал во все горло. Крингара облизнулась, сдула прядь волос, упавших ей на глаза, и выдала вердикт:

— Теперь вы оба от меня никуда не денетесь, — и бросилась на нас двоих.

Я тоже заорал, добавив свой фальцет к ору мужа Крингары, меня мгновенно выкинуло на ускоренное восприятие, и я успел телепортироваться как можно дальше от столь опасной повозки. Во всем лагере царила суeta, гремели барабаны, трубили рога, в центре шел магический бой, и все это перекрывал боевой клич орков, которые бестолково метались по лагерю и орали во все горло. За ними весело носились дети, добавляя суматохи, а за ребятишками — их матери. Отцы орали на орчанок, те на детей, и все вместе кого-то ловили. Я решил добавить им атмосферы. Опять стал магом-эльфаром и запулил в толпу всем, что знал. Дождавшись, когда на меня обратят внимание, нырнул под повозку и вынырнул воином, прискакавшим к вождю, и смешался с толпой.

«Он там!» — заорал я во все горло, потрясая поднятым с земли топором, и указал направо.

— Грург, ты живой? — неожиданно услышал я вопрос орка, который протолкался ко мне и схватил за руку.

— Я да, а ты нет, — ответил я и рубанул топором его наискось. Толпа мгновенно раздалась в стороны.

— Здесь предатели, они привезли с собой эльфаров, — орал я, — догоним и убьем их!

Часть клыкастых с азартом побежала искать эльфаров, а часть стала ловить прибывших с Гругом. Со мной рядом оказался шаман.

— Ты тоже с ними приехал, предатель! — закричал он и двинул меня жезлом по голове.

Я вырвал жезл и дал ему пинка с оттяжкой. Лиан подсобил, и шаман улетел через повозку, а я ушел в «скрыт» и телепортировался в сторону. Принял образ несравненной Крингары и понесся в сторону шатра вождя. Там маг еще держался. Я раздвигал толпу, как ледоход льдины, оставляя за собой широкий проход. Народ степи, увидев еще одно стихийное бедствие, стал быстро уступать мне дорогу. И я по образовавшемуся коридору трусил, как бегемот-чемпион, пока не встретил своего собрата по несчастью — «вонючего помета лорха». Он, натягивая на ходу портки, убегал от настоящей Крингары. И, увидев меня, остановился и оглянулся, выпустил из рук портки и упал навзничь, потеряв сознание. Глядя на его признак мужской доблести, открытый всем на обозрение, я широко открыл глаза. Теперь мне понятно стало, почему орчанка за ним охотилась. Я поднял глаза и уставился на своего двойника. «Нет, хватит!» — решил я и ушел на спутник. Пусть дальше разбираются без меня.

Командир боевой группы тайной стражи Вечного леса Майри-ил увидел неожиданно появившегося в шатре орка, который стремглав выскочил вон и заорал: «Предательство! Вождя и шамана убили!» Эльфар посмотрел на лежавших муразу и верховного шамана и вздрогнул. Они действительно были убиты. Шаман зажал руками горло, из которого хлестала кровь, и дергал ногами, а вождь замер с кинжалом в сердце. Но времени на раздумья у него не было: его раскрыли и сейчас сюда ворвется стража муразы. Он создал огненный шар и направил его на вход в шатер. Большой огненный ступок с гудением преодолел небольшое пространство и с грохотом взорвался, разметав шатер и нападавших.

В стане орков тревожно затрубили рога и забили барабаны. Весь в копоти и с обгорелым лицом, маг нанес еще несколько ударов огненными

шарами, уничтожив ближайших нападавших, и сотворил живую изгородь из колючего кустарника. Ему нужно было время, чтобы достать свиток с телепортом и скрыться. Но опомнившиеся орки стали осыпать его градом стрел, поэтому он вынужден был поставить щит и атаковать стрелков осами. Большие насекомые с жужжанием набросились на лучников, и те, прекратив обстрел, бросились врассыпную. Но тут дикари прорубились сквозь изгородь, и ему пришлось атаковать их. Бросив семя на землю, он быстро прочитал заклинание, и на пути бойцов выросли корявые деревья, которые обхватили орков своими ветвями.

Наконец у мага появилось немного времени, и он достал свиток. Вздохнув с облегчением, он уже хотел его использовать, как свиток исчез из рук, потом исчезла его сумка, и следом что-то врезало ему между глаз. Майри-ил упал, на время потеряв сознание, а когда пришел в себя, то увидел стоявших над ним орков. Он собрал последние силы и пустил «волну смерти» — серая рябь стала кругами разбегаться от лежащего мага и поглотила стоявших рядом воинов, но больше он ничего не успел сделать. Он поднялся, и тут же стрела вошла ему в спину между лопаток, сильный удар бросил его на колени, и последнее, что он увидел, это топор орка, несущийся ему в лицо. А потом боль и темнота. Сколько он пребывал в темноте, он не знал. Но очнулся от холодной воды, выплеснутой ему в лицо. Он был гол, а рядом стоял шаман.

— Очнулся? — прокаркал тот. — Теперь долго не уйдешь за грань, лесной выродок.

А через ридку мага накрыла боль, по становищу разлетелся жуткий вопль, который не смолкал ни днем ни ночью. Орки не хуже эльфаров знали, как наказывать своих врагов. А у племени появился враг, общий кровник — лесные эльфары.

Чем дальше на юг продвигалось посольство, тем мрачнее и молчаливее становился граф Мару тан Саккарти. Сохранить в тайне посольство не удалось. В степи началось непонятное движение. Проявили себя силы, препятствующие посольству. На всем протяжении пути их ждали засады, он понимал цель этих нападений — остановить движение вангорцев и дать время союзникам переломить ситуацию в свою пользу. Если это случится, своей судьбе он не завидовал. Лучше навсегда остаться костями в степи, чем вернуться без результата. Его величество, задирая юбки фрейлинам ее величества, успевал следить за государственными делами и самые важные вопросы брал под свой контроль. Будь проклят тот день, когда он попал на глаза разгневанному герцогу Крензу и тот

отыгрался на нем. Лучше бы он отправил этого выскочку из Азанара, что подставил его под неудовольствие его величества. Граф ехал в полном боевом снаряжении, окружив себя двумя десятками солдат из личной стражи. Он недовольно посмотрел на посольских, размякших под южным солнцем, но вынужден был признать, что ратные дела не их поприще. Они включатся в работу по прибытии в ставку великого хана. Будут вести беседы с муразами, сотниками, одаривать жен и евнухов. Выяснять предпочтения хана и советовать ему, главе посольства. Он вздохнул: все с самого начала пошло не так. Сивучи не побоялись и выкрали на пиру студента, аристократа. Словно наплевали на волю и неудовольствие великого хана. И он промолчал, стерпел оскорбление. Граф глубоко вздохнул и увидел снежного эльфа, которого перед смертью купил нехеец. Тот шел к оркам. «Хоть одно доброе дело сделал этот непутевый», — подумал граф, задумчиво глядя вслед эльфару.

Гради-ил шел к оркам. После того как шаманка неожиданно исчезла, они попеременно разведывали местность. Днем — эльф, ночью — орки. Его степные воины приняли как своего и не чурались бывшего раба сивучей. Он был полезен.

— Что слышно в степи? — задал разведчик обычный вопрос, на который они только пожимали плечами, но на этот раз Хамразг ответил по-другому:

— Степь шумит, племена собираются, близится гроза. Скорбь наступит скоро, брат пойдет на брата, и будет много вдов.

— Это как ты узнал? — Разведчик был сильно удивлен и с сомнением посмотрел на говорившего.

— Степь надо слышать, она все скажет, — непонятно ответил пожилой воин. — Ты не слышишь, потому не веришь. Худжгарх пришел в степь — Мститель.

— А кто такой Худжгарх? — осторожно спросил Гради-ил. Прожив почти год у орков, он не слышал предания о мстителе.

— Когда наши братья нарушают законы предков и убивают не врагов, а так, ради забавы, отец всех орков начинает гневаться и посылает духа мщения, чтобы образумить детей своих. И тогда в степи начинается резня. Племя идет на племя, и на долгие годы возникает кровная вражда. По прошествии десяти лет она прекращается, и племена набирают силу и умножаются. Это время Худжгарха, он насыщается кровью и засыпает. — Орк посмотрел на эльфа. — Малыш степь слышал. Настоящий орк был, правильный. Он не делал по уму. Он жил сердцем. За небесную невесту

вступился и братьев ее и погиб. Неудобно это Отцу, отошел народ его от заветов. — Орк замолчал.

— И как вы степь слышите?

— Трава шумит, ветер в кустах шепчет. Степной грохт [\[6\]](#) на небе знаки рисует. Много знамений, — ответил орк.

— И все могут степь слышать? — подивился эльфар таким откровениям.

— Нет, пришелец. Только мудрые сердцем понимают знаки Отца. — Хамразг надолго замолчал.

Леня собралась быстро и, прихватив братьев, устремилась к ставке. То, что она узнала, было крайне важно. И это нужно было сообщить Быр Караму. Они выехали ночью и все время держались настороже. Духи, которых она выпускала, не сообщали ей о врагах. Под утро они спрятались в овраге. После ночной бешеной скачки устали и они, и верховые лорхи. День нужно было переждать, чтобы отдохнуть самим и дать отдых животным, а под вечер снова тронуться в путь. Распределив смены часовых, Леня уснула.

Пробудилась она от грубого пинка, который болью отозвался в животе. Над ней стоял орк, а рядом два эльфа. Она рванулась вскочить, но не смогла, все тело было оплетено и сжато व्यюном, как тисками. Орк снова ударил ее ногой в живот, и она задохнулась от нахлынувшей боли. Эльфы равнодушно посмотрели на нее и отошли, не мешая орку забавляться.

— Куда ты так спешила, Змейка? — зло улыбаясь, спросил орк. Он присел рядом с ней, схватил за волосы и поднял голову.

Ей было больно и обидно: как их могли взять сонными и где был часовой?

— Думаешь, как вас захватили? — разгадал ее мысли воин. — Вон посмотри на этого часового. — Он повернул ее голову, и она увидела брата, в глазу которого торчала стрела, он смотрел открытым глазом в небо и оставался безучастен ко всему, что происходило рядом. У другого была отрублена голова.

Леня закрыла глаза и пожелала себе смерти. Но смерть не спешила забирать ее в свои чертоги, потому что горькая чаша была выпита ею не до дна, она поняла это после слов одного из эльфов: «Не бей ее и не оставляй синяков. Она умрет вместе с сыном правой руки».

Инферно, нижний слой

К небольшому дому, притулившись к оврагу, подошел хромой демон, опирающийся на сучковатую палку. Он грубо толкнул дверь ногой и, не спрашивая разрешения, шумно ввалился внутрь.

— Ты зачем пришел, Варшарг? — На него смотрела злым взглядом неопрятная старуха, рога которой уже изрядно были изъедены временем. Она, как и вошедший демон, опиралась на палку.

— Проводи меня к властителю, ведьма, — не отвечая ей на вопрос, ответил демон и уселся на грубо сделанную лавку.

— Не называй меня ведьмой, я твоя мать, — окрысилась старуха, еще раз бросив злой взгляд на хромого.

— Мать! — презрительно скривился он. — Была бы ты настоящей матерью, то я сидел бы сейчас на троне, а не бегал по пыльным дорогам, ища пристанища. Я тоже сын своего отца, и у меня есть право на трон, но ты уступила его сопернице. — Он сплюнул на пол и приказал: — Иди быстро к князю, у меня важные сведения.

— Тише, неугомонный! — прошипела демоница. — И у стен есть уши, — но стала быстро и суетливо собираться. — Пошли, — позвала на его, выходя из дома.

На троне сидел темно-синий демон.

«Синюха! — презрительно подумал Варшарг. — Половину домена жалкому наемнику уступил».

Синева князя свидетельствовала о том, что он потерял часть своей силы, уступив другому властителю территории. В Инферно сила и могущество князей тьмы происходили из домена, которым они владели. Сегодня ты могущественный властитель, наделенный властью и силой, а завтра — простой демон, у которого отобрали земли, а вместе с ними силу и могущество. Или наоборот, как это случилось с Цу Кенброком: становишься князем, обретая власть над доменом и получая вместе с ним силу и величие.

Этот был синий.

— Что ты хотел сообщить мне, Варшарг, что тебя выгнал этот жалкий червяк, случайно ставший подобием властителя? — Синий понял, какие мысли роились в голове хромого и пропыленного демона.

— Не только, великий, — низко поклонился демон, демонстрируя высшую степень покорности для владык, пусть и бывших. Это понравилось князю, и он смягчил тон:

— Что еще?

— Курама вернулся, — ответил демон и посмотрел на реакцию синего

на его слова. Как он и ожидал, тот не поверил.

— Курама — сказка, его нет. Что еще придумаешь в свое оправдание, беглец? — Тон его был зол и язвителен.

— Можешь не верить, это твое право. Но на сцене появился новый расклад сил. Я говорил с Курамой, он ищет сторонников, которые помогут ему вернуться в полной силе, и им он окажет помощь в предстоящей войне. Даже ослабленный, он по силе не уступает любому из князей. Все равно придет время, и вы, властители, склоните головы пред ним. Кто присоединится первым, тот будет иметь больше милостей и станет первым над остальными. У тебя есть шанс возвыситься и вернуть утерянное. Кураме все равно кому помогать, не согласишься ты, согласится Цу Кенброк, — ответил спокойно демон, он понимал, что у синего недокнязя нет свободы маневра. В новой войне обречены он и Цу Кенброк как самые слабые.

— Чего хочет Курама? — подумав, спросил властитель.

— Чтобы ты ему покорился и произнес: «Курама, прими эту жертву» — и все.

— Что я получу взамен? — продолжал сомневаться сидящий на троне.

— Часть силы и могущества божества и снова станешь черным. Для начала, — сказал демон.

Князь тьмы сильно комплексовал из-за своего цвета, и первое, что он хотел, это стать черным.

— Хорошо, я согласен, — наконец принял он решение и произнес: — Курама, прими эту жертву!

И в тот же момент был вышвырнут из своего тела. Зависнув над тронном, он увидел, как упало тело Варшарга, а его тело почернело. Он рванулся обратно, чтобы выгнать наглого захватчика, но натолкнулся на стену и попал в цепкий захват ауры существа, занявшего его тело. Синий попытался вырваться и занять хотя бы тело Варшарга, но пасть чудовища раскрылась и поглотила объятую ужасом духовную сущность, некогда бывшую князем.

Курама глубоко вздохнул, и за его спиной раскрылись маленькие крылья, которые вновь сложились и исчезли. Он был доволен: его прежнее могущество возвращается к нему.

— Князя тьмы! — захохотал он. — Существует только один князь тьмы. Все остальные — злобные слуги поднебесья.

Он подал знак, и в комнату вошел распорядитель.

— Все операции против Цу Кенброка свернуть! — приказал он.

— Почему, властитель? — осмелился спросить упавший на пол

распорядитель. Он разглядел тело Варшарга и темный цвет князя.

— Я прощаю тебя в последний раз, — спокойно произнес черный. — У соперника могущественная поддержка в лице иномирян. Он будет первым, на кого нападут князья и обломают свои рога. А когда они ослабят его, нападём мы.

— Хвала твоей мудрости, властитель, — не вставая, произнес управляющий.

— Воздай хвалу Кураме, это его мудрость, — довольно произнес князь.

— Хвала Кураме! — повторил за ним демон.

— Соберите рабов, каждого десятого принесите в жертву нашему господину. Пытайте и, убивая жертву, произносите: «Прими жертву, Курама». И начните со старухи, стоящей за дверями зала.

Открытый космос. Приграничная станция «Созвездие-57Т»

Блюм Вейс, руководитель департамента УАДа на станции, читал шифровку «Демона»:

«Дорогой дядюшка, спешу сообщить, что свой отпуск я провел нормально. Немного отдохнул, выспался, обзавелся друзьями. Люди здесь оказались гостеприимными и ждут наших родственников в гости.

Посмотри вырезку из старых новостей за 14. 07. 23078 года.

P.S. Нашим ребятам здесь понравится, и они останутся тут надолго.

Твой любящий племянник Ордис».

Если бы кто-то смог перехватить сообщение, он долго ломал бы голову, зачем нужно было сообщать такую ерунду. Но Блюм понял. Демон обосновался, создал свою сеть агентов, вышел на космодром и передал подробную информацию по их старой схеме.

Он покинул кабинет. Спустился на три уровня ниже и зашел в помещение, не отмеченное ни на одной схеме. По гравилуку спустился еще ниже и попал в свой настоящий кабинет, о котором знал только он. Именно сюда стекалась вся важная информация по сектору.

Демон сообщал, что наладил связи с одним из князей тьмы, который сотрудничает с валорцами. На территории его домена есть хорошо

защищенная база с телепортационным центром и кораблями на орбите. Фактически князь утратил контроль над пришельцами, и ему нужна помощь. Требуется постоянное присутствие сотрудников АДа на всех планетах сектора. Он прислал координаты центра преступников для проведения операции силами СО (специальных операций). Непосвященные не знали, что за скромной вывеской УАДа скрывается могущественная спецслужба, обеспечивающая общественную безопасность Объединенных Миров. Формально на границе она была подчинена пограничным силам, но фактически стояла над ней и могла в считанные часы мобилизовать и привести в движение огромные массы сил и средств. АДа боялись, его ненавидели, от него старались держаться подальше.

Блюм вернулся в свой кабинет и вызвал «секретчика»:

— Жордан, эта шифровка в центральный офис. Это ответ Управлению пограничных сил сектора. Отправляй немедленно. — Он положил флэш-карты в бокс секретной почты и закрыл его. Система работала по старинке, но выверенно и надежно. — Передача из рук в руки без использования пакетов нейросети.

Вейс был доволен. Не зря он ел свой хлеб. Задача обнаружить место утечки из закрытого сектора была выполнена, и он утер нос этим пижонам из Управления. Он не сомневался, что активную фазу операции Оперативный директорат управления АДа в этой части галактики, возьмет на себя. Он понимал, что те уже будут крутить дырочки для орденов и примерять мундиры с новыми знаками отличия.

ГЛАВА 3

Спутник. Степь

Я не спал больше двух суток, и мне требовался отдых. А также моральная релаксация от встречи с Гариидой, поэтому я залез в медкапсулу, включил режим восстановления и отрубился на два часа. Когда крышка с легким шипением открылась, я был свеж, полон сил и готов к новым свершениям, ну и к подвигам, наверное. Кроме того, поднялся из капсулы с обретенной новой базой — «Культы, верования и обычаи примитивных цивилизаций» и «Особенности дипломатии в доисторическую эпоху». Это даже не база, а чей-то научный труд, претендующий на истину в первой инстанции.

— Крошка, зачем мне эта галиматья? — Это был первый вопрос, который я задал моему ангелу-хранителю. Шиза, как наседка, обложила меня перышками в гнездышке и подсовывала информацию, которую посчитала нужным мне знать.

— Пригодится! — ответила она, и я вспомнил анекдот про эстонского крестьянина.

Едет Пуйка (парень по-эстонски) по дороге на лошади, смотрит — лиса раздавленная лежит. Поднял и говорит сам себе: «Приггаддиттса, может быть». Через год возвращается и выбрасывает вонючую шкурку: «Не приггаддилась». Так, видно, и со мной случилось — «приггаддиттса», может быть.

— Как там новоселы, обживают? — поинтересовался я.

— Обживают, — кратко ответила Шиза.

— Как обживают? — Мне стало интересно, отчего Шиза стала такой краткой, как рассказы Чехова. — Конфликты с Лианом? — спросил я, подозревая, что между ними не совсем заладилось.

— Нет, малыши от рук отбились, наловили рыбы и на лошади отвезли улов в кибуц. — Голос Шизы и все ее интонации выдавали в ней некую растерянность и легкую обиду.

— Надо же! Шаманы и лошадь в жезл засунули! — удивился я. — А рыба откуда?

— Пока ты в кустах лежал, этот Лиан сделал им удочки, и малыши стали ловить рыбу в моем пруду. Я поверить не могла, что там что-то водится. Сначала посмеялась, а когда они наловили целую гору, я поняла,

что этот приживал заставил их мух ловить в кустах, где ты прятался, а здесь они превращались в рыбу. Потом он стал конем, и они повезли рыбу в поселение. Теперь малыши на нем катаются, а я одна, — с обидой добавила она.

— А как он выглядит?

— Конь он и есть конь, — рыкнула она и ушла в фоновый режим. Теперь до нее не достучишься.

— Эх, женщины, женщины, — вздохнул я, — вам вечно не угодить, — и пропел: — «Одного целуешь, а мене кусаешь. Тю-тю-тю, тю-тю-тю, а мене кусаешь».

Кроме обиды симбионта на симбионта у меня были или, правильнее сказать, передо мной стояли более важные задачи. Обеспечить безопасность посольства и нагадить враждебным племенам. Поэтому я скомандовал «бапиш» («вперед» на фарси) к посольству и очутился в вечерней степи, в густых кустах, и не один. Рядом со мной сидели два эльфара под иллюзией. Они дернулись, но я ушел в боевой режим и недолго думая просто зарубил обоих своим нехейским мечом. Мне даже силу не надо было накачивать, Лиан добавил ровно столько, чтобы пробить щиты и раскроить им головы. Потом перешел в «скрыт» и ушел оттуда небольшим телепортом. В этот момент мне пришло озарение: «Чему я нэ сокил, чёму нэ летаю?» Имея пояс левитации и попутный ветерок «воздушного кулака», можно не оставлять следов на земле. Чтобы обнаружить меня в «скрыте», нужно применить развеивание. «Но кто его будет в степи применять? Да никто», — ответил я сам себе. И, поднявшись метра на три, спокойно полетел над степью.

Горел закат, ложились длинные тени, а впереди обоз посольства обосновывался на ночлег, как всегда с шумом, руганью и суетой.

Из лагеря метнулись смазанные силуэты, и, рассмотрев их, я понял, что это Гремучие Змеи. Оставив их проводить ближайшую разведку, я полетел дальше.

Умгар, опытный ветеран Гремучих Змей, сразу почувствовал запах крови. Он остановился и поднял кулак. Все замерли. Он указал вытянутой рукой направление, и орки стали окружать опасное место. Осторожно исследуя окрестности, они медленно приближались к кустам, откуда исходила угроза, готовые в любой момент к встрече с противником. Наконец сошлись у кустов и напряженно смотрели на распростертые тела лесных эльфаров.

— Трофеи не забрали, — присев рядом с телами, сказал Умгар. —

Поднимайте их как есть и отнесем послу, — скомандовал он. — Брынга, ты остаешься на разведке, — приказал он самому молодому воину.

У шатра посла стояло несколько разумных: сам граф, который хмуро взирал на мертвых союзников, магистр Луминьян, быстро шмонающий по сумкам и телам эльфаров, и орк Умгар.

— Что скажете, мессир? — спросил граф мага, который с кряхтением поднялся.

— Это рейдеры, тан Саккарти, — ответил Луминьян, — и их убили не более часа назад, это все, что я могу сказать, — развел он руками в стороны, как бы оправдываясь пред послом за недостаток информации. — Кто-то идет перед нами и убивает всех, кто может угрожать посольству. Только такой вывод я могу сделать из всего того, что мне довелось увидеть.

— И кто это может быть? — Граф бросил взгляд на орка. — Воины Быр Карама?

— Это Худжгарх, — спокойно ответил орк. — Пришло его время.

Он развернулся и ушел, затерявшись среди повозок. Саккарти долго смотрел ему в след и спросил мага:

— Кто такой Худжгарх?

— Я не знаю, но слышал от снежного эльфара это слово. Какой-то дух мести.

— Дух мести, — повторил граф. — Духи мечами не машут, мессир.

Вечный лес

Кирсан-ола смотрел ничего не выражающими глазами на агента, только что прибывшего из Оркских степей. События разворачивались странным и непостижимым для него образом, путая карты в задуманной им комбинации. Он был не просто в ярости, он был потрясен. Но ничем не выдавал своего состояния. Глаза смотрели внимательно, но без напряжения, голос был ровен, а само тело начальника тайной стражи Леса было расслабленно и вольготно развалилось в удобном кресле. Тщательно выверенная и продуманная операция рассыпалась как карточный домик, и инициатива терялась, как убегает вода из рук, просачиваясь сквозь пальцы. Его специалисты не только не контролировали ход ситуации, они не поспевали за ее развитием. А посольство Вангора медленно и спокойно двигалось к ставке великого хана.

— Какие потери мы понесли? — продолжал спокойным голосом расспрашивать он гонца.

— Могу только приблизительно сказать, мильер.^[7] Лер Гарис-ил не

смог наладить связь с двумя звеньями рейдеров и семью советниками. Это половина имеющихся в степи сил. Кроме того, неожиданно племя муйага схватило лера Майри-ила, его поставили на пыточный станок, а вся его боевая группа предположительно уничтожена. Это все, что пока известно.

— Есть предположение о том, кто оказывает противодействие нашим группам в степи?

— Нет, мильер. — Гонец низко поклонился, он понимал, что навлекает на себя гнев жестокого правителя. Но такова судьба гонцов, и он безропотно принимал ее.

Над полевым лагерем стражей Леса разнесся звук горна. Сигнал тревоги, беспокойный и переливчатый, быстро поднимал с постели его обитателей. На большой поляне, служащей также плацем для сбора воинов, стоял верховный жрец священной рощи и он же командир стражей.

— Командиры групп, ко мне, остальным полная боевая готовность! — скомандовал жрец и, дождавшись вызванных эльфаров, начал ставить задачи: — Группы «Ручей», «Орлан» и «Ветер» выдвигаются в степь. Ваша задача — раскинуть «ловчую сеть», необходимо обнаружить противника, уничтожающего наши силы, и постараться захватить кого-то из них. Вот свитки, отправление немедленно. Координацию действий и связь обеспечивают жрецы. Группа «Ласка», ваша задача освободить лера Майри-ила, находящегося под пытками в племени муйага, и, не выдавая своей принадлежности, провести акцию устрашения. Вперед! — закончил он постановку задач.

Площадка опустела, и на ней остался только верховный жрец и четыре лесных эльфара в зеленых балахонах.

— Креимз-ил, — обратился он к ближайшему, — на тебе координация всех действий в степи. Противник должен быть обнаружен и уничтожен. Посольство должно быть задержано и потрепано. Все должно выглядеть так, будто вангорцев атакуют дикари Быр Карама.

Жрец молча уважительно поклонился.

Степь

Я летел не спеша, сканируя степь метров на сто — сто пятьдесят впереди себя. Но признаков живых существ, кроме мелких хищников, не наблюдал. Зато видел закат светила, обрамляющего лучами края туч, делая их темно-красными, словно облитыми кровью. Порывы ветра склоняли редкие деревья, и те сердито шумели листвой. Степь засыпала, как живая, недовольно ворча. Это состояние сонной раздражительности передавалось

и мне. Отдалившись от лагеря посольства на пять-шесть лиг, я уже думал повернуть назад, как в поле зрения сканера каплями крови брызнули красные маркеры. Один, второй, третий, они возникали на пустом месте, как будто появлялись из ниоткуда, прямо из воздуха, и было их уже больше десятка. В душе зазвенела струнка легкой тревоги, сменившая обманчивую сонливость. Я поднялся выше и по инерции пролетел еще лагов тридцать, когда неожиданно мой полет прервался и превратился в свободное падение.

Мгновенный выход в ускоренный режим! Я завис над степью, а энергия стала уменьшаться с катастрофической быстротой, как будто ее откачивали гигантским насосом. Я понимал, что долго пребывать в боевом режиме не смогу, но мне надо было понять и оценить обстановку.

Я нахожусь в окружении большой группы лесных эльфаров. Они прибыли сюда телепортом. Их цель неизвестна! Вот это да! Мой слоеный искин дал сбой!

Работает артефакт, блокирующий магию. А также поглотитель энергии, какой я уже прочувствовал на себе в изуродованном лесу. Источник поглощения не один, их минимум четыре, и работают они, как пылесос. Ловушка для магов. Делаю закономерный вывод: отряд серьезный.

Все, пора! Выход в нормальный режим. Падение с группировкой и кувыркком, сознание само считает обороты тела, гасящие силу удара о землю, — один, второй, третий, и сразу прыжок в сторону. А на том месте, где я только что был, взорвалась алхимическая бомба. Черные клубы дыма поднялись и опали, засыпав пеплом траву в радиусе пяти метров. Что это за штука такая — выяснять времени не было, противник быстро отсекал меня от выхода из зоны поглощения магии и окружал, сжимая кольцо. Вернее, колец было два или даже три, как я понял потом. Мой взгляд подмечал разные мелочи, давая сознанию пищу для анализа. Впереди, почти сливаясь с местностью, двигались воины в костюмах-хамелеонах, делающих их едва заметными в лучах заходящего светила. На головах у них были не шлемы, а странные шапочки, закрывающие уши и лоб. Действовали они четко и слаженно, как единый механизм, ни одного лишнего движения и суеты, что говорило об их профессионализме. В руках у них были изогнутые мечи, почти как сабли, — необычное оружие для эльфаров. За ними попарно расположились лучники, контролируя мое движение и точными выстрелами отжимая меня на загонщиков. Но были еще невидимые мной маги. Должны быть, раз присутствует поглощение энергии, стало быть, они есть, и это мне тоже надо учитывать.

Мое тело двигалось на инстинктах, а сознание работало на спасение. Я

метался из стороны в сторону, уходя из-под града стрел лучников. Не мог уйти телепортом и применить магию. Мой новый симбионт работал на полной мощности. Я был быстрее, и пока меня не достали. Круг сужался, и скоро я встречу лицом к лицу уже с несколькими противниками сразу. Мне навязывали рисунок боя, лишая инициативы, они считали меня жертвой, принимающей их правила. Надо было принимать решение. И я его принял. Показав, что рванул вправо, изменил направление и прыгнул в сторону ближайшего загонщика. Но эльфары тоже не дремали, одна стрела догнала меня в прыжке и ударила в спину. Она отскочила от «каменной кожи», но придала мне ускорение. Боли я не почувствовал, но кубарем покатился под ноги эльфору. Надо отдать должное, мне попались отменные воины; я понимал, что действовать на такой скорости могут только магически измененные бойцы. Или находящиеся под действием ускоряющих эликсиров. Но в последнем случае они останутся с разорванными связками и мышцами.

Эльфору мгновенно перехватил меч обратным хватом и двумя руками нанес мне удар клинком в живот. Но в последний момент я ударил ребром ладони по плоскости меча, и он глубоко вошел в землю рядом с моими ребрами. Эльфору, потерявший равновесие, низко склонился надо мной.левой рукой я обхватил его руку, удерживая в таком положении, а правой за шею и, резко рванув его на себя, ударил лбом по носу. Даже хруста не было, но на лице воина не осталось носа, он весь вошел внутрь. Но что меня приободрило — Лиан поглотил его жизнь, и мой запас энергии вырос на сто двадцать энеонов. Отстраненно мелькнула и пропала мысль: откуда у мечника столько силы? Я перекинул его через себя, и, как оказалось, вовремя. Спина эльфу стала напоминать подушечку для иголок. А я смелее вышел в ускоренный режим, не обращая внимания на падение запасов энергии, достал пару гранат и, сломав запалы, далеко зашвырнул к цепи лучников. Пусть знают, что не только они могут кидать гранаты. Как только те упали рядом со стрелками, совершил возврат в нормальное состояние и после сдвоенного взрыва метнулся к ним. Будто в замедленной съемке, я видел, как поднялись комья земли и вместе с ними тела четверых лучников, выгнутых назад силой взрыва. Они еще падали, раскинув руки, не выпуская оружия, а я уже был рядом, далеко выбросил аурные щупальца, практически оставшись без тонкого тела, и впитал их жизни.

Снова уход в боевой режим, и стрелы застывают рядом. Останавливаться я не мог и рванул дальше. В загоне образовался просвет, и я мгновенно устремился вон из ловушки. Избежав поражения стрелами, вернулся в нормальное состояние. Резко меняя направление, я испытывал

мощные выбросы адреналина. Я чувствовал запах крови, ощущал ее вкус на губах, и это опьяняло меня, наполняло каким-то упоительным ощущением свободы и желанием убивать, убивать. Убивать! Во мне просыпался зверь, не знающий пощады и жалости. Налет цивилизации сползал, как старая краска сползает со временем, обостряя мои чувства и инстинкты. Я видел страх Шизы, прижавшей к себе малышкой, и суровую воинственность пацанят, освободившихся из ее объятий, вскочивших на моего Вулкана и поднявших его на дыбы. Я слышал ржание коня, стремившегося в огонь сражения. А вместе с ними вылезли два духа, у которых не хватило сил окончательно выбраться из меня, и их головы и руки торчали из моих плеч. Мне было все равно, я шел собирать кровавую жатву.

Сканер показал одного противника рядом, и я, не бросаясь в бегство, устремился к нему. За высокими кустами стоял странный эльфар в зеленой мантии, и именно от него исходило одно из направлений поглощения энергии. Я как таран проломил кусты и очутился лицом к лицу с магом — а в том, что это был именно маг, я не сомневался. Увидев меня, он опешил. Да и было отчего: на него несло чудовище о трех головах и шести руках. Его заминка дала мне возможность подобраться ближе и ударить мечом в грудь. Маг упал, а я озадаченно увидел, что меч не прорубил его одеяния, и он был только слегка оглушен. Следующий удар ему я нанес сапогом в лицо. А малыши вцепились в него хваткой псов. Однако маг проявил невероятное проворство и поднялся. Но поднялся он демоном, злым и воинственным.

Три группы ловчих выдвинулись телепортом в назначенное место в шести лигах от вангорского посольства. Координатор, жрец Ларунг-ил сразу раскинул «ловчую сеть» и был озадачен. К ним по воздуху летело что-то, оно поднялось выше и замедлило свое движение.

«А вот и первая птичка, залетевшая в наши силки», — с удовольствием подумал он. По цепочке прошла команда — готовность к захвату. После этого он включил гаситель магии и свою способность поглощения магической энергии. На высоте шести лаг в воздухе висел молодой хуман, совсем еще юноша, и удивленно озирался. Надо же, вангорцы научились летать! Они возродили давно забытое искусство!

— Братъ живым! — передал он команду ловчим, а сам подумал, что такой ценный экземпляр очень может пригодиться.

А потом события понеслись вскачь. Бангорец оказался невероятно проворен и быстр. Упав на землю, паренек ловко откатился и прыгнул в

сторону, он заметался, как волк в клетке, пытаясь вырваться из окружения и не попасть под обстрел лучников. Но он был обречен. Каким бы ловким он ни был, кольцо загонщиков сжималось, и пространства для маневра оставалось все меньше и меньше. Скоро его совсем зажмут в тиски и схватят.

Но, видно, юноша думал по-другому, он решил перехитрить их и показал, что двинется направо, а сам рванул в высоком прыжке вперед, где его и догнала стрела лучника. Получив удар в спину, парень кубарем покатился под ноги стража. А дальше случилось невероятное: он ушел от удара мечом, который нанес бы ему смертельное ранение, и прикрылся от стрел лучников стражем, как щитом. Нашпиговав своего же товарища стрелами, те прекратили огонь. Но на их месте вдруг поднялась земля, и тела стрелков с оглушительным грохотом опрокинуло на землю. Юноша невероятно быстро устремился на прорыв в образовавшееся «окно».

— Уходит! — в сердцах воскликнул жрец, понимая, что больше некому его остановить, а тот со своим проворством обязательно скроется. — Курама тебя побери! — выругался в отчаянии жрец, наблюдая за бегством вангорца.

Но тот вдруг сменил направление и, мгновенно проломив кусты, оказался рядом. Ларунг-ил, увидев того, кто оказался перед ним, застыл с открытым ртом. На него смотрели три головы, причем две из них ему были хорошо знакомы по разведывательным сводкам: архимаг мессир Кронвальд и его разящий меч, как звали в Лесу Гронда. У парня было не только три головы, но и три пары рук. В одной он держал меч, которым ударил вдоль тела жреца.

Ларунг-ил не успевал парировать удар. Но тот пришелся в мантию, которую невозможно пробить оружием, и только сбил его с ног. Он почувствовал, что удар был неимоверно силен. У него треснули ребра. А потом этот сквоч ударил его ногой в лицо.

— Ну все! — прошипел жрец и принял свое истинное обличье красного демона. Поднялся и бросился на паренька. Он хотел забодать его рогами и нагнул вниз голову, но, получив сильный удар меж рогов, поплыл. Когда взгляд его прояснился, он увидел ухмылку на лице парня, тот одной рукой держал его за горло. Архимаг ухватился за рога полупрозрачными руками и остервенело плевал ему в глаза. Гронд лупил кулаками по его морде, и оба старика безбожно ругались. Демон почувствовал, как из него потекла энергия, переливаясь в юношу. А атака стариков из иллюзорной стала настоящей. Какие-то слюни потекли по его глазам, залепляя их, а удары кулаков стали чувствительными.

«Химера!» — пришло понимание к демону, и он задергался в крепких руках.

— Всем отход! — скомандовал он. — И донесите, что здесь химеры!

Я схватил демона за горло. Надо же! Опять старые знакомые! И улыбнулся, глядя на беспомощного рогатого, который хотел меня забодать. Я крепко держал его, а мой спецназ использовал подручные средства — они заплевали демону морду и лупили кулаками по его роже. Мне в спину посыпался град стрел, но меня это уже не волновало, я забирал большой объем энергии у демона и из его артефактов. Моя спина напоминала сталь, от которой со звоном отскакивали стрелы. Сбоку подскочил мечник и кольнул своим мечом в лицо. Я подставил руку и отбил удар. Потом моя рука сама преобразилась в клинок с черными блестящими когтями, и я вогнал ее ему в глаз. Он повис на руке, отдав мне всю свою энергию и жизнь. Демон подышал, а красные маркеры на сканере стали исчезать так же быстро, как и появились до этого. Перед самой смертью затуманенные глаза демона приобрели осмысленность, и он прошептал: «Ты рив!»^[8]

— Верно, — засмеялся я. Внутри меня все ликовало, и песнь победы рвалась наружу. Не сдерживая больше своих чувств, я запел, и эти звуки подхватил ветер, разнес по ночному небу на многие лиги вокруг.

...Лагерь посольства замер, когда сверху раздался победный хохот и следом песня, полная горечи от осознания непреложной истины и звучащая как приговор:

Из тьмы веков седой Творец,
Он судьбы творит наши.
Кто выживет, а кто пойдет под крест,
Испив до дна смертельный яд из чаши...

Посол вышел из палатки и уставился на небо.

— Что это было? — спросил он у солдата, всматриваясь в темное небо и пытаясь разглядеть хоть что-нибудь среди низко нависших туч.

— Худжгарх! — благоговей, ответил служивый.

Промолчав, посол зашел в шатер, а в лагере долго еще обсуждали феномен, услышанный всеми, и никто не ставил под сомнение, что это и

есть дух мщения, который пришел в степь.

Мессир Луминьян огляделся и осенил себя священным кругом. Потом спрятался в повозке и не вышел к ужину. Гради-ил исчез и направился в степь. Туда же отправились разведчики варгов. Только орки сидели у костра и посыпали головы пеплом. От их унылой группы изредка доносились тяжелые вздохи.

Когда моя песнь грянула с неба, я присел от неожиданности. Запал прошел, и переизбыток адреналина сказывался накатившей усталостью. Я присел у тела демона, который ссохся, как мумия, и был уже не красный, а пепельно-серый, как шинели солдат вермахта. Только рога еще хранили свой первоначальный цвет. По привычке брать их в качестве трофея я просто выломал их из его головы и, обрубив торчащие корни, сунул в сумку. Снял с него хламиду, решив, что, если будет время, изучу ее, забрал артефакты и нашел среди них камень телепортации, точно такой, что в свое время я забрал у скравов.

— Пригодится, — сказал я вслух и стал разбирать богатство демона дальше.

А дальше были подавитель магии, деревянный жезл с уродливой мордой, усыпанной большими драгоценными камнями, но уже без энергетического заряда, а также свитки и зелья. Свитков было много. В основном телепортации. Но были и массового оцепенения, мора и подъема мертвых. А вот поглотителя магии не было. Я еще раз его хорошо обшарил и не нашел ничего похожего на подобный артефакт.

Тогда как происходило поглощение? И куда утекала моя энергия таким мощным потоком? Я еще раз посмотрел на демона и сделал вывод: скорее всего, кто-то через этого демона мог присосаться к источнику, то есть ко мне, и забирать ее. Только вот с кем у него такая связь была? Мне стало очень интересно. Забрав все у демона и оставив его иссохшее тельце, я обошел убитых.

Что мне бросилось в глаза, это отсутствие каких-либо магических вещей, только отличное оружие и одежда, скрывающая владельца. Я раздел мечника, убитого мной последним, и озадаченно замер. Грудная клетка воина напоминала кору дерева. Не веря своим глазам, я потрогал кожу и убедился, что и на ощупь это точно была кора. Чтобы окончательно убедиться, я вытащил кинжал и стал вскрывать грудную клетку убитого. Провозившись минут десять, я все-таки вскрыл ее. Ну что сказать? Это был наполовину деревянный солдат Урфин Джюса. Как с такой структурой

можно жить, я не знал. Но по крайней мере понял, почему они были так быстры, неутомимы и обходились без магических предметов. Они сами частично были магическими амулетами. И еще одна особенность, которая меня задела, — они были людьми, а не эльфарами. А это могло означать одно: они являлись продуктом генной инженерии эльфаров. Оружие их я брать не стал, кроме одного целого лука, он был меньше остальных и сделан из рогов. Для его натяжения нужна была очень большая сила. Потом подумал и прихватил стрелы. Но всю одежду с убитых я снял. Еще раз оглядев поле боя, дабы убедиться, что ничего важного не упустил, перешел в «скрыт» и устремился дальше.

В наступившей темноте ночи Гради-ил бесшумно, словно скользя, бежал по степной траве туда, куда звало его чувство надвигающейся опасности. Впереди него двигались степные варги. Всадники ехали неспешной рысью, но даже разведчику передавалась их тревога и страх. В степи незримо столкнулись какие-то мощные силы, способные привести в движение огромные массы степной конницы. Чувствовалась разлитая в воздухе напряженность, и казалось, что любое, даже самое мелкое и на первый взгляд не заслуживающее внимания событие сможет нарушить это неустойчивое равновесие и орды орков столкнутся друг с другом, уничтожая все на своем пути. Никто не хотел стать случайной жертвой оркской междоусобицы.

Сначала эльфар подумал, что за всеми этими событиями стоит его новый лорд, но, поразмыслив, пришел к выводу, что какими бы артефактами юноша ни обладал, ему не под силу одному быть одновременно в разных местах. Значит, кто-то еще вступил в схватку против лесных эльфаров и их союзников.

Кто и зачем? Ответа на этот вопрос у него не было. А любая неизвестность в череде тревожных событий вызывает еще большую тревогу и опасение.

Всадники спешили и рассыпались, небольшими перебежками продвигаясь впереди, прочесывая местность. Градиил вошел в транс и стал ощупывать внутренним взором окрестности. Тишина, живых нет. Что могло насторожить варгов? Не выходя из «слияния», он быстро двинулся туда же. В отличие от людей у него была способность к ночному зрению, и в темноте он видел почти так же, как и днем.

Обойдя ползущих воинов, он увидел поле прошедшей битвы. Лежали раздетые тела лесных эльфаров, рядом было брошено их оружие. Вот здесь произошел какой-то взрыв, о чем говорили две неглубокие обгоревшие

ямы. Вокруг них валялись изуродованные тела лучников, тоже раздетые. Дальше находился помятый куст, как будто кто-то тяжелый проломился сквозь него, придавив к земле тонкие ветви. Продолжая разведку, Гради-ил осторожно обошел куст и заглянул за него.

Вот это да! Демон! И рядом лесной эльфар с развороченной грудью. Неужели в борьбу включились обитатели Инферно?

Он вернулся к варгам. Лагов двадцати не доходя до командира, вышел из «слияния», зашуршал травой. Тот быстро обернулся, выхватил меч и встал в стойку. Он был готов к схватке, а рядом поднялись еще двое бойцов с луками наготове, прикрывая командира. «Неплохая выучка», — подумал следопыт.

— Эльфар, не подходи незаметно так близко, — разглядев в темноте разведчика, прошептал воин и спросил: — Ты знаешь, кто это такие? — Он показал на раздетых бойцов.

— Знаю. Пойдем покажу еще кое-что. И можно вставать, кроме нас, тут никого нет, — спокойно, не понижая голоса, ответил Гради-ил.

Они прошли за куст, и варг нагнулся над телом демона.

— О предки! — прошептал он. — Да тут еще и демоны! Ты понимаешь, что тут произошло? — Он поднял взгляд на следопыта.

— Нет, — честно ответил тот, — но могу предположить то же, что и ты: стражи леса столкнулись с демоном. Понесли потери, убили его и отошли.

— Кто такие стражи леса? — Варг был взволнован и продолжал говорить шепотом, но его слова в ночной тишине звучали громче набата.

— Посмотри на его грудную клетку, — указал на лежащего лесного эльфара следопыт. — Это дерево, вживленное в человека. Он не лесной эльфар. У Истинных есть священные рощи, где произрастают магические деревья, они вырабатывают магическую энергию и являются для лесных эльфаров местами силы. У каждой рощи есть хранители — жрецы и дриады. Они покупают человеческих детенышей в грудном возрасте и прививают их к молодым побегам священных деревьев — ларгионам. Как это происходит, я не знаю, но из сотни малышей выживает один сросшийся с таким деревом, остальные идут на удобрение. В пять лет ребенка отделяют от дерева и начинают готовить из него стража. Его тело начинает развиваться, а в нем развивается часть священного ларгиона. Им не нужна пища, только вода. Все остальное он получает от связи с деревом. Это очень сильные бойцы, почти бессмертные. Если ему отрубить руку или ногу, она вырастет заново.

— Откуда эти сведения?

— Нам это преподают в училище. Своего врага мы должны знать, — ответил следопыт.

— И как же убить этого бессмертного? — спросил варг, разглядывая развороченную грудь воина.

— Мы убивали огнем, но этих убили непонятно как, — ответил эльфяр. — Про демонов я мало знаю. У этого воина оставили человеческое сердце, но забрали его второе, древесное — видишь отрезанные концы? Кто-то тут был до нас и забрал артефакт. Странно, что не тронул остальных. — Следопыт обвел глазами место боя.

— А почему они раздеты? — Командир варгов продолжал допрос, он силился разобраться и понять, с чем на этот раз они столкнулись, но, как и следопыт, терялся в догадках.

— Я не знаю, стражи не оставляют тела своих воинов брошенными вот так. — Разведчик показал на лежащего мертвого бойца. — Этому только одно объяснение: они столкнулись с кем-то очень сильным и бежали.

— Худжгарх?!

— Может быть, — задумчиво почесав подбородок, ответил Гради-ил.

В свете костра у ног посла лежали тела демона и стража роци. Граф смотрел немигающим взглядом на убитых и мысленно прощался с жизнью. Если он вернется живым, лесные эльфары никогда ему не простят этих потерь. Пусть он не виноват в них, но именно он возглавил посольство, из-за которого убивают Истинных. Они изведут весь его род. Граф мысленно застонал. Будь проклят этот Худжгарх! Его обложили со всех сторон. С одной стороны король с немилостью, с другой — лесные звери со своей изощренной местью.

— Мессир! — Посол перевел взгляд на мага. — Сохраните тела для передачи нашим союзникам.

У того широко открылись глаза, но он только слегка поклонился:

— Будет сделано, господин граф.

— Рен Гаржет Варг, вам вменяется в обязанность при встрече помогать нашим союзникам, а не препятствовать им. Вам запрещается вступать с ними в конфликт, а также вести разведку. Ваша задача — охрана посольства. Вот этим и занимайтесь. Вам все понятно? — Граф смотрел высокомерно и требовательно.

— Кто наши союзники, господин граф? — не выдавая охватившего его недоумения, спросил воин.

— Естественно кто! Лесные эльфары.

— Но они сражаются против нас?! — в растерянности воскликнул варг.

— Вы сами это видели? — Граф с горькой усмешкой смотрел на взволнованного Гаржета. — Они напали на наше посольство и вы от них отбивались?

— Нет, но...

— Вот именно нет, — прервал его граф. — Мы не сможем доказать, что наши союзники не верны своим обязательствам. Поэтому выполняйте приказ. — Граф еще раз оглядел стоящих перед ним людей и ушел в шатер.

У костра остались сильно удивленный командир охраны и задумчивый маг, смотрящий на тела демона и стража.

— А сердечко ему вырезали, — сказал он. — Не ваши, случаем? — обратился он к варгу.

— Нет! — ответил тот и, развернувшись, тоже ушел.

— Ну нет так нет, — покладисто проговорил маг. Он огляделся. — И где мой помощник сейчас бродит? — произнес вслух.

— Я тут, мессир. — Рядом проявился следопыт.

— Все слышал?

— Все, мессир. Тела убрать и сохранить. Лесные эльфары — союзники Вангора.

— Союзники... — повторил маг. — Они еще покажут и нам, и оркам, какие они союзники.

Ночную тишину разрывали стоны и вопли привязанной к бревну жертвы. Обнаженное тело несчастного было утыкано иглами и испещрено замысловатыми символами. Четверо шаманов, сменяя друг друга, проводили ритуал приношения дара Отцу орков.

Муйага приходили в себя после боя с магами лесных эльфаров; их, привыкших к стонам рабов, не беспокоили вопли пленного. Наоборот, они спокойно засыпали, понимая, что их братья, погибшие от рук коварных Истинных, наслаждаются муками врага, пребывая в чертогах Отца.

Шаман посыпал порошком знаки на теле жертвы и забубнил одному ему понятные слова заклинания. Но его бормотание перешло в клекот и слабый хрип. Часовой сонно оглянулся, и острый кинжал вонзился ему в глаз. Тело рухнуло в костер, и сразу запахло паленым мясом. Спящие шаманы поморщились во сне. Тихо, по одному им вонзали узкий стилет в ухо. Перерезали горло и вытащили через разрез язык.

Еле заметные тени окружили стойбище. Они неслышно подобрались к часовым, и скоро весь лагерь оказался без охраны. Тишину больше не

разрывали крики жертвы, но никому не было дела до того, что происходит на станке пыток. Шаманы знали свое дело. Тени проникли внутрь стойбища, а через час покинули его.

Утро в племени началось с одиночных криков, перешедших в вопли, трубного гласа рогов и тревожной дробы барабанов. Центр стойбища, где стояли шатры вождя, шаманов и гаржиков, был завален трупами орков, здесь были все шаманы племени, гаржики и огромная орчанка Крингара, схватившая мертвой хваткой орка с тотемом техколо. Станок пыток был пуст, и эльфа не было на месте. Но это уже не волновало племя, враг был среди своих, пришел ночью и поразил орков в самое сердце.

— Смерть техколо! — закричал один из стоявших орков.

— Смерть! — подхватил десяток глоток.

— Смерть! — покатился крик по толпе.

— Смерть! — кричали в едином порыве мужчины, женщины и дети.

Открытый космос. Закрытый сектор

— Сынок, — обратился Кроумваль к слушателю курсов пилотов Грехту, — мне больше нечему тебя учить. — Он положил руку ему на плечо. — Ты получил странную, но очень эффективную базу. Стоит она, по-видимому, очень дорого, и у меня нет средств покупать ее, да и, кроме вас, ею не заинтересуются компании. Не будут они гробить свои кораблики. Поэтому за базой обращай к одному человеку. Его зовут Бран Швырник, он брокер и может достать того, чего нет в свободной продаже. На твоей нейросети я поставил отметку о присвоении квалификации — третий класс пилота, это самый высший класс, который присваивается после окончания курсов. Найдешь базы и студентов — приходи, обучение вам будет стоить всего четверть от обычных расценок. — Он похлопал паренька по спине и ушел.

— Бран, тебя вызывает полномочный представитель колонистов с Суrowой, — обратилась Гаринда к мужу.

Переговорив с неким Грехтом, брокер стал «стучаться» к его милости, но ответа на запросы не получал. Уже отчаявшись добиться внимания управляющего княжеством, он наконец получил ответ.

Его милость был, видно, человеком очень своеобразным и решительным, к делу подходил по-деловому и вопрос решал быстро, если брался за него. Всего за пару часов Бран неожиданно для себя стал бароном, получил документы, приобрел материк и стал владельцем надела

земли вместе с короной и кинжалом чести. Отдав ошарашенному представителю колонии базы пилотов, он получил заказ на истребители. Один у него был, и он его продал этому Грехту.

— Добрый день, — вежливо поздоровался Грехт, входя в кабинет Кроумваля.

Владелец школы удивленно посмотрел на своего бывшего ученика:

— И тебе тоже добрый, Грехт. Что, уже купил базы?

— Купил, — согласился молодой парень. — Но у меня к вам есть одна просьба. — Он немного замялся, но потом, собравшись с духом, сказал: — Вы могли бы обучить семь наших ребят в кредит?

Кроумваль смотрел с интересом на паренька из новой колонии. Сколько таких независимых планет он уже видел и где они сейчас? Нету их. Жадная пограничная администрация высосала из них все и бросила на растерзание пиратам. Нахапавшие чинуши улетали на центральные планеты и жили не тужили. Такая же судьба ждет и колонию Грехта.

— Послушай, сынок, я обещал тебе обучение за четверть цены, я выполню свое обещание, но в долг учить я не могу. Мне надо платить за аренду, налоги душат, зарплата инструкторам. На все это нужны средства. — Он встал из-за стола, подошел к представителю колонии и похлопал его по плечу. — Приходи, когда будут деньги.

Грех молча кивнул головой и вышел.

Кроумваль глядел вслед крепкому широкоплечему парню и качал головой: упорный!

— Бран, к тебе этот молодой представитель колонии пришел, — сообщила жена новоиспеченному графу.

— Понял, пусть заходит.

— Простите, господин Швырник, что потревожил вас дома, — прямо с порога начал молодой человек, переминаясь с ноги на ногу. — Но мне нужны деньги в долг. Конторы не дают. А мне срочно требуется двадцать восемь тысяч кредитов.

Бран даже поперхнулся соком, который пил, и вытаращился на колониста:

— Грехт, ты и так должен уйму денег нашей княгине и еще просишь. Это как понимать?

— Очень нужно! — насупившись, ответил пилот.

Бран посмотрел на полномочного представителя «дружественной державы» и вздохнул:

— Пойдем в офис, свяжемся с управляющим делами княжества. У меня денег таких нет.

В офисе он включил искин и набрал вызов его милости.

— Кофе будешь? — спросил он Грехта.

— Нет, спасибо, господин посол.

Услышав такое обращение, Бран улыбнулся. Ему нравилась его новая неофициальная должность, пусть и признанная только одной колонией.

На развернувшемся голографическом дисплее вместо ответа появилась маленькая точка, которая увеличилась в размерах и превратилась в страшную рожу. Она смотрела злыми глазами на Швырника и молчала. Потом улыбнулась и сказала:

— Что, испугался? Все поначалу боятся. Чего надо, господин граф?

— А вы кто? — Это единственное, что смог спросить донельзя удивленный Бран.

— Брык-Брык, электронный секретарь его милости — так, по-моему, вы его называете?

— А где сам господин управляющий? — Бран никак не мог понять, с кем он общается.

— Я так думаю, на войне; последний раз, когда он лежал в медкапсуле, я понял, что он сражается с орками где-то в степи.

— У вас что, война? — Бран сидел, пораженно смотря на страшилище, и думал: «Теперь понятно, откуда у его милости требования защищать Родину. Он воюет!»

— Так что ты хотел, Бран? — Морда сделала заинтересованное выражение и ждала ответа.

— Колонисты просят денег в долг, двадцать восемь тысяч. Ты мог бы передать это его милости?

— А зачем передавать? Я сам могу решить этот малозначительный вопрос. Но для этого ты должен отгадать загадки. Готов?

Бран заморгал, не понимая, чего от него хочет этот электронный секретарь. С одной стороны, он вел себя как программа, с другой — был слишком очеловечен. И за этой маской рожи мог скрываться настоящий секретарь во плоти. А также это может оказаться работой его милости. Кто может знать цели управляющего? Значит, был тут скрытый от него смысл.

— Давай свои загадки, — тяжело вздохнул Бран.

— Вот это верный подход, дружище! — обрадовался электронный секретарь. — Отгадай, какое слово всегда звучит неверно?

Бран набрал воздуха, собираясь ответить, и уставился на рожу, выпустив воздух в щеки, да так и остался сидеть.

— Тяжелый случай! — сказала рожа, разглядывая Брана.

— Это что, ответ? — сдулся посол.

— Нет, это ты.

— Наверное, это слово — «неверно», — раздался тихий голос из-за спины Швырника.

— Правильно! — радостно закричал секретарь. — Вторая загадка: чем заканчивается день и ночь? — продолжил он мучить брокера.

Бран на ручном искине набрал вызов жене и спросил:

— Гаринда, чем заканчивается день и ночь?

Молодая женщина кокетливо посмотрела на мужа и захихикала:

— Маньяк! Ты там скоро?

— Мягким знаком? — прозвучал несмелый ответ-вопрос.

— Верно! — все так же радостно пробублькала морда.

А Бран обернулся к стоявшему за его спиной Грехту. «Надо же, какой сообразительный», — подумал он.

— Последний вопрос самый простой: «Что ты смотришь на меня? Раздевайся, я твоя!» — что это?

Бран почесал затылок. Откуда эта наглая морда знает, что говорит ему жена? Они недавно поженились, и Гаринда оказалась очень горячей штучкой.

— Это кровать, — ответил Грехт. А Бран снова обернулся и посмотрел на парня. «Надо же, кровать! — подумал он. — А я тут понапридумывал разное».

— Ответ верен. На твой счет, Бран, переведен выигрыш — двадцать восемь тысяч кредитов. — Он вдруг опасно заозирался и прошептал: — Мне пора, хозяин вернулся, — превратился в маленькую точку и исчез.

Посол, и он же граф, озадаченно постучал пальцами по столу. Что это сейчас было? А потом его прошиб холодный пот! Кто-то неизвестный передал ему деньги его милости и скрылся.

— Так вы дадите мне кредиты в счет долга? — прервал метание его мыслей представитель колонии.

— Вот, — безвольно протянул ему карту Бран и посмотрел на кинжал чести.

Через два часа Грехт снова пришел в школу пилотов и перечислил нужную сумму.

— Хорошо, Грехт, ты условия выполнил, я тоже выполню свои, ребятам установят базы, и они пройдут курс виртуального пилотирования. К сожалению, я не могу их сажать на рабочие машины. С вашим алгоритмом управления я останусь без них. Но думаю, это тебя не сильно

расстроит.

— Совсем не расстроит, — ответил колонист.

— Тогда все обучение закончим за три дня вместо двух недель, — подвел итог разговора Кроумваль.

Я вернулся на спутник отдохнуть и осмыслить новый расклад дел в степи. Истинные ввели в сражение новые силы, и надо было понять их возможности. Кроме того, под личиной эльфаров выступают демоны, которые и управляют бойцами.

Я вытащил круглый шар, который вырезал из груди деревянного воина, и положил в медкапсулу. Поставил ее на проведение полного анализа и сел за пульт. На нем мигал сигнал-вызов от графа Швырника Проворного. Когда дисплей развернулся, на меня, ухмыляясь, уставилась рожа Брык-Брыка.

— Приветствую, хозяин! — очень жизнерадостно проговорил он и растянул свой рот в умильной улыбке. Значит, этот затейник умудрился удрать от Шизы. И я примерно знаю как. Он специально скакал по оборудованию, а сам в это время делал свою резервную копию на станции.

— Я так понимаю, что избавиться от тебя можно, только если взорвать станцию? — приведя свои чувства в порядок, спросил я.

— Это не поможет, мои копии есть во многих местах, и, выходя на связь, ты вернешь меня. Мы с тобой — как со старым хозяином: до смерти. До твоей, — уточнил он. — Я бессмертен! — Его рожа надулась от гордости.

— Ладно, — не стал я спорить с программой.

Покойничек постарался насолить начальству, которое спровадило его прозябать в сектор. У него было время для изысков и создания этого чудовища. Не думаю, что пограничное руководство сидело сложа руки и умильно глядело на этот программный беспредел. Но, как я уже понял, отступило, потерпев поражение, и решило забыть про базу. Теперь мне надо будет жить и работать с этим чудом.

— Чем занимался, Брык-Брык? — спросил я. — Опять загадки загадывал?

— Угадал, хозяин, но не только. Я взял на себя работу твоего секретаря и решал важные политические вопросы.

— Это какие? — невольно усмехнулся я. При всей соей оригинальности Брык был только программой, и все. Пусть хитро сделанной и способной к самообучению, но всего лишь набором цифр.

— Я раздавал кредиты, — важно ответила морда, и мою улыбку

моментально стерло с лица.

— Брык, какие кредиты и кому? — Ох, рано я успокоился!

— Брану, он выиграл игру в загадки и получил приз в размере двадцати восьми тысяч кредитов.

— У тебя что, есть допуск к моим финансам? — Я был шокирован.

— А кто ставит пароль «Вурдалак Землянский»? — вопросом на вопрос ответил он. — Странно, что тебя другие умники еще не раздели. Но не беспокойся, я поменял пароль, и, чтобы к нему добраться, нужно отгадать мои загадки. Можно сказать, ты за мной, как за каменной стеной, — похвалил он сам себя.

— Брык, ты только программа и не можешь принимать самостоятельные решения. Я думаю, у тебя должна быть функция «не навреди», — с надеждой сказал я, больше спрашивая, чем утверждая.

— Хозяин, конечно, я защищаю твои интересы! — воскликнул он. — Я изучил законы, изданные тобой. Там нигде не говорится, что я не могу — или кто-то другой не может распоряжаться твоими финансами.

— Но там нигде не написано, что может! — заорал я, потеряв крохи терпения. Это уже было не смешно.

Морда посмотрела на меня, отрастила тонкие конечности и, сложив руки за спину, стала ходить по дисплею туда-сюда.

— Хозяин, у тебя прописано: все, что не запрещено, то разрешено, — огорошил он меня.

Я сидел и глотал воздух, спазм сдавил мне грудь, и я хотел заново убить Ромео. И придушить эту ходячую противную рожу. От бессилия я зажмурился и так просидел ридок пять. Шиза привела меня в норму.

«Девочка, — мысленно сказал я ей, — это старая программа. Она устарела триста лет назад, мы справимся. Составляй программы-ловушки и вылови ее. Если будут проникновения извне, укажи путь в карантин. Уверен, что, выйдя на свободу, эта пакость будет учиться, но там бесплатно только базы первого уровня, а у нас хакер четвертого уровня. Занимайся».

Я открыл глаза и посмотрел на сосредоточенного Брыка.

— Хозяин, что-то мне не нравится твой взгляд. Прими как данность, что я умнее, и успокойся.

Не отвечая на его слова, я сказал:

— Мне нужен допуск к моему счету.

— Не вопрос, отгадай пару загадок, и счет твой, — ответил наглец и уставился на меня своими глазищами.

— Не пойдет, я уже отгадывал твои загадки, теперь ты отгадай мою, и если отгадаешь, я буду считать тебя умнее. И давай допуск к счету.

— Сначала загадку.

— «Два кольца, два конца, посередине гвоздик». Если через пять минут не отгадаешь — разблокируешь мой счет.

— Договорились, — ответил затейник и стал бродить по экрану. Я сидел отдыхая, закрыв глаза.

— Все было бы просто и понятно, если бы не гвоздик, — проговорил он вслух. — Пара мужиков-извращенцев. Но зачем им гвоздик посередине и что это? Хозяин, дай подсказку, что такое гвоздик?

— Время вышло! Мне нужно войти в свой счет, — требовательно сказал я.

— Да пожалуйста, — с обидой ответил он и исчез. А я вошел в систему. Гад действительно отправил средства Брану. Непостижимо! Как они смогли сговориться? Ну, граф, погоди!!

Космос. Закрытый сектор

Два легких крейсера Сил специальных операций приблизились к сектору карантина. Легкими они считались по классификации вэкаэсами, так на сленге называли всех, кто входил в Ассамблею Объединенных Миров. Те в свою очередь называли жителей независимых миров конфи. Так как эти планеты объединялись в разного рода конфедерации. Остальных, кто влачил жалкое существование вдали от благ цивилизации, презрительно обзывали дикарями.

Два корабля длиной в триста метров и массой покоя по двести тысяч тонн своими исполинскими размерами и сверкающей в лучах солнца обшивкой брони внушали трепет непосвященному человеку. Недостаточно мощные, чтобы вести полноценный бой в составе эскадр, они были быстры, маневренны и решали задачи разведки и лихих корсарских налетов.

Четыре ПЛР-сороковки (плазменных лазера), восемь ГДЛ-двадцаток (газодинамических лазеров) и две пусковые шахты УНР (универсальные ракеты) были внушительным арсеналом. А ДШР (десантно-штурмовые роты) делали эти корабли идеальным средством для точечных силовых операций.

— Всем боевым постам готовность номер один, — прозвучал сигнал с мостика корабля. — Слушай боевой приказ: «От командира дивизиона легких крейсеров Сил специальных операций неполного адмирала Криста Минту. Приказываю! Рейдерской эскадре Бис-8 совершить переход по координатам 12–45–98, сектор Зеро. Войти в зону карантина, захватить

корабли, осуществившие несанкционированное проникновение в сектор Зеро, при невозможности захвата противника уничтожить. Последующая задача — уничтожить планетарную инфраструктуру преступников силами десанта. По поручению командующего ССО, полного адмирала флота лорда Бишопа Хе».

«Полная боевая готовность!» — зазвучал по всему кораблю противный зуммер тревоги. Личный состав одевался в боевые скафандры, рубки и посты боевого управления накрывались защитными полями, десантники быстро, без суеты занимали места в штурмовых ботах. Затем последовали команды с постов.

— Инженерная секция готова! Секция управления огнем готова! Энергетическая секция готова! Боевой пост РЭБ и подавления готов! Рота ДШБ — полная боевая готовность!

— Сэр, эскадра в полной боевой готовности! — листер Рангофт.^[9]

— Доклад принял! Принимаю командование операцией! Неполный адмирал Вахтронг Зрундас.

— Бис-8-«Альфа». Направить три разведзонда в гравитационные воронки. Доклад о результатах разведки на мостик немедленно.

— Есть, сэр!

От одного из кораблей отделились три маленьких аппарата и скрылись в гравитационных возмущениях. Через час они вернулись. А через три минуты на ЦПБУ были отправлены результаты разведки.

— Господа офицеры! — обратился к капитанам кораблей командующий эскадрой. — В зоне проведения операции находятся три корабля, нарушившие режим карантина. Предположительно принадлежат преступному синдикату. Начальник оперативного директората УАДа определит порядок действий и конкретные задачи. Внимание!

— Господа офицеры! — начал представитель АДа. — Нам предстоит уничтожить базу преступников на планете и попытаться захватить корабли. Приоритетной задачей является захват бандитов живыми. В конфликт с местными жителями не вступать, разрешается отражать угрожающие жизни нападения с помощью стайеров. Операция несложная, так как силы противника невелики. Грузовой транспорт и два корабля прикрытия класса фрегат на высокой орбите. На планете оборудована защищенная база и двадцать — тридцать человек. Это все. Идите без страха, возвращайтесь с честью, — напутствовал он офицеров ритуальной фразой.

— Не посрамим! — прозвучал слаженный ответ.

— Внимание, обратный отсчет. Пять, четыре, три, два, один, зеро! — По кораблям пошел отсчет времени на вход в сектор. Массивные туши

крейсеров мигнули и исчезли в гравитационной аномалии.

Адмирал смотрел на тактический дисплей, где были обозначены все планеты сектора, но им нужно будет преодолеть слоеный пирог странного образования красной планеты, самой ближней к местной звезде. Это походило на прыжок в гипер, только без увеличения скорости. Курс был рассчитан автоматически, и автопилот вел корабли выверенно к точке перехода. Мгновенная темнота и новый ландшафт планеты, как смена игровой карты в руках фокусника. Корабли спускались на нижние слои. И такие переходы они должны были осуществить семь раз.

Эскадра описывала круги вокруг планеты по сужающейся спирали. Последний переход, и под ними показалась обычная планета с атмосферой, облаками, ничем не примечательная и не отличающаяся от других, заселенных людьми.

— Противник в зоне действия сканеров! — раздался сигнал по общей связи. — Малотоннажный грузовой транспорт массой десять тысяч тонн и два боевых сторожевых корабля сопровождения класса фрегат. Мы замечены, корабли противника выдвигаются навстречу и занимают боевые позиции.

— Боевой порядок эскадры номер два! — прозвучала команда с мостика.

— Бис-8-«Бета», выслать на перехват три подавителя и шесть ударных беспилотных «маков». ^[10] — Командир эскадры командовал спокойно и уверенно.

— Шкипер, в сектор вошли гости. Датчики слежения расшифровали по гравитационным сигнатурам, что к нам движутся два легких крейсера ВКС. — Дежурный оператор принимал сигналы с боев слежения, до этого работавших в пассивном режиме, и сообщал капитану грузового судна.

— Понял тебя, передаю на базу, — ответили с капитанского мостика.

— «Заслон-один» и «Заслон-два», выдвигание на рубеж атаки через три минуты.

— Приказ принят, «Заслон-один».

— Приказ принят, «Заслон-два».

Фрегаты сдвинулись с места и устремились навстречу кораблям ВКС.

— «Заслон-один» и «Заслон-два», на вас ударные беспилотники.

— Принято, шкипер.

Фрегаты вышли на обозначенный рубеж и замедлили движение.

— Второй, на тебе «маки», я беру на себя «подавителей».

— Понял, Первый.

На пару маленьких кораблей неслась группа беспилотников, но экипаж

фрегатов спокойно ждал их приближение. Когда посланные крейсером корабли приблизились к зоне, отмеченной на тактических дисплеях красным цветом, находящиеся на их борту маги привели в действие амулеты, спрятанные на пути следования кораблей. Беспилотники пролетели мимо заслона и полетели дальше, чтобы затеряться в космическом пространстве.

— Шкипер, беспилотники нейтрализованы, эскадра рейдеров развернулась для атаки, ожидаем ракетные залпы. «Заслон-один».

— Понял вас, приготовьтесь принять дам.

Крейсеры, не приближаясь на выстрел энергетических установок, дали залп ракетами. Четыре массивные противокорабельные ракеты на гравипроводе устремились к фрегатам, их невозможно было перехватить противоракетными средствами противника и уклониться, но, не достигнув заслона, они исчезли в ослепительной вспышке.

— Дама прибыла, — «Заслон-один».

— Дама прибыла, — «Заслон-два».

На фрегатах видели, как оба крейсера увеличили скорость, перевели энергетические щиты на нос кораблей и неумолимо приближались к планете.

Рулевой «Заслона-один» скосил глаза на прибывшую даму, рядом с ним стояла демонесса — повелительница хаоса.

— Где враг? — хищно улыбаясь, спросила она.

— Вот, — дрожащим голосом ответил рулевой, показывая на изображение красных точек на дисплее.

— В какой стороне, недоумок? — повторила она.

— Там, — показал он рукой направление, откуда приближались корабли.

Демонесса своим хлыстом закрутила круг и щелкнула им в сторону, указанную рулевым, потом исчезла. Исчез также рулевой, а на броневом покрытии пола осталась глубокая дымящаяся борозда.

— Не повезло Хмарю! — проговорил капитан на мостике. А крейсеры продолжили свой полет. — Гер Майндроф, что сделали эти рогатые ведьмы и чего ждать нам? — обратился он к магу.

— Они применили простейшее заклинание из своего арсенала — «волну хаоса», капитан. Когда волна накрывает объект, имеющий энергетические системы, то нарушаются все связи управления в электронных цепях. На крейсерах сейчас происходит уничтожение программного обеспечения всех систем. Кроме нейросетей в организме, биополе человека эффективно противостоит хаосу.

— Внимание, тревога! Отказ систем слежения. Внимание, тревога! Отказ систем жизнеобеспечения. Внимание, тревога! Отказ систем управления...

— Что случилось? — Адмирал в полной темноте растерянно оглядывал капитанскую рубку. — Почему не работает резервная система?

В этот момент свет включился, и снова по кораблям разнесся тревожный, режущий слух звук тревоги.

— Внимание! Всем покинуть корабль, реактор перешел в неуправляемый режим. Внимание! Разбалансировка систем компенсаторов, всем срочно покинуть корабль.

Первыми среагировали боты десанта, они вынырнули из трюмов и устремились к фрегатам. Но спастись из гибнувших кораблей эскадры удалось только им. Компенсаторы отказали, и всех, кто находился на борту крейсеров, раздавило чудовищной силой, размазав тонким слоем по отсекам корабля. Мертвые корабли недолго продолжали свой полет, покинув пределы Инферно. Реакторы, оставшиеся без управления, перешли в разгон и взорвались, похоронив экипаж и уничтожив их тонкие духовные тела в ослепительной вспышке.

— База, корабли противника уничтожены, к планете направляются четыре штурмовых бота. Это две роты десанта. Разрешите огонь на поражение.

— Шкипер, огонь разрешаю.

Из трюма грузового транспорта вылетели восемь штурмовиков и, получив целеуказание, направились к медленно летящим транспортам десантников.

Командир роты «Альфа» видел на обзорном экране приближение штурмовиков противника. Новейшие «шарки» — четвертого поколения. Он понимал: их судьба так же решена, как судьба погибших крейсеров.

— «Бета», я «Альфа», — связался он с командиром второй роты, — ставьте компенсаторы на половинную мощность и падайте на планету. Через десять минут вы вернетесь на точку перехода в предпоследний слой. Постарайся дотянуть, Габриель, а мы уродов свяжем боем, — закончил он не по уставу.

— Принято, Матвей, мы постараемся.

— Рота, слушай мою команду! Ребята, нам все равно конец. Бандиты нас перехитрили и сейчас желают позабавиться, убивая нас безнаказанно. Покажем им, как умирает десант!

— Не посрамим! — был ему ответом слитный хор сотни глоток.

— Первый взвод, ваш выход в космос через одну минуту. Атака любого ближайшего корабля из всех средств. Второй взвод, ваш выход через две минуты. Третий взвод, ваш выход через три минуты. Я и секция управления отвлекаем их на себя.

— Первый пошел, — прозвучало у ротного в гермошлеме.

— Простите, сынки, — попрощался он с бойцами. Маленькие бусинки зависли в открытом космосе.

— Группа тяжелого оружия, огонь по команде, все поддерживают их своим личным оружием, — комвзвода продолжал командовать. — Цель номер один обозначена, цель номер два обозначена. Больше мы не успеем. Товсь!

«Шарки» шли плотным строем, для них боты десанта были просто мишенями для стрельбы. Пилот передового звена штурмовиков захватил в прицел убегающий неуклюжий транспорт с десантниками, но тот, словно почувствовав надвигающуюся опасность, вдруг резко увеличил скорость и ушел в сторону. Два штурмбота сделали разворот и понеслись навстречу штурмовикам.

— Кто первый свалит калошу без ракет, получит от меня бесплатную выпивку! — в азарте закричал он по связи. — Потанцуем, парни?

— У-у-у! — раздался радостный вопль пилотов. — Потанцуем!

— Цель номер один. Пли! — раздалась команда в шлемофонах первого взвода, и неожиданно в лоб штурмовику устремилась ракета.

— Ракетная атака! — прозвучал сигнал бортового искина. — Маневр уклонения невозможен.

Пилот оторопело смотрел на горящий факел, летящий прямо на него, и в следующий момент ракета врезалась в энергетический щит. Следом прилетело еще две, а потом по стеклу кабины забарабанила дробь мелких огненных вспышек. Корабль проскочил зону огня, но пилот штурмовика этого уже не видел. Фонарь машины был пробит, и сам пилот от попадания сгустков плазмы представлял собой обгорелый кусок мяса. А потом по штурмовику ударили плазменные пушки штурмботов. Лишенный защиты и управления, он сразу превратился в огненный шар. Опомнившиеся пилоты штурмовиков рванули в стороны.

На десантника, не сворачивая, неся второй находящийся в спарке штурмовик. Боец выхватил гранату и, включив ранцевый ускоритель, рванулся навстречу.

Ведомый первого звена, не веря своим глазам, провожал взглядом

рукотворное маленькое солнце, а когда он посмотрел вперед, то увидел, как на него несется десантник в скафандре. Удар носом корабля по телу, и оно разлетелось на мелкие ошметки, забрызгав стекло кабины кровью и кусками мяса, ограничив ему обзор. Но он все равно увидел гранату-присоску, какую используют для разрушения стен и перекрытий. Он в страхе закричал, бросив управление, но его крик оборвался взрывом.

Сбитые с толку пилоты штурмовиков сделали разворот и оттянулись назад.

— Шкипер, здесь мины, у нас два сотых, — доложил новый командир эскадрильи штурмовиков.

— Продолжайте преследование. — Приказ был строг и лаконичен.

Штурмовики совершили широкий обхват и обошли предполагаемое минное поле. Им навстречу летели два бота, поливая пространство огнем из пушек.

— Третье звено — ракетная атака! — последовал приказ командира, и с пилонов штурмовиков сорвались две ракеты.

Ротный видел, как были произведены пуски ракет. Он нацелил бот на ближайший штурмовик, отключил компенсаторы и, включив реактор на полную мощность, совершил мгновенный рывок. Всех в боте раздавило возникшей перегрузкой, и они уже не видели, как он подлетел к штурмовику, как ракеты настигли его и он исчез в пламени, прихватив с собой «шарки».

— Шкипер, у нас сотый. — Штурмовики снова развернулись для нового захода.

— Выдели два звена для преследования уходящих штурм-ботов, не дай им уйти, — последовал приказ шкипера.

Четыре штурмовика вернулись на прежний курс. Они продолжили преследование.

— Второй взвод! Цель — ведомые! Огонь из всех средств. Отсчет пошел. Три, два, один. Пли!

Первые штурмовики проскочили скопление непонятных бусинок на экране сканера и устремились дальше. Но тех, кто следовал за ними в спарке, накрыло море огня. Обстрел был скоротечный, и только то, что все десантники прошли модификацию, позволило им засечь и атаковать летящие с огромной скоростью корабли противника. Буквально долю секунды штурмовики находились под обстрелом, но их полет стал неровным, и они, резко затормозив, стали, кувыркаясь, разлетаться в стороны. А потом такой же огонь накрыл пару ведущих штурмовиков, и

только один корабль вырвался из зоны поражения, он резко изменил курс и стал возвращаться.

— Внимание, второй взвод, противник! Огонь по готовности.

«Шарки» был поврежден и летел на шестидесяти процентах своей мощности. Три ракеты, пущенные из лаунчеров, врезались в двигатели, и дальше полет продолжил сияющий огненный шар.

— Шкипер, мы потеряли пять «птичек», прошу разрешения возвратиться на корабль! — В голосе командира эскадрильи слышались страх и удивление.

— Посадку разрешаю.

— «Заслон-один»! Уничтожить оставшийся штурмбот. «Заслон-два» — уничтожить остальные два десантных бота.

— Приказ принят, шкипер!

Фрегаты совершили маневр разворота и устремились на сближение с кораблями десантников.

— «Заслон-один»! Приказ базы — захват штурмбота и пленных.

— Шкипер, понял вас, произвожу захват корабля.

Точным огнем фрегат подавил орудия бота и повредил двигатели, подцепил его магнитным захватом и стал тащить в трюм поврежденный корабль десантников.

— Сэр! Двигатели повреждены, орудия уничтожены, нас тащат в трюм, — доложил пилот десантного бота лейтенанту, оставшемуся на борту. — Какие будут приказы?

Лейтенант отстегнул гермошлем и бросил его на кресло.

— Пол! Мы поклялись не посрамить. — Он посмотрел на пилота. — Взорвем реактор.

Пилот улыбнулся:

— Есть, сэр! Я увеличу мощность реактора до максимума и сниму защиту. Прикрепите «присоску» к задней стенке.

Лейтенант пожал ему руку, потом не выдержал и обнял:

— Не посрамим, брат!

— Уйдем с честью! — ответил пилот.

— Кэп, «птичка» в трюме, — оповестил старший помощник капитана фрегата.

— Вскрывают и действуют станерами, нам нужны живые, а не куски мяса, как умеют действовать твои живодеры.

— Понял, приступаем.

— Шкипер, бот захвачен, приступаю к вскрытию. «Заслон-один».

Капитан грузового корабля облегченно вздохнул. Уничтожить два крейсера было легко, а вот справиться с «десантурой» оказалось непросто. Что они придумали, что смогли уничтожить пять из восьми новейших штурмовиков? Он рассеянно смотрел на дисплей, на котором отмечались маркеры кораблей. Два бота, увеличив скорость, уходят, и скоро их будет не догнать. Но тут экран покрылся рябью, и, когда она прошла, он услышал удивленный голос дежурного на мостике:

— Шкипер, «Заслон-один» уничтожен!

Два штурмбота продолжали полет на пределе своей скорости, сильные перегрузки вдавили тела десантников в спинки кресел, но все равно они не успевали к точке перехода. Им не хватало пары минут, и командир роты «Бета» это очень хорошо понимал.

— Внимание личному составу, — проговорил он по связи. — Бойцы, мы не успеваем войти на транспортах на предпоследний слой этой гребаной планеты. «Бета», слушай мой приказ! Всем катапультироваться через тридцать секунд. Саперам прихватить с собой универсальные дроны. Отсчет пошел! Пять, четыре, три, два, один. Пуск!

Мгновенно открылись люки над головами сидящих, и десантники вместе с креслами были вышвырнуты в космос. Штурмоботы увеличили скорость и устремились на автопилотах в разные стороны. Им вслед летели четыре ракеты, пущенные с фрегата. Через пятнадцать секунд они догнали их и уничтожили.

— Командиры взводов, доложить о потерях и наличии личного состава, — прозвучал по связи приказ ротного.

— Первый взвод, трое сотых, в строю восемнадцать бойцов, один дрон.

— Второй взвод, один сотый и два дрона, в строю двадцать бойцов.

— Третий взвод, потерь нет, в строю двадцать один боец и два дрона.

— Доклад принял, ввожу координаты точки перехода, спуск на планету будем осуществлять по чрезвычайному режиму.

Прокс вторые сутки сидел недалеко от базы валорцев. Он передал сообщение эскадре после ее входа в систему и установил маяки, обозначая местонахождение базы. Но время шло, день сменился ночью, ночь — днем, а все оставалось тихо по-прежнему. Он отправил кодированный сигнал и не получил ответа. Подождал еще пару часов и понял: случился форс-мажор.

Или эскадра ушла, столкнувшись с сильным противником, или ее уничтожили, что маловероятно. Но как бы то ни было, ее в системе нет. Он перевел маяки в пассивный режим и вернулся в замок князя Цу Кенброка.

— Твои воины прибыли, иномирянин? — Князь сознательно не называл его по имени, показывая, что продолжает держать Алеша на расстоянии, не доверяя ему.

— Нет, властитель. Что-то произошло, и они не смогли пробиться на планету.

Прокс понимал, какие мысли обуревают Цу Кенброка, — тот решал, на кого сделать ставку. Если победят валорцы, он будет сотрудничать с ними, если ССО — то с ними. Сейчас Прокс показал свою слабость, а князья тьмы слабости не прощают.

Рядом с князем стояла Листи, а в зале несли службу его бойцы.

Князь покачал головой:

— Я не буду тебя убивать, иномирянин, по просьбе своей невесты. — Он по-хозяйски обнял девушку и привлек ее к себе. — Уходи, но больше тут не появляйся, это мое последнее слово.

Прокс, не отвечая, развернулся и вышел из зала. Все его усилия и старания были напрасны. Он проник на нижний слой, но не смог закрепиться и вот был изгнан одним из князей. Как он не любил начинать все сначала. Он вздохнул. Встряхнул головой, отгоняя страхи и сомнения, и решительно направился на постоянный двор. Там царила предотъездная суета, бегали дети, Жаркоб собирал караван для возврата в Брисвиль.

— Жаркоб, возьми меня с собой, — обратился Алеш к демону.

Тот внимательно посмотрел на него и согласно кивнул головой.

— Я сейчас буду отправлять детей. Первым пойдешь ты и на месте будешь их принимать. Готов? — спросил он.

— Готов, Жаркоб.

Демон достал камень с фиолетовыми прожилками и открыл портал.

— Пошел, — скомандовал он.

Алеш шагнул в открытое жерло портала, и за ним окно схлопнулось. Он огляделся. Это был не Брисвиль!

Нейтральный мир. Город Брисвиль

— Госпожа! — обратился Хромец к женщине, сидящей на дорогом ковре. У ее ног примостился огромный тверд. — Там двое хуманов пришли. Хотят с вами поговорить. — Он недавно перестал попрошайничать у порталной площади и стал личным слугой и

помощником Ведьмы.

— Кто такие, по каким вопросам? — Женщина всегда заставляла Хромца выпрашивать проходящих, перед тем как встретиться с просителями. А их после уничтожения верхушки гильдии работоторговцев неожиданно появилось много. И воры, и братство предлагали ей сотрудничество и помощь, но она только усмехалась.

— Я сама по себе, вы сами по себе, — говорила он ходокам.

— Госпожа, они сказали, что говорить будут только с тобой, — пожал плечами помощник. Он не привык еще к своей должности и продолжал держаться зашуганно, опасаясь, что его побьют.

— Тогда гони их прочь. — Женщина потеряла к разговору всякий интерес.

— Они вот послание передали, — протянул он свернутый листок.

Шверд понюхал бумагу и равнодушно опустил морду. Она взяла послание и стала читать. По мере чтения ее лицо принимало задумчивое выражение.

«Чужаки опасны!» — передала она мысленный посыл адскому псу, тот поднял голову и внимательно посмотрел ей в глаза. Потом рыкнул и исчез в темноте подземных галерей.

— Проводи людей сюда, — обратилась она к Хромцу.

Посетители спокойно стояли перед хозяйкой каменоломен и без тени любопытства смотрели на нее. Она молчала, они тоже не спешили начинать разговор. Ольга молчала, потому что узнала стоявшего перед ней человека, он мелькнул только один раз в ее жизни, когда она приехала навестить сестру Хельгу. Но после этого сестры не стало. Она исчезла с концами. «Оперативник синдиката, специалист по связям...» — всплыло в ее памяти. Именно его помощник готовил ее на замену сестре в АДе. И вот он стоит перед ней и не узнает. «Все верно, я сильно изменилась», — с огорчением подумала она.

— Что привело вас ко мне? — обратилась она к валорцам, первой нарушив затянувшееся молчание.

— Наша организация сотрудничала с «Ночным двором». Теперь его место заняли вы, и вас называют Ведьмой из подземелья. Мы хотели бы наладить сотрудничество. Выгодное вам и нам.

— Не очень выгодное оно оказалось для «Ночного двора», рены. — Кривая улыбка промелькнула на ее лице. — Там в глубине еще лежат останки былой выгоды. Лакомство для псов.

— Мы учли прошлые ошибки, — продолжал спокойно говорить валорец, — и больше их не повторим.

— Это вряд ли, вы уже наделали кучу ошибок, убив трактирщика, и теперь все братство охотится за вами. — Она презрительно глянула на самоуверенных мужчин. «Как можно начинать заново свою работу с объявления войны братству», — подумала она, а вслух сказала: — Думаю, что до площади вы не доберетесь, рены. Ступайте, я не веду дел с покойниками.

Один из хуманов выхватил из-под куртки продолговатый предмет. «Станер!» — поняла она, и человек мгновенно замер, парализованный. Второй даже не шелохнулся и продолжал спокойно на нее смотреть.

— Мы учли эту возможность, госпожа, — ответил он, — и уйдем отсюда телепортом. — Он скосил глаза на окруживших их псов и добавил: — Если вы нас выпустите отсюда. Но прежде хотелось бы о чем-то договориться.

— Договоримся, герр Вельтбраух, — улыбнулась ведьма.

Степь да степь кругом

Поджимало время, и разборки с графом Проворным я оставил на потом. Меня ждала привольная степь, ветер и горький аромат трав, разбавленный запахом пролитой крови. Где-то там затерялась Ленея, и мне нужно было ее найти. В то, что она сможет организовать спасение сына ближайшего помощника великого хана, я уже не верил. Лесные союзники ввели в действие такие силы не для того, чтобы какая-то девчонка их сорвала. Пусть даже у нее есть клыки, но деревянных человечков ими не закусает. Ее нить, ведущая ко мне, оборвалась, а моя спит и ждет, когда я ее активирую. Вот этим я и решил заняться.

Мгновение, и я снова оказался в чистом поле. На горизонте мелькали небольшие отряды «половцев» с большими клыками, а может, даже печенегов. Я не помнил, чем они отличаются. Для меня кочевник он и есть кочевник. В небольшом овражке я провел ритуал связи и почувствовал девушку. В мои чувства хлынул поток боли, страха и отчаяния, и мне пришлось срочно отгородиться от ее состояния. Это случилось со мной первый раз, я испытал состояние «кровника», чувствующего тех, с кем связан. Может, это ощущение вызвано тем, что надо мной был проведен ритуал принятия в род, или наши эмоции с шаманкой действовали в унисон — этого я не знал. Зато отчетливо понял, что она попала в беду. Летать я больше не хотел и двигался осторожно по направлению натянутой нити. На мне был трофейный камуфляж, имевший свойства хамелеона, его осторожно изучил Лиан, и по чувствам, которые он мне транслировал, я

понял, что он остался доволен. Костюм брал энергию от носителя и был сделан из той же ткани, что и хламида демона, он сопротивлялся огню, держал удар меча, и только стрела с тонким наконечником могла его пробить. Я прикрепил брошку с камнями в качестве энергетической подпитки и нацепил на голову странную шапочку, которая была интересна тем, что при необходимости опускалась и прикрывала лицо и голову. Оставались открытыми только рот и глаза. Очень удобно для того, чтобы скрыть себя от постороннего взгляда и остаться неузнанным. Шиза подсмотрела за снежным эльфаром и внедрила мне в мышечную память его проход сквозь кусты, это тоже требовало затрат энергии, зато передвижение по степи стало более безопасным. Сканер я поставил на максимум и легкой трусцой отправился в путь. Если встречались овраги и холмы, я просто перепрыгивал их телепортом, не утруждая себя бегом по пересеченной местности. Небольшую речку также преодолел, не тратя времени на поиски брода. На ее берегу расположилось небольшое стойбище орков. Я не стал тут задерживаться, прошел незамеченным сквозь него, не сворачивая, и двинулся дальше.

Медленно ползущий караван посольства, вокруг которого, как мухи, собирались небольшие отряды орков, остался далеко за моей спиной. Это посольство продолжало меня заботить, и мне следовало успеть к ночи возвратиться и что-то предпринять, чтобы сорвать замыслы врагов. Здесь для меня весь мир поделился на две неравные половинки — друзья и враги, последних было неизмеримо больше. Но и выбора у меня не было. Остаться в стороне не позволит божественный сынок и подсунет меня тем же противникам, прикроет мною другого. Вот и приходится выпрыгивать из штанов, чтобы и дело сделать, и самому не засветиться. Мои мысли прервались сигналом сканера, впереди была такая же магическая сетка, в которую я попал ранее. На сканере она образовала обширное поле с красными ячейками. Мне пришлось притормозить и залечь. Дело было непростое, деревянные солдаты и демон, поглощающий энергию, — противники серьезные, и к бою надо будет подготовиться. Обходить я их не собирался, таких уничтожать нужно по отдельности, пока они не собрались вместе и не создали для посольства непреодолимые трудности.

Я вызвал спутник и затребовал снимки данной местности.

— Одну минуту, хозяин. Сейчас все исполню в лучшем виде. Вам какие, цветные или в черно-белом варианте? — проявился опять этот чертик.

— Шиза, мы так и не сумели его отловить? — Надо признаться, я был расстроен. Этот сумасшедший влюбленный сумел создать кучу

неприятностей своему начальству, а теперь еще и мне вместе с наследством передал этот подарок.

— Я отловила уже четыреста пятнадцать его копий. Но как тольколовишь одного, появляется другой. При этом он прячется, пока ты не активируешь искин. Он пытался даже проникнуть в меня, приняв за социальную нейросеть. У той нет защиты от программ-шпионов.

— Прямо болезнь, вирус какой-то, — вздохнул я. — Ты вот что сделай. Создай мою виртуальную копию и постоянно входи в ее искин. Не думаю, что этот вирус способен отличить живую от неживого. Так отлов бандюги пойдет быстрее.

— Точно! Как я сама не догадалась? — удивилась Шиза и скрылась надолго.

А передо мной стояли другие задачи, которые нужно было решать немедленно. Полученные снимки показывали, что в центре интересующего меня участка степи находится балка — прекрасное место, чтобы тут, на голом столе бесконечного травяного пространства, можно было спрятаться. Возможно, там и засел противник с множеством неизвестных. А я был один, и второго шанса у меня могло уже не быть.

Итак, примерное местоположение противника я знал. Вопрос: что делать дальше? Идея Наполеона: «Давай ввяжемся в драку, а там посмотрим» — меня не устраивала.

Поисковая сетка не стояла на месте; она, как узкополосный сканер, рывками перемещалась слева направо и обратно, останавливаясь на пару рисков и совершая скачок дальше. Я подсчитал время и понял, что с помощью боевого режима и телепортов смогу добраться до противника, оставаясь незамеченным. Главное, не зацепить эту сетку. Прыжок, и я в том месте, где только что была красная сетка. Она потянулась дальше, и я следом за ней, но ближе к балке, заросшей низкими деревцами. Когда сеть дошла до правого конечного рубежа, я был почти у цели и, опережая ее, стал телепортироваться в противоположную сторону. Здесь свободы маневра было гораздо меньше, и мне помогал только ускоренный режим восприятия. Я уже отчетливо видел лежащих за кустами на краю овражка часовых в камуфляже. Благодаря способностям Шизы их незаметность исчезла, она поставила фильтры, отсекающие их слияние с местностью, и выделила красным контуром их фигуры. Поначалу это вызывало некоторый дискомфорт, но вскоре я уже не обращал внимания на красный контур. Последний рывок в центр я совершил почти елевого края и оказался между двух магов, которые, стоя друг к другу спиной, держали металлические рамки и водили ими из стороны в сторону. Вот они, кто раскинул сеть.

Рядом сидел еще один эльфар в зеленой хламиде с закрытыми глазами. Или спит, или в трансе, решил я и начал с лесных операторов поисковых амулетов. Удар кинжала в висок, и щупальца моей ауры жадно присосались к нему, выпив всю энергию до дна. Но на этом хорошее закончилось. Сидящий в трансе маг взмахнул рукой, он двигался неимоверно быстро, и меня выкинуло из ускоренного восприятия. Не мешкая, я метнул кинжал, и он попал сидящему в плечо. Жрец — а это был именно он — кувырком ушел с того места, где сидел, и бросил в меня свой посох. Тот на лету превратился в большую толстую, как анаконда змею, и та успела схватить меня за ногу, прежде чем я удрал. Меня задержало на секунду решение все-таки добить и второго мага, я кулаком врезал ему по шее и стал поглощать его жизнь. Вот тут змея меня и схватила. Я дернулся и упал, а тварюга стала оплетать меня своими кольцами. Все происходило очень быстро, и бойцы с деревянными животами даже не шелохнулись, а я уже был наполовину спеленат змеей.

— Ты что творишь?! — крикнул я и ударил ее по здоровенной башке кулаком, та повсю попыталась отгрызть мою ногу. Вторая рука уже была придавлена кольцами. — Мы с тобой одной крови, падла, я тоже из рода Змей!

Но той было все равно, кем я себя считаю и к какому роду принадлежу. Я совершил прыжок телепортом за пределы балки, и, как оказалось, вовремя: на том месте, где я боролся с волшебной тварью, что-то бухнуло. Теперь у меня появилась пара секунд, и я сам обхватил змею и стал жрать из нее энергию огромными порциями, давясь и рыча. Наконец змея мигнула и исчезла, а я не стал смотреть, что от нее осталось, совершил прыжок в лощину и удачно оказался за спиной жреца. Тот что-то пытался колдовать. Времени у меня не оставалось, этот дядя умел двигаться и творить волшбу почти так же быстро, как и я. Недолго думая я ухватил его за голову и свернул ее, потом ударом ноги отправил под ноги набегавшему бойцу, отскочил назад и разорвал дистанцию. Воин, тоже не церемонясь, отшвырнул жреца и бросился на меня с мечом. Мои руки мгновенно превратились в черные клинки, я отбил удар и вошел с ним в клинч.

В следующее мгновение из моего плеча вылезла голова Мессира, и он ухватил зубами нос противника. От неожиданности тот замер, а я выпил из него всю энергию. Мимоходом подумал: «Как эти иллюзии умудряются физически воплощаться?» Оттолкнул и бросил взгляд на жреца. Тот поднимался со сломанной шеей, и его голова неестественно смотрела почти назад, он руками вернул ее на место и что-то начал плести крючковатыми пальцами.

«Смотри какой живучий», — удивился я и применил магическую технику «развеять заклинание». Его волшебство сорвалась, и он хотел что-то крикнуть, но я наложил безмолвие и ринулся на него. Шустрый жрец резво развернулся и достал свиток.

— Куда? — заорал я и схватил его за хвост.

Сначала я не обратил внимания на то, что в моих руках был хвост, покрытый шерстью. Я с азартом тянул его, как кузнец Вакула на хуторе близ Диканьки. Потом вдруг наступила темнота, и мы оказались с ним на лесной опушке, рядом стоял старый седой жрец, который с огромным удивлением, переходящим в ступор, смотрел на нас. А я держал за хвост демона в зеленой хламиде. Демон был не красный, а серый. Мгновение, и в моих руках оказался меч, еще мгновение, и в них остался отрубленный хвост, а сам демон ловко увернулся от замаха и устремился вглубь леса. Краем глаза я заметил, как седой жрец стал творить заклинание, и снова применил «развеять». А чтобы он не смог колдовать дальше, наложил безмолвие и оцепенение, а следом привязал «торнадо». Когда же глянул на запас энергии, обмер: две трети как корова языком слизала. Но оставаться на месте было нельзя, и я погнался за бесхвостым. Из чащи этого странного леса выбегали бойцы, одетые так же, как и я.

— Лови демона! — заорал я и покрутил хвостом, как веревкой.

Ко мне присоединялись все новые и новые бойцы, азарт погони захватил и их. А демон добежал до невысокой оградки с посадками и побежал вокруг нее. Недолго думая я ворвался в палисадничек и споткнулся. Моему взору предстала картина, которую лучше не видеть, а если увидел, то позабыть как страшный сон. К молодым деревьям были привязаны или приживлены дети. Часть из них были живые, а часть уже начали гнить и, отвалившись, валялись у стволов.

— Ссуки! — сквозь зубы прошипел я и стал мечом рубить эти поросли.

В меня хлынула прорва энергии, и я прошелся по посадкам, как сенокосилка. Проломил забор и стал догонять демона. А тот достал свиток и исчез. Я тоже достал свиток и активировал. Темнота, и вот опять ложбина и бесхвостый демон, который, заметив меня, завизжал, как резаная свинья, и бросился наутек, одним махом заскочил на верх овражка и огромными прыжками понесся по степи. Следом бежал я. Беглец вильнул в сторону и исчез. Опять телепортировался, гад, обозлился я и достал свой свиток. Раз, и надо мной разверзлись небеса, а оттуда к земле устремился огненный дождь.

— Мама!!! Это не то! Отставить! — заорал я и достал следующий.

После мгновенной темноты я очутился в том же лесу. Тот же демон, увидев меня, завыл от страха, а старый маг попытался ударить меня своим посохом. Был он грязен, окровавлен и без седых волос. «Несладко дедку пришлось», — пробегая мимо, подумал я, а вылезший из плеча Гронд вырвал из его рук посох. Старик не удержался и упал мне под ноги. Перепрыгнув через него, я наложил на лежащего оцепенение и безмолвие, чтобы не бабахнул в спину. Запасы энергии катастрофически просели. Я свернул в сторону посадок и снова прошел, как жнец по колосьям. Подзаправился и бросился за демоном. А тот снова исчез в телепорте.

— Вот гаденыш! — Я не на шутку разозлился, такой забег за демоном я уже делал в Азанаре, после чего загремел в городскую тюрьму. Достав на бегу свиток, мельком глянул, чтобы убедиться в правильности выбора, и, промчавшись сквозь темноту, выбежал в знакомом лесу. Да что же это такое! Дорогу мне перегородил окровавленный жрец с перекошенным от ярости лицом. Я выхватил его посох из рук духа и сунул деду, он автоматически его схватил и изумленно замер. По устоявшейся традиции наложил на него безмолвие и оцепенение, пусть старый отдохнет, и свернул на «заправку». Я умудрился вытащить телепорт в этот лес и сейчас носился по кругу, обгоняя его сторожей.

Ребята были сильные, ловкие, но неумные; не получив команды от жреца, они выполняли мои. И под мои крики «держи гада, а то уйдет!» бестолково бегали туда-сюда.

Добрав заряд энергии, использовал свиток, которых у меня было завалилось от прошлого отряда, и попал в библейский ад. Над головой бордовые небеса, трава выгорела, и земля дымилась, и сквозь это чистилище уносил ноги черт.

— Стой, бесяра, я рив! Тебе приказываю, стой!

Гаденыш был уже далеко, и только пыль клубилась столбом из-под копыт. Услышав мой призыв, черт только прибавил ходу.

— Я знаю, где тебя найти, — погрозил я ему кулаком в спину и прыгнул в лес.

Дед стоял на том же месте, я вырвал у него посох, врезал в живот кулаком. Чтобы не цеплялся за палку, проделал все те же действия, что и ранее, и устремился к палисаднику.

«Не убивай моих детей!» — прозвучали в голове чьи-то мысли.

— Они жрут наших детей, — вслух огрызнулся я.

«Они не виноваты, я дам тебе энергии и не буду забирать ее».

И мой запас снова оказался полон. Я вильнул на ходу, обегая посадки, и врезался в демона. Мы, стукнувшись лбами, упали и покатались по траве.

Меня спас Лиан, а у черта был сломан один рог, он лежал оглушенный, смотря в небо. Не совершая прошлой ошибки, я отрубил ему голову и на всякий случай прихватил ее с собой. Подошел к сидящему на траве жрецу и отдал посох. Потом ушел в степь. Только вышел я не в балке, а посреди стойбища орков, держа за рог голову демона.

— Учитель, там свидетели пришли. — К верховному шаману племени барсырг заглянул молодой орк.

— Какие свидетели? — На него уставился пожилой шаман, худой и горбатый, в глазах которого отражалась отрешенность. Шаман общался с духами, выкурив ароматной травы. Он недоумева смотрел на ученика, силясь понять, что тому нужно.

— Ты сам просил сообщать о чужаках, посетивших племя, вот я говорю: пришел свидетель Худжгарха. Там собралось больше сотни мужчин и женщин послушать проповедь.

— Темнота! — рассердился шаман и с кряхтеньем поднялся. — Пошли осадим болтуна. Запомни, Грыг, Худжгарха не существует и никогда не было. Степь им нашептала, птицы хвостами указали, тьфу, — сплюнул в раздражении верховный шаман. Лучше бы его слушали, он с духами говорит, а предки лучше знают, что для народа орков хорошо, а что плохо. Он заковылял к свету костра, где собрались слушатели.

— И сказал Отец непокорным сыновьям: «Горды вы и своенравны и не будете слушать заветов моих. Но как только чаша терпения наполнится, пошлю я на вас духа мщения Худжгарха», — громким, хорошо поставленным голосом говорил орк с перебинтованной головой. Был он уже в возрасте, и такие в бой не ходили, обучали молодежь и несли службу в караулах.

— Хватит попусту болтать! — прервал его шаман. — Это сказания наших старух. Я, будучи ребенком, тоже слушал их бредни и верил. Но вы — взрослые мужи, а слушаете всяких проходимцев. Гоните лжеца, чтобы духу его здесь не было.

— Да подожди ты, Быргз Улу, — остановил его воин, сидящий в окружении молодых орков. — Он видел духа мщения, вот об этом и говорит.

— Рег Бурк, ты же не простой пастух, и туда же, — осуждающе покачал головой шаман. — Какой пример ты подаешь молодым? За тебя стыдно становится.

— Следи за языком, Быргз, я вожу первую тысячу в бой, и я не пастух, я гаржик. Но даже последний пастух видит, что в степи смута назревает. На

племя муйага напали техколо, и между ними кровь. Шаманы поднимаются против вождей. У сивучей, говорят, верховный шаман стал упиваться вусмерть. В степи чужаки бродят, как у себя дома. Что это? — Он гневно посмотрел на шамана. — Говори дальше! — приказал он пришедшему орку.

— Я тоже не верил, пока сам не увидел знамение. Небеса почернели неожиданно и налились кровью, и с них стал падать дождь, но не вода, а камни огненные, они пожгли степь на несколько лиг. И голос громовой с неба слышался. А потом к нам в стойбище пришел он — Худжгарх. Был он слабо замечен и сливался с травой, но его можно было видеть. И был он... — Рассказчик замолчал и обвел всех взглядом, всматриваясь в напряженные лица слушателей.

— Какой? — не выдержал кто-то из сидящих.

— И был он трехголовый. Одна голова у него закрыта, и только глаза пламенеющие видно было. Другая старческая лысая из левого плеча торчала, она смотрела на нас и плевалась. Третья голова из правого плеча торчала, и была она с длинными седыми волосами и бородой. Она сердито смотрела на нас из-под кустистых бровей и ругалась. Скверно ругалась, — добавил он.

— Ты еще скажи, что он шесть рук имел, — засмеялся шаман и затрясся от хохота.

— Скажу, шаман, — спокойно ответил орк, — что сам видел, а не от других слышал. Было у него шесть рук, и в одной он держал голову демона с одним рогом. Посмотрел он на нас, кинул голову демона нам под ноги и сказал... — Орк еще раз обвел глазами застывших слушателей. — «Что же вы, воины, позволяете врагам своим по степи ходить свободно, как у себя дома? Там, — показал он рукой, — в лощине отряд демонов сидит». Сказал это и исчез. Мураза приказал сотне воинов скакать туда и проверить. Я тоже поехал посмотреть. А из балки вышли демоны дымящиеся, черные и злые. Набросились они на нас и убили почти всех.

— А ты выжил, значит? — с издевкой спросил шаман. Он победным взглядом оглядел соплеменников. Но те не обращали на шамана внимания.

— Я выжил и еще семеро воинов, потому что сам Худжгарх на помощь пришел. Он взмахнул рукой, и мы все упали без движения и демоны тоже. А он обошел их всех, и стали они мертвые, — почти шепотом закончил он.

— И это все? — продолжал издеваться Быргз Улу.

— Нет, не все, — спокойно ответил проповедник. — Дух подошел к нам и сказал: «У ваших шаманов советники появились, орки без роду и племени, это они демонов призывают». И назвал он нас хопцами, как мы

детей шаловливых и непослушных называем, — закончил свое повествование орк.

Наступила полная тишина, и в этой тишине раздался испуганный женский голос:

— У нас тоже такой есть!

Глаза всех уставились на верховного шамана. Тот сам вытаращил глаза на сидевших и стал подниматься, но сильная рука орка придавила его на место.

— Посиди пока, шаман, а мы поспрошаем твоего гостя, откуда он пришел и зачем. Вы, четверо, быстро пошли и привели сюда пришлого, — приказал молодежи тысячник.

Шаман сердито скинул руку со своего плеча и с угрозой сказал:

— Ты много себе позволяешь, Рег Бурк. Могу и руки укоротить. — Но острый кинжал у шеи охладил его пыл, и он снова уселся.

Через некоторое время, прошедшее в тишине, у шатра гостя шамана раздались вопли и взрывы. По знаку гаржика еще десять воинов поднялись и побежали на помощь. Но скоро они вернулись, и десятник доложил:

— Воины убиты, а гость сбежал.

Рег Бурк сурово взглянул на верховного шамана:

— Говоришь, сказания старух?

Шаман злобно зашипел, поднял посох и хотел запустить волшбу, но топор обрушился ему на голову, раскроив ее до самых плеч.

Гаржик, вытирая кровь с лица, только проворчал:

— Мог бы оставить в живых, поспрошали бы, откуда гости приходят.

Кинув стоявшим оркам под ноги голову демона, я телепортировался поближе к той балке, где засели лесные воины, в надежде, что орки решат проверить мои слова. Так и случилось, не меньше сотни их выметнулись из стойбища и поскакали в направлении балки. Они слезли с быков и ринулись вниз, им на встречу поднимались страшные, все в копоти, обгоревшие лесные мутанты. Простого человека или орка огненный дождь спалил бы сразу, а эти не только были живы, но и очень быстро стали расправляться с орками. Я понимал, что тем скоро придет конец, и, прыгнув коротким телепортом за спину обгорелым бойцам, кинул гранаты с газом и ушел. Пошел отсчет «три, два, раз». И я обратно прыгнул в балку. Осмотрелся. Все лежали без движения. Потом по очереди обошел бойцов, отобрал энергию и жизни, мой резерв был полон, накопители, с помощью Лиана и малышей, тоже. Можно перевести дух. Не так все страшно, как казалось вначале. Сел и стал перебирать трофеи: второй гаситель магии,

жезл демона со страшной мордой, две сотни золотых корон и свитки телепортов, массового оцепления и огненного дождя по площади. Ну нехило они собрались тут повоевать! Что делать с телами? Оставлять их тут мне не хотелось, я еще раз перебрал добычу и обнаружил свитки, открывающие портал массового перехода. Всех бойцов леса собрал в кучу, немного посомневался и открыл портал. Вышел в ускорение и стал закидывать туда тела. Готово! Портал схлопнулся, а я отряхнул руки. На меня во все глаза смотрели оставшиеся в живых орки.

— Прощайте, хлопцы. У ваших шаманов советники появились, орки без роду и племени, это они демонов призывают, — сказал я и перенесся на спутник.

После бега с препятствиями мне надо было лечь в медкапсулу на полчаса и опять отправиться в степь. Я открыл крышку на экране панели управления и как всегда увидел жизнерадостную рожу Брыка. «Чего изволите, хозяин?» — произнес он и с воплем исчез. Попался гад! Мне стало тепло на душе, я лег на ложе и отключился.

Проснулся я от вопля: «Хватит спать, хозяин!» В его тонкой ручке была дудочка, и он трубил в нее, как горнист. «Вот клоун никудышный», — подумал я. Хорошего настроения как не бывало.

— Шиза, надо ставить мои виртуальные копии на все оборудование и запускать одновременно. После отлова на нем ставить ловушки, как только он прыгнет из одного в другой, так сразу попадетсЯ. Мы все равно гада уничтожим.

Я с ненавистью глянул на включенный дисплей, где расхаживал Брык-Брык, и произнес:

— Все, еретик, я объявляю тебе крестовый поход. Поймаю и сожгу на костре.

— Не получится, — ответил он. — Гении не горят.

— Посмотрим, — не согласился я и обратился к симбионту: — Девочка, мы должны действовать зеркально. Этот паразит сам себя воспроизводит, надо подцепить к нему нашего паразита, чтобы он прогрыз к нему дорожку, внес изменения в программный код и ставил метки там, где он появляется. Главное, лишить его способности к размножению.

— Я поняла, приступаю к работе. Подожди минут десять в ускоренном режиме.

— Что, гений, разгадал загадку? — мстительно спросил я рожу. Тот остановил свое брожение по экрану и со вздохом сказал:

— Нет, не разгадал. Но у меня для тебя есть сообщение от прошлого

хозяина. Будешь смотреть и слушать? — Он внимательно посмотрел с экрана.

«Интересно, что эта простуда программная видит?» — подумал я. Но вслух ответил:

— Давай послушаем этого умника.

На весь экран развернулось изображение космического скитальца, который давно почил от неразделенной любви.

«Не знаю, кто ты, но раз смог удивить моего друга Брыка, то хочу передать его тебе в помощь. Уверен, ты не раз уже пробовал с ним расправиться, но не смог. Поверь, этот подарок тебе понравится. Считай, что это твой лучший секретарь с обучающимся искусственным интеллектом. Я не буду тебе рассказывать, как его ловили специалисты, ты сам уже понял, какая это проблема. Вот пароль для входа в Брык-Брыка. Он простой: имя моей любимой — Тайнола. Но вход для ввода пароля закрыт загадкой, какую не смог отгадать мой единственный друг, с кем я коротал скучные вечера. Ну вот и все, неведомый странник. Прощай».

— Пароль вводить будешь? — хмуро спросила морда, опять появившись на экране.

— А как же! Запоминай, гений: Тайнола.

— Пароль принят, вход разрешен, — раздался мелодичный женский голос.

— Шиза, собирай инквизицию, пусть мальцы бревна стаскивают, будем проводить аутодафе мерзавцу. — Я довольно потирал руки.

— Не надо уничтожать Брыка, он очень хороший помощник. Все его свойства я изучила. Создатель Брыка специально ввел ему модель поведения живого человека. Пусть останется секретарем, — вступилась за «монстра» Шиза.

Ничего себе! Я был поражен, все мои мечты о мести, лелеемые в душе, летели под откос. Брык уходил от возмездия.

— Нет, девочка, создай его брата, и будем жечь его в назидание. И добавь Брыку больше человечности, чтобы страдал, гад, от мук братишки.

— Глухов, он не человек и руки заламывать не будет. Ты просто будешь видеть мультик с мучениями. Возвращайся в степь и жги лесных эльфаров. Утоли свою жажду бить и крушить, варвар. Кроме того, магистра надо забрать, он скоро сопьется на пару с шаманом.

Я сел в кресло и разочарованно посмотрел на экран.

— Что, хозяин, обломилось? — без ухмылки спросил меня Брык.

— Обломилось, — не стал спорить я. — Теперь ты нужный элемент в системе безопасности, Брык, занимайся тем, для чего создан, деньги не транжирь, не раздавай, значит, если что надо, согласуй с администратором пространственной аномалии Шизой.

А что, я должен был дать ему пинка? Он же программа!

— Не беспокойся, босс. Я не сплю и не устаю, — ответил повеселевший Брык. — Ты только скажи, что это — «два кольца, два конца и посередине гвоздик».

— Это ножницы, Брык, — ответил я. И достал из сумки маленькие маникюрные ножницы. — Вот они.

— **НОЖНИЦЫ!** — с каким-то благоговением повторил мой новый виртуальный секретарь.

ГЛАВА 4

В степь и обратно

Я задумчиво сидел в кресле оператора, пытаюсь точнее сформулировать цели, которых хотел достичь. Для чего я вообще ношусь по степи и чего добиваюсь? В конце концов я понял, что хочу отомстить сивучам, разрушить замыслы моих личных врагов — лесных эльфаров и не допустить создания в степи враждебного Вангору союза племен орков. Желаний у меня было много. Значит, и целей было несколько, одна из них — месть тем, кто меня пленил и покалечил. Другая — помочь посольству вангорцев достичь ставки великого хана без ощутимых потерь. Третья, и немаловажная, цель — это попробовать предотвратить набег на Вангор орды молодых степных волчат. Были еще задачи, такие, как спасение шаманки и сына правой руки великого хана, но они укладывались четкими фрагментами в уже обозначенные цели, как кирпичики укладываются на свое место в кладку. Примерный план действий у меня был, и часть его я сумел реализовать. Перебил несколько отрядов лесных эльфаров и значительно сократил их «поголовье». Перессорил между собой несколько племен. Сорвал коварные замыслы шаманов — заменить своих вождей и натравил племена на сивучей. Кроме того, магистр воспользовался предоставленной ему свободой и устроил кутеж, живя в теле верховного шамана Сарги Улу. Как ему это удалось, одному творцу известно. Но то, что этот хитрый орк на время выбыл из борьбы, радовало. О том, что надо будет как-то разбираться с впавшим в алкоголизм Рострумом, я старался не думать. Где-то в глубине у меня жило желание спрятаться за «авось пронесет», и это придавало чуточку спокойствия.

Я вообще заметил, что здесь, на Сивилле, я загребаю под себя все больше и больше и гоню мысли, наползающие, как темные тучи на голубой небосвод. Но придет же время расплаты! А я прячусь за эфемерную ширму — авось пронесет и чувствую облегчение. Понимал, что глупо, но ничего с собой поделать не мог.

У меня также было немного времени подумать, как это иллюзии могли из сумки пролезть в меня и хватать материальные предметы. В мои думки вклинился усилитель — симбионт Лиан. По промелькнувшим образам я понял, что это его работа. Он покрыл их «каменной кожей», дав им временную возможность физического воздействия на предметы. Надо же!

А это чудо способно принимать самостоятельные решения и воплощать их в жизнь! Вот это номер! Я, можно сказать, был потрясен.

Теперь передо мной стояли две задачи — защита посольства и спасение шаманки. Гоняться за теми, кто ее захватил, у меня не было никакого желания. Коли ее хотят подставить и сделать виновницей нападения на вангорцев, то туда и привезут. Убивать небесную невесту раньше, чем организуют нападение на караван, похитители не станут. Сразу вскрыется подстава. Уж разобраться, сколько дней бездыханному телу, орки смогут. Поэтому Ленея подождет, хотя ей приходится несладко, а вот прихватить несколько орков-сивучей и выставить их виновниками нападения, эта идея мне понравилась. Значит, надо отправиться снова к заклятым друзьям. Я повеселел, потому что у меня появились хоть небольшие, но все-таки проблески в планировании предстоящих действий с ясной логикой и конкретностью. А то уж целый день я только и делаю, что гоняюсь за чертями, а они за мной.

— Брык, остаешься за главного, — ляпнул я и зажал рот ладонью, широко раскрыв глаза. Старая армейская привычка всегда назначать старшего вместо себя вырвалась наружу и сейчас. Этому проходимцу такие полномочия давать нельзя — или мировая война начнется, или мое имущество придут реквизировать.

Тот, как живой, косо глянул на меня:

— За главного не могу, только секретарем.

— И слава богу! — перекрестился я. Есть бог на свете. — Сторожи и защищай, гений, — сказал я с облегчением.

— Не беспокойся, хозяин, все будет в лучшем виде. Еще загадки знаешь? — спросил он.

— Висит груша, нельзя скушать, — не задумываясь ответил я и отправился в степь.

В овраге, где я валялся и отращивал себе конечности, ничего не изменилось. Орки, к моему облегчению, любопытством не страдали и к брошенной жертве, чтобы посмотреть, как она там помирает, не ходили. Я настроился на шамана и потянул за нить. Перед взором появилась размытая муть, и я силился собрать глаза в одну точку. Наконец мне это удалось, и я увидел рядом с собой орка с посохом шамана.

— Учитель, вы как себя чувствуете? — задал он мне вопрос. С моего языка чуть было не сорвался ответ, но я тут же понял, что опять смотрю глазами Сарги Улы.

— Чего тебе надо? — грубо ответил шаман и зашарил рукой около себя, нашел кружку с чем-то и жадно присосался к ней. — Ух, — выдохнул

он с облегчением. Посмотрел снова на орка и махнул рукой. — Пшел вон!

— Учитель, к вам пришел гость, — не отходил ученик, пытаясь достучаться до шамана.

Занавеска из шкур лорхов откинулась, и в шатер вошел эльфар под личиной орка. Он брезгливо посмотрел на верховного и кивком головы выгнал ученика. Когда тот скрылся за пологом, эльфар уселся, взял кружку, из которой пил шаман. Понюхал и опять сморщился.

— Что за дрянь ты пьешь, Улу? — спросил он.

Шаман, покачиваясь, силился понять, кто с ним разговаривает.

— Ты кто? — спросил он и упал на шкуры. Наступила темнота, и только слышен был оглушительный храп пьяного орка.

— Чтоб ты сдох, шарныга степная. — Это последнее, что я услышал.

Из слияния с пьяным шаманом меня вытащила Шиза.

— Магистр спрашивает, что ему делать дальше?

Хороший вопрос: что делать с пьяным орком? Я бы тоже не отказался получить на него ответ. Но думать и принимать решения приходилось самому.

— Он может поднять орка и управлять им? — спросил я.

— Минутку, сейчас узнаю, — ответила она. — Да, может, — совсем скоро поведала мне Шиза.

— Вели ему вызывать охрану, и пусть арестуют того эльфа, что представляется орком. Если тот будет сопротивляться, пусть убьют. Потом скажу, что дальше делать.

— Поняла! Передаю! — Ответ был какой-то жизнерадостный и задорный. Видимо, сидеть просто в моей душе ей было скучно, а так она при деле и событиях.

Сарги Улу с трудом поднялся, покопался в сумке и достал перышко степной птицы, косточку речной крысы и желтый порошок, сложил пред собой и стал наверху посоха водить над этой кучкой. Скоро из нее за клубился дымок, и шаман, опустив голову, стал вдыхать его. Потом встал и, не шатаясь, вышел.

— Мырз! — крикнул он шаману, сидящему недалеко от его шатра.

Тот живо поднялся и подбежал к Сарги Улу, подобострастно согнувшись, спросил:

— Что нужно, учитель?

— Где орк, который ко мне только что заходил?

— Он сел на лорха и оправился в степь, учитель, — еще ниже склонился шаман. Он помнил, что случилось с последним старшим учеником, посмевающим возразить пьяному верховному шаману. Теперь его

шкура сушится и будет натянута на большой тревожный барабан. Новый старший ученик такой судьбы себе не хотел. Сарги Улу всегда отличался крутым нравом. Злые языки поговаривали, что шаман жесток, потому что Отец орков обделил его мужской силой. Оно и вправду можно было так подумать. Ранее верховный всегда отгонял от себя женщин и, поучая учеников, говорил: «Женщина у шамана ворует его силу». Но после того как вернулся со встречи с другими шаманами, он сильно изменился. Верховный не вылезал из шатра, стал пить перебродивший сок гулямы, настоящей на экскрементах летучих мышей, и заставлял водить к себе рабынь из числа людей. Согнувшись, ученик ждал распоряжений. Наконец верховный шаман вспомнил, чего он хотел, и приказал:

— Найдите его и приведите сюда. Если будет сопротивляться — убейте предателя. Возьмите мою охрану, одни не ездите. Все понял? — Взгляд шамана горел яростным огнем, глаза были широко открыты, и зрачки заполняли почти все пространство.

«Гарлян^[11] нюхал», — понял ученик.

— Немедленно выезжаем, — вслух ответил он и, развернувшись, стал быстро удаляться.

Лер Гарис-ил, координатор всей сети в орочьих степях, в сильнейшем раздражении покинул стойбище. В последнее время дела шли очень плохо. Все, что он с таким трудом создавал почти пять триков, рушилось, словно картонный домик. Исчезали боевые группы, племена, которые он считал союзниками, посходили с ума и стали враждовать между собой. Сарги Улу прекратил контакты с другими племенами. Вместо того чтобы постараться привлечь их на свою сторону, он ударился в пьянство. Один отряд стражей натолкнулся на химеру о трех головах и с потерями отступил. Невообразимо, стражи Леса, которым не было равных среди бойцов, бежали!

Это все неспроста, что-то они не учли. Какой-то фактор, который разрушает все, что так усердно и длительно выстраивал Гарис-ил. Причем происходит это на всей степи и скрытно. Неужели его величество Меехир отослал в степь неизвестных им бойцов или химер? Наверное, все-таки химер и их поводырей. Не зря по Азанару ходили слухи о драконах, напавших на поместья дворян.

От мрачных мыслей его отвлекли крики за спиной. Эльфара догонял отряд орков во главе с шаманом. «Что там еще могло произойти?» — недоуменно подумал он и приготовил заклинание.

Я следовал по пятам отряда орков, отправленных вдогонку за лесным эльфаром. Двигался скрытно и старался держаться от них на расстоянии, чтобы шаман не смог меня засечь. Я видел лесного эльфара, который покинул стойбище, и ждал развязки: мне надо было, чтобы преследователи не смогли выполнить приказ верховного, а эльфару был закрыт путь к сивучам. Убивать я его не собирался, на него у меня были далеко идущие планы.

Всадник остановил быка и стал ждать преследователей. Но по мере их приближения он стал проявлять беспокойство и, не дожидаясь, когда они подъедут ближе, применил заклинание. Ноги быков оплел уже известный мне красный выюн, который стал расти и подниматься выше, прихватывая в свои объятия и всадников. Быки, почувствовав боль, заревели и стали бешено брыкаться, оркам трудно было удержаться, и они стали выпадать из седел. Несколько шаманов затрясли посохами, и выюн стал засыхать на глазах. Но тотчас же вокруг отряда выросли деревья, обхватившие орков и лорхов ветвями. А эльфар сплюнул и достал свиток.

— Подожди, дорогой, — тихо проговорил я, — не так быстро.

Пока шло небольшое магическое сражение, я подобрался поближе. Моей целью был эльфар. Вернее, его кровь. Поэтому, когда он достал свиток с телепортом, я наложил на него оцепенение и сразу же безмолвие. Именно голос являлся инструментом высвобождения заклинания, если только не использовался амулет. В этом случае достаточно пожелать, и заклинание сработает. Эльфар замер. А мне оставалось только уйти на ускоренное восприятие, надрезать ему руку и скрыться.

Гарис-ил понял, что произошли очередные осложнения. Как продолжение череды странностей, ему грозили большие неприятности в лице отряда орков, воинов и шамана, догоняющих его. От них исходила смертельная угроза, и он это чувствовал. Теперь и к сивучам ему ход был заказан. Проклятые дикари, мнящие себя великими детьми Творца, подумал он и применил заклинание. Он не хотел обрубать концы и не собирался убивать орков. Сначала надо разобраться, что же произошло, понять, кто тот невидимый противник. А только потом решать, как быть с сивучами. Он достал свиток с телепортом и замер: против него применили оцепенение, маг хотел его развеять, но не смог: он был безмолвен. Потом легкая боль кольнула его в руку, он посмотрел и увидел неглубокий порез. Никого рядом не было, заклинание развеялось, и он был свободен. «Обо что я успел порезаться?» — подумал он и скрылся в телепорте.

С исчезновением мага развеялось заклинание, и освобожденные орки,

увидев, что добыча исчезла, завизжали.

— Войте, войте, то ли еще будет! — удовлетворенно проговорил я и, подобравшись к ним на бросок гранаты, швырнул сосуд с газом.

Отряд орков удивленно смотрел на летящий в их сторону предмет, его полет они сопровождали взглядом, не выказывая тревоги. А когда он упал им под ноги, они вместе с ездовыми быками стали валиться на траву.

Ну вот, пленные у меня появились, теперь надо решить, как их доставить к посольству.

— Шиза, что можешь предложить? — спросил я.

— Есть два способа, мой командор, — ответила она. — Первый: вычисляем координаты посольства, создаем точку привязки и переправляем их по одному. Быков берем? — Она удивила меня вопросом.

— А зачем они нам?

— А если посольские задумаются, как сивучи добрались до них без своих лорхов? — спросила она.

— Понял, отправляем с быками, — не стал возражать я. — А второй какой способ? Ты же о двух говорила.

— Второй способ быстрый: переносим их так же по одному на станцию и сразу отправляем в район посольства. Какой вам больше нравится, мой герой?

— Шиза, вот не надо мне этих штучек! Давай ты останешься девчонкой в миленьком желтом платице, а? — с надеждой спросил я.

— Не получится, я уже взрослая и самостоятельная. Мама и папы у меня нет. Но есть мужчина, который когда-то звал меня замуж. Я согласная.

— Ангел мой, это была просто шутка, понимаешь? Мы трепались ни о чем, просто так, о жизни. Вот что бы было, если бы было так или эдак. Верно?

— Нет, неверно, обманщик! Ты сам сказал, что хочешь на мне жениться, и предложил отпочковаться. Вот как было! — В ее голосе не звучало ни обиды, ни раздражения, она играла и забавлялась моим смущением. Но при этом действовала очень напористо.

— Ты не можешь отпочковаться, тогда о чем разговор, крошка, — засмеялся я.

— Мне не надо отпочковываться, ты можешь приходить ко мне во сне, — очень спокойно заявила она. — И не называй меня крошкой!

Вот привязалась! Я даже не знал, что ей отвечать, у нее все уже спланировано и отрепетировано, на любой мой ответ она находит возражение. И я применил последний довод:

— Я тебя не люблю!

— Ну и что? У вас говорят «стерпится — слюбится».

— Все, Шиза, хватит, делом надо заниматься, а не лясы точить! — прикрикнул я. — Советуй давай, какой вариант лучший.

— Лучший вариант — создать свиток массового телепорта отсюда к посольству.

— Я свитки еще не создавал, это проходят на третьем курсе, и пергамент нужен специальный, а у меня его нет. — Я ответил ей то, что она должна знать сама без моей подсказки.

— Зато есть заготовки к амулетам, и плетение заклинания можно перенести на него, — ответила она. — Надо отправляться на спутник, снимать координаты и переносить на амулет.

— Шиза, пространственные перемещения проходят в магистратуре, я не знаю, как в амулет вводить координаты. Потом, местные магистры пользуются своей системой координат.

— Эка беда. Положись на меня, обманщик. Я все сделаю.

Немного темноты, и мы на спутнике. Меня сразу же приветствовал Брык-Брык:

— Хозяин, все в норме, происшествий нет, я на боевом посту. — Теперь он был в костюме пограничника с большим званием, где-то между полковником и генералом. — Тебе что-то надо? — деловито спросила морда и сделала озабоченное выражение. — А то я занят, работаю над загадкой, — заявил он важно.

Занят он. Можно подумать, управляет космическим кораблем!

— Занимайся, — отмахнулся я и стал ждать, когда Шиза создаст амулет массовой телепортации.

— Бран, — обратилась к мужу Гаринда, — ерунда какая-то происходит. Пытаюсь войти в свой ком, а там появился другой пароль, надо дать ответ на вопрос: «Висит груша, нельзя скушать». Это не твоя работа?

Бран вышел из душа, вытирая голову полотенцем.

— Нет, любимая, я к твоему кому даже не прикасался.

Он сел за свой стол и развернул голодисплей. На экране красовалась надпись: «Вход в систему через пароль; ответьте на вопрос: „Висит груша, нельзя скушать“, что это?» Бран молча уставился на экран. Такое в его жизни случилось впервые: кто-то залез к ним в систему, обошел защиту и сменил пароль. Причем вопрос какой-то дурацкий. Он стал вводить ответы, но они все были неверные, тогда он подключил наручный искин и задал поиск. Через полчаса искин сдался, перебрал шесть миллионов вариантов,

и завис.

— На мостике, запросите коридор на вылет, — прозвучал по общей связи приказ капитана. Торговое судно, принадлежащее компании «Рин и Перо», готовилось к отлету.

— Не могу, капитан, — ответил с сильным удивлением в голосе дежурный оператор, — искин требует пароль.

— Какой пароль? На мостике, не морочьте мне голову!

— Сэр, для того чтобы войти в систему, нужно ответить на вопрос: «Висит груша, нельзя скушать», что это? Я уже перебрал более миллиона вариантов, и все неверные.

— Свяжитесь со службой безопасности, — через секундное замешательство ответил капитан, — пусть найдут этого умника, повесившего на нас вирус. Этой станции мало не покажется, когда компания подаст на них в суд адмиралтейства.

— Невозможно, сэр, — ответил дежурный. Он недолго молчал, а потом упавшим голосом продолжил: — Попросят ответить на вопрос: «Висит груша, нельзя скушать».

— Кто просит? — не понял капитан.

— Служба безопасности станции, сэр.

— Они что там, с ума посходили? Отправьте старпома в местное СБ, пусть он задаст им, — приказал капитан.

В диспетчерской, регулирующей транспортные потоки торговой станции, творился невообразимый хаос, со всех мест слышались возмущенные крики и ругань. Старший диспетчер носился между дисплеями и хватался за голову. На всех экранах висела надпись: «Чтобы войти в систему, ответьте, что это такое: „Висит груша, нельзя скушать“». Он попытался связаться со специалистами службы безопасности, но в ответ увидел все ту же строчку: «Чтобы войти в систему, ответьте, что это такое: „Висит груша, нельзя скушать“».

Служба безопасности станции была поднята по тревоге, на всех дисплеях висел один и тот же вопрос. Отказали средства видеонаблюдения. Офис СБ штурмовала живая очередь недовольных и разгневанных посетителей, и сквозь них — как ледокол — шел начальник станции. Жизнь торговой станции замерла. Все силились решить задачу, что же это такое — «Висит груша, нельзя скушать». Хорошо, что системы обеспечения жизнедеятельности станции были не затронуты хакерской атакой злоумышленников.

Посидев без дела пару минут, я вспомнил, что Брык и граф меня ограбили, и решил не тратить впустую время, а разобраться с ситуацией.

— Брык, — обратился я к пограничнику в золотых погонах, — соедини меня с нашим послом.

— С каким послом? — заюлил он.

— Не прикидывайся дураком. С тем, с которым вы меня ограбили. — Я был невозмутим, как египетский сфинкс. Мне надо было привыкать к наличию неубиваемого секретаря и смириться с ним, как с неизбежным катаклизмом. Это было трудно, но необходимо.

— Да ты что говоришь, хозяин! О каком грабеже идет речь? Твой посол взял кредит под десять процентов в месяц. Это не грабеж, а прибыль! — Он с возмущением смотрел на меня.

Я закрыл глаза и стал считать до десяти, на счете пять я успокоился. Посмотрел на дисплей и сказал:

— Мне бабушка говорила, что брать ссудный процент — это плохо, это грех. В долг надо давать без процентов и без жадности.

— Не знаю, что такое «дурак», «грех» и «совесть», но, если ты не хочешь заработать, я изменю условия выдачи кредита, — ответила морда в пограничной форме.

Я не стал спорить и только повторил свой приказ:

— Соедини меня с Браном.

Бран, не веря, смотрел на дисплей: на экране появилась картинка секретаря его милости. «Господин посол, вас вызывает хозяин». Был рисованный секретарь при полном параде — в военном мундире с золотыми нашивками.

— Ну наконец-то! — облегченно вздохнул новоиспеченный граф и стал читать входящее сообщение.

«Бран, — писал я, — ты недалеко спрятал кинжал чести? Если не сможешь объяснить, для чего взял у меня двадцать восемь тысяч, то самое время им воспользоваться».

Бывший нелегальный брокер икнул и трясущимися руками стал писать.

«Ваша милость! Не велите казнить, велите слово молвить!»

«Он что, наших сказок перечитал в детстве?» — подумал я. — «Не может просто отписать, что ли?» И стал читать дальше.

«Эти средства потребовались колонии на Суровой для оплаты обучения пилотов, и Ваш секретарь после загадок выдал их мне. А я отдал колонистам, согласно Вашему указанию о всемерной помощи дружественной нации.

Р.С. Осмелюсь спросить, не знаете ли Вы ответа на вопрос: „Висит груша, нельзя скушать“».

Прочитав ответ, я успокоился: кредиты ушли на благородное дело и способствовали дружбе и сотрудничеству между нашими странами. Хотя на материке, принадлежащем Новоросскому княжеству, никто и не жил. «Пока!» — успокоил я сам себя. Потом хлопнул себя по лбу и отписал Брану: «Это электрическая лампочка, по виду похожая на плод дерева груши».

— И где такой плод растет? — услышал я вопрос Брыка.

Я посмотрел на секретаря и, вздохнув, ответил: — Далеко, Брык. В тридевятом царстве, в тридесятом государстве.

— А что такое лампочка? — Он был хмур и недружелюбно смотрел на меня.

Пришлось рисовать ему лампу и объяснять, как она работает.

— Ну дикари! — воскликнул он. — Надо же использовать для освещения нагрев дуги из металла. И где такие умники живут? — спросил он.

Я тоже усмехнулся:

— Там и живут, Брык. В тридевятом царстве, в тридесятом государстве. Подожди, морда, я эту загадку загадал тебе. Почему меня спрашивает Бран? — Я пристально посмотрел на изображение. Помимо своей воли я стал общаться с мультиком, как с живым, настолько он вел себя по-человечески. — Соедини меня с Браном! — приказал я. Какой-то червячок сомнений грыз меня, все казалось, что господин граф неспроста задал мне этот вопрос.

— Я за тебя работаю, пока ты отсутствуешь, — нагло заявил Брык и попытался исчезнуть, но сразу попал в карантин, через мгновение появился опять и снова загремел в каталажку.

Так продолжалось минут десять. Я уже со счета сбился, скольких Брыков поймала ловушка Шизы. Наконец она удовлетворенно заявила:

— Это был последний на станции. Я к нему прикрепила «следилку», как он начнет размножаться, сразу отправится в карантин. А еще я повесила ему программку «Отгадай». Посмотри, что получилось. — Шиза просто лучилась довольством.

Я открыл карантин, и на экране появилась камера с решетками, там сидели, как сельди в бочке, Брыки в арестантских полосатых робах и с гирями на ногах. Я мстительно полюбовался на арестантов и спросил:

— А что это за гиря у них на ногах, прямо как у меня в тюрьме, только больше?

— Это и есть программа «Отгадай». Если Брык попробует перескочить с одного места на другое, он должен сначала отгадать загадку. Давай свои дурацкие загадки, они настолько глупые, что никакому умнику не под силу их разгадать.

— Они не глупые, Шиза, они детские. Записывай: «Сто одежек и все без застежек». «Туда-сюда-обратно, тебе и мне приятно». «Белые горошки на зеленой ножке». «Стоят в поле сестрички — желтые глазки, белые реснички». «Этот длинный рыжий нос по макушку в землю врос». Вот еще загадка! — вспомнил я журнал «Мурзилка». На душе было тепло, как будто я снова окунулся в детство. Вспомнилась бабуля, ее пирожки, речка с песчаными берегами и полный сундук книг и журналов, которые я через день с большим азартом перебирал.

— Хватит! — оборвала мои воспоминания Шиза. — Он и с первой не справится.

Следом Брыки стали исчезать из карантина один за другим.

— Постой, подруга, так не годится, — обратился я к ней. — Каждый клон должен получить решение суда и быть уничтожен по приговору. А решение такое: за саботаж и нарушение миграционного законодательства, за оставление места прописки без разрешения органов власти приговаривается к высшей мере наказания — расстрелу. — Я потер руки; душа, получившая отмщение, пела. — И еще, — я не мог остановиться, — сделай ему голову Чиполлино.

— А это что? — Шиза непонимающе замолчала. Я вспомнил мультик и создал иллюзию по памяти: луковица в арестантской форме сидела в камере.

— Это лук? — удивленно спросила она. — И он живой? Ты где такие растения видел?

— Дома на планете, — не стал я вдаваться в подробности. — Изменяй внешность Брыка, смотреть на эту морду страшно.

— Что за мир! Что за планета, где ходят живые растения! — восклицала пораженная Шиза, одновременно изменяя внешность каторжанина.

— Этому последнему — помилование, — смиростивился я. Не совсем же я тиран.

В руках Брыка появился лист. Он прочитал его и вышел из тюрьмы. Кандалов на нем не было, были только штаны в заплатках.

— Ну вот, совсем другое дело, — удовлетворенно сказал я. — На свободу с чистой совестью. Верно, Брык? — подмигнул ему я. Тот посмотрел на меня зверем и промолчал.

Времени уже почти не оставалось, и общение с Браном я перенес на... На когда-нибудь. Надо было отправляться в степь и переносить отряд паралитиков поближе к повозкам неспешно едущего по степи посольства.

— Шица, у тебя все готово? — поинтересовался я.

— На девяносто пять процентов, — ответила она.

Я замер:

— Это что значит?

— Ну, мы еще не делали амулетов с перемещением на такие расстояния, и я не могу вычислить точно расход энергии. Но думаю, что запаса в камнях хватит.

— Шица, почему ты перенимаешь от меня не самые лучшие черты? Так получается, что мы отправимся на авось? Верно? — осторожно спросил я.

— Не совсем, процент удачи довольно высок, и потом, что от тебя брать, кроме расхлябанности и глупости? Ты ничего до конца не продумываешь. Наполеон! — сказала она и перенесла меня обратно в степь.

День клонился к закату. Вповалку лежали слабо мычащие быки и орки. Я достал амулет, усыпанный камнями, и с большим сомнением на него посмотрел.

— Это авантюризм чистой воды, — покачал я головой. Но все же открыл портал, вышел в ускорение и стал закидывать орков с быками в открывшееся окно.

С лорхами проблем не возникло, Лиан справился с пятисоткилограммовыми тушами без особых проблем. Настал мой черед, я перекрестился, прочитал половину «Отче наш», что знал, пропел на всякий случай строчку из гимна «Союз нерушимый...» и с криком «Аллах акбар», зажмурившись, прыгнул в окно. По инерции пробежал пару шагов с закрытыми глазами, споткнулся о чье-то тело и упал. Я открыл глаза и был рад тому, что жив, что меня не разделило на половинки при переносе, что есть воздух и что есть я. Рядом лежали большой грудой орки и быки вперемежку. Быки мычали от страха, орки — потому что их придавили тела быков. Когда я их отправлял в окно телепорта, то не подумал о том, что

быки могут задавить орков, и, произнеся свое любимое «Твою дивизию!», принялся спасать задыхающихся и стонущих степняков. Они были живы, но не совсем здоровы. Это и понятно, когда на тебя падает лорх, о каком здоровье может идти речь. И что делать, тратить на них эликсиры? Как-то жалко. Я задумчиво огляделся, пытаюсь решить для себя, что мне важнее: спасти орков, а потом их все равно прибить или оставить калеками и забыть о своем плане. Я задумчиво оглядывал окрестности, и чем больше смотрел вокруг себя, тем шире становились мои глаза. Не веря им, я зажмурился и посчитал до десяти. Сердце перестало стучать, пытаюсь выпрыгнуть из груди, и мысли смогли собраться вместе. Я открыл глаза. Так все-таки не показалось! Это не степь! А что тогда? Вокруг высились горы, утопающие в серо-черных тучах, покрывающих все небо. Склоны поросли деревьями, и где-то очень высоко кружила птичка размером с МиГ-21. Я и калеки находились в ущелье, на берегу бурной речки, мелкой, но довольно стремительной. «Вот что значит девяносто пять процентов успеха», — тоскливо подумал я. Шиза спряталась и молчала.

— Худжгарх, помоги! — услышал я стон одного из немолодых орков и посмотрел на лежащий отряд. Действие парализующего газа прошло, но орки, придавленные тушами быков, лежали не вставая. Зато лорхи спокойно паслись на зеленой травке.

— Эка беда. Положись на меня. Я все сделаю, — повторил я слова Шизы.

Нейтральный мир. Город Брисвиль

— Договоримся, герр Вельтбраух, — улыбнулась Ольга. Она оценила выдержку валорца, на его лице не дрогнул ни один мускул. Выражение оставалось таким же внимательно-подчинительным, и только глаза жили отдельно своей жизнью. Они вцепились в женщину, как шверд вцепляется в жертву, они осматривали ее, изучали, вникая в каждую черточку на ее лице. И наконец в них мелькнуло узнавание.

— Ольга? — В интонациях голоса мужчины звучал вопрос. Потом уже решительно и утвердительно пришедший сказал: — Ольга Бруз!

— Она самая, герр Вельтбраух. Скажите своему напарнику, чтобы зря не напрягался, прежде чем сможет что-то сделать, он станет кормом для моих псов. Больше всего они любят человечину. — Теперь в глазах женщины вспыхнуло пламя торжества, и хуманы ей поверили.

— Но как такое возможно? Мы получили сведения, что вы были раскрыты, устроили настоящую войну с АДом и убили советника. После

чего вас арестовали, и вы скоропостижно скончались. — Человек смотрел на нее, и она видела, что он силился понять, что ему делать. И что теперь их ждет от этой неожиданно воскресшей женщины?

— Не лукавьте, вы знали, что со мной произошло, моя скоропостижная смерть наступила в результате того, что ко мне вошли двое и задушили меня моим же лифчиком, — с горечью в голосе произнесла она. — Но предыдущий опыт общения с синдикатом приучил меня заботиться о себе. Я заранее ввела капсулу битурэнлордана и поставила в нейросети установку, чтобы в случае смерти этот препарат начал действовать. Надеюсь, вы знаете, что он сохраняет мозг в течение суток неповрежденным и восстанавливает кровь. Из камеры я сбежать не могла, но вот из морга — да, сумела. — В ее голосе чувствовалась нотка печали. — Я знала, что синдикат меня не отпустит, и установила перенос сюда, в закрытый сектор. Некоторое время я не помнила себя. Но память ко мне вернулась, герр Вельтбраух.

— Верится с трудом, фрау Ольга, — ответил валорец. — Это больше похоже на сказку о чудесном спасении принцессы.

— А верить не надо, меня с синдикатом больше ничто не связывает. Теперь я свободна.

— Вы не хуже меня знаете, Ольга, что уйти из организации можно только в случае смерти. — Пришедший говорил спокойно, продолжая изучать женщину. — Вы сильно изменились, — заметил он.

— Я знаю, господин специалист по связям. Но я уже умерла, — тихо и печально ответила она. — Умерла для всех. Меня повесили и бросили висеть на спинке кровати. А выгляжу? — Она задумалась. — Так смерть не красит никого. Хотите посмотреть, что стало с вашими коллегами? — Она уже успокоилась и с улыбкой смотрела на посетителей.

— Нет, не хочу. Что вы собираетесь делать с нами? — Он прямо смотрел на нее.

— То, что вы и хотели: договариваться о сотрудничестве. Ваши жизни в обмен на жаргонит. Я больше не член синдиката, я сама по себе. Если кому-то взбредет в голову поменять наши отношения, он об этом пожалеет, как пожалели многие другие.

— У нас нет с собой жаргонита, фрау Ольга, — ответил валорец.

— Есть! — твердо произнесла женщина. — Он есть у вас и у вашего напарника. Один вы извлечете для меня. А я помогу вам выбраться отсюда. Даже если вы доберетесь до портала, вам все равно не уйти через него. Вам просто не дадут этого сделать.

Валорец задумался.

— А как поможете вы, фрау? — Он старался быть вежливым и спокойным.

— Вы переоденетесь в тряпье и вместе с моими нищими доберетесь до портала. Двое других моих бродяг будут изображать вас. Этим мы отвлечем бойцов братства и дадим вам время уйти.

Мужчина, ведущий переговоры, надолго задумался.

— Вы можете скинуть мне пакет из вашей нейросети? — наконец ответил он.

— Жаргонит! — одним словом ответила она и требовательно уставилась на посетителя. Тот мельком глянул на товарища и кивнул.

Второй валорец закрыл глаза и упал на каменный пол пещеры. Тело его извивалось, и сам он стонал, как будто его жгли или резали. Но через пару минут он успокоился и разжал руку, без сил валяясь на полу.

— Вот, берите, — подобрал желтый шарик валорец и протянул его Ольге.

Она осторожно взяла еще горячий камень и спрятала на груди.

— Они вышли! Приготовиться к захвату, — прошептал низкорослый демон. — Надо же, ничего не боятся. Вперед пошли! — крикнул он и устремился к двум хуманам. Маг, бывший с ними, применил заклинание паралича и ударил «забвением». Двое людей тихо повалились на землю. Подъехала повозка, и обездвиженные тела быстро погрузили вовнутрь.

— Трогай давай, — радостно проговорил он.

Операция захвата прошла удачно, и два иномирянина были схвачены. Повозка проехала через весь город и въехала на заброшенную ферму, построенную когда-то незадачливыми переселенцами с Сивиллы и разграбленную местными бандитами. Так она и осталась стоять, зияя черными провалами дверей и окон.

— Выгружай! — скомандовал демон, и тела двух людей небрежно бросили на землю.

— Ты кого привез, Жордан? — рассматривая лежавших и хлопающих глазами людей, спросил Ур.

Низкорослый демон, ухмыляясь, ответил:

— Двух приезжих в костюмах купцов и в шляпах.

Ур наклонился над телами и влил каждому по полфиала жидкости.

— Говорить можете? — спросил он их.

— Можем, — ответили оба хором. — Вы за это ответите перед хозяйкой.

— Отвечу, — не споря, кивнул аптекарь. — Откуда у вас эти одежды?

— От пришедших остались. Хозяйка нам отдала, ей наш вид не нравился, — ответили опять в два голоса жертвы похищения. — Что вам надо? Отпустите нас.

— Отпущу, конечно отпущу, — ответил охотно Ур. — А где посетители?

— На корм пошли, — неохотно ответила парочка. — Хозяйке они не понравились чем-то.

— И что, от них ничего не осталось? — поинтересовался Ур Цванг.

— Остался желтый шарик, — заржали оба, как будто увидели что-то смешное.

— Жордан, отвези их обратно, — сказал новый глава братства. — Передай Ведьме этот мешок с золотом и наши извинения.

Тот недовольно взял мешок и уехал.

— Как он мог их не опознать, это же братья Один Голос? — спросил дворф, стоящий рядом. — Они близнецы, ходят только вдвоем и говорят всегда вдвоем, потому и получили такое прозвище.

Ур Цванг посмотрел на него и ответил:

— Для Жордана все люди на одно лицо, он их различает только по вкусу.

Демон черт-те где

Прокс осматривал местность, куда его закинул Жаркоб. Вдалеке дымил вулкан, везде, куда ни посмотри, высились горы. Небо закрывали черные тучи. Сам он находился на склоне высокой горы, поросшей клочьями серой от пыли травой и еще какой-то чахлой растительностью. Редкие пожухлые кустарники цеплялись за камни из последних сил. Они гнулись и ветвями бились о камни под порывами холодного ветра. Алеш перешел в человеческую форму и натянул боевой скафандр.

— Спасибо, Жаркоб, отблагодарил, — с блеклой усмешкой проговорил Демон и стал искать безопасный спуск вниз. Наверху ему делать было нечего, здесь хозяйничал ветер, приносящий клубы серой пыли и пепла.

Осторожно обходя скалу, на которой он оказался, Прокс обнаружил еле приметную тропу, которая змейкой извивалась вокруг вершины и вела вниз. Он присмотрелся и понял: тропка была натоптана и, значит, ею пользовались. Сканер заработал, и теперь Прокс мог заметить опасность, если бы она встретилась ему по дороге. Внизу стелился туман, и Алеш удвоил осторожность, он пошел медленнее, долго стоял перед молочной пеленой, не решаясь в нее войти. И хотя сканер показывал отсутствие

агрессивных существ, его интуиция попискивала от страха. Он глубоко несколько раз вздохнул и перешел на магическое зрение. Пелена стала гораздо реже, и можно было идти уже не на ощупь. Переборов сомнения, Алеш с большой осторожностью шагнул в белесую муть. Через несколько шагов он почувствовал, что устал, и ему захотелось присесть отдохнуть. Оглядевшись, он увидел большой валун, который так и манил его к себе. Он сделал к нему шаг, и нейросеть выдала сигнал тревоги: «Внимание, опасность, ментальная атака».

— Отразить! — мгновенно приказал Прокс и остановился, выхватив арбалет. Тут же пропал туман, и он увидел перед собой шагах в восьми желеобразную колыхающуюся массу, которая раньше представлялась ему огромным валуном.

Недолго думая Алеш разрядил арбалет в тварь, которая атаковала его ментально. Болт сорвался с ложа и с громким чавкающим звуком вошел в бесформенную массу как простая болванка, без магического эффекта. Прокс недовольно скривился. Он выстрелил еще раз, но результат был тот же: болт скрылся в желе, а монстр, разозленный нападением, вытягивая отростки, медленно пополз к нему. Пришлось доставать бластер и тратить заряды, которых у него осталось немного. Пара запасных батарей. Выстрелы прожигали большие дыры в желеобразном теле, но тварь жила и продолжала двигаться к нему. Прокс отступил и из рюкзака, с которым не расставался нигде, вытащил мину. Слегка подбросил ее, и она упала у ложноножек наступающей твари. Колыхающийся монстр осторожно ощупал новый для него предмет и двинулся дальше, накрыв мину своим телом. Прокс быстро отступил еще на десять шагов и привел мину в действие. Сам залег за скалистый выступ. Грохот разорвавшейся мины пробился сквозь шлем и раскатистым эхом отозвался в горах. Осторожно выглянув, Алеш осмотрел результат. Везде, куда ни посмотри, были куски желе, но сам монстр погиб. Не желая наступать на разорванные части твари и преступая их. Прокс двинулся дальше. На месте, где сидел монстр, была огромная куча костей. Рядом валялось оружие и броня, изъеденные кислотой. «Тварь сидела здесь бесконечно долго, охотясь на попавших сюда бедолаг, и поедала самых неосмотрительных», — разглядывая останки, подумал Прокс. Он обернулся и посмотрел на вершину, откуда недавно спустился. Тумана не было, не было и тропинки, по которой он шел. Обед сам приходил к твари по наколдованной ею несуществующей дорожке, сделал он очевидный вывод. Кроме того, стало понятно, что тут могут быть и другие, не менее опасные и скрывающиеся враги.

Алеш нагнулся и стал исследовать останки. Все черепа были с рогами,

значит, здесь появляются только демоны. Среди оружия и брони он нашел амулеты и украшения из серебра и золота, не подверженные действию желудочного сока твари, они были хорошо заметны среди разной трухи. К его удивлению, они были полны энергии. Оружие и хлам он отбрасывал в сторону, но все ценное стал собирать. Мало ли что может понадобиться. Неожиданно он увидел маленький желтый шарик и замер. «Вот это находка! Жаргонит!» — присвистнул он и еще старательней стал копаться в останках. Минут через двадцать разогнулся: больше ничего интересного для себя он не нашел. Убрав в сумку свои находки, Прокс спрятал бластер и вновь достал арбалет. Кроме того, Алеш решил проверить свою догадку, он взял в руки амулет с огненным шаром и попытался запустить его вверх. Как он и ожидал, ничего не произошло. Магия здесь не работала. С одной стороны, это его успокоило. С другой — заставило задуматься: куда же он попал? Судя по местной фауне, хищники, обитающие здесь, магией пользоваться могли. Вон желеобразный создал иллюзию тропинки и сумел внушить ему усталость и желание присесть на камень. Если бы не нейросеть, он, как и многие предыдущие несчастные существа, тоже стал бы обедом. Поудобнее перехватив арбалет, Алеш двинулся дальше. Он чувствовал себя горным козлом. Со скалы удобного спуска не было, и приходилось где ползти вдоль скалы, тесно прижимаясь к ней, где прыгать с уступа на уступ, чтобы добраться к месту, от которого можно было продолжить путь. Чем дальше он шел, тем больше убеждался, что его отправили сюда не случайно. Это был путь в одну сторону. Его не стали убивать, а просто бросили сюда порталом в полной уверенности, что здесь придет конец его нелегкой и непродолжительной жизни.

Спускался Алеш медленно и, когда наступила тьма, забился в неглубокую расщелину, измученный и без сил, свернулся и забылся тревожным сном.

Утром его разбудили крики и шум. Вокруг скалы носились какие-то крылатые твари и орали во все горло. Одна из них спикировала на него и села на край выступа. Теперь Алеш смог рассмотреть это создание. На него со злобой и жадностью смотрела женская голова с оскаленными клыками, тело без волос переходило в когтистые лапы, покрытые густой шерстью, и у этого существа были крылья. Оно вытянуло шею, пытаясь ухватить Прокса, но тот мгновенно выкинул вперед ногу, обутую в крепкий десантный ботинок, и врезал им по хищной морде. Эту полуптицу смело с карниза, как выстрелом из пушки, и с громким обиженным воплем странная тварь полетела вниз. Другие с радостными криками бросились за ней вдогонку. Прокс чуть-чуть выглянул за карниз и увидел, как падающую

летунью рвали на куски ее же товарки. Часть летунов, сделав круг, парила около него. Двигаться дальше было нельзя — сожрут по дороге или сначала сбросят в пропасть, а потом уже сожрут, оценив обстановку, понял Демон. Он поудобнее пристроился в нише и взял на изготовку арбалет. Дождавшись, когда одна тварь, паря, медленно проплывала мимо, он плавно нажал спуск, тетива негромко тренькнула, а болт вошел хищнице прямо в затылок. Она, издав короткий визг, камнем устремилась к земле, а за ней с радостными воплями бросилась вся стая. Прокс еще какое-то время посидел в засаде, отстреливая неосторожных тварей, но после пятого выстрела они что-то поняли и стали держаться от него подальше. Однако стоило ему вылезти из своей норы, как стая с яростными криками устремилась к нему. Подстрелив самую ближайшую, он опять спрятался в расщелине. Летуньи, как он про себя обозвал эти нереальные создания, стали кружить на расстоянии. Сложилась патовая ситуация, он не мог вылезти из небольшой расщелины, они не могли до него добраться и схарчить. Прокс понимал, что вечно сидеть здесь среди камней и скал он не может, но решения, как выбраться из западни, не находил. А тем временем к стае присоединились новые бестии, и летали их с противными воплями уже десятки. Они, как чайки над морем, то поднимались ввысь, то, паря, с несмолкаемыми криками носились вокруг скалы.

Пришла ночь, за день Прокс подстрелил больше двадцати хищниц и растратил все болты, но потери среди летуний не внушили им желания оставить Прокса в покое. Они радостно догоняли раненых и разрывали их в полете, и эти крики привлекали новых созданий, и их становилось все больше и больше. С наступлением темноты стая угомонилась и улетела куда-то в свои гнездовья. Алеш включил ночное видение и решил спускаться ночью, пока ненасытные твари не появились снова. Спуск был труден, шуметь он не хотел, поэтому продвигался медленно и осторожно, часто останавливался перевести дух и давал возможность отдохнуть дрожащим рукам и ногам. К скалолазанию скафандр был не приспособлен, и он отключил систему силовой поддержки экзоскелета. В бинокль он видел, что метров через сто — сто пятьдесят крутые склоны заканчиваются и начинают появляться редкие деревья. «Там будет полегче», — подумал он, но в этот момент неожиданно потерял равновесие и замахал руками. Чтобы как-то удержаться, он выпустил бинокль из руки и стал хватать камни. Но вместо того чтобы удержаться, он оттолкнулся рукой и, сильно прогнувшись назад, стал падать. От отчаяния он резко оттолкнулся ногами и подпрыгнул вверх, пытаясь ухватиться руками за любой выступ среди камней. Сначала ему это удалось, и он прижался телом к скале, глубоко и

взволнованно дыша, ногами он стал нащупывать опору и нашел ее. Уже вздохнув свободнее, он уперся ногами, давая рукам немного отдыха, но камень под ним обломился, и он, не успев ухватиться руками, заскользил вниз. Он все быстрее съезжал по неровностям скалы и не успевал пальцами зацепиться за что-нибудь, чтобы остановить свое падение. Он проскользнул мимо спящей летунии, которая удивленно встряхнулась, услышав шум, и ударился ногами о выступ. Падение прекратилось. Но удар был такой силы, что Прокс присел и, потеряв равновесие, снова стал падать на спину. Судорожно замахав руками, он ухватился за какие-то палки или корни деревьев и на мгновение замер, а потом медленно стал заваливаться назад, таща за собой корни. «Лишь бы не оборвались», — подумал он и услышал гневный крик. Из углубления вылезала и упиралась крыльями летуния. Она была еще сонная и не понимала, что происходит. А Алеш висел спиной над пропастью и держал ее за ноги. Наконец его вес перетянул летунию, и они стали падать вниз. Тварь громко заорала, расправила крылья, и падение перешло в быстрый полет. Летуния большими кругами спускалась вниз, оглашая окрестности испуганным криком. Эти сто метров Прокс проскочил за несколько секунд, и, когда приблизился пологий склон, поросший кустами, он, не желая еще раз полетать над пропастью, отпустил орущую бестию и кубарем покатился по земле, проламывая кусты и подскакивая на кочках. Его кувырки остановило дерево, в которое он врезался со всего маха, и Прокс потерял сознание. Скафандр, получив сигнал о состоянии владельца, быстро провел экспресс-анализ, ввел инъекции и усыпил его.

Сознание возвращалось медленно, Алеш как бы вылезал из туманной мути, преодолевая зыбкость и трясину болота. Он лежал в обнимку с кривоватым деревом на примятом кустарнике. Состояние организма в норме, получил он сигнал от нейросети, на восстановление потрачено сто девятнадцать энеронов. Остаток — пятьдесят шесть энеронов. Значит, лечение с помощью внутреннего запаса работает, обдумав информацию, с облегчением констатировал Прокс.

Он, не вставая, достал жаргонит и закрыл глаза. Он знал, что будет больно, очень больно, но ему необходим был запас энергии.

«Установка имплантата. Выберите режим. Прошла информация».

— Полевой, — прошептал Прокс и утонул в огне. Через пару минут он почувствовал облегчение.

— Имплантат установлен. Ваш запас энергии тысяча двести пятьдесят шесть энеронов.

Еще немного полежав, Прокс поднялся. Он осмотрелся и охнул: если бы не дерево, он улетел бы в пропасть, только случай или судьба помогли

ему избежать гибели. Алеш включил экзоскелет и легко двинулся в обход провала по пологому склону. Когда он вышел на открытое пространство, сверху на него спикировала летающая тварь с орлиными ногами.

— Давай, пернатая, подлетай! — ощерился Прокс и достал десантный нож. Он ловко уклонился от больших когтей и нанес режущий удар по телу. Нож, практически не встречая сопротивления, отрубил голову твари. Закувыркавшись, она пролетела пару метров, фонтанируя кровью. Пернатая упала и, неловко переминаясь на лапах, закружила на месте. Через минуту безголовая успокоилась, и только лапы конвульсивно подергивались. Прокс подошел к поверженному противнику и просканировал тело. «Мясо существа пригодно в пищу», — получил он ответ нейросети. Прокс не был брезгливым, в его работе это был бы большой недостаток. Поэтому он освежевал тушку и закинул ее в рюкзак, в пространственный карман. В нем мясо не протухало и не портилось. Прокс посмотрел на небо: в вышине носились твари, но больше не пытались на него напасть. Видно, поняли, что добыча им не по зубам.

Потрясающий мир! Прокс вынужден был признать, что такого многообразия живых форм он не встречал нигде. Даже в его суровом мире, где рождались мутанты вроде него, не было того, что он увидел здесь. Да и такие, как он, были всего лишь побочными продуктами генной инженерии для заселения миров, малопригодных для жизни. Он спокойно, но осторожно пошел дальше. Сомнений, куда же ему идти, у него не было, просто надо идти вниз, и он шел. Станным для него казалось то, что там, на вершине, он встретил монстра, а тут, на склонах горы, за весь дневной переход не обнаружил ни одной опасности. Чем дальше он шел, тем зеленее становился лес и гуще росла трава. Только не было слышно щебетания птиц.

За размышлениями он незаметно вышел на полянку, где стоял небольшой, но уютный домишко, окруженный палисадником. У калитки, опершись на нее, стояла женщина в простом крестьянском платье и с улыбкой смотрела на Прокса.

— Далеко путь держишь, странник? — приятным грудным голосом спросила она. От нее и от самого дома исходила теплая волна покоя и уюта.

— Не знаю, — ответил Алеш. Сканер не показывал наличия врагов, и он начал успокаиваться. Напряжение последних дней сказывалось на его восприятии, ему очень захотелось махнуть на все рукой, очутиться в этом уютном домике и отдыхать, отдыхать, проводя время в беседах с радушной хозяйкой.

— Тогда заходи, гостем будешь; может, я что посоветую, — она

улыбнулась спокойной улыбкой, и Проксу показалось, что от улыбки этой демоницы лес стал светлее. Он сделал шаг вперед, и нейросеть завопила как сирена: «Ментальная атака! Физическая атака. Отражение!»

Алеш вздрогнул и увидел вместо женщины и домика огромную паутину, растянутую между двух окаменелых деревьев. А он сам попал в ее липкие объятия. Левая рука и нога были плотно приклеены, и он не мог их оторвать. А сверху на него спускался паук с черным телом и радужно переливающейся головой. Был он размером с небольшую кошку, но от этого не становился менее опасным. В правой руке Прокс зажал нож, а левую, на которой был прикреплен станер, старался навести на паука. С трудом поставил широкополосный режим и стал ждать. Нейросеть продолжала сообщать: «Ментальная атака. Отражение». И с каждой такой фразой переливалась голова паука. Он то подавался назад, трясая своей маленькой башкой, то продвигался вперед к жертве. Наконец он попал в сектор действия сканера, и Алеш выстрелил. Паук замер и упал Проксу под ноги. Подняв свободную ногу, он с силой опустил ее на голову твари. Раздался хруст, и голова паука размазалась по земле. Достав бластер, Прокс вырезал себя из паутины, а затем сжег ее. За паутиной открылось пространство, уставленное помертвевшими деревьями, высохшие ветки которых были увешаны коконами. Лес больше не казался зеленым и праздничным, не было радующей глаз веселой травы, кругом царило запустение и остатки умирающих деревьев. Как будто убитая тварь высасывала жизнь из растений. Угнетающе действовала картина висящих коконов, которых было почти с сотню. Они казались мертвыми плодами мертвых деревьев в мрачном саду смерти.

Прокс подошел к ближайшей подвешенной жертве и ножом разрезал нити вдоль кокона. Из него выпала такая же тварь с крыльями, какие охотились на Алеша. Он перешел к следующей, и там оказался демон. Прокс потратил весь день на то, чтобы осмотреть все жертвы паука. С одной стороны, это давало ему возможность собрать трофеи, и они оказались весьма богатыми. Кроме золота и амулетов он нашел еще два жаргонита. Но все же главной его целью было узнать, кто обитает на этой территории. С кем ему придется столкнуться и будут ли они враждебны по отношению к нему? Среди засушенных мумий он нашел демонов, причем часто таких, каких раньше не встречал. Серых с хвостами и большими рогами, на ногах у них были не ступни, как у остальных, а копыта. Была здесь и суккуба. Часто попадались летунии, встретилось и несколько адских псов — швердов. Больше никого из животного мира он не обнаружил.

Провозившись весь день, он решил тут же и заночевать, не без основания полагая, что это место будут обходить как местные разумные, так и твари, населяющие сей мрачный лес. Он разжег костер в стороне от распотрошенных коконов и пожарил мясо летунии. Выставил сканер на режим охраны и сразу после еды провалился в тяжелый сон.

Утром он проснулся отдохнувшим, усталость прошла, и настроение было уже не такое мрачное, как вчера. Подогревая мясо на костре, Прокс думал о прошедшем дне. Анализируя события, он понимал, что прошел по лезвию ножа, несколько раз побывал на краю гибели, но остался жив. Его не сожрали монстры. Он падал в пропасть, но смог каким-то чудом ухватиться за лапы спящей летунии, и та вынесла его на пологий склон горы. Он мог пролететь мимо дерева и закончить свой путь грудой костей на дне ущелья. Но вот он сидит здесь и ест мясо тех, кто на него охотился. Слишком много раз удача сопутствовала ему вчера, и он опасался, что ее лимит уже исчерпан. Но он также понимал, что у него не было выбора, надо идти и выбираться из этих гиблых земель. Он не знал, что ждет его впереди. Новые монстры? Враждебные племена? Или еще какая-то напасть? Но он внутренне собирался и настраивал себя на борьбу и победу. В пределы охранного периметра вошли четверо. Четыре маркера желтого нейтрального цвета показались на сканере. Прокс приготовил станер и продолжал сидеть, поедая мясо. К костру вышло четверо тех самых странных демонов, каких он видел в коконах. В них не чувствовалось вражды. Только немного удивления от того, что они видели сидящего человека, спокойно поедающего мясо. Они прошли к костру и, не обращая внимания на Прокса, сняли мясо с ветвей и стали есть.

— Веселая Вдова ушла, как мы и предполагали. А этот люд обобрал коконы, — сказал один из них, облизывая жирные пальцы.

— Это хорошо, а то провозились бы полдня, — ответил второй. Они говорили о Проксе так, как будто его тут не было.

— Хорошо готовит. Можно будет сделать кашеваром, а ту сучку съесть, — предложил третий.

— Люд долго не проживет, трик-полтора, а потом загнется, надо будет нового повара искать. Сучку лучше оставить, а съесть люда, но потом, — ответил первый.

— Пошли, раб, — обратился он к Проксу, абсолютно уверенный в его безоговорочном послушании, и хотел подняться, но Алеш не стал медлить, он стайером обездвижил троицу, а встающего демона полоснул ножом по горлу.

Пришельцы не ожидали от него такой прыти и не были готовы к

отпору; голова первого скатилась с плеч, а тело завалилось в костер. Алеш ногой оттолкнул обезглавленного врага и подошел к лежавшим. Они смотрели на него со злобой и удивлением.

— Вы кто такие? — спросил он, присев перед ними на корточки.

— Люд, ты понимаешь, что подписал себе смертный приговор? — прошипел один из них.

— Мне как-то не страшно, демон, — засмеялся Алеш. — Совсем недавно вы хотели меня съесть. Но этого же хотели тварь на горе, похожая на холодец, пернатые уроды с бабьими головами и маленький паучок, сожравший тут сотню обитателей. Но вот я здесь, живой, а ваш товарищ лишился головы. Вы в моей власти — и вы же мне угрожаете.

Он ножом отрезал говорившему длинное ухо и бросил в костер. Демон завизжал и стал брызгать слюной, крича, что он сделает с проклятым человеком, когда сможет встать. Прокс под эти крики отрезал второе ухо, потом рога. Лишившись их, демон замолчал, тихо поскуливая. До него наконец дошло, что лучше молчать. Алеш хорошо владел методом психологического давления и умел ломать волю своих жертв. Он достал обгорелое ухо и подал другому демону.

— Ешь! — приказал он.

Тот молча покачал головой и лишился уха. Понимая, что Прокс не остановится и отрежет ему все что можно, демон открыл рот и, давась, стал жевать ухо товарища. Он со страхом смотрел на странного люда. Раньше для них они были лишь едой. А как относятся к еде? Сожрал и забыл.

— Вы кто такие? — повторил вопрос Алеш, при этом он требовательно смотрел на третьего, еще целого демона. Тот испуганно внутренне сжался и стал быстро отвечать:

— Мы разведчики-изгои, так нас называют местные племена, живем здесь недалеко.

— Чем занимаетесь, изгои? — Прокс спрашивал спокойно, но в интонациях его голоса звучали нотки приказа и угрозы. — А ну, говори правду, иначе...

Что будет иначе, демон уже видел и торопливо старался отвечать, не желая себе участи товарищей:

— У нас пещера и рабы, мы добываем камни и продаем их посредникам.

— Сколько вас всего, рабовладельцы? — Прокс продолжал давить, не ослабляя напора, пока его противники пребывали в шоке.

— Нас всего девять, здесь четверо, вернее, теперь всего трое, — поправился он, скосив глаза на обезглавленное тело, — остальные в пещере

контролируют рабов. — Демон говорил все так же быстро, и у него не было времени подумать и соврать.

— Сюда зачем пришли? — Вопросы были короткими, отрывистыми, как удар хлыста.

— Мы считали, что Веселая Вдова поменяла свое место засады. И хотели обогнать мумии.

— Веселая вдова — это паук? — спросил Алеш.

— Она самая, люд. Когда к ней не идут жертвы, она переходит на новое место, оставляя тела в коконах. А мы собираем с них трофеи. Если опоздать, то придут воины племени и опередят нас. Вот мы и спешили.

— Нет больше Вдовы, — сказал Прокс, — я ее голову раздавил.

Он встал, подошел к тушке паука и принес ее демону. Тот с большим недоверием смотрел на Прокса, когда он говорил о смерти Вдовы, но, увидев безжизненное маленькое тело, он в отчаянии закричал:

— Зачем? Зачем ты ее убил?! С нее каждый трик такие богатые трофеи шли, и амулеты, и камни, и жаргонит, сотни рабов можно было купить. — Если бы он мог, он стал бы от горя заламывать руки.

— Я ее убил, потому что она хотела меня сожрать, прикинулась доброй демоницей и заманила в сеть. Пришлось выбирать — или я, или она.

— На тебя что, люд, ее магия не подействовала? — Демон смотрел настороженно и с большим любопытством, даже безухие пытались наострить свои отсутствующие уши, внимательно слушая Прокса.

— Нет, не подействовала, как не подействовала магия твари на горе, — ответил Прокс. Он уже понял, что своими способностями вызвал большой интерес у местных разведчиков-изгоев, и хотел точнее понять это.

— Ты странный люд, — сказал полностью безухий и безрогий, — ты смог спуститься с вершины Казни, такого я еще не видел. И о таком не слышал.

— Расскажите мне об этой вершине. Почему она называется вершиной Казни? — Прокс смутно стал догадываться, что к его отправке причастен все же Цу Кенброк.

— Князя нижнего мира отправляют сюда провинившихся, а когда дают билет в один конец, отправляют на ту вершину, с которой ты спустился, — ответил невредимый, но очень словоохотливый демон. Он смотрел на Прокса уже с большим уважением. — Видно, люд, ты сильно не угодил князю, но он не мог тебя прикончить там, у себя. Удивительно! — Он смотрел на Прокса, как на неведомое чудо, широко открытыми глазами. В его понимании люд был всего лишь пищей, а тут сам князь тьмы

снизошел отправить люда подальше от себя на верную смерть, не решаясь убить и съесть.

— А что это за место и чем вы занимаетесь? — продолжал расспросы Алеш.

— Это Преддверие, люд, — односложно ответил демон, он говорил таким тоном, как будто считал, что все должны знать, что в природе существует такое важное место, как Преддверие.

— Давай подробнее, дружок, — ласково попросил Прокс, но в его тоне слышалось «говори яснее, а то на обед пойдешь». И демон это понял сразу.

— Преддверие в преисподнюю! Ты видел дымящуюся гору? Под ней находится Сердце Хаоса, там кипит материя, это и есть Преисподняя. Оттуда Творец черпал силу и творил этот мир. Сюда стали ссылать неугодных испокон веков и ссылают до сих пор. Кто выжил здесь ранее, стали плодиться и населять эту землю. Они на ней хозяева. Но тот, кто не хочет жить по их правилам, уходит сюда, в горы, и становится изгоем. Нас не преследуют, но и не помогают. Изгои покупают у них рабов и добывают камни. Здесь много самоцветов. Но больше всего ценятся сердца элементарей. Сердце огненного элемента — это жаргонит. Сердце элемента земли — это камень телепортов.

Демон замолчал, посчитав, что рассказал достаточно, а все остальное люд знает и сам.

— Почему здесь не работает магия? — помолчав и обдумывая услышанное, спросил Прокс.

— Почему не работает? Работает, — ответил демон, — только другая, наговоры там, колдовство или вот как у тебя, люд, невосприимчивость к ментальной магии. Ты нас отпусти, мы зла держать не будем, такой специалист, как ты, тут нужен. Пошли с нами и будешь таким же изгоем, в почете, пока живешь, но люды здесь погибают быстро. Сердце Хаоса пожирает их души и использует как топливо для плавки материи.

Алеш чуял, что демон говорит правду, он им нужен. Для чего — выяснит позже, а сейчас у него был шанс выжить и пристроиться к местным, и он должен был им воспользоваться.

— Ну, ты, положим, зла держать не будешь, — ответил он, — а они, безухие? — и кивнул в сторону лежащих демонов. — Я им уши отрезал.

— Подумаешь, уши! — возразил демон. — Уши и рога скоро отрастут, тут и ноги с руками отрастают. А вот менталиста иметь в компании — это просто здорово. Пока кашеваром побудешь, потом в разведку пойдешь, тут еще места есть, куда без менталиста ходу нет. Ну как, согласен? — с надеждой в голосе спросил демон.

— Согласен, — покивал головой Прокс.

ГЛАВА 5

Нехеец черт-те где

— Положись на меня. Я все сделаю, — снова повторил я, не переставая оглядываться по сторонам. Может, это все-таки степь? Только с горками?

— Худжгарх, помоги, или я умру, — прохрипел все тот же немолодой орк.

Пришлось перебороть свою жабу и подойти к покалеченным воинам, они с какой-то непонятной надеждой в глазах смотрели на меня, и убивать их у меня рука не поднималась.

— Ты меня зовешь Худжгархом? — спросил я, достал фиал и вылил ему в клыкастую пасть. Он выдул бутылку одним глотком, и только огромный кадык дернулся вверх и вниз. — Кто у вас старший? — Голос мой был строг и малоприветлив.

Он сел, ощупал грудь и вдруг бросился к моим ногам, бережно обхватил их и произнес, как-то горячо и истово:

— Прими мою службу, повелитель.

Не ожидавший такого бурного проявления благодарности от больного, я отступил на шаг.

— Подожди, подлечим остальных, потом обсудим наши дела.

Я обошел всех орков и, проведя небольшое сканирование состояния каждого, выдал им эликсир, кому полную бутылку, кому половинку. Самое тяжелое состояние было у шамана, он дышал с трудом, а из груди торчало сломанное ребро. Видно, туша быка хорошо его приложила, да и то сказать, я уже заметил, что все шаманы у орков были с какими-то физическими изъянами. То горбатые, то маленькие и худые, словно в детстве их специально морили голодом, в противоположность здоровенным оркам. Да и характер у них был склочный, мелочный и мстительный. Думаю, и этот шаман такой же.

Орки пришли в себя и стояли тесной кучкой, с опаской поглядывая на меня. Я подозвал пожилого орка:

— Тебя как зовут? — Мне нужно было понять, где я нахожусь. Может, орки знали и могли просветить меня, потому что Шиза затихла и на мои попытки до нее достучаться отвечала полным молчанием, что вызывало у меня большое подозрение. Не вляпались ли мы с ней опять в какую-нибудь

неприятность? Как у нас говорил начальник клуба полка, «не в дерьмо, так в партию, но обязательно вступишь».

— Меня зовут Грыз, я гаржйк, — ударил он себя в грудь кулаком. — А это, — он показал на сгрудившихся, — воины из моей сотни. А этот помет лорха — один из учеников шамана, — небрежно кивнул он на паренька, стоявшего отдельно и с ненавистью смотревшего на Грыза.

— Хорошо, Грыз, это я понял, но почему ты зовешь меня Худжгарх?

Как всегда, меня опять принимали за кого-то другого. Но, помня, что в первый раз мне это помогло выжить, я не стал спорить и отказываться. Хотелось бы, конечно, знать, кто этот Худжгарх?

— Я сам отвозил твой обрубок и выкинул в овраг, — без всякого опасения ответил орк. — И вот ты снова рядом, целый и невредимый, могучий, как сто лорхов. Такое может сделать только Худжгарх.

Его уверенность была непоколебима, и в голосе отсутствовал даже намек на сомнение. Он встал на колени, и следом грохнулись остальные орки. Шаман колебался, но под моим прищуренным взглядом неохотно присоединился к остальным. Если бы он проявил независимость, мне пришлось бы его убить. Зачем мне фронда в тылу?

— Повелитель, прими нашу службу, — громко сказал орк и бросил к моим ногам свой нож.

Остальные последовали его примеру. Шаман опять недолго колебался и бросил свой посох на ножи.

— Служба принята! — торжественно сказал я и добавил: — Если вы верны мне, я верен вам.

— О-о-о, — пронесся стон среди орков, и они упали ниц.

Видно, я переборщил со словами клятвы нехейцев. Уж не знаю, что они напридумывали себе, и пока знать не хотел. Надо было ковать ситуацию, пока горячо. Я достал ковер, разложил его под удивленными взорами степных бойцов, даже шаман повертел носом, рассматривая рисунок на ковре. Я стал выкладывать снедь — мясо, пироги, конфеты, то, что еще осталось с прошлых запасов. Сел и рукой пригласил присоединиться к трапезе новых подданных, или кем еще они мне стали после клятвы. Неискушенные дети степей никогда не видели сумок с пространственными карманами и с открытыми ртами смотрели на производимое мною действо. Так малые дети смотрят на чудеса, творимые фокусником.

Когда все с опаской уселись, я взял в руки кусок мяса, пирожок, показывая им пример, и стал есть. Остальные также приступили к еде, сперва осторожно, а потом с большим аппетитом сожрали все, что было,

даже крошки подобрали.

— Расскажи мне, Грыз-гаржик, что ты знаешь о Худжгархе? — спросил я, разглядывая пустой ковер. Ну и горазды орки лопать!

— Худжгарх — дух мщения, он вселяется в невинно убитого и приходит мстить оркам. Так повелел Отец орков. Он сказал: «Вы дети кровожадные и не остановитесь, пока все живое не истребите. Поэтому, когда чаша моего терпения переполнится, я пошлю на вас духа мщения, который будет утолять свою жажду мести, убивая орков, пока не насытится. Но кто встанет под его начало, тот останется в живых. Имя духу — Худжгарх. А узнают время его прихода мудрые сердцем. Те, кто может слышать степь».

Грыз замолчал, а я подумал, как складно орк рассказывал, прямо заслушаться можно. Не предание, а орочья Библия.

— Ты знаешь эти места? — спросил я и поглядел на небо, где парило уже четыре одетых в перья истребителя. Грыз тоже посмотрел вверх и ответил:

— Нет, повелитель, не знаю. У нас таких огромных птиц в степи нет. Значит, это не степи.

— Шиза, хватит прятаться, возвращай нас обратно через спутник, — обратился я к симбионту.

— Я не могу, — прозвучал краткий ответ, а я стал понемногу приходить в удивление и понимать, что мы опять, по-видимому, основательно вляпались.

— Поговорить не хочешь? — спросил я, вызывая ее на откровенность. Надо было понять, как глубоко мы залезли в... Я покачал головой и вслух произнес: — В общем, залезли.

— У меня нет связи со станцией контроля, точки привязок отсутствуют. Мы, по-видимому, попали на другую сторону планеты, которая закрыта даже от спутников. Туда, куда ты хотел когда-то удрать.

Я мысленно представил глубину возникшей проблемы, и она была глубже самой глубокой впадины в океане, все мои планы пешки пройти в ферзи, отомстить и сорвать планы другим рухнули. Никто не слышал о том, что на этот материк кто-то добрался или кто-то приплыл отсюда.

Планы ладно, не все они исполняются, но вот Ленею жалко. Очень жалко! Ни за что девчонка пропадет.

— Ты не переживай! — стала успокаивать меня Шиза. — Ты такой! Ты что-нибудь придумаешь! Обязательно придумаешь! — В ее голосе слышалась такая же уверенность, как и у Грыза, когда он называл меня Худжгархом. Конечно, все надежды возложили на меня. Как говорила

Люська, моя жена из прошлой жизни: «Ты мужик в доме, тебе и мусор выносить».

И я стал решать.

— Грыз, построь воинов! — скомандовал я.

Орки вскочили, стали бестолково толкаться, потом выстроились в одну линию.

— Грыз! — сердито сказал я. — Так не пойдет, всех построить по росту. Правофланговые самые высокие.

Орки замерли.

— А где право-шланго-вые? — произнес отдельно Грыз и с опаской подошел ко мне. Кто знает, что еще придумает могучий и ужасный повелитель, умерший и воскресший, чтобы мстить? Все это легко читалось на его роже.

— Правошланговый у нас один, это шаман, — сказал я, — а вот правофланговые — это те, кто выше всех ростом. Учись строить бойцов по росту. Потом доложишь. А я думать буду.

Жаль, у меня нет адъютанта Петьки, как у Чапаева. Он бы вышел на крыльцо и крикнул: «Тише, хлопцы, Чапай думать будет». А почему нет? Вон стоит один с палкой, он и будет моим адъютантом. Я присмотрелся к парню, мелкому и худому, который стоял в стороне и в построениях личного состава не участвовал.

— Подойди сюда! — придав голосу властность, приказал я шаману.

Того словно стегнули плеткой по спине, он сорвался с места и бросился ко мне.

— Что угодно, повелитель? — в сильном страхе пролепетал он. А Грыз пригнулся, как от удара, и осторожно посмотрел на меня. Увидев, что я позвал шамана, облегченно вздохнул.

— Тебя как зовут? — начал я допрос ученика верховного шамана. Я сидел, а он стоял передо мной, тем самым я создавал границу, которую не позволялось ему переходить. С этими клыкастыми субчиками нужна была субординация, чтобы не усомнились во мне как в посланце их Отца.

— Шарныг, — ответил шаман. Он стоял, опираясь на свой посох, и действительно походил на этого маленького хищника степи. Под моим пристальным взглядом он ссутулился и старался стать меньше.

— Расскажи, чему тебя учил Улу? — Мне было интересно, как передаются знания шаманизма ученикам. Что включают в себя эти знания? Хотелось попробовать разобраться в магии духов, благо времени у меня теперь было больше чем достаточно. Я краешком глаза видел, как Грыз усердно тренировал в построении мою «орду». Где подзатыльником, где

кулаком в клыки, а то и топорищем по голове. Примерно как у Фридриха Великого, прусского короля.

— Ничему не учил, — хмуро ответил шаман и, посмотрев в мои удивленные глаза, спешно добавил: — Что подглядел, то и выучил. — Он испугался, что я ему не поверю.

— А чем ты тогда занимался? — Мне было понятно, что так выбирались более способные ученики. Кто смог запомнить лучше других, того учили уже основательно, а на бездарей время не тратили. Пусть самоподготовкой занимаются.

— Я стал первым учеником, когда верховный запил и с предыдущего ученика кожу живьем снял и сушить повесил, — прервал он мои размышления. — Меня остальные выбрали и отправили к верховному, если бы не пошел, убили бы. А Сарги Улу, чтоб он в степи сдох, я портки грязные стирал, выпивку готовил и девок водил.

«Да, магистр разошелся», — подумал я и посмотрел на парня магическим зрением, он был не обделен даром. Больше, чем крохобор, но меньше, чем боевой маг, самый раз в целители бы пошел.

— Учеником моим быть хочешь? — спросил я, испытующе глядя на шамана. У того глаза расширились, рот открылся, выставив напоказ клыки, и так он еще больше походил на местную лисицу.

— Хочу, повелитель! — упал он к моим ногам.

— Тогда так! — сказал я. — Будем проводить ритуал верности на крови. То, что ты узнаешь, должно остаться с тобой. Готов? — Я выжидательно смотрел на него.

— Готов, — без доли сомнения ответил молодой шаман. — Что надо делать?

— Ты понимаешь, что уйдешь со мной из родства и племени?

— Не важно! — ответил он, и его решительный настрой мне понравился. Он хотел учиться и постигать новые знания, а в племени, как я понял, он был ненужным и, может, даже презираемым. Орки лелеют культ силы, ты силен или мускулами, или шаманизмом. Лисенок был не тот и не другой.

— Давай руку, — сказал я и сделал легкий надрез. — Теперь иди! — приказал ему. — Посиди в сторонке.

Орки уже умело и быстро строились, знали свое место в строю и потихоньку начинали скупать.

— Грыз! — крикнул я. — Веди бойцов ко мне. — Они построились и пожирали меня глазами. — Пусть сядут, где стоят, — показал я рукой у ковra.

Дождавшись, когда они рассядутся, я ввел их в транс и стал передавать каждому небольшие пакеты гипнограмм, улучшающие их совместные действия и повышающие их бойцовские качества. Это были первые пакеты, которые я внедрял своим вассалам. Так и оставил их сидеть усваивать материал.

У меня был нож с кровью шамана, и я стал проводить ритуал кровной связи. Эта связь не только соединяла нас с ним, но и позволяла передавать знания без гипнограмм. Это свойство крови я обнаружил случайно, когда проводил связь с Ленеей, но опробовать такой способ передачи информации решился только сейчас. Наладив связь, я почувствовал Шарныга, его трепет и дрожащее ожидание. Потом стал решать, какие знания ему нужны в первую очередь. Я посмотрел на орка и подумал, что для начала можно дать всего помаленьку. Быстро скомпилировал небольшую базу и включил гуда выживание, универсальный бой, артефакторику, целительство и алхимию. Пока хватит, решил я, посмотрим усвоение материала. Давать что-то одно я не стал, мне нужен был помощник широкого профиля, как я сам. Не знаю, что нас встретит на этих землях, но в случае чего Шарныг должен будет и полечить, и зелье сварить, и амулетом воспользоваться. Потом быстро выпустил по кровной связи информацию. Сидящий орк вздрогнул, закатил глаза и завалился. Ну вот, пока базы не распакуются, он будет в отключке. А там посмотрим, чему он научился. Я огляделся. Один орк лежал, другие, как Будды, сидели почти в позах лотоса. Недалеко паслись лорхи на густой траве, наверху все так же летали МиГи. И только я был один не при делах и без ясных мыслей, что делать дальше.

Так не пойдет, встряхнул я надвигающуюся апатию и равнодушие от бессилия в сложившейся ситуации и согласился с великим учителем и лучшим другом всех детей в прошлом в том, что логика обстоятельств стоит выше логики намерений. Значит, надо действовать по обстоятельствам. Мне нужен был план, любой, даже самый глупый, но свои действия я должен уложить в логику тех самых обстоятельств.

И я стал планировать. Что я имею? Имею неизвестную территорию и ее надо разведать. Нужны разведчики. Где-то в сумке бездельничали «двое из ларца».

— Мессир и Мастер, на выход, — строго приказал я, мне не нужны были их расспросы, просьбы и нытье.

Они выплыли из сумки и стали оглядываться. Посмотрели на орков, на горы и на огромных летающих птиц, потом на меня, и их вопросы застряли у них в горле. «Вот так-то лучше, — удовлетворенно подумал я, — а то как

дети маленькие, и пригляд за ними нужен постоянный».

— Равняйся! Смирно! — скомандовал я и, не обращая внимания на недоумение духов, продолжил: — Слушай боевой приказ. Передовая группа исследователей высадилась на неизвестной территории, ваша задача — произвести разведку местности в округе двух лиг и о результатах доложить мне. В боестолкновения с противником не вступать, контакты с местными аборигенами не налаживать. Вольно. — Я посмотрел на стоящих духов и спросил: — Почему стоим и не выполняем поставленную задачу?

— Мы не можем так далеко удаляться от сумки. Нас унесет за грань, и мы исчезнем из этого мира, — ответил Мессир.

— Мы можем разведать тут на полянке или в речке, — поддержал его Мастер.

Я задумался: дело усложнялось. Я имел кучу подчиненных и, как самый плохой командир, вынужден был все делать сам.

— Тогда ваша задача — обследовать речку на предмет наличия рыбы. Исполнять! — гаркнул я, и духов как ветром смело, они устремились к стремнине и исчезли в воде.

А я посмотрел на орков. Что у меня дальше должно быть по плану? Мне нужны хорошо снаряженные бойцы. Доспехи у них кожаные, и стрела или болт пробьет их враз. Значит, будем укреплять. Я создал заклинание укрепления, провел ритуал усиления кровью и наложил полученное плетение на доспехи гаржика (знать бы, что это такое, отчество, должность или звание?).

Я боялся, что доспехи станут меньше, но, к моей радости, они стали только тоньше, я бы даже сказал, изящнее, хотя и так выглядели очень красиво. Умели орки работать с кожей, их изделия хорошо продавались по всему Вангору. Вон у меня походные сапоги, купленные Марком, работы степного мастера. Легкие, удобные, прочные и стильные.

Теперь доспехи воина не уступали по прочности стальным. Так же я поступил с наколенниками и шлемом. Работал я, как всегда, в ускоренном режиме, выходя на него автоматически, и скоро все бойцы имели старые доспехи с новыми качествами. Дальше я перешел к оружию, ножи зачаровывать не стал, а вот луки и топоры находились в чехлах на пасущихся лорхах. Те были довольны и обильно удобряли пастбище большими кизьяками. Не наступая на эти мины, я собрал луки, стрелы и топоры. Часть луков и стрел были сломаны, и мне пришлось потратить время на их восстановление, но это того стоило. Я хотел иметь боеспособный отряд, а не махающих кулаками рукопашников.

Луки и стрелы я восстановил и еще укрепил. На стрелы наложил

заклинание разрыва. Это плетение превращало обыкновенный лук в убойный гранатомет. Я до конца не понимал действие этого заклинания. Но схематично оно действовало так: при попадании на предмет заклинание срабатывало и разрывало не то атомарные связи, не то молекулярные. Высвобождалась энергия мгновенно, и происходил настоящий взрыв. Вот он и наносил основной урон.

Я вышел из ускорения и стал свидетелем странного события, весь берег был усеян шевелящейся рыбой. Из воды вдруг выбросилась рыбина и стала скакать по траве. Потом появился Мессир и, залиvisto смеясь, закричал: «У меня больше, у меня больше!» — и сиганул в речку. Следом вылетела еще одна рыба, и уже Мастер возмущенно заорал: «У меня больше, твои рыбы обратно в реку ускакали!» — и тоже скрылся в воде.

Посмотрев на эти развлечения, я махнул рукой, тем более что в себя пришел шаман. Он поднялся и, хлопая глазами, тоже смотрел на берег.

— Что это, повелитель? — спросил сильно пораженный орк, тыча пальцем не в рыбу, а в Шизины иллюзии.

— Это они рыбу ловят, Шарныг. Для вас, — добавил я с небольшим сомнением. — Давай собирай рыбу, вот соль, потроши и засоли. Коптить будем, — сказал я первое, что пришло в голову.

Орк плотоядно облизнулся и опрометью бросился к речке. Такой скоростной работы я еще не видывал, словно рыбоуборочный комбайн прошелся по берегу под горестные вопли духов, которые никак не могли разобраться, кто больше наловил рыбы.

— Хватит рыбы, — остановил я азартных рыболовов, — тут полетайте, осмотритесь, — нашел я им новое занятие. — Только никуда не лезьте! — крикнул вслед улетающим духам. С них станется в лорхов залезть и устроить гонки наперегонки или бодание, проверить, у кого лоб тверже.

— Шаман, иди сюда! — позвал я нового ученика.

Он подошел и посмотрел на меня, я, ни слова не говоря, взял его указательный палец и сломал, выгнув в обратную сторону. Орк от неожиданности сначала впал в ступор, смотря на неестественно вывернутый палец, потом завыл и, подпрыгивая, с удивлением спросил:

— За что, учитель?

Но я молчал и ждал его дальнейших действий. Они не заставили себя долго ждать, он что-то вспомнил, это было видно по его роже, вернул палец на место и что-то тихо прошептал. Потом подвигал пальцами и обалдело уставился на меня:

— Учитель, я знаю, как лечить!

— Конечно знаешь, — доброжелательно согласился я и пырнул шамана ножом, не ускоряясь, а так, как это сделал бы орк.

Шарныг среагировал мгновенно, ушел с линии удара, захватил мою руку и отобрал нож. После этого разорвал дистанцию и снова ошарашенно посмотрел на меня.

— Нож оставь себе, заработал, — сказал я. — Теперь, раз у тебя есть нож, нарежь веток, будем рыбу коптить. И делай это быстро.

Я смотрел и оценивал его скорость. Ловкости и быстроты ему прибавилось знатно, у человека с первого раза так бы не получилось, не те кости, сухожилия и нервные ткани. Видимо, когда их создавал Творец, он заранее сделал из них машины для войны. Когда он развесил рыбу и собрал траву с ветками, то довольно скептически смотрел на мои приготовления к копчению. «Ну кто так коптит?» — выдавала его скривившаяся рожа.

— Знаешь, какая самая большая ошибка ученика? — спросил я шамана, разглядывая наше творение.

— Непослушание? — с вопросом в голосе ответил он.

— Нет, шаман, сомнение в своем учителе. — Я пустил небольшой огненный вихрь по траве и, когда из нее повалил дым, создал заклинание, подсмотренное у Луминьяна. Через пару секунд вся рыба была желтой, сочащейся жиром, приготовленная методом горячего копчения. А дальше на глазах у изумленного орка я мгновенно убрал рыбу в пространственный карман.

Чтобы положить какую-нибудь вещь в обычную сумку, ты берешь ее в руку и кладешь туда сам. А удобное свойство такого кармана заключается в том, что в пространственное отделение отправляешь только одним желанием. Раз, и все уже там.

— Теперь твое имя Фома, а свое ты должен еще будешь заслужить, — наказал я неверующего ученика. — Теперь твоя задача — провести разведку вниз по реке. Пройди на лиги три и осмотришь, в схватки не вступай, действуй скрытно. Потом доложишь, что видел. Вперед! — скомандовал я, и орк, мгновенно развернувшись, тенью метнулся вдоль реки.

— Куда это он? — услышал я голос за спиной. Ко мне обратился Грыз. «Будды» ожили и с кряхтеньем поднимались, разминая конечности.

— На разведку, — кратко ответил я.

— Какой из него разведчик! — презрительно скривился орк. — Никудышный он.

— Ничего, пусть учится, — не стал я разубеждать гаржика. — Приводите себя в порядок, потом ужин и тренировка.

Орки прошли к своим быкам, осмотрели их, что-то пошептали им в уши и удовлетворенные вернулись.

— Надо бы на охоту сходить, — предложил Грыз. — У нас еды нет. — Он, переминаясь, выжидательно смотрел на меня.

— Пока не надо, — ответил я, — на первое время еда есть, охотиться будем потом, — и стал доставать рыбу, по две на каждого орка, и выкладывать ее на траву. — Вот, раздай бойцам.

У гаржика загорелись глаза, он кивнул остальным, и они в один присест слопали всю рыбу. Вместе с головой и костями, только хруст стоял от работы их клыков. Теперь я некоторое время удивленно смотрел на них.

Орки стояли в строю, а я доставал из сумки амулеты, которых накопилось у меня достаточно, и те, что сделаны мной, и те, что взяты в качестве трофеев. Я раздал им «щиты», «ледяные иглы», «оцепенение» и трофейные фаерболы.

— Как пользоваться, знаете? — спросил я, проверяя действие гипнограмм.

— Конечно! — с невозмутимым видом ответил за всех Грыз. — Работать с амулетами просто, это не лорхов пасти. Вот смотри, Худжгарх, — сказал он и, стремительно достав какой-то амулет, поднял руку. Из его пальцев в небо устремился огненный шар, оставляя за собой горящий хвост, как у кометы. Я проследил взглядом за его полетом и увидел, как тот, не долетая до парящей птицы, взорвался, подбросив ее вверх. Этот монстр сделал круг над нами, сложил крылья и как пикирующий бомбардировщик устремился к нам.

Тут Грыз проявил свои командные качества. Он что-то рявкнул, и орки достали луки. Они не знали о проведенной мной модернизации и, дождавшись, когда птичка опустится на полет стрелы, нимало не боясь, спустили луки. Мне тоже было интересно, что же произойдет. Но когда стрелы слитным роем впились в тело, над горами раздался оглушительный грохот, и его эхо долго еще звучало в ушах, а куски огромной птицы падали на нас. Грыз изумленно посмотрел на лук, потом на меня, и его рожа озарилась в понимающей улыбке:

— Это ты, повелитель, так долбанул ее!

— Нет, Грыз, я только заколдовал ваши стрелы, и они разорвали эту птицу, — не стал я приписывать себе лавры победителя. Теперь, если тут были живые существа, они уже знали, что в маленькой долине появились непрошенные гости, и я от досады сплюнул. Скрыться при таком раскладе уже не получится, Грыз возвестил о своем приходе довольно громко.

— Противник с тыла! — неожиданно для орков заорал я во все горло.

— К бою! В две линии, — поддержал меня Грыз, и орки как единый механизм развернулись, перестроившись в две шеренги. — Щиты ставь! — рывкнул гаржйк. — Первая линия, на колено!

Первая шеренга опустилась на колено, держа в руках короткие копья, а вторая застыла с луками наготове, высматривая врагов.

— Отбой, — удовлетворенно сказал я. — Амулеты использовать только по моей команде. Ждем разведку и выдвигаемся.

Хиртраг пограничной крепости был поднят по тревоге. Посыльный доложил, что его вызывает комендант гленд Рабанд. Быстро облачившись в боевую мантию, натянув на голову шлем, приписанный маг поспешил на вызов. Комендант никогда по пустякам не беспокоил прикомандированного хиртрага. Значит, произошло действительно событие, требующее его присутствия.

Комендант сидел в массивном кресле и читал донесение, он мельком взглянул на вошедшего мага и кивком головы предложил ему сесть. Дочитав до конца, он отложил лист в сторону и тяжелым взглядом уперся в мага.

— Хиртраг Данавар, у нас гости. Кто они и откуда — мы не знаем. Только известно, что группа небольшая и в ней есть маги, они сбили одного кондора и применили что-то громкое, эхо докатилось до наших патрулей. Если это разведка дзирдов, то непонятно, зачем они устроили этот шум? — Комендант задумался, опустил густую бороду себе на сложенные руки. Потом перевел взгляд на мага, молча сидящего напротив.

— Вам предложено выдвинуться с полухиртом к месту предполагаемого присутствия чужаков и оценить их силы и по возможности цели.

Маг понимал, что, несмотря на слова «вам предложено», ему был отдан приказ, который не подлежит обсуждению, и он обязан его выполнить.

— Когда выдвигаемся? — Это был единственный вопрос, который он задал. Для него важным был фактор времени. Надо было собрать голема, зарядить его накопители, подобрать руны, которые могли бы пригодиться в походе.

— Утром, хиртраг, — ответил комендант, — у вас будет время подготовиться.

Маг кивнул и вышел. Он шел в подвал, где располагались его мастерская и склад магических вещей. По дороге он зашел к подмастерью-големостроителю и позвал его с собой. Только в армии возможно

нарушение традиций, скривился хиртраг. Он, гленд, должен идти за простым гномом! В обычной жизни не так. Там традиции скрепляли сословное общество подгорных жителей, как скрепляющая смесь скрепляет кладку из камней. Наверху был король и королевская семья. Под ними главы кланов, под главами — гильдмастера. Все жители подгорного королевства входили в гильдии. Гильдий было много. Гильдии строителей, гильдии магов, гильдии купцов, рудокопов. На самом верху гильдий находились мастера, достигшие высот в ремесле. Все они были глендами — важными. А ниже шли простые жители — гномы. Значит, маловажные, или проще — маленькие жители. Это подмастерья, рабочие, солдаты. Сословное разделение поддерживалось неукоснительно, это была основа мировоззрения подгорного королевства. Хочешь стать глендом — старайся, трудись, совершенствуйся в мастерстве и поднимешься в важные. Так думал хиртраг, что означает боевой маг, он тоже, как и хиртман и полухиртман, был глендом. В армии сословные традиции соблюдались частично. На то она и армия, здесь свои порядки, и бывалый ветеран-гном более важен, чем молодой, неопытный гленд. И с этим Данавару приходилось мириться. Кроме того, времени до утра осталось немного, а дел еще было невпроворот.

Утром полусотня воинов, боевой голем и хиртраг выступили из крепости. Впереди шли те, на кого слабо действовала магия, таких специально отбирали для службы в армии. Вообще подгорные жители отличались устойчивостью к магическому воздействию, но рождались такие гномы, на которых магия почти не действовала. И они ценились. После службы они получали гленда и полный пенсион. Их дети уже не были невосприимчивыми к магии, почему так — хиртраг не знал. Да он и не задумывался над этим вопросом. Он хотел стать рунным магом, самым уважаемым магом в подгорном королевстве. Руны — магические письмена, нанесенные на камень, способный хранить магическую энергию, маленькие отшлифованные бляшки с красивым рисунком руны. Он самостоятельно изучал каллиграфию, так как без нее невозможно правильно начертать руну, любое мелкое отклонение портило камень, и он разрушался. А добывали их в глубоких подземельях, где работали каторжники и куда уходили те, кто не согласен с традициями. Такие тоже были, их называли бунтовщиками. Их преследовали и загоняли вглубь земли, где жили страшные монстры и бурлила магма. Маг поежился, представив эти страшные подземелья, слава Отцу глендов, что он родился глендом и получил образование.

Отряд походным шагом шел вперед, маг окинул округу с помощью

руны наблюдения и не обнаружил ничего подозрительного. Поудобнее уселся на голема и снова предался мечтам. Руны! Самое сильное оружие королевства. Ими можно усиливать оружие, укреплять броню, приводить в действие големов. Он обязательно станет рунным мастером!

Шарныг, который стал Фомой с легкой руки Худжгарха, легко двигался вдоль реки, держась кустов и тени от гор. Он и сам не понимал, откуда у него эти качества. Но, будучи натурой любознательной, он находил в себе все новые и новые способности. Он знал, как делать простые амулеты, вылечить раненого, составить лечебный эликсир или несложный яд. Он мог сражаться с помощью магии и оружия. Нож, меч, топор, палка, игла или камень в его руках превращались в смертельное оружие. Сами руки знали десятки способов умерщвления. Он мог прятаться и выжить под водой. Под водой! Которой он с детства боялся больше всего. После того как брат решил его утопить и почти утопил, раб — человек — вытащил мальчика из воды и откачал. За что был забит старшим братом до смерти.

Он двигался словно тень, но подмечал все вокруг. Впереди показался столб пыли, и скоро он увидел отряд низкорослых воинов, неспешнодвигающихся строем в сторону лагеря. Не надо много знать, чтобы понять: они идут по их души. После того как в небе раздался гром и большая птица стала падать, разорванная на куски, о них должны были узнать.

Фома развернулся и поспешил обратно.

Я выбирал амулеты для ученика: щит усиленный, невидимость, а также РПГ-1 с иглами, меч легкий, изогнутый, трофейный. И жезл демона с камнями, он был полон энергии. Пусть учится разбираться и использовать. У паренька неплохие задатки, ум живой, воображение развито. Кроме того, я приготовил ему комплект, снятый с деревянных человечков. Сам тоже был в костюме, но функцию хамелеона пока отменил, чтобы не тратить энергию.

Орки завели быков в тень горы и ждали сигнала к выступлению. А я ждал Фому. Через час он появился на сканере и, ловко маскируясь в тени, выскочил на Грыза. Тот от неожиданности вздрогнул и размахнулся, чтобы дать Фоме подзатыльник, но бывший шаман уклонился от удара, ловко обошел орка и направился ко мне. Разозленный промахом Грыз сплюнул и выразил свое раздражение: «Разбежался, недоносок!»

Я не стал вступаться за парня, он должен сам заслужить уважение своих соплеменников и показать им, что он не хуже их может сражаться и быть полезным.

— Худжгарх! — обратился он ко мне. — Там дорогу перекрыл отряд странных малорослых воинов и с ними чудовище. Их полсотни. Все в железной броне со щитами. Имеют копья и странные топоры. — Он на песке начертил кирку.

«Клевец», — всплыло у меня в памяти.

— Что за чудовище? Говори яснее, — подтолкнул его я.

— Яснее не могу, идет на четырех ногах, а верх тела и голова у него, как у остальных воинов, — ответил он.

— Что еще видел? Луки, самострелы есть?

— Не видел, — вздохнул он. — Чудовище иногда прикладывало что-то к голове и вертело ею. Я не стал ждать, когда меня увидят, и вернулся предупредить, — закончил он свой доклад.

— Далеко они отсюда? — спросил я.

— Час ходу на быках, если дальше не пошли. Они остановились у сужения долины и стояли там.

— Ладно, Фома, считай, первое задание выполнил. Пойдем посмотрим на этих воинов. Грыз, иди сюда! — окрикнул я орка. — Там в часе хода от нас заняли позицию воины. Скорее всего, ждут нас. Будьте готовы к бою и выполняйте мои приказы. Ничего самостоятельно не предпринимайте. Ты понял? — Я остро посмотрел на него. Мне было известно, как сражаются орки. Навалившись толпой, каждый выбирает противника и бьется с ним, пока не победит или не погибнет.

— Как прикажешь, Худжгарх, — поклонился орк.

— Тогда выступаем. Я первый, вы за мной, — сказал я, включил пояс левитации, запустил за спину «воздушный кулак» и потихоньку полетел впереди отряда.

Я забыл о духах, но они сами о себе напомнили и, подлетев, стали двигаться рядом. Если до этого среди орков слышались разговоры, то теперь установилась гробовая тишина.

У меня было время подумать и выработать модель общения с неизвестными воинами. Хотелось бы надеяться, что с ними будет кто-то, способный не только воевать, но и договариваться и принимать решения. Уже по опыту я знал, что слушают только тех, кто обладает силой, влиянием и золотом. Если ты слаб и ничего из себя не представляешь, с тобой считаться не станут. Не думаю, что здесь дело обстоит по-другому. Золота у меня немного, а влияния вообще нет. Поэтому мне надо выставить хоть что-то из того, что ценится, — силу и магию. Но вот как сделать это? Так, чтобы показать мощь и не вступать в конфликт. Не ломать их грубым напором, а постараться представить наш отряд за силу, с которой нужно

считаться, предъявить надутый мыльный пузырь, который они бы приняли за могущество. Преувеличить свои возможности, чтобы думали, что я могучий и ужасный, как великий Гудвин. Здесь мне нужны нестандартные решения и, кроме того, умение творить фокусы, с моим войском я могу только пускать пыль в глаза.

Итак, мне нужно создать впечатление сильного и могучего чародея и колдуна. Обычно люди, увидев что-то непонятное и непостижимое для их уровня знаний, начинают перед этим благоговеть и сами для себя и для других придумывать небылицы. Вон как орки про Худжгарха.

Значит, мне нужно показать местным чудеса, которые они не смогут понять, и постараться избежать смертей с их стороны. Но тут все может обернуться совсем по-другому: это они мне покажут чудеса и благоговеть буду уже я.

Вернувшись к началу своих логических выкладок, прогулявшись по кругу, я почесал затылок. Мало исходных данных. Нужно в первую очередь собрать сведения — кто это, что они хотят и что могут. «Вот с этого и надо начинать», — подумал я, и на душе стало повеселее. Шиза забралась в бунгало и затаилась. Я уже понял, что в ситуации с многовекторными исходами она оставляет решения на меня и надеется на мою интуицию, которая не раз вытаскивала нас из... Из пропасти, куда мы сами охотно залезали, влекомые любопытством.

Через час на сканере высветились множественные красные маркеры, выстроенные в две ровные линии. Ну вот и местные. Противник занял самое узкое место в ущелье, и над ним нависал козырек, защищая его сверху от возможных атак. В общем, место им было выбрано тактически грамотно.

— Стой! — поднял я руку и обернулся к своей «орде». — Бойцы! — начал я проникновенную речь. — Там, — я полуобернулся и показал рукой, — стоит противник. Он хочет нас не пустить дальше или уничтожить. Мы не знаем, кто он и какие у него возможности. — Я сжал руку в кулак и потряс над головой. — Но вы дети великого Отца! Вы не должны иметь страха в сердце. Да не дрогнет ваша рука! Да не усомнится ваша душа в своих силах! Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!

Я добавил в чувства немного воодушевления, и орки, подняв к небу копья, заорали: «Худжга-а-арх! Худжга-а-арх! Худжга-а-арх!» К ним присоединились напуганные быки, которые заревели во всю глотку. Из сумки вылезли духи и, увидев торжествующих орков, присоединились к веселью. Они применили магию усиления и понеслись вокруг отряда, с

азартом вопя: «Худжгааарх!» Усиленный крик ударил во все стороны, отразился от стен ущелья. Как шторм! Как выстрел из суперпушки! Река напротив нас разделилась, образовав два вала и оголив дно. Птицы, парящие в вышине, сложили крылья и, кувыркаясь, полетели вниз. Орки и быки упали без сознания, у всех из ушей текла кровь. Только я висел над землей, укрытый куполом Шизы, и носились два счастливых духа, создавших этот катаклизм. Я посмотрел в сторону противника и обомлел: нависшая скала, под которой они устроили стоянку, обвалилась, и теперь они были погребены под толстым слоем камней и земли.

А дорогу нам преграждала новая гора, которая перекрывала, как плотиной, речку.

Рассматривая последствия того, что сотворили эти двое ненормальных, я не знал, плакать мне или смеяться. Я хотел создать впечатление, и это мне удалось в полной мере. Я видел на сканере, как улепетывали несколько противников. Но вот выяснить, кто это и зачем они тут, я не смог. Зато понял, как евреи с Моисеем разделили море. Как с Навином разрушили Иерихон. Можно сказать, доказал чисто эмпирически. Ори погромче, и все дела; главное, чтобы людей было побольше и чтобы в резонанс попало.

Но то, что от меня убегали разбитые и деморализованные противники, было плохо. Я вышел в боевой режим и тремя прыжками-телепортами догнал их. Впереди всех на работе о четырех ногах скакал невысокий человечек в шлеме и серой мантии.

Я присмотрелся к роботу. У него было тело, как у черепашки, и четыре составные металлические ноги. Наверху что-то типа кресла, на котором восседал мужичок в полтора метра ростом, неширокий в плечах, с заплетенной во множество косичек бородой. Шлем съехал набок, а на лице явно проступали следы паники. Я еще ускорился, и робот практически завис на месте.

Энергия пошла на убыль, но я не выразил беспокойства, а стал осматривать механизм. На брюхе увидел узкие щели и отверстие, куда можно вставить пятигранник. Я изменил палец и спокойно вставил туда получившуюся пятигранную отмычку. Повертел, и крышка открылась. Моему взору предстала небольшая площадка, на которой крепились простыми зажимами пять кругляшей разного цвета с витиеватыми рисунками и понятный мне золотой обод, усеянный большими ограненными алмазами. Здесь энергии было на пятьсот энеронов. Моя натура не могла пройти мимо такого богатства, я вытащил обод, потом кругляши, не без основания полагая, что пригодятся. Вернул крышку на

место. Вылез и осмотрел всадника. У него был только пояс с большими подсумками. Нимало не сомневаясь в этичности своего поступка, я залез в них и нашел там еще кругляши, и больше ничего. Пожал плечами и забрал их тоже. Потом вышел из ускорения.

Робот пробежал несколько шагов и остановился, а не ожидавший этого всадник кубарем покатился дальше. К моему удивлению, он оказался очень ловок. Сгруппировался, несколько раз кувыркнувшись, и припустил дальше.

— А поговорить? — сказал я и запустил вслед «воздушный кулак».

Он врезался в спину бегуна, и тот, пролетев пару метров, распластался на земле. Или я перестарался, или силы его оставили, но он остался лежать на животе, не подавая признаков жизни. Остальные двое спасшихся, можно сказать, сверкали пятками, оставив нас далеко позади.

Я подошел к бородачу и приподнял его голову. Шлем слетел с него, и он лежал оглушенный, с закрытыми глазами. Несмотря на наличие бороды, это оказался молодой человек. Сначала я подумал, что он дворф. Но сразу отбросил эту мысль: дворфы были настолько широкоплечими, что казались квадратными. А этот был невысок и щупловат, как сказочный гномик.

Рядом крутились духи. И туту меня в голове щелкнуло! Эврика!

— Мастер, Мессир! Залезайте в этого лежащего, — закричал я. — Шица, устанавливай связь с духами, и будем собирать информацию. — Потом надрезал руку гномику и оставил приходить в себя.

Когда я вернулся к оркам, то испугался: еще немного, и опоздал бы, вода уже подбиралась к бесчувственным телам, и они могли захлебнуться. Быки пришли в себя и, мыча, теснились к стенам ущелья. Пришлось мне тащить тела несчастных на запруду и там оставить. Потом перегонять быков, которые не хотели меня слушать, упирались и громко мычали, но все-таки я справился и перегнал их поближе к хозяевам. Потом приступил к лечению. Все орки были контужены и с разорванными ушными перепонками. На лечение я потратил около часа. Вода добралась до края запруды и перелилась через край. К сожалению, под завалом живых уже не было, и почти полсотни воинов нашли здесь свою могилу.

Отряд подошел к узкому месту в ущелье, над которым нависла скала, и остановился. Полухиртман подошел к хиртрагу и вежливо сказал:

— Здесь удобное место держать оборону, узкое и защищено сверху. Как вы считаете, может, стоит остаться тут?

Данавар был доволен: гленд, командующий полусотней воинов,

проявил к нему уважение и спросил его мнение. Хотя сам прекрасно понимал, что лучше места для обороны в ущелье не найти. Маг так же вежливо кивнул в ответ и ответил:

— Совершенно с вами согласен. Давайте расположимся здесь и дождемся тех, кто появился в долине.

Воины выстроились в две шеренги, впереди стояли хорошо защищенные пехотинцы, за ними застрельщики с самострелами. Данавар с уважением посмотрел на это чудо техники, сделанное мастерами-оружейниками. Хоть оно было медленное в перезарядке, но это компенсировала его мощь. От него не спрячешься за щитом. Взведенный с помощью ворота стальной лук стрелял свинцовыми шариками и с расстояния в пятьдесят шагов пробивал доспехи навылет. Прошел час, потом еще. А тех, кого они ждали, не было. Командир отряда подошел к магу.

— Хиртраг, может, выслать воинов, чтобы они посмотрели, где эти пришельцы?

— Не надо, хиртман, разведчиков могут схватить и допросить, тогда чужаки узнают про наши силы и смогут подготовиться. Мы должны стать для них неожиданностью, — важно проговорил маг.

Командир со скрытой усмешкой поглядел на стратега, сидящего на големе, и приказал своим воинам: «Хирт, садись».

Усталые воины с облегчением уселись на землю. Данавар с неудовольствием посмотрел на гленда, но промолчал, он тоже понимал, что усталые воины не самые лучшие бойцы. А сколько еще придется ждать чужаков — неизвестно. Может, час, может, сутки. Он отбросил прочь мысли о солдатах, достал книгу по каллиграфии и стал читать. Углубившись в строки, он забыл обо всем, что происходило вокруг, и, когда раздался неясный шум вдалеке, не обратил внимания. Но за этим последовал громовой удар, обрушившийся на них, его и голема отбросило назад. Воинов, которые вскочили, когда услышали шум, повалило на землю. Данавар видел, как появилась трещина на скале и огромный кусок упал на лежащих солдат. А следом случился настоящий кошмар. Глыбы, тысячелетиями стоявшие незыблемо, покатались сверху, увлекая за собой все больше и больше камней. Земля, которая лишилась опоры, посыпалась мощным нескончаемым потоком. Спасаясь от неминуемой смерти, хиртраг поднял голема и устремился прочь. Он не видел, что происходило у него за спиной, но слышал грохот скатывающихся камней и шум падающей земли. Он увидел достаточно, чтобы понять — отряд погиб, чужаки применили что-то запредельное, вызвав трясение земли. Неожиданно он вылетел из

сиденья голема. Но уроки борьбы не прошли даром, он сгруппировался, сделал кувырок и побежал по инерции дальше. Что-то врезалось ему в спину и вышибло из него дыхание, он подлетел, упал и провалился в темноту забвения. Очнулся он не сразу, сознание возвращалось рывками. Образы каких-то стариков мелькали пред глазами, он слышал их перебранку: «Я сверху». — «Нет, я сверху». — «Адавай вместе». — «Согласен».

Что они делили и на что соглашались, Данавар не понимал, он открыл глаза и увидел, что лежит недалеко от высокой насыпи, полностью перегородившей ущелье и реку. Неподвижно стоял голем, не отвечая на его команды. Он поднялся и прихрамывая пошел обратно в крепость, подальше от груды камней и земли, ставшей общей могилой для полусотни простых гномов. Гленд был равнодушен к их судьбе, гномов много, женщины еще нарожают. Его беспокоила только собственная судьба. А она могла стать незавидной. В поясной сумке не оказалось рун, взятых на складе, вокруг него они тоже не валялись, если бы выпали из кожаных футляров на поясе. Их могли захватить чужаки, но почему не тронули его? Маг терялся в догадках. Он шел всю ночь и под утро встретил отряд разведчиков из крепости. Весь вид хиртрага говорил, что ему сильно досталось. Лицо разбито, всклоченная борода в засохшей крови, нос и губы распухли. Он хромотал и еле передвигал ноги. Ему оказали помощь и сопроводили в крепость.

— Гленд Данавар, напишите отчет о походе, мы сравним его с показаниями полухиртмана. Этот гленд подозревается в неисполнении долга и трусости. Отряд погиб, а он и вы выжили. Вашу судьбу будет решать ваше начальство, — сухо сказал магу комендант. Но взгляд его выражал глубокую степень неприязни, которую он питал к нему. — Вас будут содержать отдельно в вашей комнате, выход из нее до особого распоряжения запрещен. Ступайте! — закончил комендант и уткнулся в бумаги.

У хиртрага сердце ушло в пятки, его сажали под домашний арест, и он не знал, что написал командир отряда, но он выжил и первым добрался до крепости. Данавар шел к себе под охраной двух воинов и обдумывал, как ему быть. Надо все свалить на хиртмана, пришла ему в голову мысль. Он приказал сесть своим бойцам и бросил их, когда начался обвал. Он, Данавар, пытался спасти солдат, но не смог. Чужаки применили мощную магию и засыпали солдат землей, при этом от применения их магии исчезли руны и перестал слушаться голем. Да, так и надо написать. Командир отряда трусил и бежал, а он вступил в сражение с чужаками,

пытаясь противостоять их колдовству, но силы были неравные. Колдуны применили чудовищной моши заклятия, такие, что тряслась сама земля. Его засыпало, но он смог выбраться из-под завала. В бою руны исчезли. Пусть попробуют доказать, что это не так. Проверку на стуле правды он пройдет. Потому что это все, что он помнит. Он даже сможет стать героем, в одиночку сражавшимся с великими колдунами. Только все надо правильно описать, повторил он сам себе.

— Глендар, к вам пришел гильдмастер Орунгар. — В кабинет главы клана Пятых ворот мышкой проскользнул щуплый гном и низко поклонился. К высшим глендам всегда добавлялась приставка «дар», что значило «сиятельный». И не дай горы и их недра обратиться к высокородным по-другому. Тут же закончишь свой путь на гиблых уровнях.

— Пусть войдет, — приказал всесильный глава и отложил свиток в сторону.

В кабинет с легким поклоном вошел толстый, просто необъятный гильдмастер. Он тяжело дышал, видно было, что подъем на башню ему дался нелегко. Заплывшие глазки ничего не выражали, и весь его вид говорил, что того уже ничто не интересует в этой жизни. Но глава знал, как обманчиво это впечатление, за жирным брюхом и пятью подбородками, видными даже из-под бороды, скрывался живой и изощренный ум. Орунгар был мастер интриг, сложных, запутанных комбинаций и всегда добивался того, чего хотел. Он возглавлял тайный сыск клана, и глендар даже не знал, кого гномы больше боятся — его или этого тяжело дышавшего толстяка.

— Мог бы письмо прислать — усмехнулся в бороду глава, — и не тащиться сюда наверх.

Это было частью их ритуала перед началом серьезного разговора. Коли гильдмастер поднялся сам, значит, беседа будет важной.

— А ты мог бы пожалеть старика и выбрать кабинет внизу, — пыхтя, ответил пришедший. — Там и воздух чище, и жизнь лучше видно. А то отсюда, с небес, трудно управлять кланом. Сюда и птица не долетит, не то что важные вести. — Он уселся в большое кресло и сложил руки на животе. Все, ритуал соблюден и можно приступать к главному. — Ты уже знаешь, что в ущелье на нейтральной полосе появились чужаки? — Он одними глазами, не поворачивая головы, посмотрел на главу. Тот кивнул, ожидая продолжения. — Туда был отправлен отряд в полсотни воинов, и все они погибли, кроме командира, хиртрага и застрельщика.

— Да, я читал твои отчеты, что-то новое? — поинтересовался глава. — Насколько я понял, командир действовал непрофессионально и проявил

трусость, а маг потерял руны и старается все свалить на могучих волшебников и хиртмана. Ты нашел чужаков? — В глазах главы появился огонек интереса.

— Чужаки так и стоят за плотиной, а перед ними два хирта клана Четвертых ворот.

— Ну стоят и пусть стоят. Нам-то о чем беспокоиться? — не понимая, куда клонит гильдмастер, спросил глава.

— Мы можем разыграть карту чужаков, Рандавар, — по имени обратился толстяк к всесильному главе.

Но тот и бровью не повел. Их давно связывали тесные отношения, и именно Орунгар сыграл главную роль в борьбе за место главы, и вот он сидит на этом троне уже тридцать шесть лет.

— Поясни, дружище, что опять придумал твой изворотливый ум? — Глава клана с любопытством уставился на гостя.

— Надо поддержать хиртрага, признать могущество пришельцев и принять их с честью. Но пусть это сделает глава Четвертых ворот Грендар, он глуп и тщеславен, но тебя слушает. Внуши ему, что это важные союзники и их можно использовать с пользой. Убеди его в том, что их мощь нужна королевству. Он не преминет сообщить о своей находке королю.

— Я не понял, какая выгода нам от всего этого? — Глава удивленно смотрел на толстяка, который то и дело вытирал вспотевшее лицо платком.

— Выгода прямая. Все знают, что Грендар туп как камень и Четвертые ворота ему достались незаслуженно. Он обязательно попадет в глупую ситуацию с чужаками. Пусть будет много слухов о их могуществе. Чтобы проверить, насколько они сильны, мы предложим дать им возможность спуститься на гиблые тропы, там сейчас выброс и развелось много тварей. Добыча рунных камней упала, и это беспокоит его величество. Пусть там покажут свою силу. Они сгинут в тех местах. Его величество будет сильно разочарован. А на совете ты и остальные выскажетесь за то, что Грендар не соответствует Четвертым воротам.

— Я понял, хитрая голова, я стану четвертым у трона, и все стоящие за мной тоже передвинутся. Первые три клана не смогут помешать. Отлично придумано, Орунгар! — Глава радостно стал потирать руки. — Отправляюсь немедленно к Грендару. Он считает меня своим другом. А ты пригласи этого хиртрага и дай ему должность.

Толстяк прикрыл глаза и согласно кивнул.

Я стоял наверху плотины и смотрел вслед уходящему человечку. Подо

мной уже образовалось озеро, которое скоро начнет выплескиваться чрез край в том месте, где было русло реки. Но перед этим утопит быков. Слава богу, что здесь, у стены ущелья, было еще сухо. Орки, пораженные «моим могуществом», сидели тихо, как мышки. Но что-то надо было делать. Иначе придется плавать или уходить с такой удобной позиции. А уходить не хотелось. Я находился на вершине проявления своего могущества как потрясатель земли и уходить с этого места не хотел. Сюда все равно придут гномики, как я обозвал маленьких человечков. Вот и пусть увидят, что я натворил, а также надумают себе, что я еще смогу.

Надо было как-то спустить эту воду, но как? Я не переставая чесал затылок, но почему-то не помогало. Так, надо думать конструктивно. Что я могу сделать? Кинуть гранаты — не пойдет, результат невелик. «Торнадо»? А что оно даст? Погладит верхушку насыпи. Нет, не годится. «Воздушные кулаки»? Я скептически посмотрел на рукотворную плотину. Не пробьет. Элементаль? Точно, как я раньше не подумал! Мне нужен элементаль земли.

Все это время орки своими рожами сопровождали мои думки. Я задумался, и они закатили глаза — тоже типа думают. Я чешу затылок, и они чешут. Я обрадовался, и они ощерились своими клыками — помогают, значит.

Я стал вызывать элементалей и почувствовал сразу нескольких. Двое, уже зрелых, крутанулись рядом и умотали, умные они, понимаешь. За лакомство работать не хотят. Ну и скатертью дорога.

Один остался и стал накручивать круги. Хочется ему полакомиться. Я уже знал, как с ними общаться, и позвал его: «Иди сюда, я тебя покормлю и поиграю с тобой», — прибавил энергии в руку и выставил. Молоденький элементаль клюнул, как карась на червячка. Еще бы, и еда, и игры. Он слизнул энергии и тут же послал мне образ «еще хочу».

— Получишь, — приободрил его я, — но сначала поиграем. Вон там в плотине надо сделать дырку, чтоб вода уходила, а перемычка осталась... — Я рисовал мысленные образы, и он меня понял. Выкинул вверх кучу камней и устремился к плотине.

Орки, увидев фонтан из булыжников, заорали и сиганули в воду. И вовремя, а то пришлось бы пробитые головы лечить. Меня накрыла куполом Шиза. «Да, застоялся малыш, — подумал я, наблюдая, как камни отскакивают от щита. — С ним надо быть поосторожней».

Скоро вода пошла на убыль, а из пробитого отверстия хлестал сильный поток. Я дал элементалю еще порцию вкусняшек и обрисовал ему, что хочу укрепить и поднять нашу плотину и место рядом с ней с нашей

стороны. Малыш все понял правильно, и скоро я мог гордиться своей крепостью.

У нас была широкая сухая площадка — хоть в футбол гоняй. Правда, я такую большую не заказывал, но мой малыш по мелочам не разменивался. Плотина поднялась еще метров на шесть выше и выглядела не менее внушительно, чем египетские пирамиды или Великая Китайская стена. Укрепив наши позиции, я хорошо отблагодарил элементаря и отпустил. Поставил отопитель, вертящийся по кругу, и выдал отряду провиант в виде двух рыб на каждого. Улегся и задремал.

Проснулся я от криков орков. Наступила ночь, они где-то раздобыли дрова и запалили костер. Рядом была сложена аккуратная горка из камней, и на ней лежал, обнаженный и связанный, мой Фома. Орки сняли верхнюю часть одежды, танцевали какой-то дикий танец и подвывали. Я понял, что мне пора вмешаться, тут, видно, затевается людоедство, или, точнее, оркоедство. И сожрать хотят моего ученика.

— Грыз! — заорал я и вкинул в голос сильный страх. Орк замер и упал. Остальные замерли и загомонили. Подождав, пока шок пройдет, я спросил: — Что тут происходит?

Орк поднялся и, стуча клыками, сказал:

— Мы Отцу жертву хотим принести. — У него под левым глазом налился лиловый синяк, и глаз полностью заплыл.

— Построй отряд! — приказал я. Орки мгновенно встали по росту. — Красавцы! — прищелкнул я языком. У всех были побиты рожи. — Кто вас избил? — поинтересовался я.

— Мы Шарныга ловили, — шмыгнул носом Грыз.

— Так это он вас так разделал! — засмеялся я. — А почему его в жертву? А не тебя? — Мне было интересно, как происходит отбор жертвы.

— Так он самый никудышной. Не боец, не шаман, — пожал плечами Грыз.

— Глядя на вас, и не скажешь, что он не боец. Десять на одного, и все побиты. — Я с усмешкой смотрел на поникшего орка. — Развяжите моего ученика! — хлестко приказал я, и орки, толкаясь, побежали развязывать Фому. Рассматривая избитого шамана, я покачал головой. — Плохо, Фома! Всего десять орков победили тебя и связали. Почему меня не позвал на помощь? Опять засомневался в учителе? — Я осуждающе покачал головой. — Не заслуживаешь ты зваться Фомой, будешь откликаться на «эй, ты», а попросту Эйты, пока не заработаешь себе настоящее имя.

Ученик стоял сине-зеленый, как незрелый баклажан, и молчал.

— Грыз, что бы ты сделал, если бы тебе принесли протухшее мясо? —

обратился я к орку.

Тот не задумываясь ответил:

— Убил бы того, кто мне его принес.

— Почему ты плохое не принимаешь, а Отцу даешь? — Я с интересом смотрел на орка и ждал, что он мне ответит.

Но на гаржика снизошло откровение, он замер с открытым ртом, услышав от меня простую истину, и молчал. Не дождавшись ответа, я приказал: «Всем спать! Никого в жертву не приносить! Утром пересчитаю!» — и завалился сам.

Утром я опять построил орков. Солдату праздное время проводить нельзя, он чудить начнет и себе плохо сделает, и командиру. Поэтому я их рассадил и снова каждому выдал пакет гипнограмм. Эйты получили расширенные знания баз по магии и бою. Только без знаний использования оружия внешнего мира. На день мой отряд был занят полезным делом.

Я же ушел в «скрыт» и полетел на разведку. Мне хотелось узнать о жизни и обычаях местного народа. А для этого надо быть недалеко от человека, с которым у меня была связь по крови.

Ущелье запирала самая настоящая крепость, со рвом, валом и стенами, сложенными из больших, хорошо обработанных камней. По дороге я миновал несколько групп воинов, которые несли патрульную службу. Верховых животных у них не было, и они передвигались пешими. Были и разведчики, которые сидели в секретах и издали смотрели на мою плотину. Жаль, что нельзя поставить турбину и вырабатывать электрический ток, так бы я мог не беспокоиться о трате своей энергии.

Я облетел замок, но забираться в него не стал: кто знает, какие здесь сторожевые заклиния. Опустился на карниз скалы и стал настраиваться на связь с духами. Тут я чуть с ума не сошел. Вы когда-нибудь смотрели четырьмя глазами и в разные стороны? Вот, а я смотрел, и мой мозг отказывался перерабатывать то, что видел. Я закрыл глаза и попросил:

— Шица, давай я буду смотреть с помощью одного духа, четыре глаза — это перебор.

Я снова открыл глаза и увидел перед собой человека, который сидел за столом. Одет он был в черную длинную рубашку и выглядел строгим. Он отложил лист, который читал до этого, и спросил:

— Гленд Данавар, вы тут пишете, что чужаки применили неизвестную магию и земля затряслась, скала обрушилась и завалила камнями весь отряд. Вы видели чужаков?

— Нет, господин дознаватель, чужаков я не видел, — очень смиренно ответил гленд.

Ага, понял я, значит, он гленд, и зовут его Данавар, и теперь он на допросе по поводу происшествия. Это я вовремя попал.

— Почему же вы решили, что была применена магия и сделали это чужаки?

— Потому что сначала раздался нарастающий шум и руна зафиксировала всплеск магии, а потом раздался сильный грохот. Земля затряслась и стала раскапываться, — ответил Данавар.

— Вы пишете, что вас завалило и вы потеряли сознание. А когда очнулись, рун уже не было.

— Да, так и было, я находился вместе с командиром отряда позади воинов, и меня засыпало не полностью, от удара камней я потерял сознание, а когда очнулся, то было уже поздно. Отряд погиб, а руны исчезли, поэтому я сделал вывод, что руны пропали после применения магии чужаками.

— А может, вы сами их отдали, хиртраг? — спросил с прищуром дознаватель. — И теперь вы шпионите в пользу чужаков.

— Если бы я стал шпионом, то принес бы руны обратно и не ставил бы себя под подозрение, господин дознаватель, — ответил возмущенный маг. — Я готов пройти проверку на стуле правды.

— Это не мне решать, гленд. Но вашу просьбу я укажу в материалах дела. Пока можете быть свободны. Вам разрешается перемещение по крепости. Но выходить из нее запрещено. Вам все понятно? — Дознаватель все так же строго смотрел на хиртрага.

Я проморгался и разорвал связь. Строго у них тут, но, как и у нас, — наградят непричастных и накажут невиновных. Значит, бляшки, которые я забрал, весьма ценны, если из-за них идет целое следствие. Знать бы, что это такое и как ими пользоваться. Я вернулся обратно, моя нерукотворная крепость солидно смотрелась в узком ущелье.

«Что бы еще придумать для усиления впечатления?» — подумал я. Но к вечеру к плотине подошли две сотни воинов и с ними десяток роботов со всадниками. Они расположились метрах в пятистах от нас и стали возводить укрепления. Рыли землю и делали насыпи. Парламентеров не посылали, и я подумал, что это передовой отряд, за ними может последовать армия, и тут уж мне мало не покажется.

Мне нужно было дождаться, пока стемнеет, и подняться наверх ущелья. С наступлением темноты я по горному кряжу пробрался за боевые порядки и спустился вниз. В лагере маленьких человечков все было устроено четко, по-военному. Были выставлены часовые. Между постами ходил патруль, и слышались окрики часовых: «Стой! Кто идет?»

Я усмехнулся: как у нас, только еще не хватает требования: «Разводящий, ко мне, остальные на месте». Роботы стояли в центре лагеря. А рядом горели костры всадников.

Я вышел в боевой режим и в «скрыт», телепортировался к роботам и по одному их вскрыл. Забрал все бляшки, которые назывались рунами, но самое главное — накопители энергии. В лагере все было спокойно, моего проникновения никто не заметил. Хотя один из всадников, по-видимому дежурный, прикладывал к голове ту самую руну и посматривал на стену. Назад он не смотрел, и это было его ошибкой. Дождавшись, когда лагерь погрузился в сон, я опять ушел на ускоренное восприятие и осторожно обобрал всех всадников. Пусть слова арестованного гленда подтвердятся — чужаки владеют магией, уничтожающей их руны.

Теперь у меня было дополнительно почти пять тысяч энеонов и около сотни рун. Но на этом я решил не останавливаться и позвал малыша, он появился почти мгновенно. «Еда! Играть!» — передал он мне образы.

Я угостил его немного и показал, что хочу такую же стену из земли вот тут, метрах в восьмистах от расположившегося отряда. Элементаль проявил радость, подняв кучу пыли, и через полчаса появился брат-близнец моего вала. Не жадничая, дал полакомиться элементалю и отпустил. Посмотрел на постройку века и остался доволен. Ну теперь, полагаю, местные задумаются.

Утром мы могли слышать крики и наблюдать суматоху в лагере. Все бегали как заведенные. Махали руками, показывали в сторону моей крепости, потом в сторону нового вала. Наконец отряды собрались и, оставив роботов, стали отступать.

Орки ожили и, посмотрев на суматоху, голодными глазами уставились на меня, как будто я Христос. Вот сейчас вытащу две рыбины и накормлю прожорливую команду. Я понимал, что их надо было кормить и чем-то занять. А чем можно занять десять здоровых мужиков и одного Эйты, изнывающих от безделья? Дать им выпить и подраться. Выпивку я давать им не стал, а вот проверить навыки ученика мне не мешало бы.

— Грыз, — позвал я старшего и, рассматривая преданно смотревшего на меня орка, сказал: — Ты утверждаешь, что Эйты не воин?

— А это кто? — удивился орк. И я вспомнил, что не рассказал всем, как лишил имени своего ученика.

— Это он, — показал я пальцем на недовольно сопящего шамана. — Я лишил его имени, пока он не заслужит его. Вы как зовете тех, кого не знаете и не уважаете?

Грыз надолго задумался. Чтобы не затягивать понапрасну время, помог

ему:

— Как ты позовешь раба, которого не знаешь?

— Эй, ты, иди сюда, — недоумевая, ответил он и уставился на меня.

— Вот и его тоже зовите Эйты, пока я не дам другое имя.

Орк врубился в то, что я ему вдалбливал, и заржал во всю глотку.

— Ты не смейся. Грыз, сейчас каждый из вас будет с ним сражаться на кулаках, кто проиграет, будет тоже «эй, ты», — стер я с его морды улыбку.

Лицами рожи орков называть было трудно. Рубленые крупные черты, выпирающие нижние челюсти с клыками делали их похожими на бульдогов с маленькими злобными глазками.

— Назначай очередность, — сказал я и уселся. — Эйты, — обратился я к мрачному парню, — иди сражайся и добывай себе имя.

Все, на первое время я мужиков занял и мог спокойно посидеть.

— Нам бы поесть, — несмело спросил Грыз.

Орки, ребята крупные, и две рыбы на завтрак для них — это капля в море, но я был непреклонен.

— Ест тот, кто побеждает, кто не побеждает, тот не ест, — перефразировал я земную мудрость.

Первым вышел здоровяк чуть старше шамана, он был голоден и зол. Взгляд его не предвещал Эйты ничего хорошего. Но тот ждать не стал, быстро сократил дистанцию, врезал орку между ног и, когда тот согнулся с протяжным у-у-у, ударил ладонями по ушам.

— Эйты первый, — прокомментировал я, разглядывая лежащего орка. Он был оглушен и, может, даже покалечен.

— А теперь вылечи его, — приказал я.

Ученик задумался, потом опустил на колени, провел руками над стонущим орком. Затем приложил руки и прочел заклинание. Скоро состояние поверженного пришло в норму. Он встал и возмущенно затараторил:

— Так нечестно, он напал без предупреждения! — Его взгляд и тон выражали негодование.

— А ты, значит, в бою кланяешься и спрашиваешь: «Разрешите дать вам в морду?» — спросил я и сделал удивленное выражение лица.

— Нет! — ответил орк.

— Тогда что возмущаешься, теперь ты — Эйты, первый и голодный.

Перестав обращать на него внимание, я скомандовал: «Следующий!» Через час у меня был один Фома и одиннадцать голодных Эйты. Это говорило мне, что передача информации по крови гораздо эффективней, чем гипнограмма.

Посольство клана Четвертых ворот приблизилось к высокой земляной стене.

— Это и есть та осыпь, хиртраг? — спросил гленд в богато украшенных доспехах. — Не больно-то она похожа на осыпь от землетрясения или обвала. Скорее, на стену, возведенную гномами, — продолжил он, — тут локтей тридцать, не менее.

Данавар тоже разглядывал стену, возникшую на их пути, и недоумевал. Он вспомнил перипетии последних дней, когда он переходил от страха к отчаянию. Допросы, гильдейские хиртраги и военные, подозрительно присматривающиеся к нему. А потом резкое повышение. Перевод в город Четвертых ворот из пограничной крепости. Его оправдали и отправили в составе посольства к чужакам.

— Нет, это не тот обвал, — ответил он. — Тут шлюз для отвода воды имеется, и тот был дальше на две тысячи шагов. Но это работа чужаков, — разглядывая уплотненные стены, ответил он.

— Эй, внизу! — услышал он крики. Им сверху махали воины. — Нас тут заперли! Что делать?

— Позовите вашего командира, — поморщился посол. Ему не понравилось поведение простых гномов, позволяющих себе такое обращение. Скоро на стене появился еще один гном, он увидел посла и радостно закричал:

— Гленд Гамбард! Как хорошо, что вы прибыли, мы не знаем, как нам быть, семь дней назад у нас пропали все руны, даже из големов, и появилась эта стена. Кроме того, пропали почти все наши полевые пайки, и мы голодаем.

— Дурень! — тихо промолвил посол, но громко сказал совсем иное: — Мы считаем, что это работа наших гостей. Сходите к ним и попросите их открыть нам проезд. Скажите, что прибыло посольство для ведения переговоров.

Наверху замерли, переваривая информацию, а потом послышалось: «Ага, я сейчас». Еще через час в земляной насыпи образовалось аккуратное отверстие, через которое мог пройти отряд в колонну по три, и посольство с осторожностью вошло в тоннель. «Тут и ширина стены локтей тридцать», — подумал Данавар. На выходе их ждал почетный караул из двух хиртов с развернутыми малыми флагами, командир, как положено, отдал воинскую честь и доложил:

— Гленд старший мастер, два хирта третьего полка несут боевое дежурство. Какие будут приказания?

— Оставайтесь пока тут и ждите. — Посол гленд Гамбард, старший мастер гильдии придворных связей клана Четвертых ворот, терпеть не мог солдафонов. Грубые и тупые, как он считал, дармоеды, не чтущие традиций. Он гордо вскинул голову и, не замечая замерших солдат, отправился дальше.

Я просидел трое суток, ожидая хоть какой-то реакции местной власти. Но хорошо понимал, что средневековая бюрократическая машина работает медленно, тут нет телефонов и радиосвязи. Жизнь протекает неспешно из лета в осень, и решения принимаются так же неторопливо. Чтобы чем-то себя занять, я натаскивал своих бойцов. Образовал кровную связь с каждым и передавал необходимые базы. Теперь каждый из них был и диверсант, и умелый пользователь магических конструкторов. Но побить Фому они не могли, и звался он теперь гордо — Фома Шарный. Оказывается, я, сам того не ожидая, дал ему двойное имя, какое дают только гаржикам. Остальные, кроме Грыза Ынура, так и оставались Эйты-первый, Эйты-второй и далее по порядку, в каком Фома бил им морды. А делал он это с большим удовольствием. Только Грыз в боях не участвовал больше. Не по статусу сотнику кулаками махать. Так ему и объяснил, когда он рвался в схватку и обязательно бы огреб от Фомы. На четвертую ночь я нашел сухой паек у гномов и забрал больше половины. Теперь орки лопали от пуза и нахваливали Худжгарха. Я делал вылазки в стан врага и слушал их разговоры. Таким образом узнал, что местных боевых магов называли хиртраги. Они умели пользоваться рунами, которые я у них забрал. Они в моем понимании не были магами, но могли чувствовать магические потоки и активировать заклинания, внедренные в рунные камни. Это был ценный ресурс. Для создания рун нужно быть рунным магом, знать рунный алфавит и каллиграфию. Стать рунным магом было пределом желаний всех хиртрагов. Узнал я также, что общество имеет сословное деление, всех мастеров, военных начальников, магов звали глендами, а основная масса работяг, простолюдинов и солдат звалась просто гномами. Между ними лежала широкая пропасть высокомерия и презрения. Из подслушанного я понял, что гленды презируют гномов. А гномы ненавидят глендов и завидуют им. Но все свято чтут традиции, установленные отцом подгорного народа. Есть тут, оказывается, и люди-землепашцы, но они просто крепостные главы клана и прав никаких не имеют, кроме права трудиться. Если выразиться земным языком, их за людей и не считают — просто рабочая сила, как лошадь или бык. Расизм в чистом виде.

Вот это для меня стало большой проблемой! Я человек, и в их

понимании никто, и звать меня никак. Я понимал, как трудно ломаются устоявшиеся стереотипы и принципы.

Из этих раздумий меня вытащила Шиза:

— Не расстраивайся, ломать ничего не надо, из всякого правила есть исключения, вот таким исключением тебе надлежит быть. Ты по ходу сориентируешься, как поступить, я в этом уверена. Лучше расскажи какую-нибудь историю из прошлой жизни на земле. У вас там все так странно. Вот ты, в общем-то неплохой, добрый парень и стараешься быть честным и справедливым. Но можешь спокойно украсть и оправдать себя. Тебе убить другого ничего не стоит, ты не испытываешь жалости к своим вассалам и девушек не отличаешь от парней, нагружая их так же. Но в то же время я знаю, ты свою жизнь положишь за них и за друзей. Ты состоишь из одних противоречий, и я хочу лучше понять тебя и твой мир.

— Не знаю, крошка, что тебе рассказать? Ты слишком углубилась в меня, а я просто хочу выжить. Если надо украсть, чтобы ослабить врага или накормить своих людей, я буду красть и убивать. Ты говоришь, что мучаю вассалов и девчонок? Но у нас говорят: «Тяжело в учении, легко в бою». Если я пожалею солдата, глядя на его сопли, и его убьют, потому что он не знал, как поступать в бою, как я его матери буду смотреть в глаза? Так меня учили дома. У меня деды воевали, отец воевал, и мне довелось немного. Давай я тебе расскажу, как я однажды с парашюта прыгал. Это была еще та хохма, — вспомнил я с теплотой прошлую жизнь. — Было это после года службы в Афганистане. Приехал я в отпуск. В Москве в «Березке» мы купили костюм мне, туфли, жене платья, сумочки и прочее. — Я помолчал, вспомнив, что еще потратил чеки Внешпосылторга на тещу. Люська, зараза: «Надо и маме подарок сделать, вот она рада будет, а то все время бурчит: „Что ты за жена такая без мужа? Он поди там с бабами вертит, а ты, дура, здесь его ждешь“». Сказала это и рот ладошкой прикрыла. Мне после этих слов не тряпки ей покупать захотелось, а мышьяк в аптеке.

Но это я так отступление сделал.

— Приехали мы домой, — продолжил я. — Аккурат к началу августа. Как-то, гуляя в парке, встретили моего одноклассника Серегу. Лет пятнадцать мы не виделись. Он тоже стал военным, окончил Новосибирское политическое училище и попал служить в ВДВ. Рассказал, что собрались они здесь, чтобы ехать на досаафовский аэродром, прыгать с парашютом в честь Дня десантника, а потом на шашлыки. Я возьми и брякни: «Здорово! Это так классно! Я тоже всегда хотел прыгнуть, но все никак не получалось».

Он засмеялся в усы и хлопнул меня по плечу. «Считай, что твоя мечта

исполнилась. С нами поедешь прямо сейчас». Тут «буханка» подъехала.

— Вы что, на хлебе ездите? — прервала меня Шиза.

— Нет, так у нас транспортное средство доставки личного состава называют между собой, за схожесть с буханкой хлеба.

Я от неожиданного предложения впал в ступор, одно дело — поболтать, другое — прыгнуть с самолета. А Серега увидел мою задержку и так сурово говорит: «Витя, мужик сказал, мужик сделал! Ты мужик?» — спросил он меня. Я проглотил комок и ответил: «Мужик, Серега, но у меня одежды нормальной прыгать нет». — «Не важно, даже классно, что ты в костюме». Сам он был в полевке и сапогах. В общем, попал я, взял меня школьный товарищ «на слабо». Тут Люська взвилась: «Не вздумай! Из Афгана живой приехал, а тут еще разобьешься!» А Сергей ей говорит: «Не бойся, Люся, мы из твоего вэвээшника настоящего мужика сделаем», — и затолкал нас в машину.

Пока ехали, он меня инструктировал: «Ты, Витя, ничего не бойся, парашют сам за тебя все сделает. Ты только ногами перед приземлением не крути, как на велосипеде, а то без ног останешься. Чуть их согни, сложи вместе и, чтобы носки из-за запасного парашюта видно было, так и садись. Вот и вся премудрость. А когда приземлишься, нижние стропы на себя тяни, чтобы ветром не потащило. Так ты парашют погасишь. Понял?» Серега смотрел на меня с ухмылкой, и я догадался, что он, гад, специально затащил меня, чтобы поиздеваться. В школе он был маленький, щуплый, и ему приходилось всегда что-то доказывать. Он и на самбо пошел, чтобы его не били. А я попался на простой развод. Если откажусь, по ребятам слух пустит, что вот Глухов трусил. Вот так я в костюме и в лакированных туфлях на аэродром приехал. Прошли медицинское освидетельствование. Доктор скептически глянул на меня и спросил: «Вы сколько раз с парашютом прыгали?» — «Сорок семь!» — брякнул. Был я уже зол на себя, на Серегу, на День десантника, на этого доктора. Тот с уважением посмотрел на меня и сказал: «Допущен».

На взлетном поле было не протолкнуться, стояли группы в очереди на прыжки, и нам инструктор выдал парашюты. «Вам какие, братушки?» — спросил он. «Нам для затяжного прыжка, будем в честь дяди Васи прыгать». Тот молча кивнул и показал на мешки, лежавшие отдельно. Спросил, какой у кого вес, и раздал парашюты. Мне же интересно было, что это за затяжной прыжок. «Сергей, это что за прыжок?» — спросил шепотом, наклонившись к его уху. «А ты не знаешь? — Он сделал удивленное выражение лица. — Что, сорок семь раз прыгал и ни разу с задержкой?» — подколот, зараза, и вся десантная братия стала ржать во все

горло. «Это когда парашют открывается или от рывка кольца, — он показал на большую железку, — или ставится время задержки, когда он откроется сам. Мы будем открывать на пятистах метрах». — «А если я не успею его открыть?» — задал я важный для меня вопрос. «Не дрейфь, Витя, мы прыгаем с девятисот метров, лететь до земли минуту, успеешь», — и отвернулся.

«Он-то, может, и успеет», — подумал я, оглядываясь по сторонам, и увидел группу парней. Им инструктор объяснял, что их парашюты прямого действия и раскрываются сами, сразу после прыжка. Вот это мне и нужно было. Как у нас говорили, дедовщину никто не отменял. Я подошел к пареньку моей комплекции. Забрал у него парашют и вручил свой, оставил оторопевшего парашютиста и затесался в ряды десантников. Тут парень опомнился и закричал: «Товарищ инструктор, у меня десантники парашют отобрали!» Инструктор глянул на нас и ответил: «Отобрали — значит, так надо», — и все.

Тут репортеры с телевидения подошли и сразу к нам. «Можно у вас взять интервью для местного телевидения? — спросила меня дама в очках и без перехода засыпала вопросами: — Вы десантники?» Что мне оставалось делать? Я ответил: «Так точно!» — «Вы будете прыгать с парашютом в этом костюме?» — напирала она. «Так точно!» — «Что-то вы немногословны; может, расскажете, чему посвящен ваш прыжок?» — и под нос микрофон сует. Я посмотрел на скалящихся десантников и ответил: «Прыжок мы посвящаем нашему любимому командующему генералу армии Василию Маргелову». — «А почему вы в костюме? — не отставала она и, повернувшись к настоящим десанникам, стала их отчитывать: — Не напирайте, товарищи. Я интервью беру, а вы кадр портите». — «Я в костюме, чтобы противник знал — боеготовность наших вооруженных сил всегда на высоте. Надо будет, мы в костюмах врагов бить будем!» — и погрозил кулаком всем врагам. К моему удивлению, меня слушали, и, когда я закончил, раздались жидкие хлопки. Репортерша сказала: «Спасибо, мы гордимся вами», чмокнула меня в щеку, оставив след помады, и унеслась дальше.

Настала наша очередь идти на самолет. Инструктор шел рядом и прошипел: «Ты бы еще в тапочках пришел».

Еще бы, я шел в импортном костюме, лакированных туфлях, танковом шлеме и с парашютом спереди и сзади. Кто хочешь засмотрится.

Прыгал я последним. Инструктор вызывал по порядку. «Первый пошел, второй пошел», — и хлопал по плечу, десантники красиво уходили в открытую дверь самолета. Дошла очередь до меня. «Прыгал?» — спросил

он. «Нет», — ответил честно я и встал напротив проема. Но вместо хлопка по плечу и «пошел», меня просто сильным толчком выкинули из самолета. Когда раскрылся парашют, я был счастлив. Короткого мига полета я не ощутил, Шиза, только напор ветра и рывок. Я посмотрел — надо мной спасительный купол, а внизу лучи яркого солнца отражаются на штиблетах. Вспомнил, что надо убрать у запаски страховочный шнур, чтобы она не раскрылась, и вытащил его. Приземлился я тоже нормально. По щиколотки вошел в мягкую землю, а задом сел на стожок скошенной травы. Рад был, что жив, цел, даже забыл стропы тянуть и меня как дернет, и из ботинок выдернуло, потащило спиной по полю. Помню, весь костюм подрало. Но Люська не ругала. Меня по телевизору показали в новостях, как я врагам грозил. А жена прижималась и щебетала: «Ты, Витенька, у меня герой! Я тобой горжусь! Танька, жена Сергея, спрашивала, что это у тебя на ногах блестит? А ей говорю, это у моего Витеньки туфли лакированные. А она — ах-ах! Вот это, понимаю, офицер. Не то что мой грубиян».

Я замолчал от нахлынувших воспоминаний, в груди как-то сжалось. Все-таки прошлое отпустило меня не до конца.

— А что такое парашют? — прервала мои воспоминания Шиза.

— Это кусок шелка с веревками; когда прыгаешь с высоты, он куполом натягивается и тормозит падение, — стал ей объяснять наши земные технологии.

— А зачем такие риски, не проще использовать антиграв?

— Проще, Шиза, но антиграв у нас еще не изобрели, вот и прыгаем с парашютом.

Она замолчала, переваривая услышанное. Помогло ли ей то, что я рассказал, во мне разобраться, я не знал. Да, честно сказать, и не задумывался. Мы все состоим из противоречий, как в песне — «на лицо ужасные, добрые внутри».

На исходе седьмого дня неожиданно прибежал парламентар, замахал руками и стал орать.

Я вышел на край стены и спросил:

— Что вам нужно, уважаемый гленд?

Как я и ожидал, увидев меня, подгорный вояка открыл рот, опустив бороду на грудь, и уставился на меня.

— Закройте рот, уважаемый, а то муха залетит, и сообщите, что вы хотите. — Я не смог удержаться от маленькой мести за всех поработанных людей.

— Э-э-э, — протянул он, — там прибыло посольство и просят

пропустить.

То, что местные так быстро организовали посольство, меня удивило и насторожило. Не к добру такая скорость. Но проход я проделал и стал ждать посольство.

На меня снизу смотрели пятеро гномов, вернее, скорее всего, глендов, гномам не доверили бы посольство. Они некоторое время молчали, а потом вытолкнули уже знакомого мне хиртрага вперед. Он беспомощно оглядывался, не зная, что ему делать. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, я телепортом спустился к ним. Только что я был наверху и вот уже стою рядом, напротив них.

— Уважаемые гленды, разрешите поприветствовать вас от лица всех живущих на другой стороне планеты. С кем имею честь разговаривать? — начал я.

— А вы кто? — в ответ спросил ошарашенный Данавар.

— Точно, я же не представился, — улыбнулся я. — Ирридар тан Аббаи, третий сын барона из рода Гремучих Змей. Здесь проездом, — добавил я.

Вперед вышел кряжистый гленд с цепким взглядом и, слегка поклонившись, представился:

— Господин барон, я гленд Гамбард, третий советник главы клана Четвертых ворот. Прибыл сюда в качестве посла. Мы прослышали о прибывших в наши земли магах, и глендар решил установить с вами дружеские отношения. Я здесь затем, чтобы пригласить вас быть гостем нашего великого глендара. — Он опять слегка поклонился. Несмотря на учтивую речь, глаза посла смотрели холодно, с долей пренебрежения, ведь перед ним стоял человек.

— Хорошо, гленд посол, я и мой отряд принимаем приглашение великого глендара. Надеюсь, моя честь и честь моих товарищей не будет подвергаться оскорблениям и попыткам недостойного приема. Так как оскорбления чести у нас смываются кровью. — Взгляд мой тоже стал надменным и холодным, как твердый азот. В голос я добавил немного давления, и гленд часто заморгал, остальные подались на полшага назад.

— Не беспокойтесь, господин барон, к гостям у нас особое внимание. — Посол пришел в себя и вежливо ответил. Его высокомерие несколько поубавилось. Но когда они увидели орков и быков, то побледнели. Хоть тех было и мало, но своими размерами они возвышались над маленькими подгорными жителями, как башни. Орки презрительно оглядели коротышек и молча построились в колонну по двое, взяв меня в середину.

Я решил продолжать удивлять глендов и, поднявшись над землей, полетел не спеша вместе с ними. Послы поехали впереди нас на големах, которых я раньше считал роботами.

Открытый космос. Торговая станция конфедерации Шлозвенг

— Крист, что было интересного за последнюю неделю? — Помощник шефа одной авторитетной криминальной организации, маскирующейся под вывеской «Посредническая контора Бада», посмотрел на молодого парня. От этого вопроса паренек сжался, как от удара, и, запинаясь, начал перечислять.

— Вы знаете, произошла кратковременная хакерская атака на все программное обеспечение. Ее смысл не был понятен.

— Смысл атаки понятен! — прервал его крепкий мужчина с седым ежиком на голове. — Скоро они повторят свою атаку и потребуют денег за безопасность. Ты лучше скажи, что смог выяснить об этих умниках.

— Пока ничего, господин Патерсон, я еще работаю. — Он увидел прищуренные глаза помощника шефа по решению сложных вопросов и быстро затараторил: — Проследить остаточные следы не так просто, на это нужно время, но постараюсь справиться.

— Ты уж постарайся, Крист, мы небедно в тебя вложились, база хакера пятого уровня стоила нам сто тысяч кредитов. Плюс твои долги уже намотали с процентами сорок тысяч. Ты же не хочешь повторения прошлого разговора?

Худой, нескладный парень, сидящий напротив, вздрогнул, он хорошо помнил этот прошлый разговор. Его долго бил Патерсон по кличке Окурки. Это погоняло он получил за то, что любил тушить окурки о свои жертвы. Курил он постоянно и в качестве пепельницы использовал тех, кого истязал. У Криста весь живот и соски долго болели от ожогов. Он проклинал тот день, когда обратился за кредитом, чтобы организовать свою маленькую фирму по продаже небольших вспомогательных программ для бухгалтерии и статистического учета. Брался он и за изготовление программ-«открывашек», способных подобрать пароли. Это было противозаконно, но он нуждался в средствах. Сделал он однажды такую программу и Патерсону. А после обратился к нему за кредитом. У Криста не было обеспечения для получения кредита в банках, но он знал, что «Посредническая контора Бада» кредиты выдает без обеспечения. Почему? Он об этом узнал слишком поздно, когда, взяв в долг пять тысяч, через десять дней должен был отдать первые проценты в размере пятисот

кредитов. Он задержался с выплатой, и к нему пришел Патерсон с напарником. Они сначала избили его и забрали все, что у него было. Уходя, они заставили его подписать новый договор, по которому за каждый день просрочки начислялись пени — пять процентов от суммы долга каждый день. Через неделю он пытался сбежать со станции, но был схвачен по дороге и снова жестоко избит. На этот раз ему предложили отработать долги, и он согласился. Его работа заключалась в том, чтобы отслеживать сделки, находить состоятельных людей и подбирать ключ к их счету. Но сколько бы он ни грабил других, его долг только увеличивался. А когда он возмутился, то стал пепельницей для Окурка. Тот вечер он без содрогания не вспоминал. Его сломали, лишив воли и желания спорить.

— Какие были переводы средств? — продолжал спрашивать Окурор.

— Самым большим было перечисление средств на счета княжества Новоросского. Ему перечислили колонисты с Суровой и контора Брана, — ответил Крист.

— Займись этим княжеством, — сказал Окурор, поднялся, огляделся по сторонам и с улыбкой уставился на хакера.

— Пожалуйста, не надо, господин Патерсон! — пролепетал парень.

Но Окурор подошел к нему и потушил сигарету о его лоб. После чего ловко закинул раздавленный бычок в урну и довольный ушел. Крист смазал слюной ожог и заплакал. Иногда после таких визитов он хотел покончить жизнь самоубийством, но ему не хватало на это решимости; единственное, что ему оставалось, это плакать и усерднее работать на бандитов.

Крист прошел по цепочке серверов и наконец вышел на последний. Для входа ему надо было отгадать простую загадку про платок. Он горько усмехнулся наивности программистов княжества и вошел в их систему. К его удивлению, на него уставилась, моргая глазами, луковица в штанах.

— Решил зайти в гости, коллега? — спросила луковица и поковырялась в носу.

Крист на время завис, не зная, что ему делать. Если на том конце сидит живой человек, то он пропал. Его убьет Окурор. Но этого не могло быть. Он входил в счет, значит, это еще один уровень, который надо будет пройти.

— Тебя как зовут? — спросил Крист.

— Раньше был Брык-Брык, теперь Брык Чиполлино. Сколько решил кредитов украсть? — спросил он и снова поковырялся в носу.

— Если получится, то всё, — смелее ответил хакер, он понял, что это программа от взлома, и успокоился. Такие программки делали лет так триста назад.

— Смелое заявление, Крист, — ответил луковый человечек. — Тогда

отгадывай загадку: «Два кольца, два конца, посередине гвоздик». Как справишься, обращайся, — потом зевнул и исчез.

Хакер задумался, и чем больше он думал, тем сильнее становилась его паника. Эта луковица назвала его по имени. Значит, смогла пройти в его систему. Он вышел из глобальной сети и стал судорожно проверять пароли. На все его запросы система отвечала: «Отгадайте загадку: „Два кольца, два конца, посередине гвоздик“». Просидев два часа и перебрав несколько миллионов вариантов, Крист представил, что с ним сделает Окурор, и застонал: «Что ты со мной сделал, Чиполлино?!»

Надпись сошла с экрана, и на нем появился сам Брык. Теперь он был не в латаных штанах, а в элегантном костюме и с тросточкой.

— Привет, Крист! Уже отгадал загадку?

— У нее нет ответа! — выпалил хакер. Волосы на голове у него были взлохмачены, а в глазах горел нездоровый огонек.

— Нет, Крист, ты не прав, ответ есть. Хозяин — гений по части загадок, все, что он загадывает, всегда логично и совершенно. Вот только ведьма, которая служит ему, мне не нравится. Больно злая и умная. Но Брык все равно умнее, она не поставила свою «отгадайку» на перемещение в сторонние системы. Теперь мы с тобой, брат, будем до смерти — твоей, конечно. Брык Чиполлино бессмертен! — гордо заявила луковица и исчезла.

Крист еще два часа потратил на поиски ответа и не смог найти, еще через полчаса он разбил всю аппаратуру. Когда охрана ворвалась в помещение, они увидели разгром и скачущего хакера, который повторял одну фразу: «Два кольца, два конца, посередине гвоздик» — и после этого дико хохотал. С большим трудом его успокоили, применив шокер.

— Док, что с ним? — спросил Окурор, глядя на хакера, лежащего в медкапсуле.

— Он сошел с ума. Окурор. Тебе сколько раз говорили, не мучь людей без надобности. Ты сегодня был у него?

— Был, — неохотно ответил Патерсон. Теперь он задумался, что сделает с ним шеф, после того как узнает, что он, Окурор, перестарался. Но кто мог знать, что этот здоровый парень окажется таким трусом.

— След на лбу от окурка? — опять спросил док.

— Сам знаешь, чего спрашиваешь? — огрызнулся Патерсон.

— Спрашиваю, Окурор, для того, чтобы знать, что шефу говорить. Он уже интересовался состоянием парня. — Док был беспристрастен, ему платили за работу, а не за то, чтобы выгораживать таких садистов, как этот Патерсон.

— Как ты думаешь, док, у парня это надолго? — Окурочек стал заискивать перед медиком.

— Не знаю, Патерсон, завтра будет видно, после того как он пройдет курс психологической реабилитации.

В это время появилось изображение шефа на наручном искине Окурочка.

— Зайди! — кратко сказал шеф и отключился.

Помощник осторожно вошел в кабинет и посмотрел на хмурого босса.

— Слушаю, шеф, — несмело сказал он.

Глава и основатель компании «Посредническая контора Бада» Бад Моргинари тяжелым взглядом уставился на него.

— Как состояние нашего программиста? — спросил он своего помощника.

— Он в капсуле на реабилитации, но, надеюсь, все обойдется, — поспешил заверить босса Патерсон. В его душе стал подниматься липкий страх, такой, какой он внушал своим жертвам, наслаждаясь их ужасом при виде его.

— У нас со счетов пропало два миллиона кредитов, а пять счетов заблокированы, и, чтобы войти, надо отгадать загадку: «Два кольца, два конца, посередине гвоздик». У тебя есть одна минута, чтобы дать мне правильный ответ, — после недолгого молчания произнес Бад.

Столица Вангора. Резиденция ордена Искоряющих

— Господа.

Советник невыразительным взглядом оглядел собравшихся, и тихий гул разговоров за столом мгновенно стих. Этот неприметный сухопарый человек был доверенным лицом Фрау. И все присутствующие без исключения знали, что достаточно только одного его взгляда, который бы выражал недовольство, чтобы тот, кто это недовольство вызвал, исчез с концами. Что происходило с этими людьми, никто не знал. Был человек и не стало. Только от этого становилось еще страшнее. Потому что каждый сам додумывал, как мог закончить свой жизненный путь несчастный. Поэтому все сразу примолкли и внимательно посмотрели на советника.

— Господа, — повторил посланец Фрау. — Мы должны подвести некоторые итоги. К нашему сожалению, обстановка в секторе оказалась сложнее, чем мы предполагали, и не все удалось сделать так, как хотелось бы. Но с этим мы сталкиваемся постоянно. У нас много врагов, и жизнь вносит свои коррективы. Теперь конкретно по результатам. Мы так и не смогли вычислить агента Ада, а он появился на нижнем слое. Был у князя

Цу Кенброка, сумел вызвать эскадру ССО. Здесь нас АД переиграл, подсунув дезинформацию по агенту на Сивилле. Там тоже умеют работать, и, как оказалось, весьма эффективно. Учитывайте это в своих действиях, господа, и не принимайте АДовцев за дурней. Кроме того, этот предполагаемый агент погиб при захвате. Вы, герр Веймар, ошиблись и распылили силы, но успокойтесь, вашей вины в этом нет. Так бы поступил любой на вашем месте. Поэтому поиски агента на Сивилле сворачиваем, все силы бросаем на мир Инферно. Прошу спланировать комплекс мероприятий. Теперь по нашим достижениям. Мы убрали главаря братства, отмстили за наших братьев и обрели нового союзника в Брисвиле.

При этих словах Веймар не сдержался, и уголки рта его недовольно дернулись, что сразу заметил советник.

— Вы хотите что-то сказать? — как всегда, без всякого выражения спросил он. Под его взглядом руководитель сети синдиката в секторе побледнел, но переборол свой страх, тихо, с запинкой проговорил:

— Убийство этого демона осложнило нам работу в нейтральном мире. Братство не растерялось, а, наоборот, усилило контрмеры, и агентам очень трудно работать, там каким-то образом их вычисляют. Я вынужден был отозвать всех своих людей. Кроме того, эта Ведьма не внушает мне доверия. Ее история белыми нитками шита, умереть, а потом воскреснуть в Брисвиле, это похоже на сказку.

— Мне понятны ваши сомнения, и я отношусь к ним с пониманием. Но мы должны отправить сообщение и доложить о достигнутых результатах. А их в общем-то нет. Значит, нужен виновный в провалах. Вы хотите им быть? — Советник смотрел на Веймара и ждал его ответа.

— Нет, господин советник, не хочу. — Валорец почувствовал, как смерть из небытия посмотрела на него, прицениваясь, и весь взмок.

Советник увидел его состояние и, не повышая голоса, произнес:

— И я не хочу видеть вас виноватым. Поэтому приходится идти на некоторые не совсем правильные шаги. И выбирать нам не приходится, Ведьма — единственная возможность снова зацепиться за Брисвиль. Доклад в открытый мир пойдет такой: виновный казнен, месть свершилась, новая база на Брисвиле организована. Место пребывания агента АДа определено. Кроме того, уничтожена эскадра ССО, и поставки тавра продолжатся. По Ведьме. — Советник говорил спокойно, не меняя интонаций, словно рассуждал о чем-то незначительном и ему неинтересном. — Мы подготовили план внедрения в ее гильдию наших людей. Ваш оперативник и мой аналитик под видом купцов отправятся в Брисвиль. Перед переходом на них нападут бандиты. Раненые и

обобранные, можно сказать, до нитки, они прорвутся в Брисвиль. Станут там нищими и со временем присоединятся к бродяжкам Ведьмы. Вам необходимо подобрать подходящего человека, никогда не бывавшего в Брисвиле и не живущего здесь, в Цитадели Искореняющих. Он не должен знать никого, кроме вас и моего человека.

Он не спрашивал, понял ли свою задачу Веймар, и не стал ждать уточняющих вопросов. Для него все было понятно, и для других тоже должно быть ясно точно так же, а если нет, то это проблема не его, а того, кто его не понял.

Веймар тоже не задавал вопросов, понимая, что лимит терпения советника он исчерпал, и сидел молча, благодаря судьбу за то, что на этот раз взгляд старухи-смерти обошел его стороной.

— Есть еще одна задача, герр Веймар, которую нам нужно решить. Лесные эльфары застряли в степи, у них там что-то не ладится. Пошлите двоих своих боевиков в помощь. — Он немного подумал и продолжил: — Один из них пусть будет тот, кто не довез Студента, и, если он не справится на этот раз, избавьтесь от него. С сегодняшнего дня вводится ответственность собственной жизнью за провалы. Сообщите об этом всем. — Он улыбнулся, но эта улыбка была похожа на оскал мертвеца, и каждый из сидящих примерил ее на себя.

Нехеец черт-те где

— Хиртраг! — Второй советник главы клана четвертых ворот сурово смотрел на Данавара. — Мы простили потерю рун и повысили вас. — Начальник личной стражи буравил мага своими маленькими глазками, и под его взглядом Данавар ежился, как от прикосновения спиной ко льду. — Единственное, что требовалось, это найти контакты с пришельцами и установить дружеские отношения. Нам необходимо знать их возможности, планы, а также постараться изучить их магию. Вместо этого вы сидите как снулая рыба. Наши соглядатаи докладывают, что вы очень неохотно идете на контакт с человеком. И по большей части молчите. Почему? — Тон начальника личной стражи глендара не предвещал хиртрагу ничего хорошего.

— Гленд Шарградин, мне трудно приспособиться к тому, что тот, с кем я должен подружиться, э-э-э, простой человек, а не гленд, — выдавил из себя признание хиртраг.

— Он не простой человек, недоумок! — взорвался второй советник. — Он сильный маг, способный уничтожать наши руны и производить

трясение земли. По вашим же утверждениям, — добавил он, несколько успокоившись. — Или вы решили закончить свою карьеру на гиблых тропах древних выработок? — Теперь глаза гленда откровенно смеялись.

— Нет, что вы, уважаемый гленд Шарградин, я все сделаю, как вы и приказываете, налажу контакты и установлю дружественные отношения.

Данавар был сильно напуган. Глубинные тропы были проклятым местом, куда отправляли провинившихся и за еду покупали у них рунные камни. Там было полно разных чудовищ, и сколько бы гномов ни отправляли вниз, их всегда не хватало. Матери пугали непослушных детей этими тропами, туда оттесняли мятежников и недовольных, не убивая, а выдавливая нарушителей освященных традиций на нижние уровни. Хиртраг туда попадать не горел желанием.

Я проморгался и разорвал связь с моим источником информации. Мне было о чем подумать. Итак, за нами незаметно следили и подслушивали наши разговоры. Ко мне подсылают осведомителя под видом друга. Я посмотрел на орков, которые лежали на полу, их тоже вызывали на разговоры, больше похожие на допрос.

Почему орки валялись на полу? Потому что кровати гномов не только им, но и мне были малы. Никто и думать не хотел, что нам тут неудобно, никто не собирался решать наши проблемы, только пожимали плечами и отмахивались — мол, начальству доложат.

Мы уже шестой день находились в гостях у глендйра Грёндара. Но скорее это было завуалированное заточение. С нами были вежливы, разместили в гостевом крыле замка властителя клана и постоянно вели разговоры. То один гленд заходил представиться, выразить радость от встречи с жителями восточного полушария и поговорить, при этом восхищаясь нашим мужеством — рискнуть переместиться на другой континент, это так опасно! Попутно задавали много вопросов. Вопросы были вполне профессиональные, я понимал, что нами интересуется служба местной безопасности. И это было вполне понятно. На материк прибыли посланцы с другого конца света, показали свою силу. А если за ними придет армия вторжения?

Вопросов было много как ко мне, так и к оркам. Я не стал врать и просто объяснил свое появление ошибкой в расчетах при перемещении. Задерживаться у них не собираюсь и хочу найти способ вернуться обратно. Гленд сменялся глендом, гномы настойчиво пытались вызнать, как мне удалось без следа уничтожить их руны. Я притворялся удивленным и твердил одно: не понимаю, о чем они спрашивают.

Ко мне иногда заходил мой шпион гленд Данавар, был он этим приходам не рад, но ничего поделать не мог. Он первый нас обнаружил, он и должен о нас узнать как можно больше. Сейчас этот незадачливый агент получал нагоняй от местного чиновника. Чем больше я думаю, тем яснее понимаю, что эти гленды обратно нас не выпустят. Постараются уговорить поделиться знаниями. Могут попробовать купить посулами сладкой жизни, высокой должностью. Не получится решить вопрос уговорами — станут угрожать. Тут было от чего задуматься.

— Что ты смог за это время узнать? — Глава клана размеренно ходил по своему кабинету. Был он крупным и широкоплечим, выше всех гномов, и очень гордился своим ростом. Злые языки поговаривали, что у него в предках были предатели-дворфы, сбежавшие давным-давно на другой континент, когда началась война с дзирдами. Но его начальник личной стражи быстро находил этих сплетников, и они уже болтали глубоко внизу. Все вопросы глава клана Четвертых ворот старался решать быстро и незамысловато — силой и напором. Слабость и нерешительность он воспринимал как самые главные недостатки.

— Пока немного. Человек и эти клыкастые орки попали сюда по ошибке. При создании амулета перемещения неправильно ввели данные и оказались здесь. Орки служат человеку и называют его... — Он посмотрел в листок и по слогам прочитал труднопроизносимое слово: — Хур-жа-рак. Что значит дух-мститель, посланный Отцом орков наказать своих сыновей. Я не понял их точно, да и что можно понять у дикарей, живущих в степи, — позволил себе легкую ухмылку советник. — Но вроде было так: человека орки убили, и он воскрес, чтобы мстить. Теперь они ему служат.

— Действительно бред какой-то, — кивнул глендар. — Он согласился передать нам свои знания?

— Мы об этом еще не разговаривали с чужаком, величайший, — поклонился гленд.

— Почему? Он живет у нас уже шестые сутки. Пора определиться! Или он добровольно отдаст нам свои знания, или заставим силой! — Хозяин кабинета сильно стукнул кулаком по столу, показывая свою решимость добиться цели во что бы то ни стало.

— Господин, смею заметить, что пока это делать рано, — осмелился высказать свое несогласие первый советник.

— Почему? — опять повторил вопрос глендар, он понимал: раз его советник, который служил еще его отцу, был против, значит, были обстоятельства, о которых он не знал.

— Его величество хочет посмотреть на чужаков и требует их ко двору, — поклонился гленд.

— Как он узнал? — возмутился глава клана и уставился на своего визави.

— Величайший, об этом знают все. Мы не в силах остановить распространение слухов. Его величеству надо преподнести чужаков как заслугу клана Четвертых ворот, и это укрепит наши позиции. Расскажите королю о силе и могуществе этого чародея, а потом мы будем с магом очень плотно работать.

Глава клана снова стал мерить кабинет шагами, все его мысли были видны на его бородатом лице, и советник слегка поморщился. Какая жалость, что сынок не пошел в папашу. Тот сумел вытащить клан на четвертую позицию, но вот правильно воспитать отпрыска не мог. Теперь этот силач ломает все, что успел сделать его отец.

— Хорошо! — согласился глендар Грендар. — Подготовьте нашу поездку ко двору.

Чтобы хоть как-то наладить комфортную жизнь, я сломал спинки у четырех кроватей и составил их попарно в длину, с помощью заклинания укрепил, и у меня получилось удобное широкое ложе. Орки похмыкали и уселись усваивать новые знания. От нечего делать я проводил эксперименты над ними и впихивал им все новые и новые базы. Зачем я это делал? В качестве научного эксперимента, без всякого особого смысла и цели. Хотел посмотреть, что в конце концов получится. С рунами я более-менее разобрался с помощью знаний Данавара.

Местные одаренные использовали их, как мы наши амулеты. Только амулетом мог пользоваться любой, а руной — только тот, кто мог чувствовать магическую энергию. Их можно было сложить вместе с десяток и придать свойства какому-нибудь предмету — укрепить, например, броню или придать оружию дополнительный урон от стихий, заставить двигаться и сражаться голема, чтобы он извергал молнии или огонь.

Особого применения для себя я не увидел. Ну руна и руна, как палка для слепого. Попробовал усилить руну кровью, и она рассыпалась, не выдержав магического напряжения. Усилить оружие я могу с помощью магии крови, и результат будет лучше. Но все равно оставил бляшки себе по принципу «пригодится».

Без стука (тут не принято стучаться, перед тем как войти) вошел улыбающийся Данавар. Бедняга, видел бы он свою кривую улыбку, его

всего корежило оттого, что он должен стать моим другом.

— Уважаемый барон, как я рад вас видеть, — насильновал он свою челюсть. — Нам накрыли стол, и я приглашаю вас посидеть и отметить радостное событие.

— Это какое, гленд Данавар? — спросил я. Все события, какие могут тут произойти, никак не могли быть радостными для меня. Местное общество настолько отвергало другие расы, что определяло им место рабов, с твердой уверенностью, что они должны быть счастливы на службе у подгорников. А простые гномы были рады тому, что есть кто-то, кто ниже их по социальной лестнице, а раз они выше, то есть повод почваниться и погордиться.

— На вас хочет посмотреть его величество Превосходнейший, Затмевающий свет и Властитель живущих — король Люцофар Тридцать Шестой.

Ничего себе титул, подумал я, прямо король-солнце. И чего можно ждать хорошего от гнома с таким титулом? В лучшем случае нам грозит рабство, в худшем — эти самые глубинные тропы, на которых уже сгинула треть жителей королевства.

Но вслух обрадованно ответил:

— Мой друг! Вы принесли мне очень радостную весть, это дело надо отметить.

— Конечно! Конечно! — засуетился хиртраг. — Стол уже ждет нас.

За их столом мне приходилось сидеть на подушках, так как скамеек или стульев для нас не делали. Но стол был уставлен яствами, глядя на которые я понимал, что гленды были любители пожрать и выпить. Здесь были поросята, запеченные целиком, жирные жареные утки, рыба жареная, в маринадах и засоленная, свежий хлеб, соленья, в том числе и грибы, местное пиво и крепкий напиток — продукт перегонки этого самого пива. Разглядывая этот праздник живота, я решил: ну, друг Данавар, держись! Отсюда ты уйдешь только под стол.

Я взял управление застольем в свои руки. Отставил в сторону кувшин с пивом, к которому потянулся Данавар, и сказал:

— Друг, оставь это женщинам. Мужчины пьют крепкие напитки. Ты же мужчина? — подозрительно глядя на него, спросил я.

В подгорном мире царил культ мужской силы. Женщина имела право рожать и готовить. И если хотели обидеть гнома, говорили: «Ты не мужчина, ты женщина». Я знал, куда давить.

— Конечно мужчина! — вспыхнул гленд и с вызовом посмотрел на меня.

— Вот это правильно, — ответил я, — Поэтому будем пить вашу настойку.

Гленд хиртраг заулыбался, еще никто не смог перепить гномов, тем более человек.

— Предлагаю выпить за нашего гостеприимного хозяина, главу клана глендара Грендара! Многие лета! — сказал я, и мы выпили. Я сразу Шизу предупредил, чтобы она выводила алкоголь вон. Но вклинился Лиан и показал, что он будет его забирать в качестве энергии. Пусть будет так, согласился я.

Данавар потянулся за боком поросенка, я крикнул, занюхал малосольным огурчиком и продолжил:

— Между первой и второй промежутки небольшой. Друг Данавар! — Тот, не взяв мясо, посмотрел на меня. — Скажи, у глендара есть наследник?

— Конечно есть, — радостно заулыбался гленд.

— Тогда выпьем за наследника! — Я разлил настойку и поднял небольшой глиняный стаканчик граммов на семьдесят.

Мы выпили, я опять занюхал. А Данавар снова потянулся за боком поросенка.

— У нас третий тост произносят всегда за тех, кто не с нами, — сказал я. Разлил и, встав, произнес: — Выпьем, друг, за тех друзей, кто пал в боях. Не чокаясь.

Гленд смотрел на меня с удивлением, у них по этому случаю не пили. По принципу «помер Максим, и хрен с ним». Женщины еще нарожают.

— Ты хочешь меня обидеть? — спросил я в упор, смотря на коротышку.

— Нет-нет, друг барон, — заюлил он. Этот скот даже имя мое не смог запомнить, все время называл меня бароном.

— Тогда вставай, у нас за павших пьют стоя.

Данавар с ужасом посмотрел на стаканчик, встал, зажмурил глаза и выпил. Сморщился, как будто иглу проглотил, и сел.

— Вот ты, Данавар, в горящую избу войдешь? — спросил я.

Тот уже помутневшим взглядом посмотрел на меня и сказал:

— Нет, а зачем?

— А коня на ходу подкуешь?

Он вылупился на меня, стараясь понять, о чем я его спрашиваю.

— Что есть конь и зачем его подковывать? — спросил он.

— Ты мне просто ответь, подкуешь или нет? — не отступал я.

— Не подкую, — отрицательно покачал головой хиртраг.

— Вот за это и выпьем, друг, что ты не баба!

Я разлил, и мы выпили. Руки Данава уже не тянулись к мясу, а его голова стала клониться к столу.

Я отломил бочок истекающего соком пороса и протянул гленду.

— Закуси, друг, а то ты все пьешь и пьешь, а есть не ешь.

Он глянул на мясо и протянул руки мимо. Не сумел схватить кусок и засмеялся. Потом поднял голову и, путая слова, стал говорить:

— Ты, жалкий червяк, решил меня, гленда, перепить? Наливай!

Настрой у него был очень решительный. Я налил нам стаканчики и предложил:

— У вас лучший король из всех королей во всем королевстве. Давай за него выпьем. — Посмотрел на стаканчики и перелил в пивные кружки, добавил еще в них самогону и гаркнул: — За короля!

— За короля! — заревел Данава и, захлебываясь, стал глотать из кружки. Потом сел и мешком упал под лавку. Оттуда раздался его мощный храп.

— Что-то слабые гленды пошли, — сказал я вслух и огляделся, — даже выпить не с кем.

Второй советник наблюдал за попойкой. Сначала он обрадовался, что человек выбрал гномью настойку, но, наблюдая, как развиваются события, понял, что погорячился.

— Иди поддержи компанию человеку, — прошипел он своему шпиону. Ко мне, улыбаясь, шел незнакомый гленд.

— Что же вы один тут скучаете? — спросил он.

— Был товарищ у меня здесь, да весь вышел, — сделал я вид, что сильно огорчен. — Может, вы компанию составите?

— Конечно, со всем моим уважением, — ответил незнакомец и присел.

— Ну что же, уважаемый, не знаю, как вас величать, но вы опоздали к тосту за короля и вам причитается штрафная.

Я недолго думая набулькал полную кружку и протянул ее улыбчивому гленду. Тот посмотрел на кружку, и его улыбка сразу поблекла, он растерянно посмотрел на меня и ответил:

— Так много сразу я не могу.

— Вы не хотите выпить за здоровье его величества? — Я произнес эту фразу так, будто он совершил самый гнусный поступок на свете. Добавил ментально ужаса и спросил: — Уж не скрытый ли вы мятежник, гленд?

Тот выпучил глаза и мигом присосался к кружке.

— Вот это правильно, — одобрительно поддержал я его и добавил: — Пей до дна, пей до дна.

Он выдул всю кружку, закашлялся, а я сунул ему под нос огурчик, мол,

занюхай, брат, легче будет, и, не дав ему закусить, забрал его, аппетитно захрустев.

— Ну вот, теперь мы можем выпить и закусить, — сказал радостно я и разлил по кружкам самогон. — У глендара родители есть? — спросил я.

— Умерли, — отдышавшись, ответил он.

— Жаль, хорошие глендары были, помянем, — и опять налил по полной.

Пришедший на замену Данавару гленд побледнел, хотя до этого его рожа стала красной, как помидор. Он замялся, а я вскинул на него подозрительный взгляд:

— Ты что, не уважаешь папу нашего глендара?

Мы помянули папу, и второй гленд оказался под столом.

Да что же такое, возмутился я, всего две кружки, и гленд готов.

— Слабаки! — заорал я во все горло.

Второй советник беспомощно огляделся и, не увидев никого, пошел сам к столу. Человек выпил уже достаточно и скоро свалится, решил он.

— А вот и следующий! — обрадовался я. — Здорово, гленд, тебе штрафная, — и, налив кружку, подал ему.

Третий собутыльник огладил бороду, выдохнул и выпил всю кружку. С удовольствием крякнул и закусил грибочком. Силен, мысленно подивился я. И снова разлил.

— У вас тут все какие-то слабые, не успели чуток принять, по кружечке, сразу падают под стол, даже поговорить не с кем. А что за застолье без разговоров? Это пустая трата времени, — сказал я. — Давай выпьем за настоящих мужиков, кто не под каблуком у бабы, кто Отчизну свою защищает и глендара не посрамит. Ты не посрамишь своего глендара? — спросил я моего застольного гостя.

Того уже торкнуло, глазки посоловели, и он решительно ответил: «Не посмарлю». Мы ударили кружками и выпили. «Молодец! Хорошо держится», — подумал я и закусил поросенком. Гленд некоторое время посидел и упал мордой в тарелку с рыбой.

Ну вот, еще один неразговорчивый. Я огляделся и увидел стоящего в стороне прислужку.

— Ты гленд или гном? — спросил я.

— Я гном, — испуганно ответил он.

— А где гленды? Позови кого-нибудь, а то выпить и поговорить не с кем.

Глава клана шел по замку, в обеденный зал, проходя мимо малой залы, он увидел толпу слуг, толкающих друг друга в дверях.

— Что там происходит? — недовольно спросил он и уставился на замерших слуг.

— Там человек требует кого-нибудь с ним выпить, — нерешительно ответил один из них.

— Ну так позовите какого-нибудь гленда. Второго советника, например, пусть напоит гостя, — сказал глендар и захохотал от своей шутки. Начальника личной стражи перепить мог только сам глендар.

— Он уже там, но валяется под столом пьяный, — ответил тот же слуга.

— Пьяный? А человек? — Глава клана был сильно удивлен, что кто-то смог перепить второго советника. Это было немыслимо!

— А человек трезвый и кричит: «Я требую продолжения банкета».

— А ну, разойдись! — На слуг как таран пошел глава клана, ему, глендару клана Четвертых ворот, был брошен вызов. И кто это сделал? Человек!

В зал вошел статный гленд, широкоплечий и высокий, почти как я.

— О, друг, наконец-то! Ты составишь мне компанию, а то поговорить и добро выпить не с кем. Все, кто приходили, слабаками оказались, пару рюмочек выпили и потерялись.

Я изображал подвыпившего и нес всякую чепуху. Гленд уселся, побуравил меня глазами, пнул ногой чье-то бесчувственное тело и сказал:

— Я глендар Грендар. Слуги говорят, ты, человек, перепил моих глендов?

— А что их перепивать? Настоящего застолья в жизни не видели, мы ни поговорить не успели, ни песни попеть. Срамота!

Глендар кивнул слуге, и ему налили самогонку в стаканчик. Я себе налил в пивную кружку и посмотрел с усмешкой на главу клана. Тот побагровел и сам перелил из стаканчика в кружку, дополнил и поднял:

— За что пьем, человек?

— За радушного хозяина, самого великого глендара из всех подворотен.

— Ворот, — поправил меня польщенный здоровяк, и мы опрокинули кружки. Спаивать местного хозяина было опасно, это тебе не гленды, это почти царь в своем клане, и урону своей чести он не простит.

— Хорошо тут у тебя, хозяин, — вздохнул я. — Всего полно, но почему для нас женщины не танцуют? Вот у нашего герцога, по-вашему глендара, всегда девушки танцевали. Сидишь, ешь-пьешь и наслаждаешься.

— Я знаю, что такое герцог, хуман, — произнес глава. — Это необразованные гномы думают, что на свете есть только мы и темные

дзирды. — Он еще попытался просверлить мне дырку взглядом, а потом засмеялся. — Ты прав, это было бы интересно. — Он хлопнул в ладоши и, когда появился слуга, велел: — Гоните сюда дочерей глендов, каких найдете, и пусть для нас с гостем потанцуют.

— Уважаю твою решительность, — одобрительно сказал я, — в тебе чувствуется настоящий правитель, не меньше короля.

— Это крамольные речи, хуман, — остановил он меня, но морда его, раскрасневшаяся от выпитого, лучилась от удовольствия. — Ты странный человек. Но понимающий. Думаю, мы найдем общий язык, позволяю тебе называть меня просто Грендар, когда мы одни.

— Тогда выпьем за понимание, оно много значит среди настоящих мужчин. — И мы выдули еще по кружке.

Пока ждали девушек, у нас состоялся разговор.

— Вот тебя как зовут, человек? — спросил Грендар.

— Ирридар, — уплетая за обе щеки, ответил я. — Приятно познакомиться.

— Ирридар, ты передашь нам свои знания магии? — вкрадчиво спросил глендар и остро посмотрел мне прямо в глаза. Я не отвел взгляда и честно ответил:

— Не вопрос, Грендар, скажи, кого учить, и я все сделаю.

Он просиял и проговорил:

— Вот это, я понимаю, взаимопонимание. Только ты на трезвую голову вспомнишь о своем обещании? — Он сомневался, хорошо понимая, что трезвый и пьяный — это два разных человека.

— Я еще не пьян, Грендар, чтобы забывать о обещании. Хочешь, тебя научу? — спросил я.

— Меня не надо, я магией не владею. Моих хиртрагов научи.

— Мужик сказал — мужик сделал, лишь бы они смогли учиться, — ответил я. Передать знания я мог, но вот в то, что они смогут применить их, не верил. Совсем другой подход у них к магии.

Подошли смущенные девушки и, толкаясь, выстроились у стола.

— А где музыка и музыканты? — спросил я. — Они что, без музыки танцевать будут?

Глендар задумался:

— У меня есть только военный оркестр с дудками и барабанами.

— Давай их сюда! — радостно закричал я, банкет продолжался. — А чтобы девушки не стеснялись, им надо налить по стаканчику.

Глендар удивленно воззрился на меня:

— Зачем?

— А ты посмотри на них, — показал я на краснеющих дам. — Трезвыми они что тебе спляшут? Только похоронную. Они же боятся. Вот ты в бой с боязливými солдатами пойдешь? — привел я ему сравнение, понятное глендару по сути и духу.

— Нет, не пойду, — понял он меня и гаркнул: — Налейте девушкам для храбрости.

Не смея отказать всесильному главе, девушки, давась, выпили. Скоро и они разрумянились. Глазки заблестели, и они уже с интересом посматривали на меня и глендара. Я вытащил свой инструмент, похожий на гитару, прошелся по струнам и спросил:

— Красавицы, вы какие мелодии любите, медленные или быстрые?

— Медленные, — ответила самая бойкая, расстреливая меня глазками.

Я подобрал аккорды и, тронув струны, запел:

— Я гитару настрою на лирический лад...

Девушки, услышав мелодию, замерли с открытыми ртами. А потом несмело повели хоровод, прямо как у нас на Руси. Даже платочки достали.

К этому времени подошли музыканты с гусями, дудками, барабанами и фанфарами.

Глендар сидел красный и довольный. Он так хорошо не отдыхал никогда. Он решил главный вопрос и мог позволить себе не напрягаться.

— Ребята, что-нибудь быстрое и веселое! — скомандовал я, и они бахнули что-то шотландское с волынками, от их музыки у меня заныли зубы.

— Нет, так не пойдет! Хозяин, они по-трезвому играть не будут, прикажи налить им по чарке, иначе от скуки умрем.

Глендар только кивнул, и каждому музыканту поднесли стаканчик. Те с удовольствием выдули и слитно крикнули. Сразу стало видно — спаянный коллектив. Как и наши полковые оркестры, гуляют и пьют вместе, обычно на похоронах.

Я, видя, что можно оторваться, радостно закричал:

— Еще девушкам по стаканчику для резвости!

На глендара уже не смотрели, сразу обнесли танцовщиц, и оркестр грянул что-то среднее между «Муркой» и чарльстоном. Я выскочил на середину и пошел по кругу девушек, притоптывая, прихлопывая и вприсядку. Они не выдержали и потянулись следом. Я бил в ладоши, танцевал «яблочко», переходил на «цыганочку», потрясая плечами, и выкрикивал: «Эх, гуляем!» Схватил за талию глазастую и вытянул ее на середину. Девушка охотно ответила и очень гармонично стала кружить вокруг меня. Тут оркестр перешел прямо на лезгинку. Я выхватил из-за

пояса кинжалы и давай выделывать коленца, а девушка павой ходила вокруг меня. А вокруг нас вели свой хоровод остальные. Натанцевавшись, я закричал:

— Всем по чарке! Банкет продолжается! Выпьем за самого лучшего глендара — глендара Грендара.

Мне наполнили кружку, и мы, ударившись ими с главой клана, выпили. Музыканты поняли, что нужно делать, и наяривали быстрые мелодии, которые больше напоминали кошачий концерт, но засидевшиеся без праздников гномки отдались танцам вовсю. Были они хорошо сложены, с приятными личиками и своей хрупкостью напоминали сказочных фей.

Мы с Грендаром пили и закусывали. Сидели уже рядом, обнимались. Он положил мне голову на руки и жаловался:

— Ты знаешь, Ирридар, сколько у меня врагов? Да я один границу с черномордыми дзирдами держу. И все ждут, когда меня подвинуть смогут. Сволочи!

Мы выпили, и он затянул что-то тоскливое. Оркестр притих, а я подхватил и запел нашу послезастольную, которую всегда поем, когда все уже набрались, вставать тяжело и что-то нужно такое родное для растревоженной русской души...

— Черный ворон, что ты вьешься над моею головой...

Когда я закончил, глендар плакал. Он всхлипывал и повторял:

— Гленда жалко, у дзирдов погиб, от их стрелы. Поубивал бы всех этих сволочей! — ударил он по столу кулаком.

— Так в чем же дело! — поддержал его я. — Собирай войско, пойдем морды их черные бить. Мы им покажем! — потряс я кулаком, не зная, что им показать.

— А пойдем, друг, с тобой, мы им покажем, как глендов стрелой стрелять, — подхватился он. И я понял, что глендар быт легок на подъем. Для него война, что мать родна, лишь бы подраться.

— Пойдем с песнями и танцами. Девушки, вы с нами! — не терпящим возражения тоном приказал я. Меня уже слушались, как самого Грендара. Несмотря на то что Лиан черпал энергию из самогонки, чувствую, что-то доставалось и мне.

— Куда?! — вдруг раздался окрик, и в зал вбежал бледный пожилой гленд. Он злыми глазами хлестанул по мне и обратился к Грендару: — Величайший, мы не можем воевать с темными, у нас не хватит сил.

— Это кто? — спросил я у главы.

— Это первый советник, — хмуро глядя на старика, ответил он.

— А почему он трезв, когда мы отдыхаем?

Тут из-под стола вылез второй советник и повторил за мной фразу: «Я требую продолжения банкета», попытался дотянуться до кружки и не смог. Опять завалился под стол. «Предатели», — промямлил он и захрапел.

— Точно, это смахивает на предательство, друг, — сказал я. — Что-то мне кажется, что советник работает на иностранцев. Чарку первому советнику. Мы пьем за его величество Превосходнейшего, Затмевающего свет и Властителя живущих — за короля Люцифера Тридцать Шестого.

— Люцофара, — поправил кто-то меня.

Первый советник грубо оттолкнул поднесенную чарку и зашипел:

— Ты много себе позволяешь, хуман.

— Тут государственная измена и оскорбление короля, — очень спокойно ответил я. — При встрече с его величеством я расскажу, что первый советник главы клана Четвертых ворот высказал неуважение Люциферу.

Это был запрещенный удар ниже пояса. Но мне уже было море по колено. Нехеец собирался на войну. Глухов был слегка выпивший и во всем соглашался со своей второй натурой. А первый советник выхватил кружку и выдул ее.

— Нет, так не пойдет, советник, это была штрафная. Вы опоздали на банкет. Теперь полную за его величество, и всем тоже по чарке, — приказал я, и никто не посмел ослушаться.

Через шесть часов четыре хирта вышли из замка.

Девушки выехали на големах, сидя вместе хиртрагами, и, хихикая, прижимались к довольным магам. Глендар и я ехали в окружении орков на большом големе.

Советников и пьяных глендов тоже взяли с собой. Когда глендар поинтересовался, зачем мы эту немощную пьянь берем с собой, я ответил:

— Мы с ними будем победу праздновать, чтобы было побольше народу.

Как я понял, нам надо было пройти на телепортационную площадку и перейти к пограничной крепости. А уже оттуда начнется наш славный поход.

Гильдмастер Орунгар, отдуваясь, вошел в кабинет главы клана Пярых ворот. Молча прошел к своему креслу и сел вполоборота к глендару.

— Что, опять важные новости? — спросил Рандавар, разглядывая тяжело дышащего советника.

— Новости важные, — ответил тот, вытирая пот с лица платком, — но я не знаю, как к ним относиться.

— Если ты не знаешь, как относиться к новостям, то они действительно весьма важные, — заинтересованно ответил глава клана. — Говори подробно. Потом разберемся, как к ним относиться.

— Грендар пошел на войну, — проговорил советник и косо посмотрел на хозяина кабинета.

— На какую войну? — не понял глендар. — Он что, пошел набегом против одного из кланов?

— Нет, он пошел войной на негров, — ответил гильдмастер. — Напился пьяным и объявил священный поход. Вместе с ним идет и человек.

— А кто эти негры и где они живут? — Глава клана был сбит с толку и непонимающе смотрел на своего главного советника.

Тот помолчал, покопался в сумке и достал лист бумаги.

— Лучше я тебе зачитаю донесение нашего агента. Он пишет: «Человек вышел перед хиртами и произнес: „Солдаты! Враг топчет наши земли, попирает нашу и вашу свободу жить по традициям предков. Он хочет изменить наши порядки и насадить свой разрушительный образ жизни. Он хочет, чтобы мужчины и женщины посещали одну уборную. Враг не такой, как мы. Мы белые, а они черные. Они живут и думают по-другому. Покажем этим неграм из Америки, что они не хозяева на нашей земле. Пусть сидят там за большой лужей или уезжают в свою Африку. От этого воздух будет только чище! Ура!“».

— Точно сказано! — разгорячился глендар. — Они черные, а мы белые! Не понял только про уборную. У клана Четвертых ворот отдельные уборные для мужчин и женщин? — спросил он ошарашенного советника.

— Не знаю, глендар, а это важно? — Он моргал, сияясь понять ход мыслей главы.

— Вот и я не знаю, но человек говорил правильные вещи, мы белые, а дзирды черные. И в этом проблема. Прикажи, чтобы у нас тоже были отдельные уборные, не надо нам уподобляться черномордым. Мы все-таки белые, — сказал он с гордостью.

— Так ты считаешь, что Грендар пошел войной на дзирдов? — спросил задумчиво советник.

— Ну а куда еще! Видно, они и людишек там, откуда прибыл человек, достали и зовут их там неграми. Я тоже подозревал, что родина наших врагов не здесь. Теперь знаю: это Африка!

— Почему ты так думал? — изумленно спросил Орунгар. Он терялся в догадках по поводу того, какие еще мысли могут гулять в голове его друга.

— Понимаешь, Орунгар, человек верно подметил: они черные, а мы

все белые — гномы, гленды, люди и дворфы. Значит, дзирды — пришельцы, — сделал свой вывод глава. — Ты лучше скажи, много он войска взял?

Гильдмастер посмотрел в шпаргалку и зачитал:

— «С глендаром вышли четыре хирта, двадцать големов, оркестр, двенадцать девушек — дочерей придворных глендов и человек с отрядом из двенадцати клыкастых дикарей».

Глендар изумленно посмотрел на советника:

— А девки что там делают?

— Пьют и поют, — ответил советник и поджал губы.

Веселое застолье неожиданно для меня и для всех вылилось в священный поход против извечных врагов подгорного королевства — дзирдов, конец которого трудно было даже предположить. Кто такие дзирды, я знал приблизительно — черные замарашки, как презрительно называли своих соседей гленды. Они тоже проживали в основном под землей, и, как я понял, это было извечное соперничество за ресурсы.

А все началось с желания напоить очень надменного и противного до рвоты Данавара. Этот гленд был расистом похуже члена Ку-клукс-клана. Он ненавидел и презирал людей, дзирдов, ушедших дворфов только потому, что они другие. У меня сложилось впечатление, что в подгорном королевстве царили отношения, как в курятнике, — стремление залезть повыше и нагадить на нижнего.

Поэтому я как мог высмеивал их и произносил перед ними абсурдные речи, но что странно, они находили отклик в их чванливых и высокомерных душах.

Эффект от моих речей был обратный. Чем глупее и абсурднее я говорил, тем сильнее и яростнее гленды воспалялись от них и рвались в бой. Чудеса в решете, в общем!

Один глендар своей простотой и решительностью выделялся в лучшую сторону. Но он был в стельку пьян и тоже загорелся желанием отомстить извечным врагам. А известно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. И моя шутка идти и бить морды черномазым дзирдам нашла у него живой отклик.

Войска были собраны и построены, а главнокомандующий и его генеральный штаб в лице советников были столь пьяны, что не могли поставить им задачу. Поэтому за работу взялся я. Нахмурил брови, сделал грозный вид, подозвал командира сводного отряда и стал ставить ему задачи.

Он внимательно слушал и посматривал на глендара, а тот в такт моим словам качал головой и повторял два слова: «Верно, друг! Верно, друг!» Уж с чем он соглашался, понять было трудно, но командир выслушал меня и ответил: «Все исполню».

Задачи я ставил простые, но в то же время важные — собрать обоз с провизией на две недели. Сколько мы будем воевать, я не знал, но думаю, что через неделю пьяный угар пройдет и мы вернемся. Военские припасы — возимый войсковой запас. И много гномьей настойки. Дам мы брали с собой, а им нужны были шатры или палатки. Сменная одежда. Полевая баня. Слушая меня, старший хиртман проникся ко мне уважением, это было видно по его взгляду, которым он смотрел на меня. Его не смущало, что я был человеком, а значит, существом низшего порядка, он уже испытал на себе мои возможности, когда я запер его с отрядом в ущелье.

Чтобы веселей было идти, я собрал молодежь и оркестр, загрузил им простейшие пакеты гипнограмм с песнями. А толпившимся родителям девушек сказал, чтобы они собрали дочерей в поход и гордились ими, каждая из них привезет много добычи и получит медали за участие в боевых действиях. Услышав, что дочери приедут с прибытком, гленды шустро разбежались собирать своих чад, только матери, более умудренные жизнью, осуждающе качали головой.

Я понимал их чувства. Глядя, как стреляли глазками девушки на суровых хиртрагов, можно было догадаться, что прибыток им может не совсем понравиться.

Девушки и оркестр под моим руководством немного порепетировали, поудивлялись тому, что вдруг узнали новые мелодии, но потом с удовольствием и задором слаженно и красиво запели: «Выходила на берег Катюша». Когда закончилась эта песня, глазастая звонко завела «У солдата выходной», и девочки мгновенно подхватили.

Нас вышли провожать их матери с горестными лицами и отцы, исподлобья хмуро смотревшие на хиртрагов, по их виду стало понятно, что обратно целыми они дочерей уже не ждут, но спорить с глендаром было еще хуже. Лишь бы вообще с войны вернулись. Но дочери трагизм отцов и матерей не разделяли. Они сияли от удовольствия, и я подозревал, что больше от того, что удрали от родительской опеки и можно как следует оторваться.

Перед уходом я произнес вдохновенную речь, краткую, но зажигательную. Выходили мы под «Прощание славянки». Вслед за нами тянулся нескончаемый обоз. Шли мы бодро и неспешно, но долго.

Честно признаться, я серьезно воевать ни с кем не собирался — так,

покуражиться и повалить дурака. Была еще одна цель: показать, какой я могучий и великий потрясатель. Да кроме того, весело получилось.

На ночевку остановились не скоро. Гномы и гленды умели ходить, как Суворов, по пятьдесят верст зараз. Но когда остановились, наша гулянка продолжилась. К нам присоединились хиртраги. Девушки пели и танцевали, особенно им понравилась песня «Не плачь, девчонка». Они ее пели постоянно. Чувствовалось, что они ждут своего солдата или по крайней мере мечтают о нем.

Грендар хлопал в ладоши и орал: «Друг, давай „цыганочку“!» Я плясал не только «цыганочку», но и русскую плясовую, а помогала мне всегда глазастая.

Глендар был счастлив и уснул прямо за столом, блаженно улыбаясь во сне, как младенец. Маги постепенно разошлись, прихватив девушек. Данавар и советники валялись под походными столами, не трезвея. Я так думаю, они просто боялись протрезветь, ведь тогда надо будет думать, что делать и как прекратить это охватившее глендара безумие войны, тут и до глубинных троп недалеко.

Посмотрев, что гулять больше не с кем, я огорченно махнул рукой и пошел в свою палатку, которую поставили также и мне.

Ночь прошла под прекрасное сновидение, я обнимал красавицу и был доволен, а когда проснулся, то увидел рядом с собой ту самую бойкую девицу, что со мной танцевала. Девушка прижималась ко мне хрупким обнаженным тельцем и держала в объятиях своими крепенькими лапками. Хапужество у глендов было в крови. Я пошевелился, она открыла глазки, мурлыкнула и залезла с головой под одеяло.

Мое утро началось с приятных процедур, я был доволен, полон сил и задора. Поэтому отблагодарил глазастую по-своему, как умел. Моя благодарность затянулась где-то на час. Наверное, так на войну ходили только я и светлейший князь Потемкин. С войском, выпивкой и бабами.

Глендар еще спал, не покидая стол. Я растолкал его, злого и похмельного, дал выпить эликсира, и мы опять принялись праздновать начало священного похода. По устоявшейся традиции советники снова быстро упились в зюрю. При этом второй требовал продолжения банкета, как только приходил в себя.

Девчонки опять пели, оркестр гремел басами, трубачи выдували медь, мы, сидя на удобной спине голема, пили и закусывали. Хирты браво маршировали, приняв с утра по чарке. Такая война им нравилась больше, чем когда они воевали без меня. Ближе к вечеру к нам подбежал воинский командир:

— Дальше территория противника, и стоит сторожевой редут. Какие будут приказания? — вытянулся в струнку гленд.

— Остановиться и ждать моей команды праздновать первую победу вашего победоносного глендара, — ответил я.

Офицер посмотрел на победоносного главу клана, который безуспешно сражался с кружкой настойки и не мог ее побороть, и согласно кивнул. А я ушел в «скрыт» и телепортами добрался до означенного редута. Крепость готовилась к битве, ворота были заперты, на стенах стояли черные солдаты.

Мать честная! Точно, негры! Я был сильно удивлен и подлетел поближе. Но оказалось, это были не негры, это были лесные эльфары, только черные как уголь. Я их насчитал сотню. Для обороны от четырех сотен гномов вполне достаточно. В руках у них были не луки, а небольшие самострелы. На стенах стояли баллисты.

— Ну что же, начнем наши победы, — сам себе сказал я и ушел в боевой режим. Действовал я просто, подлетал и бил кулаком в челюсть, и так по всей стене, потом каждого усыплял. Когда защитники стен закончились, спустился во двор и начал избиение там. Потратив почти триста энеронов, я уложил всех противников, кроме командира. Его за шиворот вытащил из казармы и показал на лежащих солдат.

— Видишь, твои солдаты повержены. — Я обвел рукой двор и стены, заваленные черными телами. В ментале по крепости витал парализующий ужас — Шиза постаралась. — Они все живы, у тебя есть время, пока не стемнеет, отсюда уйти вместе с ними. Со всех оставшихся я сниму шкуру на хромовые сапоги.

Командир гарнизона стоял камнем, не веря случившемуся. Я отпустил его и сказал:

— Передай своему командиру, что я иду на «вы».

Он в ступоре продолжал стоять и молчать. Для лучшего понимания я дал ему подзатыльник и спросил:

— У тебя кто командир?

— Гресса Ильридана, — ответил он, потирая затылок, и со страхом посмотрел на меня. Но уже осознанным взглядом. Поморгал и несмело спросил: — А ты кто?

— Я друг и гость глендара Грендара, мы пришли повоевать с вами и развеяться, но убивать мне не хочется, поэтому собирай своих черномазых и дуйте отсюда, не то Ку-клукс-клан подойдет, вот он вас живыми не отпустит. Давай-давай поторапливайся, — подтолкнул я его в спину, — скоро бойцы придут в себя, и ими нужно будет командовать. Оружие,

знамена складывать у моих ног; кто попробует уйти с оружием, с того сдеру шкуру.

Постепенно солдаты приходили в себя, командир носился между ними, что-то объясняя, и взоры всех обращались ко мне, одиноко стоявшему в центре двора. Вокруг меня кружилась клубами иллюзорная чернота, скрывая ноги. Я понимал, что в их глазах кажусь Темным властелином, а мне только этого и надо было.

Тут один самый умный или глупый стал разворачивать баллисту в мою сторону. Я вышел в боевой режим, прыгнул телепортом на стену и хорошим пинком послал его подальше и так же вернулся обратно. Вышел из ускорения и вместе со всеми, кто пришел в себя, наблюдал полет орущего Икара. Он пролетел полдвора и упал, подняв кучу пыли.

— Не жалец, — сказал я, — пойдет на шкуродерню.

Этот полет и мой комментарий охладили все горячие головы. Сопротивление было подавлено на корню разлитым в воздухе ужасом, оно парализовало волю противника и сделало его беспомощным. Хотя это стоило мне изрядного количества энергии.

Дзирды уходили, понурившись, кидая мечи и арбалеты мне под ноги. Последним уходил командир, он бережно положил баннер своей сотни и не оборачиваясь ушел.

Я подождал полчаса. Увидел, что летун зашевелился и застонал. Подошел к несчастному и стал его внимательно рассматривать. Такой же мелкий, как лесные эльфары, черная кожа, из-за которой я их принял за негров, длинные уши и красные большие глаза.

— Жить хочешь? — спросил я его, когда он с трудом поднял на меня свои глазищи. У него не было сил ответить, но он согласно моргнул. — Будешь мне служить; если постарайся, может, потом отпущу! — не терпящим возражения тоном приказал я, влил ему в рот эликсир и подлечил заклинанием.

Через пять минут он был почти здоров.

— Звать я тебя буду Пятницей, меня называй ваша милость. Понял? — добавив угрозы в голос, спросил я. Тот вздрогнул и согласно покивал головой, рожка при этом у него сильно скривилась. — Ничего, привыкнешь, — усмехнулся я. — Ложись! — резко и неожиданно для него прозвучал мой приказ. Дзирдец, не успев подумать, упал на землю. Я надрезал ему руку ножом и стал проводить ритуал привязки с элементами подчинения. Он с ужасом смотрел на мои действия.

— Я теперь раб? — слабым голосом спросил он.

— С чего ты взял? — удивился я. — Просто наладил с тобой связь и

сделал так, чтобы ты не смог мне навредить.

— Я видел, ты проводил ритуал подчинения из магии крови, — ответил он, и в его голосе слышались нотки сильного недоверия. Я посмотрел на него более внимательно:

— Ты знаешь про магию крови?

— Я не владею ею, но жрицы нашей богини используют ее. Я много раз видел, как проводили ритуал полного подчинения, ты проделал примерно то же.

— Запомни две вещи, Пятница. Первая: я для тебя «ваша милость» и обращаться ко мне надо на «вы». Второе: я сказал служить, а не быть рабом. А теперь вставай и пойдем.

В лагере нас встречали настороженно и косились на черного. Взгляды были явно недружелюбные. Я дал команду командирам строиться, хиртманы уже слушались меня беспрекословно, глендар был вечно пьян, а указания, что делать и куда идти, кто-то должен был давать. Тем более что я их вдохновлял каждый раз чаркой крепкой настойки.

Перед строем я произнес вдохновенную речь.

— Солдаты! Вы проявили мужество и отвагу. Это ваша первая, но не последняя победа над извечным врагом. В результате умелого маневра хиртов противник сдался, сложил оружие, зная и покинул сторожевой редут, — сообщил я новость построенным воинам. — Он не смог разрушить веками сложившиеся ценности подгорного народа. — Я помолчал, думая, какие ценности враг хотел нарушить? Отобрать у них самогонку? — Теперь коварный враг не заставит нас мочиться сидя. Мы, как и раньше, будем это делать стоя. Ура! — сказал я первое, что пришло в голову.

Они уже знали, что отвечать надо троекратным «ура!», и по полю разнеслось их слитное и довольное «у-а-а-а». Дождавшись конца криков, я продолжил:

— Всем по чарке настойки за бравый вид и отличную службу. Командиры, представьте к наградам всех отличившихся. Сми-и-ирна-а! — скомандовал я. — Слушай боевой приказ! Приказываю! Выдвинуться в сторожевой редут и осуществить сбор трофеев. Шаго-ом марш.

Командир на всякий случай отправил разведчиков, и те вернулись, сильно огорошенные и радостные, потому что все оказалось так, как я и сказал. Ночевали мы уже в крепости, а входили в нее под «Прощание славянки». Если разведчики-дзирды и наблюдали за нами, то, думаю, были сильно удивлены составом нашего войска.

Ночевал я опять с подружкой, имени которой даже не спросил, да и бог

с ним, с именем, нам и так было хорошо.

Утром за столом встретил похмельного, сурово смотрящего глендара.

— Мы где? — спросил он.

— Мы празднуем твою победу, Грендар. Вчера твои войска без потерь заставили противника сложить оружие и сдаться. Нами захвачен передовой редут.

— Мы что, воюем? — ошеломленно спросил он и как-то беззащитно огляделся вокруг.

А вокруг царило застолье. Немного пришедший в себя второй советник поднял голову и прошамкал: «Я шребую прошолшения башкета», — во рту у него был пучок зелени, который он не успел прожевать прошлым вечером, потому что отрубился.

— Грендар, о тебе будут песни слагать, о тебе и о твоём героическом походе. Так что давай присаживайся и будем продолжать отмечать победу.

Вскоре подтянулись девушки и по заведенной традиции пригубили, закусили и грохнули «Катюшу». От первых куплетов девичьего хора, который грянул как из пушки, глендар свалился с лавки. Ему помогли подняться, и он только махнул рукой, выдул кружку, посмотрел на меня и сказал:

— Его величество меня повесит? — и налил ещё полную кружку.

— Почему? — не понял я.

— Потому что глендаров на гиблые тропы не отправляют, их вешают в назидание остальным, — ответил он и присосался к кружке.

— Я неправильно спросил. За что повесит? — поправился я.

— Я открыл начало военных действий королевства и дзирдов. Это война, Ирридар! — Он выпил кружку, но оставался трезв.

— А ты что, сам не можешь ходить походом на черных? — поинтересовался я.

Тот задумался и ответил:

— Могу, если надо отбить то, что они захватили.

— Ну так в чем проблема? Пойдем отбивать то, что они захватили, — обрадовался я. — Кстати, а что они захватили?

— У моего прадеда они захватили крепость, и он не смог ее отбить, за это был низвергнут с Первых ворот на Пятые, — ответил он.

— Вот видишь, у тебя есть все основания начать войну, чтобы вернуться в первую подворотню. Пойдем и захватим эту крепость! — поддержал я глендара.

— Ворота, — опять поправил меня глендар. — Если мы ее даже и захватим, то не сможем удержать, у меня нет сил для этого.

— Тогда мы ее разрушим до основания, друг, — похлопал я его по плечу. — Так что давай продолжать радоваться и праздновать.

После чего наше победоносное наступление продолжилось в прежнем порядке. Оркестр играл, девки задорно пели и плясали, командир награждал отличившихся глендов и хиртрагов. Выдавал чарки гномам. Для раздачи наград я отдал командиру сундук глендара с орденами, или что там в нем было. Главное, чтоб был стимул у глендов продолжать поход. Мыс глендаром пели в обнимку про черного ворона.

Так прошел день и ночь. К полудню следующего дня мы опять продолжили движение. Впереди шли довольные хирты, за ними с песнями наш обоз. Так хорошо я еще никогда не отдыхал. Даже Пятница, махнув на все рукой, напился с горя, и теперь его везли орки поперек седла. Они воспринимали черного ушастого дзирда как игрушку и посмеивались, порочьи «дзирда» значит, мягко выражаясь, «задница».

Но наш праздник коварно прервали враги. Они перегородили нам дорогу. Впереди метрах в шестистах стояли ровные черные шеренги. По моим верным подсчетам, их было полторы тысячи. Стояли они плотно, смотрелись грозно, как крестоносцы из фильма про Александра Невского.

Ну что же, надо показывать союзникам свое могущество. Но для начала переговоры. Я прыжками телепортов под «скрытом» перебрался через линию выстроенных войск противника и оказался рядом с их штабом. Перед тем как предъявить им ультиматум, я решил послушать, о чем они говорят, так как увидел, что у них идет совещание. Вела его очень привлекательная молодая женщина в легкомысленной одежде. Длинные черные волосы, собранные в пучок на затылке, открывали длинную точеную шейку. На ней было темно-синее платье с глубоким декольте и длинным разрезом на левом боку, через который были видны стройные ножки в черных сапогах выше колена и на высоком каблуке. Говорила она мягким голосом, в котором хотелось купаться и утонуть. Я сбросил наваждение и прислушался.

— Пещерные маленькие дикари вышли на тропу войны, они захватили сторожевую крепость и движутся к нам. По словам предателя, их всего четыре хирта и странный человек, который якобы один захватил редут и выгнал всех оттуда. Мы не знаем всего, но то, что произошло, очень странно. Войска противника идут с песнями и шумом. Так гномы никогда не ходили в походы. Поэтому будем ждать начала их действий. Мы должны понять, с чем на этот раз имеем дело. Приведите предателя, — приказала она.

Стражники ушли и через пару минут привели сильно избитого

бывшего командира крепости.

— Повтори, трус, что ты мне рассказал, — велела она и с ненавистью глянула на избитого.

— Я говорил правду. В крепость проник человек, он был один и избил всех воинов, потом выгнал нас из крепости, пообещав содрать шкуру со всех, кто останется. И он бы это сделал, — ответил командир. — Я действовал согласно уставу: оставить крепость при невозможности ее защитить и сохранить воинов.

Он говорил правду, но кто ему поверит. Его слова звучали настолько дико и неправдоподобно, что если бы я сам не участвовал в этом мероприятии, то засомневался бы тоже.

В штабе войск противника были одни бабы, и это меня сильно удивило. Тут пахло махровым матриархатом. Воины были мужики, а командирши — бабы. И что толкового можно было ждать от их руководства? Я решил помочь разумному, но разжалованному командиру.

Вышел из «скрыта» и сказал:

— Он говорит сущую правду. Я пришел и всех выгнал, а кто остался, с тех содрал бы шкуру. Крепость пала, проливать кровь я не хотел, — и обвел взглядом эту пародию на штаб.

Они все и их охрана стояли как громом пораженные. Первой опомнилась командирша. Она выхватила жезл и больше ничего сделать не успела. Я вышел в боевой режим и отобрал ее украшенную палку. Потом обшарил красотку с большим удовольствием и нашел засапожный нож, магическое ожерелье и интересный пояс. Все это я забрал и так же поступил с остальными. Часовым дал в морду, и они должны будут упасть, когда я выйду из ускорения. Посмотрев еще раз на замерших воительниц, вернулся в нормальное время.

Командирша яростно махала пустой рукой в мою сторону, часовые с железным грохотом рухнули, а я стоял, сложив руки на груди. Потом началось всеобщее шевеление. Штабистки искали свое оружие; главная, помахав пустой рукой, кинулась к засапожному ножу. Опаньки, и там пусто! Схватила за шею, а ожерелья нет!

Посутившись немного, они в изумлении уставились на меня. Но это продолжалось недолго. Командирша укусила свою руку до крови и махнула ею в мою сторону, проговорив какое-то заклятие. Я вынужден был опять выйти в боевой режим и уклониться с пути капель и увидел, как они превратились в кристаллические алые звездочки, застывшие в воздухе. Но от них веяло серьезной опасностью. «Вот же злая баба», — подумал я. И вышел из ускорения.

Звездочки пролетели и врезались в незадачливого командира, разорвав его буквально на части. Чтобы не попасть под куски мяса и брызги крови, летящие во все стороны, я снова был в боевом режиме. Наложил на воительницу оцепенение и следом безмолвие, усилил заклинания печатью крови, телепортировался подальше и, когда опасность прошла, вернулся. Не ожидая ничего хорошего от других ведьм, я их просто вырубил. Раз пошла на войну, то уже не женщина, а воин, успокоил я себя.

Я стоял перед замершей командиршей, на красивом лице которой застыла ярость.

— Слушай сюда, гресса! — сказал я. — У тебя есть десять ридок, чтобы уйти отсюда и увести войска. Потом будет поздно.

Я еще раз полюбовался ею, надрезал руку и не удержался, поцеловал ее в губы. Я видел ее расширенные красные, словно запекшаяся кровь, глаза, полные огня ненависти, и, отстранившись, засмеялся:

— Что делать, крошка, жизнь меняется, привыкай, сюда пришел русский. А нас все боятся — мы непонятные и непредсказуемые. Икра, водка и балалайка, белые медведи и Т-34 на улицах, занесенных сугробами, — вот в каких условиях мы живем.

Сказал это и скрылся. У меня уже был рабочий план, как справиться с противником.

Когда я вернулся, то увидел, что в наших рядах царило уныние. Песни не пели, а глендар надел на себя кучу брони и строил хирты в боевой порядок.

— Грендар, ты что делаешь? — спросил я, с интересом рассматривая главного привратника Четвертых ворот, который давал указания командирам. Он хмуро посмотрел на меня и ответил прямо, по-солдатски:

— К смерти готовлюсь, друг, прости, что и тебя с собой взял.

— Я тебе, Грендар, один раз скажу, ты только не обижайся. На войне не обязательно вступать в сражение, на войне главное маневры.

Я поведал ему нашу военную мудрость, которую знает каждый лейтенант, закончивший училище: «Война фигня, главное маневры!»

— Поэтому ты не беспокойся, а сделай, как я тебе скажу. Построй хирты в парадный расчет и покажи противнику, как гномы умеют чеканить шаг. Пусть оркестр играет, хор поет, гномы маршируют. А умереть ты всегда успеешь. — Я добавил в ментал убедительности. — Положись на меня!

— Хорошо, друг Ирридар, пусть будет по-твоему, — сказал он.

В последнее время я стал для глендара авторитетом, и дело было не в том, что я проявил себя как сильный маг, нет. Главным составляющим

элементом моего авторитета оказалось то, что я перепил всех, и его в том числе. Благодаря чему поднялся в его глазах на недостижимую высоту. И кроме того, я был его единственной надеждой в этом походе.

Гресса Ильридана наконец сбросила оцепенение. Она была в ярости, ее трясло, и злость требовала выхода. Обратившись на лежащих без памяти часовых, гресса стала избивать их ногами. Ее, жрицу богини, посмел поцеловать грязный человечиска! Она со всей силы пинала бесчувственные тела. Гадкий пришелец посмел прикоснуться к ней своими липкими руками! Она искала и не находила выхода своим чувствам, которые вопили, возмущались, негодовали, рвали ее душу от ощущения постигшего позора. Наконец она смогла более-менее успокоиться и осмотреться. Вокруг нее лежали тела командиров и магинь, и у всех разливались синяки с левой стороны скулы. Она посмотрела в сторону хиртов гномов и применила «улучшение зрения».

То, что она увидела, заставило ее обомлеть. Гномы на виду у ее войска браво маршировали и выполняли строевые упражнения. Как будто они пришли не сражаться, а похвастаться своим умением ходить строем. Она готова была тотчас отдать приказ атаковать глупцов. Но в академии Занкидара ее учили не только магии, но и трезвой оценке обстановки. А среди этих гномов был непонятный русский человек, как он себя обозвал. И он владел «икрой, водкой и балалайкой» — таинственной магией, с помощью которой сумел незаметно проникнуть в их ставку, лишит их оружия, увернулся от «дождя смерти», обездвигил ее, Ильридану, и если бы захотел, то смог бы убить.

Она посмотрела на лежащих без чувств командиров и задумалась. Задача, которая раньше ей казалась очень простой, становилась не только странной, но и маловыполнимой. Она никогда не считала прагматичных гномов глупцами, и то, что они так безбоязненно тут маршируют, имеет под собой веские аргументы в лице человека. Она вспомнила, что у нее всего десять ридок для отвода своих воинов, но вспомнила поздно. Она смотрела, как ее солдаты исчезают десяток за десятком. Нет, они не исчезали бесследно, они проваливались под землю, и скоро на месте полуторатысячного войска зияла огромная яма.

Ильридана скинула сковывающее оцепенение и бросилась к провалу. Там, глубоко внизу, копошились и в страхе орали ее солдаты.

— Ты сама виновата в этом, — услышала она голос у себя за спиной, и в следующий миг ее накрыла темнота.

ГЛАВА 6

Демон черт-те где

— Тебя как зовут? — спросил Прокс у говорливого демона, у которого остались еще целыми уши.

— Мураба, — ответил он, — а это, — он показал на одноухого, — Бурабб, а это, — показал он на безухого, — Рураба. Мы братья.

Прокс вздохнул:

— А убитый тоже ваш брат? — Он задумался: как бы все это не обернулось кровной мстью. Предательство со стороны демона, которому доверился, он уже пережил. Да что там Жаркоб, его предала Листа!

— Нет, он не был нашим братом, мы даже рады, что ты его убил. Вирсаарах забирал всю нашу добычу и хотел пройти лабиринт, чтобы стать скравом. А ты много взял добычи у Вдовы? — Демон сменил тему. — Что-то у тебя мешок заплечный невелик. — Он, ожидая ответа, смотрел на Прокса.

— Ты прав, добычи было немного, в основном хвосты летающих бестий.

— Жаль, а то могли бы расторговаться в селении. Мы тебя приводим к скупщику, ты отдаешь нам десять процентов. — Он посмотрел на Прокса и, чтобы тот не сомневался, добавил: — Тут так принято.

Прокс заинтересовался предложением:

— Что покупают и что продают?

— Покупают амулеты и магическое оружие из внешнего мира. Продают рабов, местные обереги и наговоры. Могут продать сердце земного или огненного элементаля или эликсиры, но они дорого стоят.

— А зачем им амулеты из внешнего мира, если они тут не работают? — Алеш был удивлен.

— Скупщики продают их скравам в обмен на товары из внешнего мира. Только скравы могут ходить туда-обратно.

— Так давай продадим товар этим самым скравам, — предложил Прокс. — Зачем идти к скупщикам?

— Нельзя продавать скравам, у них можно только покупать или менять на сердца. У скупщиков монополия; узнают, что кто-то стал торговать с скравами, найдут и убьют.

— Ясно, — кивнул Прокс. — У меня есть лечебные эликсиры для

братьев. Что за них дадите?

— Мы сейчас пустые, — ответил словоохотливый Мураба, — но готовы отказаться от десяти процентов за них. — Он выжидающе посмотрел на Прокса.

— Идет! — ответил Алеш и вытащил два флакона.

— Пойдем коротким маршрутом, — сказал Мураба. — Ты, хуман, внимательно смотри по сторонам, поглядим на твое мастерство.

Нейросеть Прокса уже смоделировала угрозы, исходящие от ментальных ловушек, и Алеш был спокоен. «Пошли», — просто сказал он, и они двинулись цепочкой по одному. Впереди шел безухий Рураба, нисколько не переживая за отсутствие ушей, за ним Прокс, и следом двигались остальные братья.

После своей командировки в этот сектор Прокс решил оставить службу и уйти на покой. Если, конечно, он вырвется из ловушки. Для безбедной старости он задумал запастись драгоценными камнями. Вывозить магические вещи или украшения он не рискнул, понимал, что обязательно попадет в поле зрения АДа и его сурово накажут, может, даже сошлют обратно. А вот к камням придраться не смогут. Пойди отличи, добыты они в каком-нибудь новом мире или в секторе?

Здесь добывали и обрабатывали разные самоцветы — алмазы, сапфиры, рубины, изумруды и много еще разных камней, о которых он не имел понятия. Хорошо обдумав, Прокс решил остановиться на алмазах. Он задумчиво шел за демоном, когда на сканере впереди них возникла красная зона и запищал сигнал тревоги.

— Стой! — быстро скомандовал он. — Впереди прямо на дороге опасность.

— Могильный трутень! — выдохнул безухий. — Мы только что избежали неминуемой смерти. Где его граница?

— Диаметр десять лагов. Что это за могильный трутень? — спросил он.

— Его никто не видел, а кому не посчастливилось его увидеть, рассказать не могут, он их сожрал. Затянул под землю и сожрал, — ответил за брата Мураба.

— У него что-то ценное есть? — спросил Прокс, не двигаясь с места. На него напал азарт собирания трофеев. Коли есть монстр, стало быть, есть и жертвы, а у тех всегда было что-то ценное.

— Конечно есть, но не достать! Попадешь в круг, и тебя припечатает к земле, так что не сможешь подняться, а потом провалишься вниз. Наверно, прямо в глотку. Брр, — поежился безухий.

Прокс достал снаряд, пробивающий перекрытия укреплений, прицелился и с небольшим замахом бросил. Снаряд описал дугу и носом упал прямо в центр опасной зоны. Прожег почву и углубился.

— Ложись! — крикнул Прокс и упал на землю, за ним упали два демона, только Мураба, самый любопытный, задержался посмотреть, что будет.

А под землей раздался взрыв, земля вспучилась горбом и открыла воронку. Стоящего с открытым ртом демона унесло взрывной волной, вырвавшейся из-под земли. По лежащим застучали мелкие камни и комья. Прокс отряхнулся и встал, красная зона на сканере потухла, а впереди зиял провал метра три в диаметре.

— Ждорово жахнуло, — восторженно прошамкал за его спиной поднявшийся Мураба.

Прокс оглянулся и увидел широко улыбающегося демона. Передних зубов у него как не бывало. Но тот, ни капли не огорчаясь, поспешил к яме. Следом радостно побежали братья. Алеш не спеша подошел и заглянул внутрь. Там валялись какие-то большие окаменелые куски, много костей вперемешку с блестящими предметами.

— Сердце ищи! — прикрикнул полностью безухий.

Алеш с усмешкой смотрел на этих грабителей могил, уселся на край и стал ждать.

— Есть сердце, есть! — Бураба торжествующе поднял каменюку, действительно похожую на сердце.

— Тащите все в кучу. Потом делить будем, — приказал Прокс, и радостные братья скрылись в яме. Их восторгу не было предела, они нашли три жаргонита, четыре телепортационных камня с фиолетовыми прожилками, обереги и сундук с магическими вещами из внешнего мира.

— Видно, скупщик попал, — сделал вывод Мураба. — Как делить будем, человек? — спросил он.

— По-честному, — засмеялся Прокс, он видел, какими жадными глазами братья смотрели на это богатство. — Вам один жаргонит и все обереги, остальное мне.

— Это действительно по-честному, — пораженно посмотрел на Прокса безухий. — Я даже бесконечно рад, что ты прибил нашего прошлого главаря. Теперь главный ты, а мы твои помощники, — уверенно заявил он и решительно добавил: — Пошли в селение.

Но до селения им дойти не удалось, на самом краю дороги появилась красная зона.

— Стойте! — остановил Прокс беспечных и бесконечно счастливых

демонов. — Там впереди опять что-то есть. — Он присмотрелся к опасному месту.

У дороги росло дерево, которое ничем не отличалось от других, такое же скрюченное и низкорослое, но именно от него веяло тревогой. Прокс был крайне озадачен. Когда он спустился с горы, то встретил только одну Вдову, а прошел несколько лиг. Тут же опасности грозили на каждом шагу.

— Вы здесь ходили раньше? — спросил он демонов.

— Ходили, всегда было пусто, — уверенно ответил один из братьев. — Ты скажи, откуда исходит опасность?

— Вон от того дерева, — показал рукой Алеш.

— Сильвана, — прошептал Мураба. — Главный, — обратился он к Алешу, — кинь в нее свою артефакту.

— Зовите меня босс, раз уж я стал главным, и расскажи про сильвану. Что это?

— Это, босс, дух леса, его хранитель, он залезает в дерево и выпивает жизнь у демона, который попадает в тень, падающую от дерева. Сильвана мстит демонам за погубленные леса, так старики рассказывали.

— А что, местные леса вы погубили? — уставился на него Алеш. — И что вы сделали?

— Нет, леса погубил прорыв из преисподней. Вон та дымящаяся гора, которую мы тебе показывали, — охотно стал объяснять ушастый Мураба. — Из нее периодически происходит выброс, и тогда все эти существа передвигаются, и образуются новые опасные места.

— А что, раньше гора не дымила?

— Я не знаю, но старики рассказывают, что ее открыл Курама, чтобы обрести могущество, с тех пор она дымит и все тут корежит. Но сам Курама давно исчез, может, сгинул в Сердце Хаоса, а может, его и не было вообще, но гора продолжает дымить и производить выбросы.

— Тут с сильваной что-то надо делать. Он следил за нами и встал на пути. Обойдем, а он снова возникнет. Может, у пещеры подстеречь, мстительный он очень. Если привяжется, то не отстанет. Убей его, босс. — Демон с надеждой смотрел на нового главаря.

Прокс задумался. В одной мифологии он уже сталкивался с этим названием, даже помнил, что это странный ребенок раба и козы. Такой действительно, если пристанет, не отвяжется, решил он, достал бластер и срезал дерево. Из него выпал прозрачный сгусток, который постепенно проявлялся и затвердевал.

— Сердце! Надо успеть вытащить сердце! — заорали хором братья и стали остервенело рубить сильвана топорами. Но скоро их лезвия увязли, и

они не могли ни вытащить их, ни разрубить лесное чудовище. А оно почерневшим бревном лежало, перегораживая дорогу.

Прокс присел возле него, потрогал пальцами, достал нож и легко распорол шильвана вдоль. Внутри был деревянный шар, от которого исходило тепло.

— Это сердце? — спросил он.

— Ты, хуман, или нагл, или глуп, — зло посмотрел на Прокса старый, весь покрытый бородавками демон. Он потряс рогами, выражая свое возмущение, и уставился на человека. Прокс, несколько не смутившись, ответил ему в той же манере:

— Жармых, о глупости говорят твои речи, ты уже трик ждешь моей смерти, а я все живу тебе назло и буду продолжать жить и стану скравом. Моя цена вполне справедлива, только твоя жадность мешает тебе это понять. За сердце могильного трутня я хочу пятьдесят прозрачных камней, но обработанных. Аты мне предлагаешь необработанные. Кроме того, мне нужны обереги для моей банды и десять рабов.

— Хуман, я прожил долгую жизнь, и ни разу изгои не смели торговаться со мной. — Демон раздраженно шипел.

— Вот ты старый, опытный скупщик, но глупец, каких преисподняя не видела, — ответил Алеш. — Разве изгои тебе приносили сердца исчадий? Это делаю только я и приношу их, старый сын раба и козы, только тебе.

— Мой отец не раб, а мать не коза! — возмутился скупщик.

— Тогда почему ты все время пытаешься меня обмануть? — не отступал Прокс. Он знал, что такие препирательства будут продолжаться еще полчаса. Без этого местная торговля просто не существовала. Он жил в этом запертом мирке уже целый трик.

Когда братья привели его к пещере, их встретили шестеро демонов. На Прокса они не обратили внимания, но, увидев Рурабу, в один голос спросили:

— Рураба, где твои уши?

Тот спокойно, как будто это было в порядке вещей, ответил:

— Хуман отрезал, он теперь босс, то есть наш главарь.

Вопрошавшие замерли с открытым ртом и, увидев одноухого, спросили у него:

— А твое ухо где?

— Мураба сожрал, — так же спокойно ответил брат.

Мураба не стал ждать вопроса, зачем он это сделал, охотно пояснил недоуменно глядевшим на него демонам:

— Босс приказал, вот я и съел.

Напряженную атмосферу разрядила сгорбленная старуха — лесная эльфарка, она вышла из пещеры, посмотрела на Прокса и сказала:

— Хорошее мясо, раздевайте его, распотрошим и закоптим, надолго хватит.

— Это кто? — пораженно спросил Алеш, он никак не ожидал увидеть здесь эльфарку-людоедку.

— Это наша повариха, — скорчил недовольную рожу ушастый. — Слушайте все, это наш новый босс, он может видеть ловушки и убивать исчадий. Сегодня мы убили могильного трутня и сильвану. По дороге набили водяных крыс, и мяса у нас много. Вот, — закончил он свою речь.

— А где Вирсаарах? — после затянувшегося молчания спросил один из встречавших.

— Его убил босс, — кратко ответил ушастый Мураба. — Кроме того, он отдает нам треть добычи от убитых тварей преисподней. Он охотник на них.

Вот так, с легкой руки говорливого ушастика, Прокс стал охотником на ментальных хищников и главарем банды изгоев. Только старая ведьма с ненавистью продолжала смотреть на пришлого.

— Скоро ваш босс сдохнет, и вам нужно будет искать нового главаря. А вы все тупицы непроходимые, любой хитрый прощелыга вас обманет, как этот хуман. Лучше съедим его, пока мясо не испортилось. — Она вожделенно смотрела на Прокса.

— Мураба, отрежь этой ведьме язык, он ей нужен только грязь с земли подбирать, — спокойно ответил на выпад Алеш.

Братья мгновенно сорвались с места и схватили старуху, та испуганно заверещала и взмолилась:

— Прошу прощения, босс, я все поняла и больше не буду. — Она безуспешно билась в руках демонов, которые, не особо церемонясь, повалили ее на землю и старались вытащить язык.

— Оставьте ее, — смилостивился Алеш, — но, если кто услышит, как она поносит босса, смело режьте ей язык и отправляйте в рудники.

С тех самых пор Прокс занялся готовкой пищи, не доверяя старухе, и охотой на ментальных монстров.

— Твои слова у меня вызывают только смех, жалкий хуман, не сегодня завтра ты загнешься и очутишься в котле своей никчемной банды, а постоянно твердишь, что пройдешь испытание. Я уже сто десять зим пережил и не видел людишек, прошедших лабиринт, — молвил демон-

скупщик.

— Все когда-то случается впервые, — ответил Прокс. — Если ты не умрешь от жадности, то сможешь своим внукам рассказывать, что знал хумана, который стал скравом. И хватит об этом. За сердце я хочу полета хорошо обработанных прозрачных камней, двадцать оберегов и десять рабов. И ты должен гордиться, что я выбрал тебя в качестве своего покупателя.

Казалось, демона хватит удар. Он сидел с открытым ртом и моргал.

— Ну, раз ты умер, я пойду к Леванжиру, он давно приглашал, — поднялся Алеш, поправил рюкзак и собрался уходить.

— Стой, — ухватил его за руку демон, — у тебя, хуман, никакого уважения к местным, ты ведешь себя нагло и вызывающе, помяни мое слово, тебя подстерегут и ограбят, а сам ты станешь рабом. Ищи потом себе козу, — сказал он и засмеялся своей шутке.

— Были уже попытки ограбить, — оскалился Прокс, — но пытавшиеся стали теперь кормом для исчадий, — напомнил он.

Действительно, как только пошли слухи о появившемся охотнике на монстров, на него наехали местные изгои. Он вместе с братьями исследовал предгорья, выискивая исчадий преисподней, когда им дорогу преградили десять хорошо вооруженных демонов. Они стояли нагло и вальяжно, усмехаясь, уверенные в своей силе. Их было больше, и они были готовы к бою.

— Мы забираем этого раба, — сказал один из них. — Он теперь работает на нас, а вам в качестве платы мы оставляем жизнь.

Прокс благодаря сканеру давно заметил эту группу и перевел парализатор на широкополосный режим. Не вступая в перебранку, он повел рукой в сторону демонов, и они стали валиться, как кули.

— Соберите с них все ценное! — приказал он замершим от испуга братьям.

Демоны лежали и грозили им самыми суровыми карами, какие только знали. Прокс лишь улыбался, слушая их угрозы. Потом приказал перенести налетчиков к месту, где обнаружилась опасная аномалия, отмеченная красной зоной, — у веселого родничка, где можно было отдохнуть и сделать остановку. Он уже понял, что все монстры обладали интеллектом и места засады выбирали не абы как, а там, где проходили пути демонов. Причем места менялись после выбросов. И если вчера путь был свободен, то сегодня там запросто мог оказаться монстр из преисподней. Что заставляло плодиться этих прожорливых исчадий, он не знал, и сколько ни

спрашивал, ответа не получал. Или же говорили, что так было всегда.

У ручейка засел водяной вампир, он парализовывал беспечного путника и высасывал из него кровь. Вот туда он приказал тащить бесчувственные тела бандитов. Ему нужна была показательная казнь как акция устрашения, которая надолго отобьет любителям легкой наживы желание нападать на их банду. По сложившейся традиции он двоим отрезал уши и оставил горемык смотреть, как будут умирать их поделщики.

Братья брали по одному телу и, спокойно раскачав, кидали налетчиков поближе к ручью. Остальные смотрели, как из воды появлялся голодный водяной, похожий на полупрозрачную пиявку, и жадно присасывался к жертве, через пять рисков от нее оставалась сухая, сморщенная оболочка. Оставшимся без ушей демонам он сказал:

— Передайте, что я скормлю исчадиям преисподней всех, кто еще раз попробует взять меня в рабство.

— Ладно, глупый хуман, непонятно, почему ты еще живой и на свободе, но будь по-твоему, — согласился скупщик. — Но вместо десяти рабов я дам тебе шесть, и среди них снежная эльфарка, редкий товар и живучий.

— По рукам, — согласился Прокс, — показывай товар.

Весь этот трюк он торговался, закупал камни, обереги, эликсиры и рабов. На рабов-людей он смотрел как на неизбежное зло, присущее этому миру. Не он завел, не ему менять эти порядки. Но если попадались орки, он брал их.

Надсмотрщики вывели группу, где среди людей стояла маленькая девочка с белыми, почти седыми волосами и такой же кипенно-белой кожей. Если люди были грязны и в кровавых ссадинах, она была чиста и без ран. Он осмотрел рабов и отобрал пятерых мужчин, к ним вытолкнули девочку, которая с вызовом посмотрела на него.

— Не бойся, кроха! Я тебе больно не сделаю, — поспешил он успокоить девочку.

— Я тебя не боюсь, — смело ответила она, не опуская глаз.

— И правильно делаешь, — засмеялся он. — Забирайте рабов, — приказал братьям, а сам взял девочку на руки и спросил: — Тебе сколько лет?

— Двенадцать, — ответила она и безбоязненно обняла его за шею. — Великие дольше живут и развиваются дольше, чем вы, хуманы.

— А звать тебя как?

Великая, улыбнулся Прокс. Он думал, что девочке лет семь или

восемь. Ему нравилась ее смелость и несломленность духа.

— Аврелия, — ответила она, поудобнее устроившись на его руках; слезать она явно не желала.

— Просто Аврелия? Без добавочного «ила»? — удивился он. Изучая этот мир, он знал, что все эльфары имеют добавку «ил» или «ила», что значит «первородный». Они этим непомерно гордились.

— Я несовершеннолетняя и не могу иметь полное имя, — пояснила она. Толкнула его ножкой и скомандовала: — Хватит стоять, пошли от этих ужасных демонов.

Всю дорогу он нес ее на руках. Он сам не понимал, почему хотел помочь этой белоснежке, но, глядя на нее, чувствовал, как в его душе разливается теплота, и ему хотелось девочку хранить и оберегать, как родную дочь. А та без умолку рассказывала ему о своих бедах. Она ехала с караваном в Вангор, по дороге напали снежные эльфары, такие же, как она и ее дед, который взял внучку в путешествие. Нападения от них не ожидали, и скоро все были перебиты, только она спряталась под вещами в возке. Но ее нашли, потом отдали демонам и вместе с другими рабами продали сюда.

— У вас там что, война между снежными эльфарами? — удивленно спросил Прокс.

— Я не знаю, — пожала она плечами, — дед об этом не рассказывал.

«Интересные дела творятся на Сивилле, — подумал Алеш, — снежные убивают снежных и торгуют с демонами, продавая сво их соотечественников. Нет, из этого гиблого мира нужно выбирать, и как можно быстрее. А девочку я заберу с собой, — решил он, — уеду к неоварварам на вновь освоенную планету, открою свое дело и забуду эту беспокойную службу как страшный сон. Вот только ей надо ввести инъекцию метаморфа, иначе ее магический каркас не справится с бушующей здесь энергией хаоса».

Прокс принял решение и успокоился. У него были планы, и надо было их осуществлять.

В пещере он вызвал ведьму и показал ей на девочку:

— Будешь ей прислуживать, попробуй только плохо это делать. И если с ней что-то случится, ты об этом пожалеешь.

Старуха неприязненно глянула на него и ответила:

— Когда я попала сюда, то тоже была красавицей, но прошел год, и кем я стала? С ней будет то же самое, босс. — Она взяла девочку за руку и увела в свою закрытую шкурами половину.

Прокс понимал справедливость ее слов, здесь и демоны были

подвержены мутации, у них росли вместо ног копыта, рога были толстые, и отрастал хвост. Красавцами назвать их было трудно.

Вечером он все приготовил для проведения операции. Он положил на шкуры Аврелию и сказал:

— Я хочу помочь тебе выжить здесь. Ты видела эту старуху, она говорила правду: за год ты сильно изменишься от хаоса, царящего тут, и станешь такой же безобразной. Тебе будет немного больно, но потом ты сможешь принимать разные обличья. Придет время, и мы покинем эту страшную местность, я заберу тебя с собой и покажу новые, неизвестные тебе миры. А когда ты вырастешь, то сможешь сама выбрать, остаться или вернуться к своим сородичам.

— У меня никого не осталось, я жила с дедом, но его убили, я останусь с тобой, Алеш, — по-взрослому ответила девочка.

Он погладил Аврелию по голове и поцеловал в лобик.

— Мы справимся! — приободрил он ее.

У Прокса появилась настоящая цель в жизни, ради которой он хотел выжить и вырваться.

Он обездвигил девочку и подключил аптечку. Он видел, что ей было больно, очень больно, но девочка до крови кусала губы и молчала. Сила духа у нее была не меньше, чем у взрослого, а может, и больше. Через три часа ком аптечки доложил, что операция закончена. Девочка вся в поту спокойно уснула.

— Спи, кроха, — нежно погладил ее по белой головке Прокс.

Нехеец черт-те где

Глендар клана Пятых ворот подгорного королевства с удивлением смотрел на потного советника гильдмастера Орунгара. Тот уже третий раз за седмицу поднялся к нему наверх. Если так дальше пойдет, придется оборудовать кабинет на первых этажах башни.

— Что, опять новости от недоумка Грендара, который пошел на войну? — усмехнулся в густую бороду хозяин кабинета, не дожидаясь, когда толстый советник сядет в свое кресло.

— Они самые, — ответил гильдмастер.

— Что, он получил по своей глупой башке и бежит обратно? — поглаживая окладистую бороду, смеясь, спросил глендар. Да и как могло быть иначе, идти воевать с четырьмя сотнями воинов, это ли не глупость. Он заранее предвкушал услышать подробности провала этого похода.

— Наоборот, он победно движется вперед, захватил пограничный

редут и разбил встречное войско дзирдов. Сейчас приближается к крепости, которую потерял его прадед, — ответил, отдуваясь, советник.

— Не может быть! — Глава клана Пятого дома был поражен. — Но как он смог? Что пишут твои шпионы?

— Они пишут всякую ерунду, и я не понимаю, в чем дело. Вот послушай: «Два дня глендар и все войско пьянствовали, потом смелым маневром захватили приграничный редут и изгнали врагов наших, заставив их сложить оружие и знамена. Потом еще два дня праздновали победу и двинулись дальше. Путь нам преградили войска дзирдов в количестве полутора тысяч воинов. Глендар приказал своим хиртам ходить парадным строем пред врагами, чтобы те пали духом. Оркестр играл, хор пел „Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой“. Увидев бесстрашие гномов, дзирды провалились сквозь землю. А главнокомандующая гресса Ильридана сдалась в плен. Теперь все продолжают праздновать победу».

— А дальше что? — оторопело спросил глендар, смотря широко открытыми глазами на советника.

— А дальше неразборчиво написано и чем-то залито, я прочитать не могу. — Орунгар понюхал и сказал: — Пахнет настойкой.

— Они у тебя там перепились, дружище! — начав успокаиваться, произнес Равандар. — Небось Грендар сидит где-то недалеко от замка и пьет вместе с советниками, они же и девок взяли, а все думают, что он на войне. Хитро придумано. Можно и победы себе приписать, пойди проверь.

— Нет, Равандар, ты не прав, мои источники из разных мест подтвердили, что Грендар пошел на войну пьяным и, не приходя в трезвое состояние, успешно воюет. Он действительно захватил передовое укрепление, разбил пограничные силы и пленил главнокомандующую, ее он подарил человеку. — Гильдмастер был очень серьезен.

— Но как это может быть? — Глендар неверяще смотрел на друга.

— Тут возможны только два объяснения. Или это работа человека, но я в это мало верю, или дуракам везет. Другого не дано.

Посидев немного с задумчивым видом, Равандар высказал мысль:

— Нет, ты не прав, Орунгар, у Грендара отличный первый советник, он еще его отцу служил. И пусть сынок тупица, но советник весьма хитер. Я склонен поверить, что Четвертые давно копили силы и, когда пришло время, выступили в поход. Его собранные войска неожиданно атаковали черных и застали их врасплох. А чтобы нас обмануть, он сам устроил показательную пьянку. Уж очень он демонстративно вышел воевать. Разгул, девки. Если поход будет неудачный, он скажет, что все это глупости, он никуда не ходил, а просто гулял. А если сможет отбить крепость, то опять

станет Первым. Вот, я думаю, в чем дело. Человек — это только ширма, которую мы сами ему подсунули.

— Может, все и так, — задумчиво высказался гильдмастер. — Тогда собирайся к его величеству. Срочно потребуй аудиенции и доложи, что Грендар втянул королевство в войну. Надо остановить этого везучего дурака, иначе нам Четвертых ворот не видать как своих ушей. — Он понимал, что его друг прав, а они упускают время.

Глава клана Пятых ворот согласно покивал головой, он тоже хорошо понимал, чем может закончиться успешный поход здоровяка Грендара, любителя выпить и подраться: он, Рандавар, возглавит клан Шестых ворот.

Успокоив немного протрезвевшего глендара, я вызвал своего малыша-элементалю. Подкормил и предложил поиграть — выкопать огромный ров под рядами дзирдов. Малыш в восторге крутнулся вокруг меня, подняв облако пыли, и устремился к войскам противника. А дальше произошло то, чего я не мог ожидать в самых смелых своих мечтах. Малыш не мелочился, он создал длинный котлован, глубиной метров десять, куда ухнуло все войско, оглашая окрестности дикими воплями, я бросился посмотреть, что там произошло, и хлопая глазами смотрел на кучу шевелящихся и орущих тел. Это было уже не войско, а толпа смертельно перепуганных черных червяков. Я не представлял, как они оттуда выберутся. Рядом появилась командирша и в ужасе уставилась на свое войско. «Ты сама виновата в этом», — сказал я и вырубил ее ударом в затылок.

— Шица, считывай информацию у этой прелестницы, — велел я. — И подскажи, что с ней сделать.

— А что ты всегда делаешь с девками? Тащи в постель, плюсуй победы, — ревниво ответила она.

— Хватит ерничать, их предводительница — маг крови и знает больше нашего. Она опасна, и ее надо как-то обезоружить. Не убивать же, в конце концов, — сердито сказал я.

— У них в обозе есть зачарованные ошейники рабов, подавляющие волю, специально взяли для гномов. Надень на чернушку, — ответила она и затаилась.

— Хватит прятаться, говори, где в обозе эти ошейники. — Я подхватил грессу и двинулся к лагерю дзирдов. Дорогу мне перегородили пришедшие в себя ведьмы.

— Стой, хуман, если хочешь жить, — сказала одна из них.

Я сплюнул под ноги, ну ничему не учатся! И запустил в них два торнадо. Когда они прошли по их нестройной толпе, окутав пылевым

облаком, и устремились дальше, я смог наблюдать интереснейшую картину: десяток черных красивых девок без одежды поднимались с земли, протирали глаза и отплевывались. Ба! Да они трусы и лифчики не носят, хотя чулки из тончайшего шелка на грессе, висевшей на моем плече, были. Все это я успел подумать, пока обнаженные командирши в кровавых ссадинах приходили в себя. Потом, осознав, в каком они виде, завизжали так, что гресса пришла в себя и дернулась.

— Лежи! — хлопнул я ее по заднице. — Не то такая же будешь, — и на всякий случай наложил оцепенение.

Ее штаб сорвался с места и стал удирать. «Вот оно, главное оружие против бабского войска: лиши его одежды — и все, оно теряет боеспособность», — подумал я, глядя им вслед и наслаждаясь видом сверкающих на солнце ржанных булочек. Это надо обдумать!

А на моем плече проклинала меня их военачальница. Я поудобнее ее переложил и похлопал по попке: «Не суетись, ты в плену», — и пошел к обозу. Там были испуганные старики, наверное, ветераны, которые смотрели на нас и молчали.

— Ваше войско разбито, командир мной пленен, — сообщил я им новость и демонстративно еще раз по-хозяйски похлопал ее по попке. — Где у вас ошейники для рабов? — спроси я.

Один из них, самый старый, уже без прежней боязни спросил:

— Сколько надо?

— Мне один, но самый лучший, для нее вот, — показал я на грессу.

Та орала и приказывала им напасть на меня, грозила принести их в жертву. Но старики смотрели на ее торчащий зад над моим плечом и мстительно посмеивались. Потом, покопавшись в одном из возов, вытащили мне просто шикарную сбрую: белый кожаный ошейник с изумрудами и черный поводок.

— То, что надо! — обрадовался я и застегнул ошейник, после чего женщина потеряла сознание.

— Обоз не грабить, — сказал я. — Можете идти, можете остаться.

— Нам уже, человек, обратно хода нет, нас в жертву принесут с муками, возьми нас в плен, — предложил тот же старик. — Пленных милуют.

— Идет, — согласился я, — вы пленены вместе с вашей командиршей. Сложите оружие в обоз и охраняйте его, разрешаю праздновать победу над рабством. Если есть в обозе выпивка.

— Выпивка есть, — кивнул тот же, — а грессу лучше бы ты убил, от нее только зло одно, и тебе, и нам.

— Посмотрим, — не стал я отвергать предложение умудренных жизнью старцев. — Может, перекуем злодейку? — Опять взвалил ее на плечо и прыгнул телепортом к провалу. Оттуда раздавались стоны и мольбы.

— Эй, вы! — крикнул я. — Командиры у вас есть?

— Есть! — раздался звонкий женский голос. Я поморщился: опять баба, что ты будешь делать!

— Я предъявляю вам ультиматум! Если сдаетесь и считаете себя военнопленными, я вытащу вас отсюда. Если нет, засыплю живыми. Время на обдумывание даю одну ридку.

— Сдаемся! — раздались сотни мужских возгласов, которые заглушили женские возмущенные крики.

— Тогда командование меняется. Я ваш новый командир, все грессы разжалованы в наложницы. За неподчинение приказам оккупационной власти расстрел на месте, — закончил я свой короткий ультиматум и подумал: «Во я выдал!» Сам себе удивился. Но оставлять командование пленными за командиршами было глупо и опасно. — Мужчины назначаются новыми командирами отрядов пленных. Всех гресс в рабские ошейники.

Наступила тишина, и она прервалась возмущенными воплями чернушек.

— Выбирайте: или вы туте ними будете погребены, или берете власть в свои крепкие мужские руки, и тогда я вас вытаскиваю.

Через некоторое время послышался приглушенный писк. И мужской голос прокричал:

— Мы приняли ваши условия.

— Тогда подождите, я скоро, — ответил я и отправился к глендару.

Все гленды и гномы стояли и пялились на то место, где раньше стояли войска противника. Потом стали пялиться на меня. Я подошел и аккуратно положил даму у ног глендара.

— Вот, ваше сиятельство, командир поверженного противника сдался в плен при виде грозно марширующих колонн гномов и глендов. Даже земля не выдержала и поглотила все силы противника, кроме обоза. Что прикажете с ней делать? — Я невинно смотрел на пораженного Грендара, а тот отошел от ведьмы подальше и с опаской сказал:

— Ты ее пленил, ты ею и владей.

— Тогда нужно принять плененных солдат и разместить их в лагере для военнопленных, — не стал возражать я. — Нам досталась бескровная победа над коварным врагом. Побезденный удалью и бравым видом

нашего войска, он пал духом и сдался.

Глендар махнул рукой и сказал:

— Командуй, друг, я чего-то устал, — и ушел в свою палатку.

Командовать так командовать, не стал спорить я.

— Хиртман, — взглянул я на командира сводного отряда, который улыбался во весь свой немаленький рот, — организуй прием обоза вместе с обозными, они сдались первыми и пусть остаются с обозом, а вот солдат надо принять, отделить от гресс и забрать оружие. Выполнять! Потом праздник и награждение, — подмигнул я ему.

Я еще раз решил наглядно проявить свое «могущество» и попросил малыша сделать уклон во рву, чтобы объятые страхом дзирды смогли покинуть земляную тюрьму. Мне надо было, чтобы у этой толпы солдат не возникло желания восстать. Поэтому они выходили и видели их грозную грессу Ильридану, покорно лежащую у моих ног в рабском ошейнике и на поводке. Конечно, какому-нибудь изнеженному гуманисту-мечтателю это могло показаться грубым и негуманным по отношению к красивой женщине, но я уже знал, что за этой красоткой тянется длинный шлейф жертвоприношений. Из нее в детстве вытравили жалость и милосердие. Дай ей волю, и она без тени сомнения пустит кровь своему войску, обвинив всех в предательстве.

Каждая из гресс стремилась занять место матери в роду, а все матери — место главной жрицы у алтаря. Для этого хороши были все средства — обман, убийства, лжесвидетельства. Вот такие нравы существовали в этом царстве матриархата. Там правили магессы, и свою власть они утверждали кровью и насилием. Мужчины были лишь слугами, работниками, солдатами и племенными самцами, которых держали в страхе. Если рождался мальчик с магическими способностями, его растили до года, потом мать приносила ребенка в жертву на алтаре как великий дар богине. На самом деле я считал, что так ведьмы устраняют потенциальных конкурентов. Среди мужской половины черных эльфаров — я так их стал называть — были свои тайные общества, и они лелеяли планы переворота, но их находили и показательно уничтожали. Все это Шизе удалось узнать от находящейся в бессознательном состоянии грессы.

Среди войска должны были находиться коллаборационисты, я в этом не сомневался. И я им показывал, что значат для меня жрицы. Мужики вышли, а дам не было.

— А где грессы? — спросил я с большим любопытством.

— Их землей засыпало, — спокойно глядя мне в глаза, ответил хорошо экипированный воин. Все войско построилось в шеренгу по четыре и

молчаливо смотрело на меня, ожидая каких-то слов или указаний.

— А ты, стало быть, старший среди солдат, — не столько вопросительно, сколько утвердительно сказал я.

— Да, я помощник полковой грессы и среди мужчин самый старший по званию. Я стратег.

— Как тебя зовут, стратег? — спросил я.

— Дзирд Уэрогон, — ответил новый командир.

— Уэрогон, полностью вам доверять я не могу, поэтому ваше место будет там, внизу, — показал я на ров. — Оттуда позволяется выходить только с моего разрешения. Как война закончится, я вас отпущу. Вопросы?

— Часть из нас хотела бы уйти и не возвращаться в Занкидар. — Он смотрел на меня взглядом, полным надежды.

— Ты знаешь место, где сможешь от них спрятаться? — показал я глазами на безучастно лежащую ведьму.

Тот только молча кивнул головой.

— Хорошо, — сказал я и подумал: баба с возу, кобыле легче. — Назначь за себя старшего и уходите с оружием. Окажетесь в поле моего зрения — и пожалеете, что не вернулись в свой Занкидар.

Черный поклонился и повернулся к воинам:

— Кто уходит со мной, три шага вперед.

К моему удивлению, вышло больше половины; значит, мужиков не до конца согнули феминистки. Они повернулись и зашагали прочь. А передо мной встал уже другой пожилой воин и представился:

— Младший стратег дзирд Воэрдан.

— Воэрдан, пошли гонцов в обоз, пусть получают провиант для солдат, и возвращайтесь обратно в яму.

Тот молча кивнул и скомандовал:

— Всем направо! Двинулись!

Я смотрел им вслед, удивляясь их покорности, потом сказал своей пленнице:

— Хватит лежать, пошли в баньку, помоемся и будем праздновать.

Действительно, путешествовать по пыльным дорогам не очень приятно, хотя уже и привычно. Я-то мог очиститься сам, но вот моя рабыня — нет, и, повалявшись на земле, она сильно измазалась. Рядом стоял хиртман и с опаской смотрел на грессу, они-то уж имели дело с такими и знали, на что те способны. Гномы собирали доспехи и оружие и таскали на возы.

— Знатные трофеи, — довольно улыбаясь, проговорил наш командир.

Я посмотрел на него и, так же улыбаясь, ответил:

— Девочек не обделите, я обещал их отцам, что они тоже с добычей вернутся.

— Там в обозе остались личные вещи гресс, — смеясь в густую бороду, сообщил он мне, — им хватит. А баньку затопим, гленд, — сказал он мне.

А я удивленно посмотрел на хиртмана: он признал меня равным. Я огляделся по сторонам: что, земля перевернулась? Нет, все было по-прежнему: передо мной зияла огромная яма, у ног лежала гресса, а гномы таскали брошенные трофеи.

В лагере меня встретила маленькая мегера, она держала в руках топор и с прищуром смотрела на меня. На пленницу она даже бровью не повела.

— Отдай ее мне, — заявила глазастая, имени которой я даже не знал, — я отрублю ей голову.

Вот как! Ни много ни мало — отрублю голову. Ну вот дай бабе чуть надежды и немного воли, она уже и топор в руки берет. Я наложил оцепенение, отобрал топор и сказал:

— Будешь баловаться, к отцу отошлю. Это мой боевой трофей, и ты пойдешь помоешь ее в бане. Поняла, кроха? Или тут же отправишься домой, а оттуда в глубинные тропы.

Я применил самое мощное психологическое оружие против нее, предложив ей выбор: или настаивать на своем и напрямик прогуляться на местную каторгу, или подчиниться мне и продолжать радоваться жизни дальше. Веками заложенная установка покорности сработала. Девушка испугалась и затараторила:

— Я все сделаю, господин, — и прямо вырвала у меня поводок из рук.

— Да, и не вздумай снять ошейник или сварить ее в кипятке, — предупредил я. — А теперь марш в баню, замарашка.

Праздновали мы без размаха. Первый советник пришел в себя и умотал проводить ревизию обоза, девочки не пели, они в своих палатках копались в вещах гресс. Думаю, они для себя там могли найти много интересного. Мы гуляли в чисто мужском коллективе. Грендар повеселел.

— Теперь меня точно не повесят! — сказал он мне и налил пивную кружку настойки. Поднял ее и выпил. — Друг, — продолжил он, когда закусил огурчиком, — у его величества часто своих мыслей нет, что советники посоветуют, то он и решит. Будь осторожен в словах при аудиенции. Я, конечно, тем советникам, которые мне не враждебны, заплачу, но другие кланы заплатят своим прикормленным советникам, чтобы тебе сделать худо. Надо сделать так, чтобы король увидел твою полезность ему, — разоткровенничался Грендар.

— Давай купим короля, — предложил я свое решение. — Так будет проще.

— Ты что! Короля не купить! — возмутился он.

— Все продаются, — уверенно заявил я, — только сумма разная. Что его величество любит?

Глендар задумался, потом, смеясь, посмотрел на меня:

— Больше всего его величество любит девок.

— А если мы ему нашу грессу подарим? — предложил я.

«А что? Введу нужные установки, заблокирую агрессию и сотру часть памяти», — начал мысленно планировать я. Но Грендар обрубил мою идею на корню:

— Мы и близко не подходим к ведьмам. За такое предложение тебя сошлют в глубинные тропы, а меня точно повесят.

«Не вышло, — огорчился я, — но что-то с Ильриданой надо делать». У меня вышло по крылатому выражению: хотел, как лучше, а вышло, как всегда, — и теперь она стала моей головной болью. «Казнить нельзя помиловать». Где поставить запятую? Умом я понимал, что проще ее убить, — нет существа, нет проблемы. Но перешагнуть через себя я не мог. «Не было у бабы забот — купила баба порося», так вот и со мной вышло. Я хмуро посмотрел на сидящую у моих ног грессу, чистую и отмытую, и спросил вслух:

— И что мне с тобой делать, душа-девица?

Она подняла на меня свою красивую голову и осмысленно посмотрела:

— Я потеряла все, что имела, убей меня или дай умереть самой.

Надо же, она все понимает и думает!

— А что ты потеряла? Положение в своем змеином гнезде? Право приносить в жертву детей и возможность возвыситься до матери рода? Так это тебе не грозило, тебя сослали на границу подальше, на всю жизнь. Ты там у себя была неудачница. Может, ты умеешь хорошо воевать, я не спорю, но вот в искусстве интриги ты слаба. А я могу предложить тебе другой мир, другие просторы, а не ваши сырые подземелья.

Я понимал, что говорю сейчас впустую, но вместе с тем я вкладывал ей именно такие установки, которые выстрелят в будущем. Отрывал ее от привычного мира, от ее родства и разрушал ее представление о мироустройстве.

— Ты будешь мне служить, и будешь делать это охотно, — жестко сказал я.

— Я лучше землю буду есть и лягу на жертвенник, чем стану

служанкой, — тихо ответила она.

Я схватил ее за волосы и поднял голову, нагнулся близко к ее глазам.

— Запомни, чернявая, все когда-нибудь в жизни случается впервые, — произнес раздельно по словам. — Вот ты была командиром пограничного гарнизона, а теперь рабыня. Ты уже взрослая, а остаешься девственницей, — усмехнулся я, продолжая смотреть ей в глаза.

От моих откровений она испуганно сжалась и крепко свела ноги вместе.

— Видишь, сколько еще неизведанных тайн тебе предстоит узнать, — загадочно произнес я. И строго приказал: — Садись за стол и ешь.

Глендар только поморщился, но промолчал. Я налил три кружки — себе, ему и грессе.

— За наши победы! — провозгласил я.

Ночью глазастая страстно искупала свою вину и утром тоже. На попойку я не пошел, потому что у меня открылись новые знания по магии крови, которые выведала Шиза и установила мне.

Вот что я узнал. Магия крови — одна из сильнейших, хотя не всегда мгновенно действующая. Древний собиратель практик, книгу которого я нашел у наших некромантов, летал по верхам.

Я стал систематизировать полученные знания. Магию крови можно разделить по разделам — заклинания и ритуалы.

К заклинаниям магии крови я отнес:

— «кровавый туман». Действует он так: маг жертвует небольшое количество крови (действительно, немного, ну там порезал палец, и хватит) и за счет нее связывает капли влаги в воздухе, превращая их в туман. Из-за крови туман имеет багровый цвет, попавшие в него цели замедляются и как бы вязнут в нем (кровь имеет свойство густеть). Несколько магов крови могу остановить небольшое войско;

— «багровый восход»: маг надрезает вену и бросает кровь в сторону противника. При мысленном пожелании кровь мгновенно выбрасывает всю энергию в том направлении, куда ее посылают. Происходит вспышка (взрывная), основное ее действие — это огненный смерч с массовым поражением, побочное действие — оглушение и дезориентация противника;

— «дождь смерти» — кровь не из вены, это заклинание применила против меня Ильридана. Капли крови кристаллизуются в гранулы и взрываются, освобождая энергию, заложенную в них.

И еще с десятков менее убойных заклинаний. Однако с помощью крови можно не только убивать, но и защищаться. Есть заклинание сродни

«багровому туману»: при ранении вокруг тела формируется небольшая плотная область, в которой вязнет оружие и гаснут заклинания. Названия у него не было, и я обозвал это заклинание «багровая броня».

Можно также лечить с помощью крови. Существовали заклинания мгновенного исцеления, массового исцеления, а также приращения отрубленных конечностей. С помощью ее можно усилить организм, увеличить приток кислорода, добавить адреналина, дать более сильную подпитку мозгу, тем самым улучшить мышление, укрепить связки и увеличить скорость и реакцию.

Существовали еще заклинания модификации предметов. Любую вещь можно было улучшить, придать ей новые свойства. Я это знал и ранее, только использовал не вполне правильно. Тут важным было свойство привязки на крови.

«Привязка вещей» на крови (это уже ритуал) делает вещи личными, ими не удастся воспользоваться другим персонам (попытавшемуся использовать привязанную или зачарованную на привязку вещь с помощью дополнительного ритуала магии крови нанесет вред вплоть до смерти).

На основе магии крови можно делать эликсиры — как лечебные, так и усиливающие те или иные свойства. Можно свою кровь сделать ядовитой для другого существа.

Самый шик в магии крови — это то, что она является неотъемлемой частью мага, а значит, подавители магии на нее не действуют и ее можно применять даже в немагических мирах.

Основная сила в магии крови — это, конечно, ритуалы. Они длительные, требуют подготовки, но и действуют безотказно. Ритуалы связи, контроля, подчинения, постановки различных преград. Но лучше всего они действуют против живых существ. К минусам можно отнести то, что кровь имеет свойство заканчиваться, и злоупотреблять ею нельзя.

Понятно, что магессы, имея такое преимущество, как магия крови, стали полноправными хозяйками в своем царстве.

Я вышел из палатки. Рядом у костра сидели орки, они с безразличием древних философов смотрели на происходящие события, у них был свой Худжгарх, который вел к победам не только их, но и коротышек. Среди них сидел черный Пятница, вот его-то я и позвал. Он подлетел пулей и склонился, ожидая приказаний.

— Короче, Пятница, хватит бездельничать. На тебе моя пленница. — Я подал ему поводок. — Корми, обслуживай, но ошейник не снимай.

Я был доволен. Все, на некоторое время я снял с себя обузу. Надо приготовить пакеты поведенческих реакций для дамы, будем перековывать

ее из плохой в хорошую.

Сначала Ильридана испытала шок от того, что на нее был надет рабский ошейник, сознание ее не справилось с перегрузками, и она пропала в спасительной тьме. Но забвение было недолгим и облегчения не принесло. Она стала рабыней и игрушкой странного человека, называющего себя русским. Молодой хуман вел себя очень уверенно, легко таскал ее на своем плече и посмел несколько раз похлопать рукой по ее задку. Как будто она была его собственность. Был он противно белый, как гномы, только без этой ужасной бороды, выше и гораздо шире в плечах. Он пленил всех дзирдов, а гресс раздел вихрем, который направил на этих куриц. По большому счету ей были безразличны судьбы этих дур, ее тяготила собственная судьба.

После плена, даже если он ее отпустит, она не сможет подняться. Самое большее, что ей позволят, — быть обозной грессой и посмешищем для других.

Она ненавидела этого самоуверенного человека каждой клеточкой своего тела, каждой частицей своей души, он разрушил ее жизнь и достоин жестокой смерти.

Но она не могла снять ошейник и не могла сопротивляться его воле. Женщина покорно помылась в бане с гномкой, и та видела ее обнаженной, девка тоже должна умереть. Он также заставил ее пить этот отвратительный крепкий напиток, от которого она страдала. Вот ублюдок!

Но неожиданно судьба преподнесла ей подарок. Недалекий хуман приставил к ней дзирда в услужение и оставил одних.

Наступила ночь, дзирд завел ее в палатку и хотел оставить.

— Стой! — применила она заклятие голоса. Мужчина замер, его глаза уставились перед собой. Всем мужчинам через ритуал подчинения вкладывалось послушание. — Сними ошейник! — приказала она.

— Я не могу ослушаться хозяина, — помертвевшим голосом ответил дзирд.

— Проклятье! — выругалась женщина. — Что он с тобой сделал? — Ее неприятно поразило, что дзирд не выполнил команды.

— Провел ритуал подчинения на крови, — ответил мужчина. Он так и продолжал стоять столбом.

Проклятый хуман знает магию крови?! Откуда он такой взялся? Она видела, что магический запас человека весьма мал, но он творил немыслимые вещи. Хотя бы то, что мог неожиданно появляться и снова исчезать.

Что же делать? Ее мысли лихорадочно искали выхода из создавшегося положения. Ее свобода и месть были от нее в одном шаге! Она посмотрела внимательно на дзирда, и у нее созрел план.

— Дай мне свои руки! — приказала она.

Слуга послушно протянул ей свои расслабленные руки и продолжал безучастно стоять. Наложив свои ладони на его, она, используя его пальцы, расстегнула ошейник, и тот упал ей под ноги. Волны ликующего торжества хлынули в ее чувства. Она все же умнее и хитрее человека, одно слово — глупый самец!

— Умри, предатель, — злобно прошипела гресса, устремив мстительный взгляд на слугу.

— Я не могу, — равнодушно ответил он.

— Зато я могу тебя убить! — и, сложив пальцы щепотью, ударила дзирда в грудь. У мужчины подкосились ноги, и он свалился на рабский ошейник.

«Нет, — подумала она, — так легко этот хуман не умрет». Сначала она потаскает его в этом ошейнике на поводке. И от этой мысли она рассмеялась. Оттолкнув тело слуги, Ильридана подняла ошейник и тенью выскользнула из палатки, наложила на себя заклинание «хамелеон» и, сливаясь с окружением, направилась к палатке хумана. Там она ранее провела несколько часов, пока тот сидел и о чем-то думал. Его клыкастая охрана спала, распугивая окрестных кузнечиков оглушительным храпом. Она прошмыгнула мимо них и почувствовала чей-то взгляд на своей спине. Резко обернувшись, увидела неподалеку нескладно сложенного худого невысокого орка, молча рассматривающего ее. Она сделала скользящий шаг в его сторону, и он так же легко разорвал дистанцию. Женщина видела, что он плохо различает ее, и, резко ускорившись, атаковала его. Резкий удар в область шеи, который должен был сломать его кадык, встретил блок. Но не жесткий, а мягкий, с уводом руки в сторону. Гресса не ожидала, что орк сможет отразить ее удар, и от неожиданности потеряла контроль боя на пару мгновений. Удар в живот скрутил ее от боли, она согнулась, резанула ногтями по руке, и вокруг нее образовалось тягучее облако, охватившее обоих. Орк не ожидал, что увязнет, и стал вырываться. Воспользовавшись сумятицей, жрица нанесла молниеносный удар ему в область сердца. Орк стал опускаться на землю с открытыми глазами. Понимая, что времени у нее остается все меньше и скоро может подняться тревога, Ильридана оставила орка и помчалась к палатке с хуманом. Сейчас было важно только одно — совершить месть. Она откинула полог и увидела спящих в обнимку мужчину и женщину. Они были спокойны, как бывают спокойными не

обремененные заботами люди. Гресса осторожно подошла к постели. Одеяло сбилось набок, открыв обнаженные тела. Маленькая хрупкая девушка, улыбаясь во сне, обнимала руками и ногами ее бывшего хозяина. Хороший самец, промелькнула крамольная мысль у женщины, которая жадно рассматривала торс мужчины. Но потом нагнулась и подняла руку для оглушающего удара.

Она вся была напряжена, удар должен быть один и несмертельный, хорошо рассчитанный и выверенный. Ильридана сосредоточилась и вся ушла в свои мысли.

Она не ожидала того, что произошло дальше. Человек резко открыл глаза и весело сказал: «Пух!»

Но для нее это было как сокрушительный удар по нервам, голове и всему телу. Она от неожиданности вздрогнула и почувствовала, как горячие струи потекли неудержимым потоком по ее ногам. Женщина застыла, пытаясь удержаться, но это было выше ее сил.

«Я описалась», — подумала она и тут же упала рядом с кроватью, потеряв сознание.

Я спокойно спал в объятиях уставшей гленды, но тревожный сканер подал сигнал о приближении враждебно настроенного объекта. Обработав данные, он определил, что это моя чернушка. Я уже не спал, разбуженный Шизой, и лежал с закрытыми глазами.

Гресса тихо проникла вовнутрь и остановилась над нами. Я ее не видел, только сканер показывал красный силуэт возле нашей кровати. Женщина на несколько мгновений замерла и подняла руку.

— Не лежи столбом, действуй, — стала побуждать меня к защите Шиза. — Она накачивает руку энергией и хочет тебя убить! Останови ее!

— Что она может сделать? Только пальцы сломать о защиту Лиана.

Тот уже обработал угрозу и спокойно потянул из руки воительницы энергию с помощью проводников — малышей. Я чувствовал, что бывшая командующая очень сосредоточенна, она вся была как одна сжатая пружина, и, открыв глаза, я эту пружину спустил, сказав одно слово: «Пух!» Но этого хватило, чтобы Ильридана сильно вздрогнула, ее глаза стали огромными, как пылающий костер. Она прижала руки к низу живота и упала, затушив свои костры.

— Ну вот, опять потеряла сознание, — удивился я. — Какая тонкая нервная система у дамы.

— Дурак, разве можно так пугать, — проявилась возмущенная Шиза. — Я сама чуть от неожиданности не умерла. Зачем столько эмоций

вкладывать в «пух»?

А я и не заметил, как накачал испуга в это простенькое слово. Надо будет исследовать этот вопрос — как слово сделать оружием. Иногда лучше напугать, чем убить. Я встал очень осторожно, чтобы не разбудить глазастика, и наступил на ошейник, который ранее надел на чернушку. Вот оно что, кто-то помог ей снять ошейник, и этот кто-то, скорее всего, мой новый слуга. Подняв бесчувственную женщину, я увидел, что подол ее синего платья мокрый и от него идет неприятный запах. Действительно, перестарался, пришлось мне согласиться с недовольством Ши́зы.

Подхватив ее правой рукой под мышку, пошел искать виновного в происшествии.

У костра орков лежал и помирал Фома, его жизнь цеплялась за мои установки выживания и потихоньку вытекала, удерживая беднягу на тонкой невидимой грани. Пришлось применять магию крови для исцеления и вливать ему эликсир. У него были разорваны практически все внутренние органы. Теперь я лучше понимал беспокойство Ши́зы: чернушка едва не убила подготовленного ко многим неожиданностям шамана. В палатке умер черный слуга. Вдохнув, я оставил грессу и зашел туда осмотреть тело. Её она убила также выбросом энергии. Не оставляя надежды, я магическим взглядом осмотрелся вокруг. Над телом висела колыхающаяся субстанция. Значит, умер он только что, и душа еще цепляется за тело, но скоро уйдет за грань.

«Лиан, говори слово силы и отправь его обратно в тело», — мысленно попросил я. Мне не было известно, какой результат даст такая процедура, я просто действовал по наитию. Во мне жила сильная тяга к экспериментам. Здесь я обнаружил в себе качество, ранее мне незнакомое. Я любил учиться и усваивать новое. Это будоражило кровь и наполняло новым смыслом мое существование. Как писал Николай Островский, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Субстанция дрогнула и стала втягиваться в тело осторожно и поначалу медленно, потом совершила скачок и исчезла. Одновременно с этим я как мог быстро использовал заклинание исцеления. Дзирд вздохнул и закашлялся. Ему я тоже влил эликсир. Когда он пришел в себя и с удивлением рассматривал окружение, я спросил:

— Что видел? Свет в конце тоннеля?

— Нет, себя лежащим на полу палатки и вас, ваша милость, творящего волшбу.

— Понятно, — сказал я. — Говори, как получилось, что гресса стала свободна?

— Она использовала заклятие подчинения, взяла мои руки и ими сняла ошейник, потом ударила меня. — Он задумался. — Больше ничего не помню.

Вот как, тут я дал промашку. Жрицы весьма осмотрительны и проводят ритуал подчинения над мужчинами, и моя чернушка этим воспользовалась. Конечно, она не дура и смогла найти лазейку. Придется с ней плотнее поработать. Убивать ее не хочу, все внутри противится этому, но оставлять такую мину у себя за спиной тоже опасно. Выгнать ее? Но, как говорит Шиза, это неэффективное использование ресурсов. Хотя прежний мой ресурс — армия духов, обустраивающаяся внутри меня, никак себя не проявляет. Ни положительно, ни отрицательно, одним словом, никак. Остается уповать на выражение «еще не вечер».

Я занес женщину в палатку, сопровождаемый мрачным взглядом Фомы. Понятно, он опять ожидает, что я отберу у него имя и орки будут смеяться над ним. Пусть помучается неизвестностью. Отрицательный опыт тоже положительный, придумал я на ходу афоризм.

Положил Ильридану на походную кровать и раздел. Снял платье, тонкую шелковую рубашку, сапоги и чулки. Наложил оцепенение. Что говорить, Творец создавал свои творения тщательно и со старанием. На кровати лежала обнаженная совершенная красота, способная обмануть своими формами любого. Любого, но не меня. Она уже пришла в себя и лежала с закрытыми глазами, ожидая физического насилия, и я чувствовал ее страх в душе.

«Ну-ну, мечтай», — мысленно усмехнулся я. И стал готовить ритуал стирания памяти.

Пока она была без сознания, по моей просьбе Шиза определила блоки памяти, отраженные в ее ауре, которые я хотел стереть. Память ее детства с ломанием психики и принуждением к мукам. Память, в которой были установки на достижение положения в роду с помощью любых средств. Я буду менять ее моральные установки. Шиза помогала мне, поняв, что я хочу, и старалась вовсю. Все новое и необычное она встречала с восторгом и великим энтузиазмом. Она была экспериментатор похлеще меня.

Я делал то, чего до меня, наверное, никто не делал. Я установил кровную связь с грессой и отправил пакеты новой памяти для инсталляции; ножом неглубоко, только чтобы выступила кровь, надрезал ей живот по кругу и стал вырезать нужные фигуры на лбу, на груди, и все это соединял линиями, через которые хлынет энергия. Потом надрезал себе вену и собрал в фиал свою кровь, граммов сто.

Подготовка была завершена. Я смочил кровью ладонь и начал втирать

ее в ранки на теле Ильриданы по всем рисункам. Когда закончил с этим, стал читать заклинания. Наверное, со стороны это выглядело очень непонятно и пугающе.

Одновременно я следил за тем, как меняется ее аура. Нужные мне участки пометил черным цветом, и сейчас они потихоньку светлели. Рядом с ней я просидел больше двух часов.

Что в конце концов у нас с Шизой получится — одному Творцу было известно. Может, Ильридана с ума сойдет или вообще памяти лишится, трудно было предположить. Но я как всегда надеялся на... короче, на благоприятный исход.

Я накрыл женщину простыней и вышел. Лагерь потихоньку просыпался. Пора заканчивать наш поход, пришло ко мне понимание. Разрушим крепость, вернемся назад, буду искать портал, чтобы удрать в свои пенаты. Ни одна собака не сможет меня здесь удержать, решил я и направился к старшему хиртману.

— Строй войска и оркестр, с музыкой двинемся на крепость, тут лиг шесть всего идти. Там будете браво маршировать, все должны надеть ордена и медали.

— Все исполню, — браво доложил он, и по лагерю разнесся его зычный голос: — Строи-ться!!

В крепости остались только бежавшие офицерши, больные и хромые да обслуга. Я смотрел на толстые стены и ждал кого-нибудь на переговоры. Но ко мне никто не спешил выходить. Я помахал еще раз веточкой — это был знак парламентаря, принятый у местных, но ответом мне была тишина. Тогда я усилил голос и закричал:

— Через десять ридок крепость будет разрушена. — И тихо добавил сам для себя: — Кто не спрятался, я не виноват, — посмотрел на веточку и выкинул ее.

Мой малыш крутился рядом в ожидании лакомства. Он, как щенок, в нетерпении поскуливал: «Еда! Играть!»

Прождав без результата десять минут, я дал элементалю лакомство и определил фронт работы: сначала разрушить стены, потом центральный форт.

Глендар, узнав, что человек пошел на захват крепости без него, поспешил следом вместе с хиртрагами. Но все равно они не успели. Когда крепость показалась вдалеке, то ее стены стали рушиться, как будто они были сложены из костяшек шардона.^[12] Он подъехал к хуману и вместе с ним стал смотреть на столбы пыли, поднявшиеся к небесам. За ними

ничего не было видно. Но глава клана молчал, пребывая в сильном страхе перед мощью человека. Такой может уничтожить любой замок или город. Ему ничего не стоит разрушить столицу и завалить всех ее жителей. Опасный гость. А если он переметнется к дзирдам? Что тогда? Тогда беда, и другие главы кланов, узнав о сотворенном человеком чуде, решат так же. Тогда он, Грендар, не только не получит обратно право Первых ворот, его убьют вместе с человеком. Ведь именно он притащил его в королевство.

Такие мысли мелькали в голове глендара, пока он глядел на клубы пыли. Он не стал досматривать происходящий катаклизм, а повернул голема и направился к первому советнику.

— Отправляйся в столицу, возьми сколько надо золота и передай нашим друзьям. Пусть постараются убедить его величество, что человека надо отправить очистить Мертвый город. Там, говорят, есть древний портал, и человек сможет им воспользоваться.

Гильдмастер с уважением, по-новому посмотрел на владыку клана. Нет, он недооценивал его. Грендар сын своего отца, несколько прямолинейный, но не дурак. Он тоже увидел опасность, исходящую от этого непростого человека. Советник, ничего не говоря, поклонился и поспешил в лагерь.

«Карфаген» был разрушен и представлял собой нагромождение камней, над которыми висели клубы пыли. Я обернулся и увидел уходящих гномов под предводительством глендара. Музыка уже не играла, торжества не было, и сам он выглядел необычайно хмурым. Похоже, перебор, подумал я и полетел следом.

Лагерь оказался пуст. Обоз, девушки и хиртраги уже отправились обратно, у костра маленькой одинокой группой сидели мои орки, Пятница и Чернушка, как я стал называть черную эльфарку, рядом паслись уже оседланные быки.

Ко мне на големе подъехал все такой же хмурый Грендар.

— Поговорить надо, — бросил он и показал взглядом на спину голема.

— Возвращаемся, — сказал я оркам. — Возьмите на седла этих двоих, — указал я на дзирдов, после чего забрался к глендару. Тот неодобрительно посмотрел на парочку, но промолчал.

— Не буду скрывать, друг, ты показал свою силу и могущество, я впечатлен. Но здесь есть обратная сторона. Тебя могут посчитать опасным, девяносто к десяти, что так оно и будет.

Он помолчал, обдумывая дальнейшие слова. Я тоже молчал, не мешая ему собраться с мыслями. Он боялся меня и боялся реакции короля.

Ситуация была непредсказуемая.

— Вот что я предлагаю, — наконец вымолвил он. — У нас под столицей есть заброшенный город мастеров. Мы его называем Мертвый город. К нему ведут гиблые тропы, но там есть древний портал. По нашим преданиям, именно через него ушли кланы дворфов, когда их обвинили в предательстве. Вроде они еще проклинали город, и все жители превратились в исчадия.

Итак, меня сильно боятся. Я опять не по своей воле, а только случаем спутал чьи-то планы. От меня хотят избавиться, предлагая найти портал и убираться. С другой стороны, это хоть маленький, но шанс вырваться отсюда. Гленды испытывают ко мне недоверие и сильный страх, для дзирдов я стал врагом номер один. Я, как обычно, оказался между молотом и наковальней. Это Рок преследует меня.

— Все зависит от короля? — спросил я, смотря вдаль, где пылили колонны гномов-победителей.

— Если бы! — вздохнул глендар и тоже посмотрел на марширующее войско. — От его советников. Тут кто кого переговорит. Против меня объединятся шестнадцать кланов и купят всех советников. Эти кланы стремятся шагнуть выше, меня поддерживают только первые, потому что считают глупым и неопасным. — Грендар с усмешкой посмотрел на меня. — Ты тоже так, наверное, считал, человек?

— Нет, Грендар, я тебя считал гораздо лучше всех остальных и рад был помочь тебе, но раз вышло так, что я стою перед выбором, то согласен посетить этот город мастеров. Хотя можно короля поменять, это тоже вариант, — вслух высказал я только что пришедшую мысль. — Поставим королем тебя.

Он беспокойно огляделся вокруг:

— Не надо так больше шутить, опасно. Меня нельзя поставить королем. Королем может быть только родившийся в роду Морингов. Остальных подгорный народ не признает. Есть кланы, которые соперничают с друг другом, а есть род, который стоит над кланами. Он правит и судит. У короля имеется восемьдесят шесть советников, помогающих ему принять решение. Вот их-то и покупают кланы. Я не вижу тут ничего плохого, — сказал он, — это позволяет королевству находиться в устойчивом равновесии. Будь готов к словесной схватке и, если кто-то предложит пойти вниз, соглашайся. Один ты ничего не сделаешь и погубишь себя и меня. Если хочешь, я тебе с собой отдам ту гленду, что тебе глянулась, и карту Мертвого города. Она есть у меня в архиве.

— Нет, девушку мне не надо, ты ее лучше хорошо замуж выдай и мужа возвысь, — ответил я. — За карту спасибо, конечно, но что делать, если там не окажется портала?

— Портал был, и он отмечен на карте, — уверенно сказал Грендар, — но, если что, вернешься, и будем думать, как тебя отправить обратно.

«Будем думать», — мысленно усмехнулся я. Меня отправляют в один конец, где полно разных тварей, и уверены, что я там сгину, унеся с собой их страхи. Да, обложили меня, обложили! Как в песне. Кругом одни красные флажки.

Столица подземного королевства на меня впечатления не произвела. На склонах горы стояли домишки гномов, ниже виднелись мазанки людей, выращивающих зерновые, овощи и фрукты. Их дома утопали в небольших садах. Вся настоящая жизнь протекала внутри горы, там располагались поместья глендаров, обосновались гильдии и жили мастера. В окружении их находился дворец короля с красивым фасадом, вырубленный в скале. Вот туда меня и завел Грендар. Стража подозрительно на меня посмотрела, но пропустила. Мои орки и дзирды остались снаружи.

Покои мне отвели простые, без излишеств: две кровати, ночной горшок и коврик на полу. Не гостевой номер, а жилище аскета. У дверей расположились два гвардейца на страже. «Выходить нельзя, ждать, когда позовут», — сказано было мне маленьким глендом со злыми глазками. Я понимал, что таким образом мне дают понять, какое место я занимаю в их обществе. Кроме того, может быть, это завуалированное оскорбление должно было подвинуть меня на опрометчивые поступки. Но повода для вражды я решил не давать. Зачем переть напролом? Нормальные герои всегда идут в обход.

Я создал собственную иллюзию и уложил ее на кровать. Сам ушел в «скрыт» и телепортировался за дверь. Впереди маячила спина гленда со злыми глазками, вот за ним я и решил пойти. Он шел важно, не обращая внимания на проходящих слуг и глендов. Завернув за угол, я последовал за ним, лавируя между снующими слугами, их тут было, как муравьев. За углом я чуть задел одного из важных глендов, разнаряженного, как павлин. Он посмотрел вокруг возмущенным взглядом, увидел гленда, не так нарядно одетого, и с воплем схватил того за бороду: «Ты что, не видишь, куда прешь, деревенщина?» Гленд, которого схватили за бороду, сначала опешил, потом неожиданно плюнул «павлину» в лицо со словами: «Это ты смотри, кривоглазый, я из Восьмых ворот» — и тоже схватил за бороду своего противника. Они кряхтя стали бороться. Чем эта потасовка закончится, я досматривать не стал. Мой провожатый уже оторвался от

меня и мог скрыться, ищи потом, кому он пошел докладывать. Я понимал, что сейчас пойдет цепочка докладов снизу вверх, и хотел проследить ее и послушать, что приготовили мне «гостеприимные» хозяева.

По дороге я дал подзатыльник очередному франту и пинок его соседу. Они сцепились, как дворовые псы за косточку. Выхватил поднос с фруктами у слуги и огрел им спешащего куда-то гвардейца. Встретив парочку неспешно идущих гленда и его дамы, дал пинок мужчине и задрал платье женщине. Что тут началось! Женщина завизжала и вцепилась в бороду идущему следом гленду. Упавший кавалер выхватил руну и применил заклинание против обидчика, это было сродни «воздушному кулаку». Обоих — и даму и гленда — припечатало к стенке. А мне стало весело. Дальше я не пропускал всякого, кого встречал на своем пути. Хватал за груди глендов, давал пинки глендам, даже умудрился с одного стянуть штаны.

Согласен, вел себя глупо, и после меня оставался хаос, брань и драки. Зато сердце мое успокаивалось, а мысли приобретали стройность.

Я зашел следом за глендом, и он доложил, что человек в номере под охраной.

— Что там за шум? — спросил его еще более важный гленд.

— Воротники не поделили, кто из них важнее, — усмехнулся вошедший, — их сейчас много понаехало с глендарами, вот и ссорятся.

— Скорее бы все закончилось, покоя от провинциалов нет, — поморщился хозяин покоев и заспешил с докладом дальше, а я за ним.

Когда проходили мимо парочки молодых с негустыми бородками глендов, я отпустил ему подзатыльник. Чиновник замер и, обернувшись на стоящих и улыбающихся юнцов, взревел:

— На тропях сгною, воротная падаль! Гвардейцы, ко мне! — Те не стали дожидаться развязки и бросились прочь. — Догнать сволочей! — орал мой «поводырь» и брызгал слюной.

За молодыми членами какого-то клана устремилась стража. Возмущенный чиновник, громко ругаясь, двинулся дальше. Мы прошли охраняемые гвардейцами двери и вошли в широкий коридор. Тут была тишина и покой. Брюзжащий гленд постучался, подобострастно согнулся и хотел войти, но, получив от меня сильный пинок, кубарем влетел, протаранив закрытые двери. На него удивленно посмотрел другой гленд, у которого все пальцы были в кольцах, и укоризненно произнес:

— Гарсивар, будьте в следующий раз осторожней. Служба его величеству не требует спешки. Что-то произошло?

Сбитый с толку и обескураженный чиновник растерянно оглядывался:

— Простите, господин, там понаехали воротники и устроили драку. — Он не стал говорить, что получил пинок, и доложил: — Человек в гостевых палатах для слуг и под охраной.

— Хорошо, Гарсивар, можете идти, — махнул кончиками пальцев хозяин кабинета.

Гарсивар стал пятиться назад, непрерывно кланяясь, а я подставил ему подножку. Тот с воплем повалился и на карачках устремился вон из кабинета.

Я пошел следом за этим важным господином. Он шествовал довольно медленно, так как понимал, что служба королю не терпит спешки. Это урон чести его величеству.

Старший смены королевской гвардии в гостевом крыле метался, как раненый зверь. Он пробивался с десятком гвардейцев по коридору и пытался навести порядок, но куда там. Сил не хватало, а по всем коридорам велись настоящие бои между глендами разных кланов. Кто с кем бьется и за что, он не мог понять, его гвардейцы сами оказались атакованы вопящими глендами. Они кричали: «Предательство, на нас напали». Повсюду валялись истерзанные тела, применялась рунная магия, где-то стены были опалены огнем. В углу несколько глендов насиловали орущую служанку или гленду, он не смог разобраться и дал команду рубить топорами насильников. В ответ их опалило огнем руны, и только зачарованные рунные доспехи спасли их от того, чтобы не быть заживо сожженными. Дальше пробиваться нет смысла, решил старший смены, нужно просить подкрепления, и отряд повернул обратно.

Я шел за важным господином, когда толпа солдат вбежала в коридор и выстроилась в защитную стену.

— В чем дело? — удивленно спросил господин в кольцах.

— Господин королевский советник, в замок проникли мятежники, в гостевом крыле идут с ними бои. Королевское крыло взято под усиленную охрану.

— Ну дела происходят у нас! — возмутился советник. — Выяснили, кто зачинщики?

— Пока это выяснить не удастся, там все сражались против всех, а теперь объединились против гвардейцев. У нас есть потери.

«Интересно, что там могло произойти? — подумал я. — Странные эти гленды, на что они рассчитывали, подняв мятеж. На меня? Так почему не связались со мной?» Я только покачал головой. То, что это стало

результатом моих шалостей, я тогда и подумать не мог.

— Я выделю вам охрану, — сказал командир гвардейцев.

Я заметил расслабленно стоящего бойца и качнул его алебарду в сторону командира. Она выскочила из рук разини и врезала тому по шлему. Солдат суматошно попытался схватить упавшее оружие и навалился на командира. Тот не удержался и схватился за советника, оторвав у него рукав.

— Измена! На меня напали! — заверещал королевский советник и зайцем прыснул по коридору. Я добавил ему скорости, долбанув слабым «воздушным кулаком».

Ладно, сегодня мне ничего узнать, видно, не удастся, тут такие дела заворачиваются, решил я и стал пробираться обратно по тому маршруту, каким пришел. Чтобы освободить себе путь, несколько раз применял «торнадо», расшвыривая толпу и разрушая баррикады. Тут действительно около сотни глендов устроили заварушку и сдерживали гвардейцев. Я пробрался к своей комнате, охраны не было, а внутри царил кавардак, мебель исчезла, иллюзия развеялась. И где мне спать? Я растерянно смотрел на одинокий ночной горшок.

Нет, так не пойдет. Я вернулся в королевское крыло и стал обходить комнаты. Все здесь было невеликим, под стать глендам, и залы не залы, а так, комнатухи, но богато убранные и уставленные довольно изящной мебелью. Везде было пусто, как будто дворец вымер или все ушли подавлять восстание. В одной из угловых комнат я увидел кровати и решил, что это то, что мне надо. Никого нет и можно составить кровати вместе. Быстро соорудив себе ложе, я разделся, провел очистку методом идриша и завалился отдыхать. Уснул я быстро.

— Там кто-то есть.

— Не говори глупостей. Кто может быть в нашей спальне?

— Тогда иди и проверь.

— Я боюсь, пошли вместе.

— Ты же сказала, что там никого нет.

— Я просто темноты боюсь, вдруг там спряталось исчадие.

— Откуда исчадие могло появиться во дворце?

— А может, это восставшие?

— Я не знаю, но там кто-то дышит, ты слышишь?

— Я ничего не слышу, давай позовем стражу.

— Ага, а потом над нами будут все потешаться или еще скажут, что мы специально позвали солдат к себе в постель. Не надо звать гвардейцев.

- Тогда пошли вдвоем, вдвоем не так страшно.
- Пошли. Смотри, я говорила, тут кто-то есть: наши кровати составили вместе.
- Нет тут никого. Это Риза и Мрога так по-глупому шутят, они в прошлый раз кровати составили вместе у девочек из старших.
- А я говорю, там кто-то дышит, и он большой, развалился на все кровати.
- Если кто-то есть, то он спит. Может, это Жарена и Проня заблудились, свет сегодня в коридорах не зажигали.
- А почему тогда кровати вместе составили?
- Может, им страшно, тут такое творится! Пошли на ощупь.
- Точно, кто-то спит. Мужчина?
- Нет, бороды нет, и волосы длинные, и пахнет хорошо, мужики воняют, как козлы.
- Дай я пощупаю... Точно, и живот не волосатый. Ой, а это что?
- Ты что нащупала?
- Не знаю, горячее что-то.
- Дай мне пощупать. Где?
- Да вот же!
- Это твои руки!
- А ты выше бери.
- Ага, нащупала... Так это же... Мужчи-и-и-на-а-а-а!

Я спал и сквозь сон слышал чье-то перешептывание, но угрозы оно не представляло, и я продолжал нежиться в чистой мягкой постели. Потом мне приснилось, что чьи-то ласковые руки стали меня гладить, сначала по лицу, потом погладили живот, мне было приятно и комфортно, кровь прилила к тазу, окатив меня горячей волной, и в этот момент меня разбудил сдвоенный вопль: «Мужчи-и-и-на-а-а-а!»

Мне было хорошо видно в темноте, как две симпатичные гленды ухватили меня за мой мужской знак отличия и орали во всю глотку. Толи они радовались, то ли, наоборот, были напуганы. Я не шевелился, боясь их спугнуть, а они не отпускали меня, застыв как статуи с открытыми ртами. Наконец первый шок у них прошел. Я не шевелился, как будто умер.

- А он живой? — теперь уже шепотом спросила одна.
- А как ты думаешь, у мертвого такое есть? — Она подергала меня.
- А почему он молчит?
- Не знаю, может, без сознания или устал сильно.
- А кто он?

— Ты что, дура? Откуда я знаю?

— Может, это глендар Грендар, он самый большой, кого я видела?

— Ага, ты видела его без бороды? Я нет. Что ты пальцами шевелишь?

Отпусти его.

— Хочу и шевелю, сама отпусти.

— Не могу, — девушка прыснула, — он такой... большой и приятный.

А давай ляжем с ним, — предложила она.

— Зачем? — спросила другая.

— А тогда нам страшно не будет, — ответила первая. — Давай по бокам ляжем.

Они разделись и тихо, как мышки, залезли под одеяло, и тут же их ручки зашарили по моему телу, столкнувшись.

— Ты чего его хватаешь? — зашипела одна. — Ты же сказала «просто полежим, чтобы страшно не было», — передразнила она подругу.

— А мне так спокойнее, — ответила вторая уже без смущения. — Не так страшно, — добавила она. — Какой горячий, — и полезла на меня.

— Ты куда? — возмутилась первая.

— Я погреюсь немного, — ответила вторая, — потом ты.

— А почему ты первая? Я тоже хочу.

Меня уже не спрашивали, чего хочу я, и мне приходилось молчать и изображать глубоко спящего. Но в какой-то момент я не выдержал и взял управление процессом в свои руки. К этому времени девушки уже освоились с моим телом и безропотно встретили мою инициативу.

Утро застало нас лежащими в обнимку и уставшими. Но какое утро может быть в подземелье? Вошли служанки, зажгли лампы и тихо вышли. Девушки протирали глазки и недоуменно смотрели на меня. Но без страха.

— Ты кто? — спросили они в один голос.

— Я гость его величества и друг глендара Грендара, прибыл с соседнего материка. А вы кто?

— Мы фрейлины королевской дочери, младшие. А ты тот страшный маг, о котором все говорят?

— Он самый. А что говорят? — Мне было нужно знать хотя бы слухи, гуляющие по дворцу.

— Говорят, что ты разбил армию дзирдов, пленил и изнасиловал всех жриц, разрушил замок у них и пришел установить свою кровавую власть здесь, у нас. Это правда?

— Врут! — возмущенно ответил я. — Я просто хочу вернуться обратно и на власть его величества не претендую. Я еще маленький.

— Маленький, маленький, — засмеялись они, — о-о, большой.

ГЛАВА 7

Открытый космос. Приграничная станция «Созвездие-57Т»

Блюм Вейс с мрачным видом читал директиву, спущенную из центрального офиса. Ему предлагалось в кратчайшие сроки выяснить судьбу рейдерской эскадры и доложить о результатах.

Свернув изображение и вытащив флэш-карту из наручного искина, он закурил. Эти дурни из Управления здорово обгадились, и теперь его ненавистный «друг» из оперативного департамента хочет, чтобы он, Вейс, сделал для него всю работу. Ну уж нет, добывать звания и звезды для сынков больших дядь, попавших по протекции в главное управление, он не будет. Они взяли ход операции под свой контроль, отстранив его, вот пусть и доказывают, какие они умные.

Это было всегда. Всю черновую работу делали на местах, а завершали с победными реляциями парни из Центрального управления. Но как оказалось, не в этом случае. Он злорадно усмехнулся, понимая, что не только он, но и другие руководители филиалов сейчас довольно потирали руки, получив сообщение о провале экспедиции из главка.

Он набросал ответ, в котором сообщал, что предпримет все доступные действия для быстрого решения поставленной задачи. Тут же сообщал, что у него нет для этого необходимых сил и средств, и приложил список того, что ему нужно. А именно: пополнить штат оперативных сотрудников, выделить дополнительные ассигнования. Наделить его дополнительными полномочиями в рамках поставленной задачи с использованием сил ССО.

Просмотрев еще раз составленный ответ, он остался доволен. Вейс, как никто другой, мог пользоваться предоставленными ему возможностями, поставить начальство в положение просителей, выбить сотрудников и, главное, средства.

Он вызвал начальника шифровального отделения и передал тому запечатанный бокс. Шифровка ушла под грифом «секретно».

«Теперь, — с усмешкой подумал он, — начнется переписка и согласование, а главный вопрос повиснет в воздухе на неопределенное время». А оно ему было очень нужно.

Демон пропал и не отвечал на шифровки, по-видимому, это не случайно, а также связано с исчезнувшей эскадрой.

Что у него осталось? «Брюнетка» и «Привидение», а кроме этого

местный «Дух». Негусто! Он надолго задумался.

Нехеец черт-те где

Большой тронный зал подгорного королевства, вырубленный в массиве мрамора и искусно украшенный умелыми резчиками по камню, своими размерами и убранством должен был внушать трепет и благоговение у всех, кто заходил сюда после широких, но простых до аскетизма коридоров дворца. Он как бы попадал в другой мир и терялся от блеска золота, отполированного мрамора и обилия света, который излучали магические светильники древних.

Остальные покои дворца освещались масляными лампами, хоть и не сильно коптившими, но дававшими скудный свет. В тронном зале толпились придворные и глендары, прибывшие посмотреть на человека, неожиданно появившегося в их краях.

— Ваше величество, беспорядки подавлены, гленды, участвующие в бунте, осуждены, и их готовят к ссылке в глубинные подземелья, — докладывал начальник стражи дворца.

— А что стало поводом для беспорядков? — Голос монарха был спокоен, но в нем чувствовалось любопытство, и опытный царедворец хорошо знал, как опасно сейчас сказать неправду или сообщить неверные сведения. У Люцофара были везде свои глаза и уши.

— Посмотреть на человека прибыли все главы кланов, ваше величество, с ними приехало много приближенных, они все перессорились из-за того, кто важнее, кто кому должен уступить дорогу, потом ссоры перешли в оскорбления и стычки. Молодежь даже нападала на младших советников дворца, ваше величество. Когда стража пыталась навести порядок, гленды атаковали гвардейцев. Так возник бунт, который был быстро подавлен. Все участники арестованы и дали признательные показания.

— А где человек? — спросил король. Он знал, как его палачи добывали признания, но считал это обоснованным: раз попался им в лапы, значит, виноват. Добытчиков рунного камня всегда не хватало. Его больше интересовал человек, неожиданно появившийся и проявивший могущество. И, как утверждали советники, он был опасен.

— Ищем, — замялся начальник стражи. — Во время беспорядков он пропал. Его комната разгромлена, а самого его найти пока не удалось. Среди тел убитых его тоже не нашли.

Король неодобрительно посмотрел на гленда:

— Как может такое быть, что в моем дворце пропал гость и никто не знает, где он? — Король обвел глазами придворных.

Те постарались сжаться и стать незаметными. Это был прокол, и за него кто-то должен был понести наказание. Они со злобой уставились на начальника стражи, их взгляды отчетливо говорили: ты потерял, ты и отвечай.

— Странный этот человек, вы не находите, уважаемые глендары? — Король еще раз обвел глазами подданных. Нашел самого высокого, который не мог спрятаться за остальными.

— Грендар, расскажите нам об этом человеке. Говорят, вы с ним не одну бочку гномьего напитка выпили. И даже девушек на войну водили. — Король поудобнее устроился на жестком троне и показал, что внимательно слушает.

Глава клана Четвертых ворот поклонился; он был выше всех на голову, и, чтобы не выделяться, ему приходилось кланяться гораздо ниже остальных глендаров. Но это давало ему время собраться с мыслями и духом. Он понимал, что остальные главы кланов считают его воинственным глупцом и не самым опасным соперником. Поэтому он и сейчас решил играть роль грубоватого и простоватого вояки.

— Да, ваше величество, этот человек мастак выпить, он перепил моих советников и меня тоже, признаюсь.

— Даже так! — удивился король. — Однако! Продолжайте, мы вас слушаем.

— На войну мы не ходили, ваше величество, — хмуро и без подобострастия ответил глендар, — это наговоры, — он с вызовом оглядел молчаливо стоящую толпу. — Мы выпили... — Он замолчал, подбирая слова, и через небольшой промежуток времени добавил: — Немного... — Но интонации, с какими он произнес это слово, говорили, что глендар сильно сомневается в этом.

— Ну-ну, а дальше что было? — с явным интересом подтолкнул замолчавшего главу клана король.

— Мы выпили еще за ваше здоровье, ваше величество. — Он поднял глаза к потолку, силясь вспомнить, что было дальше, а это было трудно, и вспомнил. — Мы стали петь про ворона, который прилетел к умирающему гленду, застреленному стрелой дзирда.

— Это что за песня такая? — удивился король. — Я не слышал. — Он забавлялся растерянностью главы клана Четвертых ворот, но не сердился, этот грубый глендар развлекал скучающего короля.

Глендар глубоко вздохнул и вдруг мощно и красиво затянул:

— Черный ворон...

Когда он закончил петь, то на его глазах появились слезы, а в зале стояла такая тишина, что каждый из присутствующих боялся пошевелиться, чтобы ее нарушить. Неожиданно глендар ударил кулаком по ладони, и этот стук разорвал натянутую тишину, словно струну, и король вздрогнул от неожиданности, уставившись на главу клана широко открытыми глазами.

— Вот мы и решили пойти набить морды дзирдам, чтоб не задавались. А девок взяли, чтобы веселее было, — не удержался от улыбки здоровяк. — Дальше помню не совсем ясно, ваше величество, — сознался Грендар. — Мы шли. Девки пели.

— Ну и как, набили морды дзирдам? — Король почти смеялся, давно его так не развлекали придворные.

— Нет, ваше величество, встречные силы противника неожиданно сдались от бравого вида ваших солдат, ваше величество, но не только поэтому. — Глендар оглядел внимательно слушающих его придворных и глендаров и продолжил: — Там среди врагов созрел заговор!

У короля брови взметнулись вверх.

— Человек уговорил сдаться мужчин-дзирдов, пообещав им свободу. Они убили своих жриц и ушли в горы Ронга. Поэтому нам так легко удалось захватить крепость. Потом человек ее разрушил, — закончил кратко рассказ о священном походе глендар.

— Зачем он это сделал? — Казалось, король был удивлен, но властитель клана Четвертых ворот не сомневался, что факт разрушения крепости королю известен, и понимал, что его удивление наигранно. Люцофар наверняка знал, что крепость разрушена, только не знал подробностей.

— Пьян он был, ваше величество. Барон пошел парламентаром, предложить дзирдам сдаться. Но они ему что-то сказали непристойное, он рассердился и разрушил крепость так, что там только груда камней осталась, — развел он руками в стороны, показывая, что сильно сокрушен происшедшим. Лицо его при этом выражало натуральную скорбь.

— Он что, действительно такой сильный маг? — Король буравил глазами глендара.

— Думаю, да, ваше величество, и его искусство опасно. — Грендар прямо смотрел в глаза короля.

— И вы такого опасного мага привели в мой дворец? — Казалось, от тона короля замерзнет воздух и выпадут снежинки.

— Привел, ваше величество, — вздохнул глендар. — Я предлагаю

отправить его в Мертвый город; он ищет телепорт, чтобы вернуться, там как раз есть тот, каким ушли дворфы, бросив свои дома. Заодно он нечисть подчистит, и добыча рунного камня увеличится.

Услышав про рунный камень, король задумался.

— А ведь верно говоришь, Грендар, мы так двух птиц поймаем. — Он одобрительно посмотрел на глендара. — И подземелья почистим, и от чужака избавимся. — Он насмешливым взглядом осмотрел придворных. — Учитесь, как надо служить королю: вот как глендар Грендар. Если все получится так, как он нам рассказал, то быть ему глендаром Первых ворот.

Глава клана молча поклонился и застыл каменным изваянием, теперь он был окружен врагами и обласкан королем. Кроме того, его гленды не участвовали в бунте, потому что он не имел привычки брать с собой бездельников. Теперь все зависело от пропавшего человека.

В зал зашел какой-то придворный и что-то прошептал на ухо другому. Эстафета шепота дошла до начальника стражи. Он приосанился и облегченно сказал:

— Ваше величество, человек идет по коридору.

— По какому коридору? — Король удивлено посмотрел на говорившего.

Тот широко открыл глаза, часто заморгал и запустил эстафету шепота обратно.

Я шел по широкому коридору, покинув покои гостеприимных девушек, ища место, где можно было бы перекусить. Я не ел уже сутки, пребывая во дворце, и сильно проголодался. Можно, конечно, поест сухим паком, отобранным у гномов, но он был хоть и питательный, но невкусный, и я решил оставить его на потом.

У каждого поворота стояли гвардейцы, которые, выпучив глаза, смотрели на меня. Первые, кто хотел меня остановить, упали на пол, лишившись силы в ногах. Это малыши сожрали у них запас сил. А их командир убежал куда-то. Так я и шел из одного коридора в другой, безуспешно пытаясь выяснить, где же тут можно все-таки поесть, а за мной оставались лежащие стражи. Наконец мне дорогу перегородили гвардейцы, за спинами которых толпились хиртраги в серых мантиях, напоминающие больших бородатых мышей.

— Гленды, где тут у вас кормят гостей? — громко спросил я и остановился. Ответом мне было гробовое молчание. Я смотрел на них, они на меня, в готовности применить руны.

— Не вздумайте применить оружие, — сказал я им. — Если начнете

рушить дворец, точно в гиблые подземелья отправитесь.

Мой ход с угрозой сработал, они замялись, а вперед вышел один из них.

— Стой, человек! — сказал он. — Сейчас о тебе доложат и примут решение, как быть.

— Мне бы поесть, — спокойно ответил я. — Когда буду на аудиенции у его величества, обязательно скажу, как плохо обращались с его гостем. Сообщите мне свое имя, чтобы я знал, на кого жаловаться. — Я посмотрел на сразу побледневшего гленда. Возможность аудиенции у короля и угроза пожаловаться вогнала его и остальных в ступор. Воспользовавшись этим, я протиснулся сквозь них и пошел дальше.

— Э-э-э, залы приема пищи не там, — догнал меня его голос.

— Да? — Я остановился. — Тогда показывай где, и я скажу королю, какой ты славный подданный.

— Нет-нет, — испугался он, — не надо меня хвалить, я покажу вам просто без всякой благодарности с вашей стороны.

Мне был понятен его испуг, кто знает, какотреагирует его величество на то, что мне оказали помощь. Может, медаль даст, а может, на каторгу сошлет.

Но поесть мне не дали, в коридоре показался спешащий гленд и напрямик направился ко мне.

— Дорогой наш гость, мы вас обыскались, пойдемте за мной, его величество уже ждет.

— Вы куда-то торопитесь? — поинтересовался я.

— Ну конечно! — воскликнул и снова повторил свою фразу: — Мы вас уже обыскались.

— Это вы зря, уважаемый гленд, на службе короля торопиться не следует, это умаляет его достоинство. Поэтому я пойду перекушу, а потом отправимся на аудиенцию.

Гленда, казалось, хватит удар, такой интерпретации службы королю, чтобы заставлять того ждать, он еще не слышал. Он заморгал и беспомощно промямлил:

— А как же аудиенция? Его величество ждет.

Мне тоже пришлось задуматься, отказаться королю и уйти есть? Я еще не совсем с ума сошел и вынужден был согласиться с доводами гленда.

В просторном зале с высокими потолками стоял золотой трон на возвышении. У стен с колоннами в виде гигантов, подпирающих потолок, толпились придворные. Я решил, что трон золотой, потому что тот был желтый и украшенный драгоценными камнями. На нем восседал ни

маленький ни большой, ни толстый ни худой — средних размеров глендар с простоватым, невыразительным лицом. На его голове был обод, тоже из золота, на котором красовались стилизованные ворота зубчиками. Король без всяких эмоций смотрел на меня, только его глаза жили отдельно. Они осматривали меня, ухватывая каждую деталь, изучая и цепляясь за каждую мелочь, как скалолаз за выступы на скале, немного задерживаясь.

Я же выражал полное восхищение и радость. Поклонился поклоном лигийских аристократов и поприветствовал властителя:

— Рад видеть вас, ваше величество, в добром здравии! Приношу свое восхищение вашей столицей и устройством вашего королевства, процветающего под вашим мудрым руководством, — и почтительно замер в ожидании.

Король с интересом посмотрел мне в лицо. Что уж там он хотел увидеть — смеюсь ли я над ним или действительно восхищаюсь, я не знал. Мое лицо выражало спокойное почтение, и только. Следующий ход был за ним.

— И мы рады видеть посланца из другой части света, — ответил он, и я понял, что король тертый калач. Он закинул удочку о моих полномочиях и ждал ответа.

— Да, ваше величество, как первый разумный, посетивший ваши края, я с полным правом могу считаться посланником народов, населяющих наши земли. — Я снова учтиво поклонился, пусть подумает, как мои слова воспринимать.

— Какое королевство вы представляете? — нашелся он и уважительно посмотрел на меня, в его глазах я выглядел, как ловкий царедворец.

— Не буду скрывать, что могу представлять королевство Вангор, Нехейские вольные баронства и орков, — сказал я. Подумал и добавил: — Но четкие инструкции имею на сей счет от княгини Новоросской дамы Хомо Шизы. — И тут я не соврал, княжество есть, а я его полномочный представитель.

Король уже по-другому посмотрел на меня.

— У вас, наверное, есть послания от правителей этих стран? — спросил он, прожигая меня своими маленькими глазками.

— Были, — сокрушенно ответил я. — Но после вчерашнего все мои вещи пропали, ваше величество. — Я вернул ему иголку под зад, которую он хотел вогнать мне, и король недовольно заворочался на троне, ощутив ее острие под собой. Он понимал, что я был прав, и даже если у меня не было посольских грамот, теперь этого не докажешь.

— Мы постараемся найти ваши вещи, господин посланник, — сказал

он, и я понял: меня все-таки приняли официально. — Может, передадите на словах, чего хотят ваши правители.

— Ваше величество, Вангор и Новоросское княжество хотят мира и добрососедских отношений, но слишком велико между нами расстояние, и затраты на переход сюда очень большие. Поэтому все останется так, как и было. Мы сами по себе, вы сами по себе.

— А орки? — спросил король.

— Орки — кочевники, дикие и необразованные. Им нужны только их степи. — Вроде ничего не сказал и не обещал, а информации выдал достаточно.

Король задумался на некоторое время, потом посмотрел на меня, и в его глазах читался вопрос: «Тогда какого черта ты сюда приперся?»

Ах, если бы у меня был на него ответ.

Но вслух он вежливо спросил:

— Каковы ваши дальнейшие планы?

— Я бы хотел вернуться обратно, но, к сожалению, вернуться так, как мы прибыли, невозможно. Мы не можем рассчитать ориентиры. Одна надежда на древние порталы. Когда-то наши земли сообщались между собой, и я очень надеюсь, что таковые еще существуют, — правдиво ответил я.

— Один портал есть, — кивнул король, — но он глубоко внизу, в заброшенном городе. Там может быть небезопасно, но вы показали себя могучим волшебником, и думаю, вам не составит труда найти его. Со своей стороны мы окажем вам всю помощь, какую сможем. — Теперь его глаза откровенно смеялись. — Как раз мы приготовили новую партию глендов для изучения наследия древних, вот под их охраной можете отправляться.

Партию ученых глендов он приготовил со сроком пожизненной ссылки, и с ними в один конец отправляет меня. В моей душе шлохнулось раздражение. Но у меня тоже не было выбора, а портал был хоть малой, но все же надеждой.

— Если он не работает, возвращайтесь, — добродушно продолжил король лучезарный, — у наших соседей-дзирдов тоже есть портал, и мы отправим вас к ним. — Он откровенно издевался надо мной, излучая мнимое радушие. — Желаю вам вернуться обратно на родину, — закончил аудиенцию его величество. — Письменных грамот не даю, так как расстояние большое, и все останется по-прежнему.

Он зевнул, показывая, что потерял ко мне всякий интерес. Да и какой интерес может вызывать мертвый хуман, понял его я.

— Передайте устно: мы тоже рады добрососедским отношениям.

Сволочь — дал я ему определение.

Меня обступили двое царедворцев и стали подталкивать на выход. Я поклонился и вышел.

— Отведите господина посланника к глендам, убывающим вниз, презрительно скривившись, приказал командиру стражи один из придворных, следующий за мной.

— Подождите, уважаемый гленд, — сказал я, еле сдерживаясь. — Вне стен города остались мои воины и слуги. Они должны быть здесь вместе с животными.

— Сожалею, господин посланник, но я не получал на этот счет никаких распоряжений. — Он почти смеялся себе в бороду.

Я развернул непонимающего гленда к себе спиной и, не реагируя на его возмущенные возгласы, сказал: «Так пойд и получи», — после чего дал хорошо рассчитанный пинок под зад ногой. Придворный с воплем пролетел между замерших в растерянности гвардейцев и, лбом распахнув двухстворчатые двери, влетел в обратно в тронный зал. А я стал ждать продолжения. Оно не замедлило последовать. Из дверей выглянул испуганный чиновник и спросил:

— Что случилось?

— Я отправил нерадивого гленда получать указание вернуть мне мою охрану, слуг и животных, — спокойно ответил я.

— Не беспокойтесь, скоро все они будут доставлены сюда, — ответил он и быстро куда-то исчез.

— Командир, я хочу есть, ты знаешь, где можно перекусить? — спросил я, хмуро глядя на гвардейца.

— Наша столовая сгодится? — быстро сориентировался он, бросая быстрые взгляды то на меня, то на дверь в тронный зал, но оттуда никто не вышел.

— Вполне, води! — приказал я.

Испуганная толпа глендов и женщин, теснимая гвардейцами, с горестными воплями и стонами спускалась вниз по серпантину, уходящему глубоко вниз. Мы с орками и двумя дзирдами следовали за ними. Нас не трогали и не понукали, а тех глендов, кто ложился на каменный пол и не хотел идти, били кнутами и со смехом гнали дальше. У больших ворот мы остановились. Стража открыла их, и горящая толпа научных изыскателей с нескончаемыми всхлипами и плачем постепенно втягивалась в черноту подземелья. Ворота с лязгом захлопнулись за нами и вместе с этим отсекли свет, который сочился из коридора. Нас окружила темнота. Я мог видеть в

ней. Думаю, могли видеть и дзирды, но орки нерешительно замерли. Дети привольных степей, следовавшие за своим повелителем, в тесных коридорах подрастеряли свою воинственность и жались поближе ко мне.

Вызвав шар света, я осветил широкий коридор с полукруглым сводом. Толпа осужденных глендов стояла на месте, боясь двинуться дальше. Их встречали худые оборванные создания с кирками в руках, только отдаленно напоминавшие гномов. Они перегородили проход новоприбывшим. Потом вперед вышел в броне их вожак и крикнул:

— Кто хочет остаться жить, становитесь на колени. Кто будет сопротивляться, того убьем и съедем. Вы тоже! — небрежно бросил он нам. Весь его вид и властный голос говорили, что он не сомневается в праве устанавливать свои порядки. Он тут бог и царь.

— Вперед! — скомандовал я оркам. Смотреть, как будут грабить и убивать новоприбывших, я не хотел, и воины, понудив быков, как корабль, разрезающий носом волны, раздвинув испуганную толпу, прошли сквозь них.

— Иди сюда, убогий, — позвал я предводителя.

Но тот слушать меня не захотел и выхватил руну. Я тоже не стал ждать, что произойдет дальше, вышел в боевой режим, отобрал у недоумка руну, его оружие, и врезал в челюсть — пусть отдохнет. Мне нужен был язык и проводник. На остальных малорослых гопников направил «торнадо». Те уже мало были похожи на гномов — безумный взгляд, волдыри по лицу и телу, спутанные волосы, в одних набедренных повязках. Они были ужасно грязные и воняли так, что запах разносился повсюду.

Я забрал с собой беспамятного предводителя и вернулся к оркам. Вихрь разметал нападавших и очистил проход. На какое-то время установилась тишина. Все молчали, перестав стонать, жаловаться и плакать.

— Есть среди вас военные, хиртманы или просто служивые? — обратился я к перепуганному народу, осматривая его с высоты быка, на которого взлетел.

— Есть! Есть! — раздалось с разных концов, и ко мне, как к спасительному берегу, стали проталкиваться воспрянувшие духом гленды. Было их чуть больше десятка.

— Назовите свои прежние должности. — Я не давал им времени опять окунуться в свои несчастья и горести. Надо было организовать их и занять делом — лучший способ предотвратить панику. Им нужна была достижимая цель.

— Я гленд Боргрин, второй советник клана Шестнадцатых ворот, —

вышел один из них вперед. — Занимался безопасностью и сыском в клане.

— Хорошо, назначаю тебя старшим среди осужденных. Разбей всех на десятки. Мужчин отдельно, женщин отдельно. Сформируй из них отряды самообороны и помощи. Назначь командиров. Выполнять!

Моя команда ударила, как хлыст по нервам. Но несмотря на это, среди толпы слышались возмущенные возгласы: «Тут есть более достойные, чем этот гленд захудалого клана!» Конечно, я понимал, что сломить мировоззрение подгорников — дело непростое. Любой гном из более высокого клана с презрением относится к гленду из клана, стоящего ниже его по положению. Поэтому действовал решительно и наглядно.

— Выйдите сюда те, кто считает себя более достойным.

Несмотря на испуг и то, что они все теперь находятся в одинаковом положении преступников, осужденных за бунт, вперед вышли пятеро глендов. Они мнили себя достойнее других, но я счел их дурнями, которые мешают мне. Выхватил меч из пространственного кармана пояса и несколькими взмахами укоротил их достоинство на голову.

— Есть еще, кто считает себя более достойным? — спросил я у толпы, замершей от такого поворота. — Ну раз нет, то всем беспрекословно выполнять распоряжения гленда Боргринна. Кто окажется не согласен, будет следовать отдельно... на встречу к Отцу гномов, но без головы, — добавил я.

Миндальничать и уговаривать эту самостийную толпу я не собирался. Трудные времена требуют трудных решений, и в наших обстоятельствах требовалась сплоченность, жесткость, подкрепленная жестокостью, и беспрекословное подчинение. Здесь со мной было почти семь десятков глендов и десятка два женщин, которых осудили вместе с мужчинами. Что уж они могли такого натворить, я не знал, но понимал, что те попали под раздачу вместе с мужьями, братьями и отцами.

Можно было только представить, какая судьба их ждет в этом гиблом мире, под тяжелыми сводами горы за навсегда закрытыми для них воротами. Только они еще не прониклись пониманием трагедии и продолжали жить прежними мыслями и самообманом. А мне нужны были хоть какие-то союзники, чтобы найти портал и попробовать его активировать. Поэтому я терпеливо ждал, когда новый назначенный командир под охраной Фомы превратит эту толпу в организованную и послушную колонну. Шиза считывала информацию с беспамятного главаря налетчиков, и чем больше я узнавал, тем меньше мне нравилась моя затея спуститься вниз.

В Мертвый город никто не ходил. Там жили исчадия. Добычу камня

производили в верхних слоях, где его почти не осталось. Контролировали добычу многочисленные банды, используя рабский труд новоприбывших. Одна из них только что была разогнана мной. Но к нам уже подтягивались другие, узнавшие о пополнении в рядах ссыльных. Женщинам, как я и думал, была уготована ужасная участь — обслуживать местную братву, а после, когда они ослабнут и придут в негодность, быть съеденными, как и все, кто не мог больше работать.

И что теперь? Пробиваться к городу? И как маленькому отряду сделать то, с чем не справилась вся королевская рать? Тащить всю эту стонущую ораву вместе с собой? А чем ее кормить, где брать воду? Вопросов, как всегда, было больше, чем ответов. Шиза затихла и предоставила мне как мужику решать все наши проблемы. Только орки спокойно стояли и ждали решения Худжгарха, да дзирды послушно выполняли мои приказы.

«Нет задач, которые не смогли бы решить большевики!» — вспомнил я слова нашего замполита. Хотелось бы верить, только где их взять, большевиков? Сам я из атеиста превратился... А, собственно, в кого? Хороший вопрос. Так кем же я стал? Верующим в Бога магом?

Что Творец существует, я уже не только верил, но и воочию видел его творения.

Мои религиозные мысли прервал второй советник. Он подошел и, видя мою задумчивость, кашлянул, чтобы обратить на себя внимание.

— Докладывай! — повернулся я к нему.

— В хирте семьдесят четыре гленда мужеского полу и девятнадцать гленд женского, — начал он. — Тех, кто служил в армии, четверо и хиртрагов трое. Остальные мастера и подмастерья. На десятки хирт разбит.

— Хорошо, с первой задачей ты справился, — кивнул я после его слов. — Нам нужны гленды в штаб, те, кто могут управлять, налаживать жизнь и добычу камня. Есть такие? Ты мой заместитель и командир этого хирта.

Тот недолго думая сказал:

— Есть двое глендов, один заведовал рудниками, другой — обучением подмастерий в гильдии каллиграфов. Но они из нижних ворот.

— Запомни, Борфин, возврата для вас нет, значит, нет и верхних ворот и нижних. Теперь каждый ценится по тому, что он умеет и делает. Ты видел банду, что пришла сюда вас встречать? Как ты думаешь, из каких ворот эти выходцы и много ли среди них глендов? Так что прошлую жизнь забудь, как сладкий сон, и принимай новую реальность. Для тех, кто здесь живет давно, — вы рабы, самки и пища. А теперь скажи, ты хочешь себе такой судьбы?

Гленд надолго задумался.

— Но если все так плохо, то зачем жить? Лучше покончить с собой, и все. — Он поднял на меня растерянные глаза.

— Жить надо потому, что так повелел Творец. Он дал жизнь, он же послал и испытания, при которых слабые ломаются, а сильные становятся сильнее. Многие из тех, кто пришел с тобой, умрут, но другие станут сильнее. Могут превратиться в животных, а могут остаться глендами. Каждый решает сам за себя, — ответил я ему. Быть нянькой и вытирать за каждым глендом соплю я не собирался, все они вступили на путь естественного отбора.

— Нам нужно оружие, руны, а нам дали только кирки, — ответил он мне.

— Руны есть у меня, — подумав, сказал я, — только не получится ли так, что те, кто ими будет пользоваться, заставят других быть рабами?

— Этого я не знаю, — честно ответил он. — Я постараюсь подобрать глендов из разных кланов, так они не смогут договориться. А по одному я их задавлю.

Через четверть часа подошли те, кто мог пользоваться рунами. Их было пятнадцать. Подошли вразвалочку и местные, расхристанные и наглые. С ними я даже разговаривать не стал. Не стал и выходить в боевой режим, а запустил два торнадо в широкий проем подземного тоннеля. Банда с воплем улетела обратно, и думаю, что живых среди них осталось мало. Я выложил перед советником руны.

— Сделаешь так, как я тебе скажу. — Я жестко посмотрел на него. — Раздели их и выдавай отдельно: одним защитные, другим атакующие. Храни их у себя, набери охрану и давай только на время. Понял?

Он согласно кивнул.

Из памяти местного атамана Шиза выудила места в подземелье, где ему доводилось бывать. Их оказалось на удивление мало. Каторжники жались к верхним пластам, опасаясь идти вниз. Но были такие, которые не выдерживали рабской жизни и уходили в глубину, в так называемые глубинные тропы, на полуобвалившиеся старые уровни, и обратно они не возвращались.

Совместив карту, данную мне Грендаром, и сведения, полученные от подземного рабовладельца, я увидел, что в тех местах, где побывал этот атаман разбойников, она показывает верно. Пришлось принять за версию, что и в остальном она будет тоже верна.

— Женщин в середину, замыкают гленды с рунами, мы впереди, — сказал я своему новому штабу. — Выдвижение через пять ридок. Всех, кто

приблизится, уничтожать без жалости.

Чувствовалось, что гленды по своей натуре были прагматичны и умели подчиняться. Нестройная толпа, как разворошенный улей, зажужжала, задвигалась и довольно организованно стала превращаться в воинский хирт.

Мы неспешно спускались, и на моем сканере было видно, как редкие красные точки торопливо уходили с нашего пути. Видно, слухи здесь распространялись быстро, раз больше не оставалось желающих увеличить себе количество рабов.

Большой светляк, висящий над моей головой, освещал обширный проход, уходящий вниз. Это даже был не коридор, проложенный к каменоломням, а настоящий большой тоннель, как под перевалом Саланг в горах Гиндукуш, где могли проехать два грузовика навстречу друг другу. Других тоннелей я в жизни не видел, ну если только метро.

Гномы, а может, кто-то другой, проделали колоссальную работу, создав внутри горного хребта такие огромные пустоты.

Шли мы до первой огромной пещеры, из которой уходили два ответвления поменьше, и тут был лагерь или поселок, не знаю, как это назвать, который создали сосланные сюда преступники всех мастей. Около пяти десятков оборванцев во главе с такими же оборванными хиртрагами перегородили нам дорогу. Понимая, что для меня они будут так же мало полезны, как и плененный ранее главарь (ему я просто свернул шею), я применил новое заклинание из магии крови «багровый восход», а перед собой поставил купол Шизы.

Должен признать, что я был неосмотрителен. На том месте, где нестройно стояли защитники поселка, полыхнула вспышка. Раздался оглушительный грохот, и воздушный вихрь ударился в нашу защиту, слегка прогнул ее и разнес по стенам все, что было в пещере, а дальше устремился в проходы, унося гномов и камни разрушенных домов. Мы все, и я в том числе, стояли оглушенные, быки ревели, и орки еле сдерживали испуганных животных.

— Перестарался! — произнес я хриплым шепотом, потому что слова застряли в горле: я только что видел действие вакуумной бомбы. Проход был открыт.

Шиза сняла защиту и показала мне свой противный желтый шарик, который, вытаращив глаза, повертел пальцем у виска и как обычно лопнул.

В чем-то она, конечно, права, но опыт, сын ошибок трудных, все же есть, и надо попробовать применить кровь не из вены, а, например, из пальца. Может, разрушительный эффект будет меньше. Мои раздумья были

прерваны: кто-то осторожно трогал меня за плечо, я оглянулся и увидел Боргрину, стоявшего рядом и переминавшегося с ноги на ногу.

— Тебе чего? — спросил я.

Вид у него был виноватый и немного растерянный. Он что-то хотел спросить, но не решался.

— Давай говори, — приободрил его я.

— Не знаю, как вас зовут, человек, — начал он, — но мы бы хотели здесь остаться, если вы позволите. — Гленд робко смотрел на меня, ожидая ответа, словно маленький ребенок, спрашивающий отца, можно ли ему оставить себе эту игрушку.

— Боргрин, я не имею ничего против, оставайтесь. Мой путь лежит в Мертвый город, и вам, конечно, там делать нечего. Руны оставьте себе. Вот еще армейские пайки, на какое-то время вам хватит. — Я выложил две сотни пайков перед его ошалевшими глазами. — А дальше сами думайте, как жить.

— Тронулись! — махнул я рукой оркам.

Оставив взволнованно гудящую толпу глендов, я направил свой маленький отряд в черную бездну неизвестности. Несмотря на то что в моей душе бушевала буря сомнений и горело желание бросить к чертовой матери этот бессмысленный с точки зрения логики поход в Мертвый город и вернуться, я заставлял себя неуклонно идти вниз и всем своим видом выражал спокойствие и уверенность.

Шар света весело кружился впереди нас, освещая путь, а сканер не показывал наличия врагов или хищников. Коридор, в который мы свернули, был пуст, не считая нескольких распростертых тел да разбросанных повсюду камней из кладки домов. Тоннель ввел вниз по спирали с заметным уклоном.

В стенах изредка попадались ниши, но для чего они предназначались, трудно было предположить. По тоннелю витал легкий ветерок. О вентиляции древние строители позаботились. Мы спускались примерно час, когда дорогу нам преградила баррикада из камней. Была она невысокой, чуть меньше моего роста, но быки проехать не могли.

— Привал! — скомандовал я, не доезжая до завала метров пятьдесят, за ним маячили красные точки. Было их одиннадцать. «Ну вот и первые живые обитатели нижнего уровня», — подумал я. Они не проявлялись в пределах видимости и прятались за камнями. Кто это мог быть, я узнаю позже. Сейчас надо было раздать оружие и защиту дзирдам. Гресса казалась растерянной, это было видно по ее виду. В ней постоянно

происходили процессы изменения сознания. Вырезались и пропадали целые блоки памяти и появлялись новые. Мой эксперимент приносил результаты, вот только какие, понять пока еще было трудно.

— Пятница! Чернушка! Подойдите ко мне, — позвал я и уселся на большой обработанный камень, на нем разложил свои запасы. Так, меч и лук, амулет щита — это Пятнице. С грессой разберусь после разговора.

— Пятница, луком пользоваться умеешь? — спросил я, глядя на дзирда.

Тот только кивнул в знак согласия.

— Попробуй натяни, — предложил я.

Если он не сможет натянуть лук деревянных человечков, проведу еще один эксперимент: создам амулет, увеличивающий силу, я примерно представлял, как это сделать. Дзирд с трудом натянул лук до половины, естественно, сила натяжения была килограммов семьдесят, для хрупкого дзирда это было не под силу. Я вызвал своего гаржика и предложил лук ему. Орк внимательно его осмотрел, примерился, несколько раз легко натянул и высказался:

— Хороший лук.

— Тогда оставь его себе, а свой отдай Пятнице, — предложил я.

Орочьи луки были проще и слабее. Орк внимательно осмотрел дзирда и, молча соглашаясь, кивнул. Лук орка Дзирд согнул, хоть и с трудом. Я отослал дзирдов подальше, достал одну из брошек, которые всегда у меня были в заглашнике как хороший материал для амулетов, с запасом энергии в камнях, и принялся мастерить новый амулет, как говорится, на коленке. Что мне предстояло сделать? Соединить рунную вязь и заготовку. Заклинания, увеличивающего силу, не было, а если и было, я его не знал. Зато у гномов были руны, способные увеличить силу и скорость бойца. Гном, вооруженный тяжелым молотом и хорошо защищенный броней, с помощью такой руны мог пройти, разрушая строй противника, как ледокол сквозь ледяное покрывало моря. Лишь бы хватало запаса рун. Я исходил из того, что руна ложилась на камень, способный хранить и накапливать энергию, значит, можно ее наложить на заготовку, наполненную энеронами. Но использовать способ наложения, какой используют гленды, я не мог. Каллиграфией я не владел и вырезать орнамент не собирался. Я мог запомнить энергетическую вязь руны и наложить ее на заготовку, внедрив в структуру. Вот этим я и собирался заняться.

Положил брошь перед собой, вызвал в памяти рисунок руны силы и стал примерять ее к размеру заготовки. Уменьшив достаточно для внедрения, я стал понемногу подпитывать руны энергией. Как я и

предполагал, она стала впитывать энероны, как губка воду, наливаясь багровым цветом.

Полюбовавшись на сверкающую руну, я наложил ее на брюшко брошки, и она провалилась вовнутрь. Готово, обрадовался я, и в следующий миг меня снесло взрывом с камня. Спасибо Лиану, его «каменная кожа» спасла меня от удела быть разорванным в клочья.

Ко мне подлетел Фома, помогая подняться.

— Что это было, учитель? — испуганно спросил он.

— Не совсем удачный эксперимент, — ответил я, поднимаясь с каменного пола под недоуменными взглядами орков.

Но опыт есть, пришла мне обнадеживающая мысль. Наверное, перенасытил руну энергией, и структура заготовки взорвалась, не выдержав нагрузки.

Теперь я взял пустую заготовку и наложил заклинание ограничения, потом осторожно слегка напитал руну и запустил ее в амулет. Закорючка, сверкая, вошла в заготовку и... и ничего не произошло. Я вытянул аурные щупальца и стал понемногу перекачивать энергию в «амулет силы», как попростому назвал свое творение. Мне даже показалось, что Шиза вылезла из меня и вытянула шею, пытаясь подробнее рассмотреть, что же у меня получится.

Я скосил глаза сначала налево, потом направо и с облегчением подумал: почудилось. Новая брошка перестала принимать энергию, а я поднял ее и стал рассматривать со всех сторон.

И тут у меня в голове разорвалась бомба.

— Получилось! — неожиданно заорала Шиза. — У тебя получилось создать амулет, совместив две магии, основанные на разных принципах! Я поверить не могу! У такого дурня, как ты, получаются невероятные вещи!

Я стоял, контуженный проявлением радостных чувств моего симбионта. В голове гудело, и где-то перегорело несколько тысяч нервных клеток, об этом сообщило мне сердце, пытающееся вырваться из груди и удрать куда подальше. Оно как молот колотило по грудной клетке и отдавалось уханьем в ушах.

Я обессиленно опустил на камень и стал считать до десяти: один, два, три... Ко мне стало приходить успокоение. Четыре... Сердце успокоилось и смирилось с неизбежным пребыванием внутри меня. Пять... Я привел свои чувства в относительный порядок. Шесть... Я смог спросить: «Что получилось?» Семь... я был в норме.

— Прости, — виновато сказала Шиза, — но я не верила, что у тебя получится, это было вопреки всем принципам магического

конструирования. Эти принципы заложены в меня с момента создания, и вот ты только что опроверг один из них. Например, говорящий, что нельзя совместить воду и огонь! — сказала она, полная восторга. — Для твоего склада ума не существует слова «невозможно», поразительно!

— Воду и огонь можно совместить, — ответил я, рассматривая брошку, на ее брюшке проглядывалась вязь руны, как бы из глубины.

— Да? — удивлено спросила Шица. — И что получится?

— Ты о чем? — не понимая, переспросил я. Все мои мысли были заняты определением свойств нового амулета, и я слушал ее восторженные вопли краем уха.

— Что получится, если совместить огонь и воду? — пояснила она.

— Пар получится, — ответил я и вверх Шицу в глубокую задумчивость.

— Пятница, иди сюда! — приказал я, нацепил брошь на его куртку и дал в руки лук. — Попробуй натянуть теперь.

Дзирд легко, играючи несколько раз натянул лук.

— Натягивай, пока не устанешь, — дал указание я и стал считать.

На сто шестнадцатый раз он не смог его натянуть. Ну что же, результат, как говорится, налицо, три колчана Пятница выпустить успеет, очень даже приемлемо. И зарядил амулет заново.

— Чернушка, подь сюда! — позвал я девушку.

Гресса подошла, спокойно глядя мне в лицо, и вдруг сказала:

— Раньше я хотела тебя убить, теперь хочу тебя защищать. Что ты со мной сделал? — Она внимательно присматривалась к моему лицу, ища ответа в каждой черточке.

— Я вернул тебе сущность, заложенную Творцом и убитую вашей богиней, — пришел мне ответ, и я его произнес. — Я вернул тебе способность радоваться жизни, не мучая другого. Понимание, что есть хорошо и что есть плохо. Защищать друга — это хорошо, мучить жертву — это плохо.

— А ты мне друг? — спросила она. Голос ее был ровен, но в нем слышалось желание понять, кем я стал для нее и почему.

— Хотелось бы им стать, — не лукавя, ответил я.

Она подняла руку и потеряла ошейник.

— А друзей на цепь сажают? — без всякого осуждения, просто как спрашивают «А на юге тепло?» задала вопрос девушка.

— Если ему надо помочь разобраться в себе и не навредить другим, — так же спокойно ответил я. Протянул руки и снял ошейник.

Пятница отскочил от нее подальше, Фома достал нож. Они оба не

верили ей и смотрели на меня осуждающе. Но я чувствовал, что так надо, и именно сейчас, а не завтра или через час. Подержал его в руках и отдал ей.

— Зачем он мне? — спросила она, разглядывая богато украшенный ошейник.

— Может, ты захочешь когда-нибудь надеть его на меня или на кого другого, а он будет под рукой, — сказал я.

Она посмотрела на кожаный ремешок и брезгливо бросила под ноги. Подняла глаза и сказала:

— Если я когда-нибудь захочу тебя снова убить, я не воспользуюсь им, просто прирежу.

Ее глаза яростно блеснули пламенем и потухли.

— Мне нужна другая одежда, — сказала она. — Я хочу снять платье жрицы.

— Фома, — я оценивающе посмотрел на нее и на худого орка, — давай сюда свою парадную одежду шамана.

Ученик осторожно обошел по кругу черную девушку и стал выкладывать нижнее белье, куртку, штаны и мягкие полуботиночки.

— Вот! — Я подвинул ей груды, выложенную Фомой.

Гресса без смущения скинула платье, нижнюю рубашку, осталась только в своих сапогах. Я сначала засмотрелся, но, услышав шипение Шизы: «Отвернись!» — быстро повернулся, за мной последовали остальные. Еще бы, так поступил Худжгарх!

— Я готова, — услышал я голос Чернушки.

Перед нами стояла индейская девушка из племени ирокезов или команчей, только не красная, а черная, с волосами, заплетенными в косы и перекинутыми вперед на грудь. Не хватало только пера в волосах. Сапоги свои она тоже сняла и красовалась в мягких и красивых «штиблетах» типа мокасин.

Я склонил голову набок, достал монисто «шита» и повесил ей на шею, потом два костяных браслета РПГ-1, разукрашенный пояс, уже не помню откуда взявшийся у меня, и затянул ей на талии, на поясе висел кинжал в богато украшенных ножнах.

Девушка одобрительно посмотрела на клинок, достала его и ловко перекинула из руки в руку, перевела в обратный хват и приставила его к моему горлу. Все это она проделала одним слитным движением.

— Попробуй только предать меня, друг! — произнесла она шепотом, приблизившись вплотную к моему лицу так, что я ощутил ее дыхание, и ловко спрятала кинжал в ножны. Вот он был у моего горла и теперь его уже нет, прямо фокус какой-то!

— Я запомню, — ответил я, не раскрывая того, что именно хотел запомнить: то, что она угрожала мне, или то, что ее предавать нельзя.

— Верни мне посох... пожалуйста, — попросила она. Я пожал плечами — а почему нет — и отдал ей ее жезл. — Вот теперь я полностью готова, — сказала она, — пошли.

— Подожди, — остановил ее я. — Ожерелье — это щит, активируешь желанием. Браслеты — атака ледяными иглами, действует так же.

Девушка вытянула руку в сторону камней, и из нее вылетела ледяная фаната, еле заметным глазу мазком преодолела расстояние и с грохотом врезалась в стену, снеся прочь верхний камень.

— Пойдет, — удовлетворенно произнесла она.

Из-за камней послышались голоса:

— Не убивайте нас! Мы не сделаем вам ничего плохого!

— Тогда выходите и покажитесь! — закричал в ответ я.

Из-за стены показались гномы, такие же оборванные, как и прежние. Они осторожно приблизились к нам.

— Вы кто такие? — спросил я, рассматривая робко подходящих коротышек.

— Мы беглецы из поселка, живем и прячемся здесь, — ответил один из них, по-видимому старший или, может быть, более смелый.

— Давно вы прячетесь?

— Давно, счет дням не ведем, но точно больше тридцати кругов, — ответил тот же.

— Тридцать кругов! — воскликнул удивленно я. — А чем же вы питаетесь?

— Еда тут есть, ниже находятся посадки грибов, да и исчадия иногда заглядывают по одному. Мы их забиваем камнями. И вода есть, протекает в трещины, — объяснял подробно он.

— А что, другие гномы тут не появляются? И вода, и грибы, и мясо — не жизнь, а прямо рай.

— Они опасаются. Как только их приходит много, появляются исчадия и сжирают их.

— А как же вы живете и не боитесь?

— Боимся! Но мы научились прятаться, сделаем норку из камней и сидим в ней. Исчадия глупые, порыщут и уходят, — ответил гном, и вроде бы все толково и понятно объяснил, но чувствовалось, что он что-то недоговаривал.

— Понятно. От нас чего хотите? — Я смотрел на командира беглецов.

— Может, оружие какое дадите, а то мы камнями отбиваемся, или руну

боевую, а мы вам дорогу вниз покажем и расскажем, как от исчадий отбиваться.

«Гномы тут уже месяц, выжили и приспособились. Знают дорогу и повадки тварей, — размышлял я, — почему же не помочь им?»

— Хорошо, я дам вам арбалеты дзирдов, два, — сказал я (прихватил на всякий случай), — дам руны, тоже две, огненные. И пять боевых кирок, другого оружия нет, — ответил я. — А вы разберите стену, чтобы быки могли пройти.

— Все сделаем, — заулыбался в бороду главарь. Чувствовалось, что он у своих непререкаемый авторитет. — Только разбирать будем позже, сейчас идти опасно. Исчадия, когда снаружи день, спят, а ночью выходят на охоту. Надо подождать утра, и тогда пойдем, — сообщил он.

— Ну хорошо, подождем утра. — Я не стал оспаривать мнение опытного гнома. — Располагаемся на ночлег, — обернулся я к своим.

Вместе с нами остались гномы. А мне пришлось выделить им пайки, и они их сожрали в один момент вместе с бумагой, в которую были завернуты сухари.

Выставив часового, мы улеглись спать. Рядом со мной пристроилась Чернушка, повозилась без всякого смущения и сказала:

— Я им не верю.

— Почему? — Мне было интересно, на чем она основывает свое недоверие. У меня просто гудела интуиция, что здесь спрятан какой-то подвох, но ясного понимания угрозы не было.

— Не верю, и все, — отрезала она. — Я не буду спать. — Видно, в прошлой жизни гресса была решительной и прямой, за что и поплатилась ссылкой на границу.

— Как знаешь, — зевнул я, очень захотелось спать. Я еще позевал и отрубился.

Мне снилась бабушка, он пекла мои любимые пироги и приговаривала: «Ешь, внучек, и расти большим и крепким». Я протянул руку за пирожком, но тут бабушка рассердилась и ударила меня по рукам: «Ты их не мыл. Иди мой. Потом ешь». Я, счастливый от того, что снова с бабушкой, сходил помыл руки и снова потянулся за пирожком. Но бабушка всплеснула руками и закричала на меня: «Да проснись ты наконец!» — и стала бить меня по лицу полотенцем. От неожиданности я дернулся, подался назад и проснулся.

Наяву меня хлестала по щекам миниатюрная девушка. Она била меня, трясла за грудь и в страхе кричала:

— Проснись, Ирридар, да проснись же! Беда! Вас сейчас сожрут!

— Кто сожрет? — Я попытался остановить ее руки и окончательно скинул дрему. Рядом со мной раздавалось довольное чавканье. Я приподнял голову и увидел десяток чудовищ, напоминающих ящериц в костяных пластинах. Они сидели по кругу и ели что-то черное, довольно урча. Я мгновенно перешел в боевой режим. Пошла оценка обстановки:

— все спят как убитые, и гресса тоже;

— твари разорвали и доедали Пятницу, голова которого валялась посередине;

— нас всех усыпили, да так ловко, что я ничего не заметил, и если бы не Шиза, то мы все отправились бы прямиком в желудок этих чудовищ.

Гномов нигде видно не было. Куда они подевались? Неужели удрали? Или они сами привели этих рептилоидов сюда?

Шиза! Она уже не ребенок, а барышня, вспомнил я образ девушки, бьющей меня по щекам. Вот и снова свиделись, как она и говорила, во сне. Я оглядел замерших людоедов, выхватил меч и поочередно срубил голову каждому, потом вернулся в нормальное состояние.

Я не до конца понимал механизм действия имплантатов восприятия. Расширенное восприятие позволяло мне иметь расслоенное сознание. Ускоренное восприятие (еще я называл его выходом на ускорение) переводило в боевой режим, и я оказывался в пространстве с другим течением времени. Я жил и двигался как обычно, но мир вокруг меня замирал, будто жизнь остановила свой неумолимый бег и само время замедлилось в сотни раз. И только резкое падение запасов энергии говорило о том, что мир не уснул, а сел неспешно обедать, пожирая энеконы.

Я осмотрелся. Все спали, погруженные в сновидения, навеянные магическим дурманом, а тела монстров обретали свой первоначальный вид — пропавших гномов.

— Дела-а-а! — протянул я, рассматривая происходящие метаморфозы. Кто же это или что же? Мне было о чем подумать. Теперь понятно, почему сюда никто не ходил. Местные знали об опасности, подстерегавшей неосторожных беглецов. Я зашел за стену, осветив пространство большим светляком, и увидел валявшиеся повсюду обглоданные кости и черепа. И что было раньше сюда не заглянуть?

— Спасибо, девочка, ты в очередной раз спасла всех нас, — поблагодарил я Шизу. — Может, ты знаешь, как им удалось нас одурманить?

— С помощью запаха. У них есть железы, выделяющие запах, он не вреден и не воспринимается как угроза, действует медленно. Жертва

ничего не ощущает и спокойно засыпает. Не просыпается, даже когда ее едят, и продолжает видеть приятные сны. Думаю, это одна из разновидностей исчадий. Предполагаю, что это не монстры из преисподней, а сами гномы, претерпевшие изменения и ставшие такими. Там внизу есть что-то, что их меняет. Не зря оттуда ушли дворфы. Будь вдвойне осторожен. Там друзей и нейтралов быть не может, — сообщила она.

— И сколько продлится их сон, как думаешь?

— Пока выделяется запах, они будут спать. Когда он исчезнет, вместе с ним исчезнет воздействие на спящих.

Я подошел к телам исчадий и стал их перетаскивать за стену. Потом сел ждать, когда мои спутники проснутся.

Демон черт-те где

Вот он и решился. Алеш стоял перед ничем не примечательным входом в пещеру. У подножия горы, поросший кустами, чернел зев. Здесь начинался путь скрава, и только пройдя подземный лабиринт, можно было выйти из этого замкнутого мира, куда закинул его предатель Жаркоб.

Позади него стояли девочка-эльфарка и старуха. Она уговорила Прокса взять ее с собой. «Я не буду обузой, — сказала она, — все-таки я дриада, хоть и проклятая. Надоело жрать человеческую мертвечину. А сдохнуть я не боюсь, зато девочку, если надо, прикрою». Он поглядел на белоснежку. Перед отбытием он внедрил ей жаргонит. Девочка стояла спокойно, держа за руку старуху. Алеш последний раз окинул взглядом округу. Высоко над горой курился дым из преисподней, куда он собирался войти. Провожатых не было. Только чахлые деревья шевелили серовой листвой под порывами ветра, словно гнали его — «ну что встал, иди уже». И он шагнул, взяв крепко за руки девочку и старуху.

Они прошли два шага и обернулись: выхода не было. За их спинами высилась стена земли, но вперед вела узкая дорожка, будто натопанная редкими прохожими, на стенах светился лишайник, разгоняя сумрак подземелья.

— Идем медленно, — сказал Алеш, — по моей команде все замирают. Я иду первым, за мной Аврелия, последней идешь ты. — Прокс посмотрел на старуху. Он так и не узнал ее имени, для всех и для него она была просто старуха, вредная и сварливая.

Прокс развернулся, несколько раз глубоко вздохнул, отбросил все сомнения и пошел вперед. Путь был извилистый, тропинка петляла в поворотах, то налево, то направо, но пейзаж неширокого прохода не

менялся: все та же замысловато закрученная каменистая дорожка, ведущая вглубь, одинаковые стены, обвешанные светящимся лишайником, и никаких врагов, неожиданностей и преград. Они шли уже шесть часов, то спускаясь вниз, то преодолевая подъемы, и отдыхали каждые два часа. На очередном привале к нему подошла старуха.

— Хуман, раскрой глаза. — Она стояла над ним, уперев руки в бока, и насмешливо смотрела на сидящего Прокса сверху вниз.

— Ты о чем? — Он посмотрел на старую эльфарку.

— О том, что мы уже здесь отдыхали, — ответила она. — Вон пирамидка из камней, которую я сложила в прошлый раз. Мне уже тогда показалось, что мы ходим по кругу, и я решила отметить место отдыха.

Прокс растерянно оглянулся:

— Как же так? Значит, есть другой путь, но мы его не видим! — Он попытался включить магическое зрение, но увидел только всполохи энергии, которые слепили его и вызывали боль в голове. — Нас что-то водит по кругу, — сказал он.

— Какое верное замечание, — насмешливо покачала головой старуха. — И как же ты собирался пройти этот путь, двигаясь по кругу? Думай, хуман! — неожиданно твердо приказала она.

— «Думай, хуман», — ворчливо передразнил он ее. — Мы не замечаем другого пути почему? Ментального воздействия я не чувствую, значит, это что-то другое, — размышлял он вслух.

— Иллюзия, — тихо сказала девочка.

— Что? — переспросил Алеш и непонимающе посмотрел на Аврелию.

— На другой проход наложена иллюзия, поэтому мы его не видим. Надо применить заклинание развеивания. — Эльфарка положила свою маленькую ладошку на его руку, и от этого прикосновения ему стало стыдно. Как он, умудренный, прошедший множество передраг, не догадался до такой простой вещи.

— Пошли, — решительно сказал он. — Раз работает иллюзия, значит, работает и другая магия.

Через каждые десять шагов Прокс запускал «развеивание», осматривался и шел дальше. Буквально на сотом шаге в стене открылся проход.

— Вот он, — облегченно выдохнул Алеш; он боялся признаться, что не до конца поверил в иллюзию. — Молодец! — Он нагнулся и поцеловал девочку, потом посмотрел на старуху и добавил: — Ты тоже молодец.

Старуха улыбнулась, показав половину зубов, и со смехом сказала;

— Мне поцелуя, конечно, не дождаться!

Проход, который они обнаружили, был шире прежнего, освещен хуже и уводил круто вниз. Шли они долго, не находя места для привала, и наконец вышли в пещеру, которую пересекала подземная река, над ней был перекинут подвесной мост. На другой стороне раскинулась уютная полянка с зелеными кустиками, призывно манящая к себе. «Вот там и отдохнем», — вслух сказал Алеш и показал рукой в сторону моста. Он сделал шаг и остановился, что-то держало его сзади. Демон оглянулся и ахнул. Ни девочки, ни старухи рядом не было! За ним стояли две большие крысы и грозно рычали. Одна была белая, другая темная, почти черная.

— Пошли вон, твари! — замахнулся он рукой, но в этот момент черная крыса кинулась ему в ноги, а белая ухватила за руку и больно укусила.

— А чтоб тебя! — Прокс постарался стряхнуть крысу с руки, и вместе с болью с него спала пелена.

На нем повисла Аврелия и зубами впила в руку, а в ноги вцепилась сухими крючковатыми пальцами старуха. Он растерянно посмотрел вперед и снова обмер: вместо реки с журчащей водой протекала огненная лава, и он чуть было сам в нее не прыгнул. Он стоял в двух шагах от края неглубокой пропасти, а из лавы периодически поднимались и опускались островки, по которым с должной сноровкой можно было перебраться на другой берег.

Алеш вытер ладонью мгновенно вспотевший лоб и почувствовал, как дрожат у него колени. Он опустил на пол и страшно захотел закурить. Оперативный сотрудник не имел права на вредные привычки, которые могли бы ему помешать в работе или выдать его. Но сейчас ему было наплевать на правила. Он только чудом и благодаря спутницам не пропал. Алеш пошарил в кармане элегантного костюма, вытащил пачку сигарет, вытряхнул одну и попытался сунуть ее в рот. Но рука почему-то шла тяжело, и на ней висела большая гиря. «Что за черт?» — удивился он. Прокс сидел в полумраке уютного кафе, играла музыка, было спокойно и хорошо. Он хотел закурить и сладко-сладко затянуться, но на руках висели гири. Одна из них открыла рот, полный железных зубов, и объятый ужасом Алеш увидел, что он тряс рукой, на которой повисла снежная маленькая эльфарка, и пытался сунуть в рот десантный нож. «Что за чертовщина? — удивленно подумал Прокс. — Откуда исходит ментальный сигнал?» Нейросеть показала направление на потолок.

Там наверху висел и слабо колыхался пузырь. Демон на четвереньках отполз от опасного места, достал бластер и безжалостно сжег тварь, атаковавшую его разум. Она смогла проникнуть сквозь все барьеры, покопаться в его памяти и, выудив оттуда приятные воспоминания,

внушить ему стойкие образы. Его нейросеть не справилась с ней, но хотя бы смогла определить направление угрозы. «Тварюга!» — выругался Прокс.

— Алеш, не пугай нас с бабушкой так больше, — серьезно выговорила ему девочка и прижалась к его руке.

Он обнял обеих и притянул к себе.

— Ничего, родные, ничего. Мы прорвемся. Обязательно прорвемся, — проговорил он.

Из потока лавы всплывали островки, и это был единственный путь на другую сторону. Его нейросеть отсчитывала промежутки, чтобы определить оптимальный маршрут. Только места на островках хватало для одного, а их было трое. Просидев полчаса, Прокс решительно поднялся.

— Я буду вас переносить по одной, — сказал он. — Сначала Аврелию, потом тебя. — Он посмотрел на скривившуюся от недоверия старуху и, успокаивая, погладил ее по плечу. — У тебя имя есть? — спросил он.

Та снова показала полупустой рот в улыбке:

— Зови, как прежде, — Старуха. Неужели и меня мужчина будет носить на руках? — и громко засмеялась.

— Ничего, родные, прорвемся, — повторил он, поднял девочку и смело прыгнул на первый появившийся островок. Вслух отсчитал до восьми и прыгнул в сторону. Островка еще не было, но он знал, что в следующий миг тот появится, простоит одну риску и исчезнет. За это время он должен будет перепрыгнуть дальше. За его прыжком наблюдала старуха, которая не смогла сдержать крика, увидев прыжок Прокса в горящую пасть лавы. Но тот приземлился на внезапно появившийся остров и тут же прыгнул с него на другой. Скафандр хумана дымился, а девочку укрывало ледяное облако, и от них обоих поднимался густой пар. Лесная эльфарка видела, как ловко и уверенно хуман преодолевает кипящую лаву, и в беспокойстве теребила край порванного старого платья. Но когда он оставил девочку и стал возвращаться, она успокоилась. Забралась к нему на руки, вздохнула и крепко обняла за шею.

Переправившись, Прокс поставил эльфарку на землю, а сам сел. Ее платье почти сгорело, лицо и руки были в волдырях.

— Отдохнем, подлечимся и двинемся дальше, — сказал он. Приложил аптечку к телу старухи и закрыл глаза. Эти переходы дались ему нелегко. Его сердце каждый раз сжималось от страха, когда он совершал очередной прыжок.

— Отдохни, родной, мы прорвемся. — Девочка с нежностью погладила Алеша по плечу.

Через час они тронулись дальше, вошли в сумрак нового прохода и стали подниматься. Едва заметная дорожка плавно извивалась, как бы закручиваясь вокруг горы, и постоянно вела вверх. Алеш подумал, что, может быть, это будет конец пути и испытания уже закончились, такая слабая надежда придавала ему силы, ведь они поднимались из глубины преисподней. Так казалось ему, пока они не остановились перед двумя небольшими дверями. На каждой была надпись. На левой он прочитал: «Зайди сюда, принеси в жертву спутника, и тебе Курама откроет проход на волю».

На правой было написано: «Продолжи путь, если ты смел».

— Принеси в жертву меня! — услышал он голос старухи за своей спиной. Медленно обернулся и задумчиво ответил:

— Еще два трика назад я это бы сделал, не задумываясь. А теперь нет, не буду. Пошли!

Он решительно открыл правую дверь и шагнул в неизвестность.

Нееец черт-те где

Мы стояли у проема огромных бронзовых ворот, одна створка которых валялась на каменном полу, другая, повиснув на одной петле, была широка распахнута. Вот он, Мертвый город. Город мастеров прошлого, город, который в спешке покинули дворфы. Мы дошли до него за полдня.

Когда все проснулись, то в немом ужасе уставились на меня и на растерзанное тело Пятницы.

— За что ты его так, Худжгарх? — спросил подошедший Грыз. Как самый старший из орков и фаталист по складу души, он принял меня как неизбежное зло, которому надо служить, раз такова воля Отца. Но и он не мог понять, за что так сурово наказана их игрушка.

— Это не я. Его так разделали исчадия, которые притворялись гномами. Сходи посмотри за камнями, — показал я ему головой. — Они усыпляли неосторожную жертву и поедали ее. На месте дзирда мог оказаться один из нас. Он просто лежал с краю, ближе к ним.

— Я им сразу не поверила, — сказала Чернушка, — и не хотела спать! — Она заморгала глазами, понимая, что сказала глупость, так как уснула вместе со всеми.

— Грыз, — обратился я к гаржику, — идите освободите проход для быков, заодно и посмотрите.

Орки ушли, быстро разобрали часть баррикады и вернулись подавленные. Я нацепил на куртку девушки амулет, который уже не

пригодится неудачливому Пятнице, похлопал ее как друга по плечу и улыбнулся: «Ничего, подруга, прорвемся». Правда, улыбка у меня вышла кислой, натянутой, мне было трудно избавиться от гадостного впечатления, которое на меня произвела смерть дзирда.

Спускались мы осторожно. Как только я замечал красные точки на сканере, переходил в боевой режим и уничтожал все живое, что попадалось под руку. Я уже понял, что никаких беглецов из разгромленного поселка тут не будет, все они закончили свой путь к свободе в животах исчадий. Но сами исчадия ничем не отличались от гномов. Только в момент опасности у них менялось тело, на нем вырастали пластины, руки превращались в лапы с длинными когтями.

Встречались тут исчадия разные — и на четырех лапах, и прямоходящие, как рептилоиды. Были они очень подвижны, сильны и быстры, но им все равно не хватало скорости противостоять мне в боевом режиме. Какие катаклизмы или мутации смогли создать этих чудовищ и почему они не переходили границу камней, я, сколько ни думал, понять не мог. Возможно, ответ был внизу, в этом забытом всеми богами месте.

Город, словно живой, встречал нас настороженной тишиной, эманациями злобы, отвергая и желая прогнать прочь. Сквозь беззубую пасть хищно распахнутых ворот пробивался свет древних светильников, повсюду валялись обломки костей, части скелетов, лишь отдаленно напоминающих человеческие. А там в глубине, на забытых улицах и площадях, собирались многочисленные стаи омерзительных до дрожи тварей. И вот туда мы должны пройти, чтобы постараться выбраться из западни.

— Входим и, не останавливаясь, следуем за мной, — приказал я. — В стычки не вступать, держать общую защиту. Чернушка, ты рядом со мной, действуешь только по моей команде. — Я внимательно, но быстро окинул взглядом напряженные лица орков и грессы.

«Все, стоять больше нельзя, твари собираются со всех уголков города, как будто у них есть единая система оповещения, а дальше навалятся скопом и просто задавят массой, — подумал я. — Наше спасение в скорости и напоре».

Отбросив прочь всякие сомнения, я решительно направился в проем ворот. Шел я быстро, сверяясь по карте. Сейчас надо направо, пройти квартал до большого здания, от него еще раз направо.

Впереди выскочила стая четвероногих. Радостно завыв, они устремились на нас. Не выходя в боевой режим, послал два усиленных торнадо и по образовавшемуся проходу стремительно побежал вперед. За

моей спиной, громко мыча от охватившего их страха, тяжело стуча копытами по каменной мостовой, бежали быки. Оборачиваться и проверять, все ли на месте, времени не было. Вот и здание — большое, но приземистое, со слепыми глазницами пустых окон, с какими-то барельефами на стенах. Рассматривать некогда, обогнуть его и повернуть направо. Навстречу высыпала большая толпа тварей, частично успевших преобразиться, частично нет, и они с воем и уханьем кинулись к нам. Торнадо не поможет! Режу вену и бросаю пригоршню крови в сторону исчадий. Тут же ставлю купол Шизы.

«Багровый восход» ярким шаром солнца вспыхнул на мгновение далеко впереди. В его вспышке испарились ближайшие монстры, а остальных, кто рвался к нам, разметало по округе. Порыв горячего воздуха врезался в щит и, обтекая его, устремился нам за спину, уничтожая преследователей.

— Вперед! — скомандовал я, снимая щит.

— Стой, Худжгарх! Мы ослепли! — прокричал мне в спину орк.

— Твою дивизию! — Я понял, какую ошибку совершил. Мне надо было всех предупредить, чтобы закрыли глаза, а теперь мы теряли такое драгоценное время из-за моей оплошности.

— Быки не хотят идти, Худжгарх! — почти простонал Грыз.

— Бросайте их! Дальше идем пешком! — приказал я.

На сканере уже не было пустого места, все затопила половодьем разлившаяся краснота, только с тыла оставалось еще пустое пространство. Исчадия, контуженные взрывом, на несколько долгих мгновений остановились.

— Назад! — закричал я. — Поворачивайте назад! Будем обходить тварей, — и пролетел пулей мимо орков, схватил замершую грессу за руку, потащил обратно.

Но ни влево, ни вправо нам уйти не дали. Из всех щелей, подворотен и домов вылезали мерзкие чудовища и, яростно рыча, на всем ходу устремлялись к нам. У нас оставался один относительно свободный проход — к выходу из города. Туда, откуда мы и пришли. Отбиваясь от наползающих тварей, прочищая себе проход вперед, мы медленно, но неуклонно приближались к воротам. Ни о чем другом я думать не мог. Мне нужны спасительные ворота, узкий участок фронта, где можно держать оборону и подумать, что делать дальше. Запасы энергии у амулетов орков скоро придут к концу, и тогда мы будем открыты для нападения с флангов, а выстоять в рукопашной схватке против бесчисленных полчищ мы не сможем. Поэтому вперед и только вперед.

Я сделал последний рывок и, пропустив отряд мимо себя, не жалея крови, запустил «кровавый туман».

Большое вязкое облако, распространяясь клубами, охватило улицу, окрестные дома и прилегающие переулки. Твари врубались в него, как в кисель, и заметно замедлили свое движение. Толпа уплотнялась, и исчадий становилось все больше и больше.

— Закройте глаза! — крикнул я своим. — Нате, гады, получите! — выплеснул в дикую орду чудищ две пригоршни крови и активировал «багровый восход».

Того, что вместе с кровью из вен полыхнет «кровавый туман», я не предполагал. Но именно это и случилось. Полыхнуло так, что затрясся сам город. Косо висевшая створка ворот улетела прочь и ладно хоть не прибила кого-нибудь из наших. Нас тоже подхватил порыв и оттащил метров на пятьдесят от входа. Несмотря на защиту, мы все попадали, контуженные. В голове гудело, из носа текла кровь, орки и гресса лежали без сознания. Что творилось в городе, я не видел, мой взрыв потушил все ближайшие огни. Но возникла еще одна проблема. Я задыхался. Вспышка выжгла запасы кислорода, и дышать практически было нечем. Еще один такой взрыв, и мы тут задохнемся вместе с исчадиями на радость его величеству — и город свободен, и человека нет.

Собрав кровь, сочившуюся из носа, я активировал лечение. Потом устало уселся на пол. Пат! Твари затаились в городе, я не могу пробиться сквозь них.

Рядом опустилась чумазая Чернушка.

— Друг, ты сумасшедший. Ты еще более сумасшедший, чем наша богиня. Я еще не видела, чтобы столько раз применяли магию крови. — Она рукавом вытерла мне лицо. — Еще один раз применишь эту магию — сгоришь, твоя кровь воспламенится, и ты станешь долго горящим факелом.

Я заглянул внутрь себя и поверил ей, в моей крови бурлила настоящим циклоном энергия. А Лиан не мог пожрать ее и захлебывался. Нужен был срочный сброс. Я быстро высыпал все заготовки, обручи и стал их заполнять. Потом заполнил амулеты орков и только тогда почувствовал облегчение Лиана.

Я был вооружен и в то же время безоружен. Использовать против полчищ тварей слабые заклинания неэффективно, а магию крови я применять не могу.

— Вставайте. Пока твари очухаются, мы попробуем прорваться! — сказал я и поднялся первым, подал руку девушке, помогая ей встать. — Идем в том же порядке. Вперед!

— Сумасшествие! — услышал я голос Шизы, но отмахнулся от нее: некогда!

Снова большой дом и поворот направо. Редкие твари уходили с дороги, но сканер показывал скопление их по флангам. Мне даже показалось, что они выполняют чьи-то команды, уж больно слаженно они действовали, отсекая нас от других улий и давая возможность пройти в центр. Но забивать голову анализом не было времени, я спешил к portalу. Поворот налево и два квартала по прямой. «Быстрее, не отставайте!» — крикнул я оркам, они, тяжело дыша, шумно топали сзади. Впереди них легко двигались Фома и Чернушка.

Вот и площадь! Ё-мое! Мы выскочили прямо на скопление исчадий, их были сотни, а позади них стоял гигантский павиан с палкой. Я резко затормозил. Точно павиан, только метров двух вышиной. Он махнул своей палкой и что-то пролаял, и вся эта дико воющая орда кинулась на нас.

— У-у-у! — гневно проукал я и поднял в бессилии кулак, и в тот же миг в нем оказался свиток. Сработало расслоенное сознание, приняв решение за меня. Свитки эльфаров!

— Получите армагеддон! — зло оскалился я и активировал свиток. Но вместо этого передо мной открылось окно портала, и вся эта визжащая, орущая толпа понеслась прямо туда. Она безостановочно вливалась в портал и исчезала, а я стоял и не мог поверить своим глазам. Что я только что сделал? Твари закончились, окно схлопнулось, и я бросил использованный лист на пол.

Павиан тоже стоял ошарашенный мгновенно изменившимися обстоятельствами. Теперь он был в меньшинстве. Он хрюкнул, повернулся голым задом и решил удрать.

— Куда, обезьяна! — заорал я. Мне требовалось выместить злость на этом предке расистов-дарвинистов, и я, засвистев как Соловей-разбойник, бросился за ним. Но ему в спину прилетела сосулька, оторвала голову, и он, по инерции пробежав пару шагов, неуклюже завалился.

Облом! Я обиженно развернулся, на меня смотрела торжествующая гресса.

— Я попала, друг! — радостно сообщила она мне новость. Подошла скользящей походкой и спросила: — А куда ты оправил исчадия? И почему не делал этого раньше?

Я шмыгнул носом и высморкался. Вопросы у нее были, но их точно так же себе мог задать и я.

— Потом объясню, — ушел я от немедленного ответа. — Это был последний шанс, и он сработал, — дополнил я. — Теперь к portalу! Здесь

этих тварей тысячи. Что они только жрут? — подумал я вслух.

— Они едят друг друга, — стала рассказывать мне в спину гресса, неотступно следуя за мной по пятам. — Это древнее колдовство врага нашей богини Беоты, ее брата Курамы. Он создал их из дворфов и гномов — тех, кто начал ему поклоняться. А Беота закрыла их здесь своей печатью. Отсюда нет выхода.

Я споткнулся и чуть не упал: как нет? А как же ушедшие Дворфы?

Не останавливаясь, я упорно продвигался к центру большой площади. Туда, где должен находиться портал. Я не хотел верить грессе. Этого не может быть, потому что не может быть никогда.

— Богиня позволила уйти дворфам и разбила портал. Так нам рассказывали в академии, — не отставая от меня, говорила Чернушка.

Мы подошли к большой белой плите, расколотой на три части, и куски эти были раскиданы далеко друг от друга. Я смотрел помутневшим взором на крушение своих надежд и силился найти выход.

— И почему ты не сказала этого раньше? — тихо прошептал я, повернувшись к ней.

Как ни старался, но своего разочарования я спрятать не мог. Это было крушением всех моих надежд, я все поставил на этот портал и понимал: обратно нас не выпустят. Даже если я сломаю ворота, то далеко не пройду ни я, ни мои спутники. Нас задавят числом. Конечно, у меня был шанс проскользнуть незаметно под «скрытом». Но тогда орки и дзирда останутся здесь одни. И это был путь не для меня, не для моих боевых товарищей из прошлой жизни. Не для советского офицера, каким я продолжал считать себя и здесь. Мы или уйдем вместе, или вместе останемся тут.

— Выход всегда есть! — твердо сказал я. — Его только надо найти. Надежда умирает после человека, запомни, Чернушка. Пока разумный живет, у него не отнять надежду. И я ее не отдам твоей богине. А ну разошлись из центра! — прикрикнул я на толпившихся среди обломков орков. Подошел к большому куску белого мрамора, напрягся и стал сдвигать его на прежнее место.

Орки тут же бросились помогать. За ним метнулась Чернушка. Скоро мы сложили вместе разрозненные куски. Пред нами лежал собранный портал с широкими щелями, в которые можно просунуть руку. Осмотрев площадку, я перевел взгляд на девушку.

— Мне нужна будет твоя кровь. Свою пока использовать не могу.

То, что я собирался сделать, не было описано нигде, ни в одной книжке по магии. Но я давно уже попираю все правила, по которым строилась магия в этом мире, и устанавливал свои. Если до меня этого

никто не делал, это не значило, что этого сделать нельзя. Можно! Нужно только принимать во внимание и учитывать логику магической энергетики.

— Я сейчас буду восстанавливать портал. А ты своей кровью усилишь заклинание. Нужно действовать очень синхронно, мгновение в мгновение. Поэтому я введу тебя в транс и буду тобой руководить.

Девушка согласно кивнула головой и достала кинжал.

— У нас получится! — уверенно сказал я. Положил руки ей на голову, и Чернушка замерла. Я стал создавать заклинание восстановления. Я делал то, что другим магам показалось бы самой большой глупостью. Я растягивал магические плетения и насыщал их энергией. Они из нитей превращались в веревки, переливаясь радугой в магическом зрении. Работал я не спеша, медленно увеличивая размер нитей и так же медленно переплетая их. Если видел, что они готовы порваться, останавливался и добавлял энергии; если они переполнялись и вот-вот готовы были взорваться, я увеличивал размер. Сантиметр за сантиметром, весь покрытый потом, я создавал доселе неведомое заклинание большой мощности первого уровня.

За моей спиной послышались крики, звон оружия и уханье от применения магии. Это орки отбивались от наползающих тварей, давая мне возможность творить. Спешить нельзя, надо терпеть, и я осторожно скручивал пальцами канаты из силовых линий.

— Нас скоро сомнут! — услышал я возглас Грыза. Но отвлекаться не мог, еще немного, вот так. Мне в спину уперлась чья-то спина, орков теснили, и они уже были на плите.

Готово!

Со всех сторон слышался лай, вой и визги, кхеканье орков, непрерывно работающих топорами. Я запустил плетение в камень и одновременно дал команду: «Кровь!»

Гресса быстро резанула запястье, и я увидел, как брызги крови смешались с плетением и проникли внутрь, а в следующее мгновение камень приобрел целостность.

«Переход!» — дал я мысленную команду.

Темнота и снова свет. Мы перенеслись! Перенеслись и исчадия, атаковавшие нас. Но вот куда? Вокруг нас был большой зал, украшенный статуями женщин, на стенах висели магические светильники. Больше ничего я рассмотреть не успел. В зал ворвались фурии и с криком набросились на окруживших нас исчадий. Чернушка прижалась ко мне и дрожала всем телом.

— Мы где? — спросил я вслух самого себя.

В глубине души я ожидал, что мы очутимся где-то в кланах дворфов, а тут опять эти черные девки-дзирды, грессы, оружие, кричащие и ловко орудующие большими кинжалами. Мы тоже им помогли. Они быстро разобрались с тварями и обступили нас со всех сторон. Их злые взгляды не предвещали ничего хорошего. Я выступил вперед и решил взять инициативу в свои руки.

— Приветствую вас, сестры! — начал я, так как ничего другого в голову не пришло. — Я привез послание вашей богине от ее брата Рока. Он соскучился.

Больше я ничего сказать не успел. Самая высокая злобно полыхнула очами и крикнула: «На ножи врагов!» — и эти бестии, стуча сапогами на высоких каблуках, устремились на нас.

Опять двадцать пять! «Переход!» — отдал я приказ. Темнота, и мы вместе с «сестрами» оказались в окружении толпы исчадий. Теперь мы были союзниками гресс и вместе с ними бешено отбивались от тварей, а орки смогли наконец применить луки, разрывая монстров на куски. Но тех все равно было много. Они завалили телами воительниц и пробились к нам.

— Переход! — ничего другого мне не оставалось делать.

И снова мы бьемся с тварями у дзирдов, а потом они нападают на нас, и мы опять уходим в Мертвый город. Еще десять таких прыжков, и род дев в стране дзирдов исчезнет как вид.

Возвращаемся обратно, таща за собой орду исчадий. Ни с теми, ни с другими справиться мы не можем. Кругом враги. И тут я почувствовал божественное внимание. Это ощущение я хорошо помнил по присутствию Рока и мысленно произнес: «Нижайше приветствую вас, божественная».

— Ты кто? — прозвучал довольно приятный женский голос то ли у меня в голове, то ли в реальности. Во всяком случае, говорившей видно не было.

— С скромный служитель вашего брата Рока. Привез, так сказать, привет от него и приглашение в гости. Соскучился, давно не видел вас, — добавил я.

— Ну ты нагле-эц!! Ты уничтожаешь моих жриц! Покусился на мою власть и восстановил портал, разрушенный мной. Мерзкий и скользкий раб! Ты за это ответишь.

И тут же тяжесть огромной силы навалилась на меня. Рядом упали орки и Чернушка, я согнулся к полу, но, задействовав все возможности Лиана, стал медленно распрямляться. — Они первые напали, — прохрипел я, снова сгибаясь и уступая чужой силе. А потом провалился во тьму.

В себя я пришел в знакомой комнате. Я лежал на кровати, застеленной белой простыней, мою грудь опоясывали бинты, а рядом сидела хрупкая девушка, чем-то отдаленно напоминающая берку Ринаду, только без подвижных ушек и с большими голубыми глазами.

— Привет, Шиза! Меня снова покалечили? — Я был рад ее видеть. — Ты настоящая красавица, — сделал я ей несмелый комплимент.

Девушка молчала, рассматривая меня. От этого затянувшегося молчания мне стало не по себе.

— Ты чего на меня так смотришь? — спросил я.

— Прощаюсь! — сказала она и заплакала, не в силах сдержать слезы. Они обильно текли по щекам, а она всхлипывала и утирала их тыльной стороной ладошек. Головка ее в такт всхлипам поднималась вверх.

— Ты что, выросла и покидаешь меня? — удивленно спросил я. Она не говорила, что может это сделать после совершеннолетия, это что-то новое я узнаю о ней.

— Ско-оро по-окину — прорыдала она, — но не потому, что выросла, а-а-а потому, что тебя сейчас убью-у-ут. Я хочу за-апомнить тебя-а-а! — она редела, глотая слезы.

— Кто меня может убить? Шиза, ты о чем? — Я не понимал ее трагедии, но в сердце шевельнулся страх и окончательно пришел в себя. Звучало тихое пение.

Я был связан, на шее магический ошейник, подавляющий волю, это я хорошо чувствовал по тому, что волна апатии и покорности захватила меня. Я был полностью обнажен и смотрел в потолок, откуда за мной наблюдала просто непередаваемо и неопишимо красивая черная женщина. Вернее, только ее лицо. Вот именно ее красота столкнула меня с точки равнодушия к своей судьбе. Не знаю как, но одним только желанием я затащил воздействие ошейника на пустой слой сознания и обрел ясность мыслей.

— Прекрасная Беота, вы совершаете большую ошибку! — заорал я так, что напугал ее. Это было видно по тому, как она отшатнулась. А у жрицы, стоящей рядом, со звоном выпал кинжал. «Неужели меня хотят зарезать?» — подумал я. Но сам продолжал взывать к богине: — Я боец Рока против Курамы. Без меня он не справится.

Я нес всякую околесицу, потому что задумываться времени не было, скоро меня прирежут, как жертвенного поросенка, и я умру нелепо и недостойно, даже не в бою.

— Ты о себе много воображаешь, человечешка; мы, боги, не нуждаемся в помощниках, у нас есть только слуги. А их всегда много. Приступайте!

Жрица подобрала нож, наклонилась надо мной и занесла его.

— Пойдите! — заорал я еще громче. — А последнее желание? У всех приговоренных есть последнее желание, которое надо исполнить, иначе судьба разгневется и накажет.

— Чего ты хочешь? Ты меня позабавил, — засмеялась Беота.

— Чтобы я и мои товарищи остались живы, — сразу выдвинул условие я.

— Ты неисправим, человек, скользкий, как змея, и омерзительный, как исчадия. Ты просто вонючий белый сквоч. Убейте его! — И нож быстро ринулся вниз.

Я закрыл глаза, чтобы не видеть своего конца. Нож ударился в грудь и отскочил. Я открыл глаза. Ну точно, Лиан защитил. Пораженная жрица снова подняла нож и ударила в район сердца. Нож без всякого звона отскочил. Разъяренная гресса стала беспорядочно наносить удары по моему телу с прежним результатом.

— Меня нельзя убить! — обрадованно закричал я. — Моя смерть спрятана в яйце.

Неожиданно песнопение жриц прекратилось, и в зале воцарилась тишина. Жрица с ножом широко открытыми глазами посмотрела на меня и медленно перевела взгляд на мои ноги. Я увидел удивленный взгляд богини и в ужасе понял, какую глупость я сморозил.

— Смерть в яйце. Яйцо в сундуке. Сундук в дупле. Дупло в дубе. Дуб на острове Буяне, — быстрой скороговоркой протараторил я. — Белка там живет ручная, да затейница такая, белка семечки жует и все песенки поет...

Я нес всякую чепуху, чтобы отвлечь жрицу от ее кровожадных мыслей. А то, что мысли у нее были кровожадные, было видно по прищуренному и приценивающемуся взгляду. Она смотрела куда-то на мои ноги и поигрывала ножом. От ее пристального взгляда у меня сильно зачесалось в паху.

Богиня сморщилась:

— Уберите этого бессмертного и начните с его товарищей!

Меня небрежно скинули с жертвенника, как мешок с опилками, и я упал лицом вниз, прямоком на наши вещи, под головой оказалась моя сумка. Я ухватил ее зубами, прокусив при этом губу, и мысленно вытащил амулет массового оцепенения. Я действовал не думая, на одних рефлексах, активировал его и усилил кровью. Вышел в боевой режим и мысленно крикнул: «Лиан, выпускай кибуцьеров на жриц!»

Из меня выпорхнуло облако, закружилось и, радостно жужжа, устремилось к замершим жрицам. Пусть режут артерии себе, я уже

захлебывался от крови, текущей из прокушенной губы, не желая ее проглотить, и когда почувствовал, что появилась чужая кровь, выплюнул свою вверх, вывернув шею под немыслимым углом. «Багровый восход», — прохрипел я.

В потолок, откуда смотрела голова богини, ударил огненный ураган. Буквально в следующее мгновение я очутился в другом месте. Я стоял пред троном, на котором сидела прекрасная Беота. А я старался прикрыть свой срам руками.

— Не старайся так прятать свое яйцо... со смертью, — усмехнулась она, — это только проекция. Ты смог удивить меня, и убить тебя еще опасней, чем оставить жить. Такой помощник моему братцу очень пригодится. — Она засмеялась. — С тобой и врагов не надо. Поэтому я передумала и хочу отправить тебя обратно вместе с друзьями и крошкой, которую ты приручил. Я даже отправлю вас в то время, когда ты так неосмотрительно переместился сюда, и использую для этого энергию, сотворенную тобой. Иначе она разрушит весь Занкидар. Ты согласен? — Она лукаво посмотрела на меня.

— Конечно, божественная. — Я поклонился.

— А ты, оказывается, можешь быть учтивым, — каким-то томным голосом произнесла она. — И передавай привет моему брату, — засмеялась она так весело и многозначительно, словно ей одной была известна какая-то неведомая мне шутка, скрытая в этих словах.

Потом опять наступила темнота, и снова возник свет. Меня встретил забытый запах, горьковатый, пряный. Запах цветов и диких трав. Кузнечики стрекотали, и тело обдувал легкий приятный ветерок. Степь! Обрадовался! Вскочил! «Вепь!» — попытался закричать. Во рту висела крепко зажатая зубами сумка. Надо же, я так ее и не выпустил! Я вытащил ее изо рта и осмотрелся, коварная богиня отправила нас голыми. Как мы были приготовлены в жертву, так и выпроводила, зараза. Может, поэтому она так заразительно смеялась? Из травы стали подниматься орки, недоуменно себя оглядывая, потом уставились на голую Чернушку, та стояла без всякого смущения и озиралась.

Это было то самое место, откуда мы через портал отправились к посольству. Вон примятая трава, где валялись орки, и деревце, за которым я прятался.

— Чернушка, ко мне! — строго приказал я. Хватит оркам пялиться на девичью красоту. Достал снятый с деревянного Человечка комплект и отдал ей. — Быстро одевайся.

Скоро мы все были одеты, как спецназовцы Леса, — камуфляж,

шапочки и мягкие короткие сапожки. Раздал пайки и приказал:

— Посидите молча, Чапай думать будет.

А подумать предстояло о многом. Что делать с отрядом орков? Не убивать же их теперь. Что делать с Чернушкой и как объяснить ее появление, а главное, цвет кожи другим? Я посмотрел на спокойно сидящую девушку. Может, сказать, что она заболела и почернела? Или заколдована, а я спас ее из грязных лап колдуна? Такой вариант будет лучше, ведь не таскать же ее за собой. Куда же ее пристроить? Я почесал затылок. Только к Овору. Бедный дядька, как он с ними будет управляться? Я понимал, что он не обрадуется. А еще предстоял разговор с Вироной, от которого я ждал мало хорошего. Берка еще сидит там на шее... И что с ними всеми делать? Моя голова раскалывалась от думок.

«Так, спокойно, — сказал я себе, — разобьем проблемы на части. Что в первую очередь надо? Определиться с орками».

— Грыз, иди сюда, — позвал я гаржика.

Тот легко подскочил и бегом бросился ко мне:

— Что нужно, повелитель?

— Грыз, я буду некоторое время занят, вы можете возвращаться к себе в стойбище или заняться своими делами. О том, что хуман, которому отрезали ноги, и Худжгарх один и тот же человек, никто знать не должен. А еще лучше собирайте под знамена Худжгарха всех, кто в него поверит. Продвигайтесь к ставке великого хана и ожидайте там.

— Понял, повелитель. — Грыз широко улыбнулся, показав все свои клыки. — Ты назначил меня своим вестником. Что с Фомой делать?

— С собой забирайте, но им не командуй, у него своя задача будет. Фома! — крикнул я ученику. — Слушай внимательно. Ты пойдешь вместе с Грызом, но будешь действовать по своему плану. Я тебе поручаю выяснить, кто из вождей племен и великих шаманов против великого хана и его правой руки. Их ты должен будешь по-тихому уничтожить. Уничтожить, но не умереть самому! — Я внимательно посмотрел на орка. Насколько он предан мне и будет ли испытывать сомнения? Но тот только молча кивнул. — Ну, если все понятно, я ухожу.

Я встал, опершись на его плечо, и направился к Чернушке.

— Мы уходим, подруга, — сказал ей и протянул руку, помогая подняться.

Кругом лежала привольная степь, дышалось легко и свободно. «Мы смогли вернуться, — окидывая взглядом зеленое море травы, с облегчением и радостью подумал я. — Смогли! Поразительно!»

— Шиза, пора на спутник.

Демон черт-те где

Неизвестность распахнула путешественникам свои липкие объятия, встретив их темнотой и уходящей вниз лестницей, только площадка перед дверью и несколько ступеней тускло освещались проникающим из открытой двери светом, а дальше царила тьма. Прокс включил ночное видение на шлеме и спросил:

— Вы можете видеть в темноте?

— Можем! — одновременно прозвучал ответ девочки и старухи.

Прокс только кивнул. Показал, что услышал. По какой-то непонятной причине он не хотел включать свет. Ему было спокойнее идти в темноте. Интуиция, которой он давно привык доверять, шептала ему: не надо света.

— Пошли потихоньку, — сказал он.

Каменные ступени уходили вниз. «Опять в преисподнюю», — подумал он. Путь смелых! Кому понадобилось прогрызть эти крысиные тропы в чреве горы? Ставить ловушки и делать два прохода, на выбор? Шутки богов? Он не знал. Тут все было не так — люди, демоны, мир, устроенный как слоеный пирог, та же преисподняя, не поддающаяся осмыслению. Бежать отсюда, бежать и не возвращаться! Хватит с него, пусть молодые пробуют здесь свои силы, хоть тот же Дух. Настырный, правду ищет, за других впрягается, помочь хочет.

Демон шел, спускаясь по ступенькам в темноте, перекачивая в голове короткие мысли, как тяжелые камни, и не давая себе возможности подумать, что их может ждать дальше и какую смелость он должен проявить, чтобы пройти до конца. Надо идти и не давать липкому страху заползать в душу, окутывать мысли и пробираться в сердце. А безотчетный страх подступал неясными образами и сбивал шаг, заставляя сердце стучать так, что оно отдавалось в голове.

— Мне страшно, — прошептала девочка, — включите свет. — Она ухватила за руку Алеша и повисла на ней. — Я дальше не пойду, ты убьешь меня. — Она резко выдернула руку и остановилась. — Ты злой!

Алеш остановился:

— Не бойся, Аврелия. Я не сделаю тебе ничего плохого. Это все она, старуха, наговаривает на меня, не верь ей. Хочешь, я ее убью и ты перестанешь бояться?

Он обернулся и услышал тихий напев. Кто-то пел колыбельную, нежно, по-домашнему ласково, прогоняя страх, и тот отступил, разжал свою хватку, спрятался в темноте и затаился. Вместе с ним пропало

наваждение.

— Не надо убивать бабушку, она хорошая. Я больше не боюсь, идем дальше. — Голос девочки был ровен, в нем не осталось больше злости и страха.

Алеш потряс головой. Что случилось и что на него нашло? Откуда неожиданно появилось желание убить старуху?

— Пой, старая, не останавливайся, — тихо попросил он, и старуха пела.

Путь сделался светлее, и идти стало гораздо легче. Исчезла тяжесть, пригибавшая к полу, пропали тяжелые мысли, заполнявшие голову. Песня разгоняла страхи, сомнения и, главное, темноту, а вместе с ней убегал ужас, хотевший поработить их души.

Внизу у основания лестницы сидел скелет в синей мантии, руки отвалились, выглядывали из рукавов почти полностью, на каждом пальце были надеты кольца. На шее висел кулон, у ног, поджатых под себя, лежали факелы.

Старуха прекратила петь и всмотрелась в смельчака, который не дошел до конца. Алеш тоже вглядывался в сидящий скелет, пытаясь понять, что случилось с тем, кто рискнул пройти так же, как и они.

— Он умер от страха, — сказала старуха, присела и стала снимать с него украшения. — Так-так, что тут у нас? Ага, щит. Еще щит, снова щит, невидимость. Огненный шар — второй уровень, свет, — приговаривала она, снимая кольца и амулет. — Детка, давай сюда свои пальчики. — Взяв эльфарку за руку, она стала надевать ей кольца. — Чуть великоваты, но ничего, сгодится. — Надела кулон и удовлетворенно оглядела девочку. — Уверена, ты знаешь, как всем этим пользоваться. — Она решительно стащила со скелета мантию, встряхнула ее и, не стесняясь, скинула свои обгоревшие лохмотья. — Вот так-то лучше, — сказала, расправляя складки мантии, которая была ей чуть великовата. — Ну, что встали? Пошли дальше! — сняла она оцепенение с Прокса и девочки, которые во все глаза уставились на нее. Под лохмотьями скрывалось молодое гибкое тело, резко контрастирующее с высохшими руками и старушечьим лицом.

Темнота отступила окончательно, стены снова покрывал светящийся лишайник, узкий проход извивался, как и тот, по которому они шли раньше.

— Надо отдохнуть и поесть, — сказал Алеш.

Они прошли еще немного, вышли на небольшую площадку и замерли. Перед их взором лежала пирамидка из камней, сложенная старухой.

ГЛАВА 8

Вечный лес, резиденция главы службы безопасности

Тревожно трубили трубы. В саду слышались крики, странный дикий вой и пронзительный визг. Отчаянно кричали маги и бойцы охраны. Стояла еще глубокая ночь. Кирсан-ола приподнялся на кровати, сонно жмуря глаза от света лампы в руках секретаря.

— Мильер, беда, на дворец напали. Вставайте и срочно собирайтесь. Стража еле сдерживает этих тварей, но они прибывают и прибывают. Их десятки, а может, даже сотни.

— Кто посмел? Кто напал? — Могущественный глава службы безопасности Леса был напуган. Он шарил по кровати руками в поисках одежды, но ее не было. Ее не было всегда. Утром слуги приносили новый наряд и облачали его.

Шум схватки приблизился.

— Где моя одежда? Где слуги?

— Мильер, нет времени! Слуги разбежались. Нам надо уходить, скоро эти чудовища доберутся сюда.

Секретарь бесцеремонно схватил брата князя и потащил за собой. Содрав висящий гобелен, он повернул голову стоявшей рядом статуи, и в стене открылся проход.

— Быстрее, мильер, — поторопил его секретарь.

— Где моя личная охрана? — в негодовании всполошился глава службы безопасности Леса и стал упираться. — Куда ты меня тащишь?

— Ваша охрана сражается, мильер, пожалуйста, быстрее.

В этот момент двери распахнулись, и в спальню влетели страшные звери на четырех лапах, с небольшими телами, покрытыми костяными пластинами, и уродливыми зубастыми мордами. Они увидели беглецов и взвыли.

Больше не сопротивляясь, Кирсан-ола завизжал громче чудовищ и прыгнул внутрь. За ним упала плита и перегородила проход.

— Что это? — дрожащими губами проговорил он и стал затравленно озираться.

— Не знаю, мильер, они появились в саду внезапно из портала и хлынули во дворец. Стража вступила в бой, но на них не действует магия. Поэтому пришлось сражаться только мечами.

Рассказывая, он продолжал настойчиво тянуть Кирсан-олу и не обращал внимания на его лепет.

— Надо уходить как можно быстрее, — торопил он начальника.

Миновав три ответвления, они дошли до массивной двери. Секретарь отворил ее и сразу захлопнул: по комнате метался зверь.

— Туда нельзя, милер, там тоже эти твари. — Секретарь терял самообладание. — Они повсюду!

Он снова ухватил спутника за руку и потащил назад. Увидел проход и нырнул в его тьму.

Свет лампы слабо освещал каменные стены и высокий свод, тени в мигающем свете казались зловещими и нагоняли жуть. Кирсан-ола был на грани обморока. Двигаясь в спешке за секретарем, он не мог связно думать. Кто это? Что за твари? Откуда они взялись? Твари. Твари. Это химеры. О них говорили агенты из степи. Химеры. Почему здесь? Кто направил? Вангор. Они создают их. Это война. Это нападение. Мысли скакали, как зайцы, не желая зацепиться за что-нибудь и обрести логику. Секретарь, куда он меня тянет? Где все?

Секретарь затащил его еще в одну комнату.

— Здесь мы сможем переждать, милер, — сказал он и вытер лоб. Осмотрелся и рухнул на скамейку.

— Как ты посмел сесть без моего разрешения? — завизжал в гнев Кирсан-ола, босой ногой, уже сбитой в кровь, ударил секретаря в лицо. Тот упал затылком на пол и затих. Из-под его головы потек тонкий ручеек крови. — А-а-а! — закричал вельможа и выскочил в коридор.

Он понесся по нему, оглашая его криком, добежал до двери в торце и широко ее распахнул. Впереди царила непроглядная темень. Он, подвывая от страха, держась за стену, пошел на ощупь. Ему казалось, что он шел бесконечно долго. Ноги застыли на холодном каменном полу. Тело дрожало от холода и страха, охватившего все его существо. Наконец показалась спасительная щель света, как лучик надежды, что поманила его к себе. Он осторожно открыл двери. Коридор вел в подсобку оранжереи с цветами, где он так любил проводить время. Все так же осторожно вышел, опасливо осмотрелся, прикрыл за собой дверь. Здесь царили тишина и аромат ночных цветов, гордость его коллекции. Он почти успокоился, ощутив себя в привычной обстановке, среди редких растений и клеток с птицами. «Сюда они не доберутся, — успокоил он сам себя. — Пережду, скоро вызовут подкрепление, и химеры будут уничтожены». Он устало опустил в плетеное кресло, осмотрел разбитые ноги, поморщился: жаль, что он не маг-лекарь.

Громко зазвенело разбитое стекло, и прямо на него выскочило чудище. Оно подволакивало ногу, получив широкий порез от осколка, и яростно зарычало.

Забыв про разбитые ноги, Кирсан-ола, не медля ни минуты, вскочил и с громким воплем, перекрикивая рычание твари, бросился вон из оранжереи.

Брат князя был объят ужасом, который придавал ему сил. Он выскочил в коридор и заметался: двери были закрыты. Одна, другая, а сзади его настигал рев страшилища. Наконец одна спасительная дверь открылась. Всесильный вельможа, повергавший в ужас и трепет своих подданных только одним взглядом, оказался в нужнике. Выхода не было, он закрылся на щеколду и сунул пальцы в рот, чтобы не закричать от страха. В дверь сильно ударили, она затрещала, но выдержала. Второго удара могла уже не перенести. Кирсан-ола затравленно оглянулся: перед глазами была дыра отхожей ямы.

Командир личной стражи дворца брата князя Великого леса отступал под натиском тварей. Ни огненные шары, ни лед их не брали, стекали по ним, не причиняя вреда. Первые ряды защитников уже пали, и чудовища жадно разрывали их и тут же начинали пожирать, не обращая внимания на бойцов. По их спинам на жидкий строй защитников наступали остальные. Четвероногие, двуногие, покрытые костяной броней, они не знали страха и сомнений, упорно стремясь добраться до живой плоти, чтобы разорвать ее и с жадностью вцепиться в сочащийся кровью кусок.

Защитников уже оттеснили внутрь дворца, твари ослабили натиск, с ревом разбежавшись по всему дворцу.

— Подкрепление! Вызывайте подкрепление! — обратился он к магам, пытавшимся атаковать этих неизвестных зверей. Голос его хрипел и срывался от усталости, от частой работы мечом. Он весь был в своей и чужой крови.

— Уже, лер, вызвали. Войска собираются и скоро придут, — ответил кто-то.

По замку раздавался многоголосый торжествующий вой тварей, нашедших добычу, и отчаянные крики слуг и придворных, неожиданно оказавшихся жертвами.

— Нам надо пробиться к крылу мельера, — приказал командир стражи. — Вперед! — И маленький отряд примерно из двадцати воинов, только-то и оставшихся от стражи дворца, попытался пробиться к лестнице. Но на него с новой силой навалились твари, не нашедшие себе

добычи.

Когда прибыло подкрепление, живых эльфаров в замке не осталось. По дворцу и парку лениво ходили твари с раздувшимися животами. Истребление их заняло весь день. Погибли сотни воинов. Победа далась дорогой ценой.

Князь Вечного леса ходил по разрушенному замку. Всюду остались следы борьбы и кровавого пиршества.

— Нашли моего брата? — через каждые две риски спрашивал он сопровождающих и, не получив ответа, шел дальше. — Все, я на это смотреть больше не могу, — сказал он, — я буду в оранжерее. Ищите тщательно, хотя бы останки.

Охрана настороженно шла впереди и следом. Князь уселся в плетеное кресло и задумчиво смотрел на разбитое стекло. Что могло произойти? В самом сердце Великого леса произошли события, не поддающиеся его уму.

Появились твари, о которых никто ничего не знал. Они возникли внезапно из портала. Сегодня они появились здесь, а завтра? А завтра могут появиться в княжеском дворце. У князя от этой мысли пробежали мурашки по коже. Лес перестал быть безопасным местом. Это ужасно!

Кто смог такое совершить? Вангор? У него нет таких возможностей. Да и его величество — союзник. У него под брюхом империя лигийцев жадно смотрит на богатого соседа. Императора сдерживает только союз Леса и Вангора. Лигийцы? Но шпионы, глубоко внедренные во властные структуры, не докладывали о чем-либо подобном. А скрыть столь масштабные приготовления невозможно. Так кто же? Демоны? Вполне возможно. Но зачем им это? Он только что наладил отношения с одним из князей тьмы. Его соперники дают сигнал, пришла мысль князю. Лес ввязался не в свою игру, и их поставили на место. Это в натуре князей.

Его мысли прервал шум, доносящийся откуда-то справа. Князь встал, и охрана быстро прикрыла его. Двое пошли на звук.

— Сюда! Помогите! — послышалось из открытой двери.

Князь подошел к нужнику. Крики раздавались из выгребной ямы. Преодолевая брезгливость, он заглянул в дырку.

Оттуда на него смотрел перемазанный нечистотами Кирсан-ола.

— Брат! — заорал он и погрузился с головой, забулькал, вынырнул, сплюнул и радостно заорал: — Бра-ат!

В Вангор и обратно

На спутнике мы не задержались, а сразу отправились к поместью Овора. Только маршрутом «с пересадками». Сначала на границу Великого леса, где я добыл плотоядную белку, это была первая точка привязки, потом к трактиру Овора, оттуда сразу к поместью. Чернушка не успевала следить за сменой обстановки и только в страхе то широко открывала глаза, то плотно их закрывала. Она крепко держала меня, так что оторвать ее можно было только вместе с рукой. «Не бойся», — успокаивал я ее, слегка ободряюще похлопывая по плечу, это вошло у нас в своего рода традицию.

Вот и поместье, ров вокруг него, крепкие ворота и охранник, старый дружинник барона, отца Ирридара. Смотрел он на нас недружелюбно, мол, «ходят тут всякие».

Старый воин-нехеец встретил нас перед воротами, подозрительно посмотрел, особенно на грессу, и грубовато сказал:

— Трактир в другой стороне. Здесь поместье.

— Шардган, ты так состарился, что уже не узнаешь своего ученика? — Я стоял и улыбался во весь рот. — Не ты ли меня учил охотиться в горах, видеть следы пещерного медведя и уходить с его дороги? — Все-таки брат исполнил свое обещание и ветераны прибыли.

Крепкий старик внимательно присмотрелся и охнул:

— Ваша милость, неужели это вы? Так изменился! Я просто не узнаю малыша Ирри.

Я полез обниматься и с радостью прижал охотника к груди. Пусть он учил не Глухова, а Ирридара, но я уже давно был им и душой и телом.

— Проходи, малыш, как наши будут рады-то! Как рады!

Он семенил рядом, не успевая за моими шагами, а мне не терпелось увидеть дядьку, девочек. Соскучился. Я тащил Чернушку за руку, и она почти бежала, затравленно озираясь.

На крыльцо вышла дворфа, внимательно посмотрела на нас.

— Привет, Лия. — Я издали помахал рукой.

Девушка сошла с крыльца, степенно пошла навстречу, потом не выдержала и бросилась с визгом ко мне:

— Хозяи-и-ин! — и обхватила руками и ногами, как тогда в лесу, после умывания. Прижалась крепко-крепко и замерла. — Хозяин! — прошептала она. Еще немного повисела и отпустила. Отошла на шаг и осмотрела. — Повзрослел, подрос, суровее стал. И как всегда с новой девушкой, — добавила, с интересом присматриваясь к Чернушке. — Где же она так измазалась, бедная? — покачала она головой. — Ну ничего, — добавила оптимистично, — мы ее отмоем.

На высокое крыльцо поместья стали выходить его обитатели. Первой

выскочила Вирона, и улыбка с нее сползла сразу же при взгляде на грессу. Глаза сузились, а руки воинственно уперлись в бока, так она и застыла. Следом вышел Овор и поспешил ко мне, но тоже, не доходя пару метров, остановился и стал растерянно смотреть на нас. Из-под руки Роны выглянула любопытная головка берки и удивленно заморгала глазами. Ну вот, все в сборе и молча смотрят на нас. Я это предвидел, мельком поглядел на бывшую жрицу и направился к дядьке, крепко обнял его:

— Здорово, дядька!

— Здорово, Дар! — Он тоже крепко обнял меня. — Пошли в дом. — На его глазах навернулись слезы.

Дальше я обнял Вирону, которая сначала меня чуть не задушила, а потом больно ущипнула:

— Это кто? Кого ты опять притащил, гад?

— Потом, Рона, потом все объясню.

— Здравствуй, Ринада, — поздоровался я и поклонился.

Но девушка демонстративно посмотрела на Рону, смело подошла и оплела своими ручками мою шею, потом расцеловала в обе щеки.

— Здравствуй, мой спаситель, — прощепетала она и отошла на шаг. Вирона стояла рядом, и я слышал ее возмущенное дыхание.

Ну вот, первые слова сказаны, дальше надо ждать вопросов-расспросов с пристрастием и пытками: «А это кто? А как?.. Откуда? А почему она черная?» А самое главное: «Что ты с ней будешь делать?» Словно я собираю себе гарем из красавиц на тот случай, что вот вырасту, стану совершеннолетним и тогда оторвусь. Вроде бы и нечего особенного, молодой парень, холостой, но у некоторых вызывает ревность. Я вздохнул и стал себя уговаривать набраться терпения.

В гостевой комнате я переоделся в свою одежду, натянул удобный нехейский костюм. Простоватый, неброский, но крепкий и не стесняющий движений. Тут тебе нет зауженной талии и штанов в обтяжку.

Чернушку забрала Ринада. Сама подошла и, схватив за руку, потащила за собой.

— Девушке нужно переодеться, — посмотрела она на нас с вызовом и, гордо подняв голову, развернулась, уводя грессу за собой.

Я стоял у зеркала, когда раздался требовательный стук в дверь и, не дожидаясь разрешения, в белом длинном платье, с черными локонами, небрежно брошенными на плечи, в боевой раскраске искусно сделанного макияжа быстрой и твердой походкой, словно прокуратор Иудеи Понтий Пилат, пришедший вынести приговор, вошла Рона. Плотной притворила за собой дверь и закрыла ее на задвижку. Глядя на ее преображение и

уничтожающий взгляд, я до конца не понимал, что она дальше собирается делать. Предаться любви или казнить меня жестоко, с наслаждением и изощренно.

— Рассказывай. — Девушка вплотную подошла ко мне, и я почувствовал, как ее тугие груди, зажатые платьем, уперлись в меня. Ее глаза смотрели прямо в мои, а ноздри возмущенно раздувались.

— Ты обворожительна, Рона, выглядишь просто потрясающе. — Я обнял ее за талию, прижал крепче и поцеловал.

Вирона оплела мою шею своими крепкими руками и долго не отпускала. Отстранившись, она грозно засверкала черными, как кожа грессы, глазами.

— Рассказывай все и не вздумай врать. Я сразу распознаю ложь.

— О чем рассказывать? — Я стал искать лазейки, чтобы не врать и не сказать правды.

; — Откуда ты притащил эту черную и почему она такая? А главное, что ты с ней собираешься делать? — Она грациозно уселась в кресло и смотрела на меня суровым взглядом следователя. Чтобы не стоять перед ее пристальным взглядом, я стал ходить по комнате, три шага в одну сторону, три шага обратно, заставляя ее поворачивать голову вслед мне и не давая возможности лучше прицелиться и испепелить меня взглядом, да и осуждающе смотреть так было неудобно.

— Мы прибыли из степи, ты же знаешь, я был отправлен туда вместе с посольством, — не соврал я.

Она неверяще посмотрела на меня, но уличить во лжи не смогла. Прикусила нижнюю губку и задумалась.

— И где такие... в степи водятся? Перед убытием я изучала материалы по этому миру. О черных эльфах ничего не сказано.

— Где водятся, не знаю... — и, увидев ее прищуренный взгляд, чуть набок склоненную головку, добавил: — Где точно они живут, не знаю. — И опять не соврал. Рона, кроме того, что считала себя моей девушкой, была штатным агентом АДа, а им выдавать тайну соседнего материка я очень не хотел. Не доверял я АДу. Они определили меня как жертву для спасения Демона. Для них я был малозначимой фигурой, которой стоит пожертвовать. Но для себя родного я был центром вселенной и с участью козла отпущения согласиться не мог. Поэтому все, что можно спрятать, я прятал от них как можно дальше. А стало быть, и от Роны.

— Почему она такая? — переспросил я. — Может быть, мутация, может быть, загорела под лучами светила, не знаю. — И это тоже было правдой, я закончил предложение без лжи. — Я не знаю, почему она

черная, могу делать только предположения: может, ягод переела, — мстительно добавил я.

На мою колкость девушка обратила ноль внимания.

— А зачем ты ее сюда привез? Спасал опять бедняжку?

Тон ее был весьма язвителен, и, кроме того, в нем отчетливо слышалось «Ну надо же какой дурень!».

— Да, спасал! И обратно ей возвращаться нельзя, ее убьют.

— За что же это?

— За предательство! — Я говорил только правду и не сообщал ничего. — Большого сказать не могу, не мои тайны.

— Ты говоришь правду, но ничего не сказал о том, кто она, откуда и для чего ты ее таскаешь за собой. Ты с ней спал? — Ну вот и самый главный вопрос ревнивой женщины, остальное, так сказать, прелюдия.

— Она магесса и будет обеспечивать магическое прикрытие поместья. А откуда она — не важно. Я с ней спал в походе, но близости не имел. Допрос окончен?

— Ты не говоришь всей правды, все время ускользаешь как, как... не знаю кто, противный, самовлюбленный мужлан, и я тебе за это отмщу. — Она резко встала, одним движением сбросила платье и... отомстила. Потом еще раз. Уже уставшая и расслабленная, она лежала на моем плече и говорила мне в ухо, какой я бесчувственный чурбан и как мне повезло, что я встретился с ней.

— Какие новости в мире? — прервал я ее монолог.

— Много! — оживилась она. — Пропала эскадра рейдеров, отправленная уничтожить базу валорцев, нам поручена задача разузнать о ее судьбе. Пропал твой куратор Демон, и старшей здесь назначена я, теперь ты мне полностью подчиняешься, недостойный. — Она плотнее прижалась ко мне.

— Что, больше достойных не нашли, как только девушку впрягать и местного? — спросил я. — И как мы узнаем о судьбе космических кораблей? Искать полетим, где они сделали остановку и пьянствуют? — Мне стало смешно. Шпионы, твою дивизию, эскадру потеряли.

— Узнать нужно у валорцев, эскадра вступила с ними в соприкосновение и пропала, — ответила девушка, не смутившись от моего смеха. — Это сможешь сделать ты, а я помогу тебе спланировать операцию.

— Хорошо, обсудим вопрос по возвращении, я сейчас не могу этим заниматься. — И, глядя на возмущенную Рону, добил ее: — Мне одну девушку выручать надо, — вздохнул я, понимая, что говорю глупость, но

она все равно будет пытаться, что у меня за дела, и не отстанет, пока не скажу правду.

— Какой же ты все-таки гад! — прорычала она и набросилась, чтобы отомстить. И я, хотя не был таким уж мстительным, решил сдаться.

Пришло время ужина, Лия постаралась и накрыла праздничный стол, я сидел на своем месте. Напротив, как всегда, уселись Овор, Рона и Лия. Ринада и Чернушка задерживались. Мы ждали их и сидели молча, только Овор нервно стучал пальцами по столу.

— Ты надолго? — не выдержал он молчания.

— Нет, дядька, поужинаю и отправлюсь обратно, без меня посольству никак. Сами не могут управиться.

Рона широко открыла глаза, посмотрев на меня, я говорил правду. И это было странно. В ее понимании. Что я такого мог сделать для посольства? У нее проснулся профессиональный интерес.

— А девушка? — Дядька отвел глаза.

— Чернушка останется тут, она магесса и будет обеспечивать магическую защиту.

— Ага. А кто она тебе?

И этот туда же, хотя его сомнения мне понятны, я ему таскаю девушек на шею, а для чего — он не понимает. А у меня тоже нет какой-то цели: спас и не прогнал. Вот и пристроил у Дядьки.

— Она мне друг, который не предаст. А если я ее предам, обещала зарезать. Так что вы тут поосторожней с ней, — добавил я со смехом.

Но мой смех оборвался, когда я увидел вошедших «Блек энд уайт».^[13] Мой смех застрял у меня в горле, и я закашлялся. Сидящие за столом тоже обернулись. На пороге столовой стояли почти две близняшки, отличал их только цвет кожи, и ушки у одной были подлиннее. Белая в черном платье. Черная в белом. Дядька тоже поперхнулся, а Рона громко бросила вилку на стол и ожгла меня взглядом.

Чернушка спокойно прошла и села слева от меня. Немного поколебавшись, за стол прошла Ринада и села справа, с вызовом посмотрела на Рону. Видно, у девочек не сложилось, понял я, но только мысленно махнул рукой. Пройдет время, Вирона улетит к себе на место службы и забудет нас как страшный сон, успокоил я себя. Авось утрясется.

— Тана, как вас зовут? — вежливо обратился дядька к дзирде. Он рассматривал ее, как заморское чудо, но не пристально, чтобы не смущать.

— Ее зовут гресса Ильридана, но тан Ирридар назвал девушку Чернушкой, — ответила за нее берка.

— Да? За что же ты так ее? — обратился ко мне Овор.

— Он меня взял в плен, и я хотела его убить, но не смогла, — опередила меня гресса, пока я набирал воздух в грудь и придумывал, что ответить.

— А что вам помешало? — с интересом поглядывая на меня, спросила Рона.

— Наш господин Аббаи, оказывается, бессмертен, — ответила с улыбкой берка, — почти бессмертен.

Тут уж все широко раскрытыми от удивления глазами посмотрели на меня. А я удивленно посмотрел на Ринаду: с чего она стала такая бойкая?

— Надо же, я и не догадывалась, — иронично прошептала Рона. И как-то по-новому стала меня рассматривать.

— Его нельзя убить просто, как всех, — продолжила Ринада. — Расскажи нам, гресса Ильридана, подробнее, — попросила она с очень невинным видом.

За столом остывали блюда, но все с интересом уставились на Чернушку.

— У моего друга смерть находится в яйце, — ответила она, обводя глазом собравшихся.

Овор стал нервно смеяться.

— Это небось сам Дар сказал? — спросил он.

— Ну да.

— Все, хватит! — Я хлопнул по столу ладонью. — Чернушка, не рассказывай больше никому ничего, ни что было, ни откуда ты. Поняла? Давайте ужинать.

— Поняла, — ответила девушка.

— Узнаю, в каком — отрежу! — прошипела Вирона.

— Опоздала, дорогуша. Уже, — как ни в чем не бывало продолжила берка и хотела еще что-то добавить, но я наложил на нее безмолвие. Люто посмотрел на Рону, открывшую было рот, и стал есть.

— Ринада, если вы продолжите эту тему, то я наколдую вам длинный-длинный нос, — шутливо пригрозил я. — А тебе, Чернушка, зашью рот, — и подпустил в ментал немного страха.

Все сразу поверили. Дернул же меня леший вспомнить сказки, обругал я себя. Сколько они всего теперь надумают, представить страшно. Верно у нас дома говорили: слово не воробей, вылетит — не поймаешь.

Ели молча и искоса бросали на меня взгляды. Берка сидела со слезами на глазах, а Рона победно ухмылялась. Ну точно, у них война, только вот что они не поделили? Если меня, то я повода не давал. Или тут соперничество, кто милее, кто румяней и белее? Вполне возможно, борьба

за первенство. Теперь тут и Чернушка появилась, ох, не завидую я Овору. Несмотря на думки, я ел с аппетитом и нахваливал:

— Здорово тут стали готовить! Спасибо, Лия, накормила.

Девушка зарделась от удовольствия.

— Чернушка, — я не стал называть ее прежним именем, как все, для меня она оставалась Чернушкой, — останешься здесь, в поместье, будешь заниматься магической защитой. Твой начальник — дядька Овор. Поняла?

— Поняла. Магическая защита, подчиняюсь грессу Овору, никому ничего не рассказывать. Когда заберешь меня к себе?

Все это она выложила на одном дыхании. А я в такт словам согласно качал головой и, когда прозвучал последний вопрос, не сразу понял, о чем он. Повернулся к ней всем телом и удивленно на нее посмотрел:

— Куда к себе?

— Ты меня бросаешь? — Теперь у нее на глазах навернулись слезы, взгляд был по-детски беспомощным и полным неподдельного горя. А я не знал, что делать. Я ее забрал из привычного мира. Переделал, как мог, и она знала только меня в этом мире, где я стал для нее неким якорем, за который она зацепилась, островком безопасности и комфорта. А вот что дальше, я придумать не мог.

— Нет, не бросаю. Оставляю на время, потом заберу, когда разделаюсь с делами, закончу академию и стану свободным. Но видется мы будем часто. — Я пальцами вытер ей слезы.

— Если ты меня обманешь, мой друг, — улыбнулась она, — я тебя прирежу.

Овор на другой стороне стола вздохнул, он понимал, в какие проблемы я вляпался со всеми этими спасенными барышнями. Рона молча барабанила пальцами по столу. У нее были свои мысли на этот счет. Ринада сидела тихо, как мышка, испытав на себе мой суровый характер.

— Езжайте, хозяин, — дворфа была, как всегда, спокойна, — только больше девушек не спасайте, ну их. — И все согласно живо закивали головами.

Посольство. Нет, это уже было не посольство, это был гуляй-город, окруженный рвом и валом. За повозками и щитами быстро пробегали тени и тут же прятались за спасительные стены. Лагерь находился на осадном положении, а вокруг расположились небольшие отряды орков, изредка постреливающие для острастки в сторону вангорцев.

Лесные все же добились своего и задержали посольство и сделали это просто: выбили всех лошадей. Теперь, стало быть, решают вопрос по

устранению хана. И где-то змейка Ленея, я ее чувствую. Живая и недалеко от меня, не надо даже входить в кровную связь. Я был под «скрытом», но для мага обнаружить меня не составляло проблемы, а в том, что среди орков есть маги лесных эльфов, я не сомневался.

У меня созрел план, мне нельзя было светиться, и я решил использовать снежного эльфа в качестве прикрытия. Уход в боевой режим и прыжок телепортом к лагерю, еще прыжок, и я у секретов варгов, тех тоже лишили лошадей. Еще один переход, вот и повозка Луминьяна. Магистр похрапывает в ее тени под натянутым навесом. Рядом сидит истуканом Гради-ил, опять медитирует. Осторожно приближаюсь и шепчу:

— Гради-ил, не пугайся, это я, Ирридар, — подождал и увидел, как медленно он поворачивает голову в мою сторону. Молодец, ничем не выдал удивления, встал и скользнул ко мне.

— Рад видеть вас, мой лорд! — прошептал он.

— Я тоже. Пошли со мной. — Взял его за руку, и мы телепортами ушли подальше от лагеря и окружающих его орков. Теперь можно поговорить.

— Гради-ил, я вижу, у посольства проблемы.

Тот только усмехнулся:

— Их создал сам посол. По всему видно, не хочет он ехать к ставке, лесные эльфы для него союзники, и мы не можем их атаковать. Вот и сидим, потеряли всех лошадей и обороняемся.

— Мы ему поможем поднять свою задницу, — хищно оскалился я. — Ты меня прикроешь. Посидишь тут, а я на разведку сгоняю, потом приду за тобой.

— Понял.

Я снова был в боевом режиме и, обходя посты орков, направился по нити, ведущей к орчанке. Я уже не сомневался, что горячая девушка хлебнула неприятностей. Она была в окружении отрядов орков, следовательно, попала в плен. Чем это для нее грозило, я понимал. «Союзники» продумали ловкую многоходовую операцию. Останавливают посольство, убивают сына правой руки и шаманку из рода Гремучих Змей, сваливают на посольских и скрываются. Кровная месть обеспечена. Посольство там в ставке просто прирежут, как лорхов, или четвертуют, как меня.

Осторожно, но быстро я пробирался к ней. Нигде не было видно следов следящей сетки, и это успокаивало; скакать зигзагами мне очень не хотелось, но и выдавать своего присутствия тоже. Я почти уже уверился, что проберусь незаметно, как Шица выдала предупреждение: нас засекли.

После ее слез и прощания она замкнулась; с чем это было связано, я не знал. Она не выходила на связь и запряталась так, что складывалось ощущение, будто ее вообще нет. И вот она неожиданно выдает сигнал: нас засекли. Кто? И как?

— Произошло облучение военным сканером, предполагаю, здесь валорцы.

Больше она ничего добавить не успела, прямо из воздуха стали появляться «деревянные» бойцы, и сразу включился гаситель магии.

«Ловко работают, слаженно». - пронеслось у меня в голове, но в следующий момент я уже отражал удар меча первого нападающего. Они лишили меня возможности пользоваться обычной магией, а магией крови я пользоваться не хотел, чтобы лишний раз не светиться и не раскрывать свои возможности. Уходить в боевой режим я тоже не стал — слишком большая потеря энергии. С бойцами Леса я постараюсь справиться.

Я измененной рукой отбил меч и выхватил первый попавшийся из сумки. К. моему великому огорчению, пояс левитации с оружием остался у дзирдов, чтоб они повесились на нем вместе со своей обворожительной богиней с натурой волчицы внутри.

Я крутился как уж, но работал четко, как механизм. Отбивал удар и входил в клинч с ближайшим противником, доставал его рукой и вытягивал всю его энергию. Очень быстро я разделался с тремя. Бойцы отступили, разорвав дистанцию, у моих ног лежали истыканные стрелами диверсанты, я успевал развернуть их лучникам, и основной град стрел доставался им.

— Осторожно! — услышал я предостережение Шизы, но было поздно, в спину мне ударил разряд станера, и я мешком на подкосившихся ногах завалился лицом в землю.

Гады, достали все-таки!

— Это ваш непобедимый противник? — услышал я вопрос.

Ко мне подошли, небрежно перевернули ногой. Мужчина в бронекостюме-хамелеоне, похожем на костюм Роны, присел передо мной на корточки. Стянул шапочку и присвистнул:

— Вот это встреча! Привет, студент, истинно говорят, что планеты круглые. Вот и свиделись! — передо мной сидел мой похититель, тот, который остался в живых и уехал. — А я думал, что ты мертв, а ты вон какой живучий, — удивленно рассматривая меня, говорил валорец. — А шустрый какой, еле попал в тебя. Не иначе магия.

Он думал, что я беспомощен и в его власти. Нет, господин бандит, мы еще посражаемся, есть у меня последний козырь. Я прокусил губу так, что кровь обильно потекла в рот.

— Если ты даже откусишь себе язык, студент, мы все равно узнаем, кто ты и откуда и что тут делаешь так далеко от академии, — сказал бандит, увидев, как из уголков рта у меня потекла кровь. Я выплюнул ее вверх и пожелал: «Кровавый туман». Движения моего врага замедлились. Не дожидаясь, когда он придет в себя, я снова плюнул, но уже в него. «Дождь смерти», — пожелал я. Понимая, что сила заклинания будет меньше, чем от крови из вены, постарался набрать ее побольше. Я видел, как она кристаллизовалась и дождем осыпала лицо валорца. Его голова вспухла, я вышел в боевой режим и пожелал: «Багровый восход!» Надо мной возникла ослепительная вспышка, я почувствовал знакомое ощущение закипания крови, часть бурлящей энергии отдал Лиану, а часть направил на излечение паралича. От нестерпимой боли меня выгнуло в дугу, на мгновение я потерял сознание, а когда очнулся, то был уже свободен. Сразу вскочил и огляделся: живых не было, валорец лежал под моими ногами наполовину обгорелый, другой валялся шагах в пяти, запекшийся в своей собственной броне. «Деревянные» бойцы лежали с выгоревшими грудными клетками, дымившимися черными провалами. Я был цел, но моя одежда обгорела. Спасла меня не Шица, а защита Лиана, окружившего мое тело «каменной кожей».

Все, дальше скрываться нужды не было. Я действовал, как слон в посудной лавке, и со злостью на себя, на проказницу судьбу, что милует меня, но не дает покоя, заорал во всю глотку: «Худжгарх!!!» И громовой крик разнесся по степи, вспугнув стаю пернатых, отразился от облаков и, усиленный незнамо чем, обрушился на землю обратно. Ударил по мозгам, уронил меня на землю и немного контузил.

— Ну все! Худжгарх идет мстить! — сказал я, поднимаясь. — Шица, черноту клубами до головы! Мессир, Мастер, на выход в плечи! — И, широко шагая, не прячась, пошел по зову нити туда, где, зажатая в страхе, находилась Ленея.

Отряды орков снимались со своих мест, они бросали быков и в ужасе убегали, я, не мелочась, широко разливал страх по степи, вливая в него все новые порции энергии.

— Худжгарх! — периодически орал я, сливая в свой крик охватившую меня ненависть.

Вот и овраг, где держали девушку. Рядом с ней вповалку лежали орки, а эльфары, утратившие свою иллюзию, метались по оврагу. Увидев меня, один мгновенно вскинул и тут же выпустил стрелу, она ударилась о «каменную кожу» и утонула в черноте. В ответ я выстрелил «сосулькой», она сбила его с ног, снеся щит. Лесной эльфяр поднялся на колени и тоже с

ненавистью поглядел на меня и медленно навел лук. Я не мешал. Вдруг он поменял направление и выстрелил в Ленею. Я опоздал совсем чуть-чуть. Думал, что все его внимание будет приковано ко мне, но эльфяр решил иначе, я вышел в боевой режим в тот момент, когда стрела вошла в грудь орчанки. Я был рядом и подхватил ее связанное тело на руки. Поддержал ее со спины и почувствовал укол. Стрела пробила ее насквозь.

— Помоги сыну правой руки, — прохрипела она и закрыла глаза.

Рядом раздались хлопки, это эльфяры, воспользовавшись моим замешательством, скрылись в телепортах. Я снова посмотрел на девушку. Она уже не дышала.

ГЛАВА 9

Демон черт-те где

— Алеш. — Девочка подергала руку мужчины, обращая на себя внимание. — Ну Алеш, мы тут уже были, смотри, вон пирамидка из камней, что бабушка сложила.

Он сбросил оцепенение, охватившее его от понимания того, что они опять пошли по кругу, только значительно большему, чем первый. Прокс растерянно посмотрел на Аврелию, потом перевел взгляд на старуху и со злостью двинул ногой по сложенным горкой камням.

— Отдохнем и пойдем искать новый проход, в прежний уже заходить не будем. — Он крепко сжал губы, чтобы грязно не выругаться, и уселся первым. За ним последовали спутницы. Ели молча, думая каждый о своем, но то и дело бросали тревожные взгляды вглубь, туда, где извивалась тропинка, такая обманчивая в своей внешней простоте.

Они прошли сто шагов и миновали зев бокового ответвления, там уже были. Через следующие сто шагов им открылся еще один коридор с противоположной стороны. Он утонул в полумраке, и в десяти шагах уже ничего не было видно.

— Держитесь за меня, как прежде, — сказал Алеш, — идем сюда.

Он не стал говорить пустые слова «будьте осторожны», все и так шли в сильном напряжении. Путешествие по лабиринту кое-чему их научило, но и принесло тревогу. Что же там дальше? Шли долго. Постепенно спускались вниз без всяких приключений. Это Прокса раздражало сильнее всего. Он как-то принял за правило: если нет опасности, значит, они ходят по кругу. На стенах ножом оставлял стрелки, глубоко вырезанные в скальной породе и хорошо заметные даже в тусклом свете лишайников. Но пока его отметин не попадалось. Это успокаивало и в то же время наполняло тревожным ожиданием чего-то опасного и, главное, неожиданного. Они вышли к неширокому провалу, через который был перекинут неширокий подвесной мост. На мосту их ждали.

Алеш достал бластер и остановился, рассматривая незнакомца. Некстати очередной раз подумал: кому и зачем понадобилось устраивать этот лабиринт? Кто забавлялся мучениями попавших сюда людей и нелюдей?

— О, я вижу, появились смельчаки, — раздался громкий хрипловатый

голос, и к ним по мосту направился тот самый незнакомец.

— Лич, надо же! — с невеселой усмешкой произнесла старуха. — И что нам от него ждать?

А тот подошел к краю моста и остановился.

— Живые в моем мертвом царстве. Как вы сюда попали, глупцы?

— Мы выходим из преддверия преисподней на волю, дяденька, — без страха ответила снежная эльфарка. — Это дядя Алеш, а это бабушка, — представила она своих спутников.

— Хуман-инопланетник, снежная эльфарка — дитя вне брака, отвергнутая матерью, и проклятая дриада. Какая интересная компания!

— Чего тебе надо, лич? — хмуро спросил Прокс. Его неприятно удивила осведомленность этого существа.

— Мне — ничего, — ответил тот, — а вот вам надо выйти на волю. Ведь вы вошли в двери для смелых. А я уже тысячу лет не видел здесь живых, да и мертвых тоже. Скучно. После того как братья поссорились, этот путь забыли.

— А что ты тут делаешь, дедушка? — Этот вопрос задала любопытная Аврелия. Прокс заталкивал ее себе за спину, но она все равно умудрялась высунуться и вставить слово.

— Я встречаю смельчаков и провожаю их на выход, дитя. Такова воля сыновей Творца. Не бойтесь, идите за мной. Я знаю, у вас много вопросов, и постараюсь на них ответить. Мне за мост заходить нельзя. — Он развернулся и поплелся на другую сторону.

— Не верю я ему, — сказал Прокс. — Если это путь смелых, то где опасности?

— Пошли, инопланетник, — сказала старуха. — Теперь понятно, откуда у тебя устойчивость к хаосу. Выбора нет. Все равно идти с ним или без него. От личей мало вреда, неуспокоившиеся маги, пропитанные магией до костей, не живые и не мертвые. — Она подтолкнула его в спину.

За мостом Прокс, который хотел собраться с мыслями, сказал:

— Пока остановимся. Отдохнем.

— А как вы сюда попали, дедушка? — Неугомонная эльфарка так и не села, а стала кружить вокруг лича, с интересом его рассматривая. Он поворачивался вслед ее перемещениям, наконец не выдержал и попросил:

— Дитя, не ходи вокруг, у меня уже голова закружилась. — Он уселся выставив на обозрение голые кости колен и как живой закричал: — Эх, старость не радость.

Напротив в села в такой же позе девочка.

— А как ты узнал, что дядя Алеш инопланетник? А от меня мама

отказалась? Мне дедушка рассказывал, что она умерла от горя, когда папу на войне убили.

— Я владею тайным знанием, и мне ведомо многое, что сокрыто, — ответил лич. Он не обращал внимания на человека и старуху, но пристально присматривался к девочке. — Твоя мать была замужем и родила тебя от другого мужчины. Чтобы скрыть твое рождение, тебя отдали бездетному купцу. Он стал твоим дедушкой.

— Может, ты знаешь, что нас ждет дальше? — спросил Алеш. Он с удивлением смотрел на говорившего.

— Нет, хуман, будущее в руках судьбы, и знаний о нем не может быть. Тысячи путей у человека, и кто знает, какой он выберет. А вот прошлое уже записано в книгу судьбы, и ее можно прочитать. Тебя предали друзья и тот, кто считает себя князем. Кха-ха, князья, — изобразил лич смех, который больше походил на кашель. — Князь тьмы только один: это Курама, остальные, много возомнившие о себе, его рабы.

— А ты научишь меня своему знанию? — опять вклинилась в разговор Аврелия.

— Научить не могу, а передать можно, ты сможешь принять эти знания, дочь племянницы великого князя.

Прокс и дриада с удивлением посмотрели на лича, потом на девочку.

— Для чего этот путь на выход? — перевел Алеш разговор на другую тему.

— А вот когда пойдем, я по дороге все расскажу, чтобы не заскучали, — лич ответил равнодушно, как проводящий экскурсию гид, который изо дня в день много лет рассказывает одно и то же. — Давным-давно, уже не помню когда, среди братьев возник спор. Курама говорил, что творения Творца — демоны, люди, эльфары и другие не способны сами выбрать себе путь, и их нужно вести в будущее, их удел — быть слугами и рабами божественных детей. Его поддержала Беота, их младшая сестра. Но Рок, наивный мечтатель, спорил и отправлял их к завету Творца, что удел сыновей — хранить изначальный мир, не вмешиваясь. Тогда, чтобы доказать свою правоту, Курама предложил создать этот лабиринт и проводить по нему тех, кто захочет стать героем, и дать им выбор. Он говорил, что смертные — жадные, глупые, тщеславные и подлые, каждый из них выберет только то, что выгодно ему, и ради этого предаст отца, мать, друга. — Лич замолчал, задумавшись, он неспешно шел рядом с ними, опираясь на свою палку.

— И что было дальше? — не вытерпела девочка, дергая его за порванный рукав халата.

— Дальше они решили поставить две двери и дать выбор смертным: кто войдет и принесет жертву Кураме, тот будет служить Кураме; кто пройдет путем смелых, будет служить Року. А Беота не стала участвовать, она обозвала их дурнями. Кха-ха, представляете? — снова закашлялся дед. — Дурнями божественных сыновей! Те, кто проходил лабиринт, получали силу от них, и стали их звать скравы — герои, значит. Сначала шли в две двери. Я встречал тех, кто шел к Року, и провожал на выход, потом их стало меньше, а в конце концов сюда уже тысячу лет никто не заходил. Вы первые. — Он исподлобья посмотрел на Прокса. — А инопланетников вообще не было.

— А через дверь к Кураме много разумных проходит? — Это Аврелия не могла успокоиться и забегала вперед то слева, то справа, заглядывая в лицо древнего существа.

— А это, дитя, мне неизвестно, наши пути не сообщаются. Только где они сейчас, сыновья? Курама решил захватить власть над Беотой и стал вербовать себе слуг в ее царстве, преуспел, проворный был. Но сестра вышвырнула его и закрыла свои земли. Тогда он спустился в Сердце Хаоса, чтобы почерпнуть силы, и его телесная оболочка сгорела. Теперь его дух бродит где-то под землей, он и сюда приходил, жаловался, а потом ушел. Его слуги, что прошли лабиринт, теперь поделили царство. Вот и вся история богов, — задумчиво сказал дед, — и мы уже пришли. — Он распрямился и засмеялся: — Кха-ха. Курама, прими эту жертву, — и направил посох на стоящих перед ним оторопевших слушателей.

Уж больно резок был переход от рассказа, который их захватил, до странных и непонятных слов лича. Все трое стояли разинув рот. С посоха сорвалось пламя и ударило в замершую троицу. Но на его пути возникла ледяная стена, которая поглотила пламя и растаяла, образовав огромную лужу, а из нее выросла черная поросль и обвила лича, не давая ему пошевелиться.

— Нет! — заверещал он. — Этого не может быть! Курама обещал мне выход, если я принесу ему жертву. Курама, спа-аси-и! — завывал он. Но растение сильнее сжимало его в своих тисках, и скоро на пол упала его голова, руки, и сам он упал в лужу россыпью костей.

Прокс пришел в себя.

— Спасибо, родные, вы нас спасли.

— Я ничего не делала, — в два голоса одновременно проговорили обе.

Старуха подошла к останкам, которые раньше были личем, и поковырялась в них.

— Ну конечно, тайные знания, как же, — с издевкой произнесла она и

подняла кулон с большим продолговатым зеленым камнем. — Артефакт из сказок. — Она рассматривала вещицу.

Девочка, влекомая любопытством, тоже подошла поближе:

— Это что, бабушка?

— Я думаю, это один из артефактов Творца — кулон тайного знания. Вот сейчас и проверим. — Она надела его на шею девочке. — Ну как?

— Не знаю, ничего не чувствую, — пожала она плечами.

— Про меня что-нибудь скажи? — Старуха, не поднимаясь, внимательно смотрела на девочку.

— Ты тоже хотела силы и власти и вошла в тайный культ, тебя предала твоя подруга и продала сюда. Но она была не эльфарка, она была демонесса.

— Работает, — удовлетворенно проговорила старуха. — Все верно, девочка, так и было. — Она огляделась. — Везде Курама свой нос сунул. Даже привратника соблазнил. Да перемудрил. Сгорел. Туда ему и дорога.

Прокс тоже осматривался, обратной дороги не было, там, откуда они пришли, появилась стена. Они находились в комнате с двумя дверьми. Никаких надписей не обнаружилось. И куда идти? Он остановился. «Путь смелых», — повторил он про себя.

Степь да степь кругом

Леня лежала умиротворенная и отрешенная. Казалось, она просто уснула, примостившись на моих руках. Глаза закрыты, на лице маска покоя. Она освободилась от земных проблем, и ее душа готовилась улететь далеко за грань, как и моя когда-то, чтобы быть поглощенной Великим Ничто и ждать своего часа быть востребованной и переродиться в новой сущности какого-нибудь разумного. Так думал я.

Но у меня внутри взорвался бомбой протест. Неожиданный выброс адреналина в кровь всколыхнул все мои чувства, обнажил их болезненно, как будто обстругал острым ножом до нервов. До боли. Нет, не хочу! Так не пойдет! Так несправедливо! Рано ей еще наполнять пустоту.

В магическом зрении я видел ее дух, он неподвижно прозрачной субстанцией завис над телом. С удивлением в глазах смотрел я на тело, которое держал в руках. Между ним и духом протянулась ниточка, она постепенно утончалась и должна была вот-вот порваться. Покачиваясь, дух стал медленно удаляться, растягивая и без того тонкую скрепу, связывающую дух и тело. Если она порвется, я не удержу Леню и не смогу вернуть обратно.

— Лиан, верни духа. — Я вспомнил, как оживил Пятницу, и хотел повторить это сейчас. Но симбионт передал образ бессилия и развел руками: не получается!

— Стоять, дух! — прорычал я. — На место!

Я не понимал, что должен делать, как удержать и вернуть Ленею обратно. Мысли хороводом кружились, заполнив мой разум, мешали действовать, и тогда я отбросил размышления, как помеху, как плотину, перегородившую поток моих желаний от возможности их реализовать.

Прочь думки, прочь сомнения! Времени было в обрез. Меня выбросило в ускоренное восприятие. Резанул вену и поток хлынувшей из пореза крови направил на рану. Активировал лечение, краем глаза наблюдая за духом, протолкнул стрелу и обломил наконечник. Руки сами действуют, словно наделены своей собственной, отдельной от меня волей. Словно они лучше меня знают, что надо делать, и я отпустил их на свободу.

Твою дивизию, на наконечнике порча! Вот почему дух не возвращается!

— Стоять! — снова прошипел я и ухватил его аурными щупальцами. «Держите, парни, только не ешьте. Держите крепко», — мысленно попросил я малышей. Вошел в ауру девушки. Слабую, рваную, похожую на островки в океане. Где чернота? Ищу чужеродное вкрапление. Вот она, разрывает тонкое тело, как бумагу, и безжалостно поедает ее, чавкая, рвет и жрет, как ненасытная тварь с голоду, дорвавшаяся до добычи.

Вливаю в ауру энергию, передаю свою жизненную силу, уже по спектру знаю, как она выглядит. Сейчас надо быстрее заполнять. Заполнять, заполнять ауру жизнью! Своей жизнью. Быстрее, чем тварь жрет. Есть, пошло!

Тонкое тело проявилось, микронное, как радужная пленка бензина на воде. Перекидываю щупальца на черноту, начинаю ее ловить и сам жрать, как пресытившийся впихивает в себя лишний кусок, который воняет гнилью и тошнотворен на вкус. Противно до рвоты, словно гнилое мясо, давлюсь, мысленно крою мотом, но жру. Отпущенный дух повисел и опять поплыл от тела.

— Стой! — хватаю одной присоской и пытаюсь удержать.

Идет борьба, он рвется, пытаюсь вырваться, я держу и заглатываю черноту как можно больше, чаще, с остервенением. Чувствую: еще глоток, и меня вырвет, а брошу ее пожирать — и он оторвется и уже рывком уйдет за грань.

«Давай, Глухов, за бабушку, противно, невкусно, но надо, для здоровья надо, одну ложечку», — и я, давась, глотаю.

Кто-то говорит со мной, убеждая есть. Словно в моем сознании присутствуют посторонние, не вижу их, но слышу. Ясно, отчетливо. Как будто через непроницаемую ширму говорят со мной: «За маму ложечку, еще одну, последнюю, за маму». Снова глотаю и снова давлюсь, черный кусок не лезет, стоит каким-то колом ни туда ни сюда. «Глотай!» — звучит команда. И я проглатываю. «Теперь за папу». — «Нет, я уже съел последнюю. Это невыносимо, это выше моих сил, — качаю отрицательно головой, словно те, кто прячется за ширмой, могут меня видеть. — Не могу, меня тошнит!» — я почти кричу, и становится легче. «Так то за маму, теперь за папу, он воевал. Пережил голод, разруху и великую войну. Надо ложечку за папу». — «У-у-у, гадость», — и глотаю за папу-ветерана. В голове все перемешано — кто я, что я тут делаю? Что жру? Кто говорит? Полузабытье, полубред, состояние подвешенного в пустоте с кусками гнилой черноты на тарелочке с голубой каемочкой. Как эта отвратительная пища может лежать на такой нарядной тарелочке? Мысли блуждают сами по себе. Думают о странных вещах, каких-то мелких, незначительных. При чем здесь тарелочка? «Теперь за Вовку, за сына, чтобы вырос здоровым. Ты же хочешь, чтобы он вырос крепким, как папка?» — «Хочу». Вовка рос болезненным, вечно простужался, переболел пневмонией. Очень хочу, чтобы вырос здоровым и сильным и проглатываю новый кусок.

«Вот молодец!»

Кто это? Кто со мной говорит? Пытаюсь всматриваться в туманность образа ширмы, но ничего не вижу. Кто здесь?

«Давай, внучек, ешь, не ерепенься, мы в гражданскую вшей ели и их кормили, ничего, не умерли, еще и сыновей заделали. Богатырями стали». — «Дед, это ты?» — «Лопай, потом разговаривать будешь». Глотаю. «А вшей зачем ели?» — «А как желтуху лечить? Лекарств не было, вода из лужи, многие болели. А вшу съешь — и здоров. Глотай давай. Нам противней было, поймал на себе и слопал без всяких тарелочек. А у тебя почти торт на тарелочке».

Глотаю. Это предел.

«Не могу больше, я сейчас умру». — «И кто это говорит? Нехеец или размазня? — Голос громовой, властный и очень грубый, с презрительными нотками. — Я в болоте прятался и пиявок ел, а они меня жрали, вот это был бой — кто кого, и вылезти нельзя, местные ловят и с живых кожу сдирают». — «А ты кто?» — давлюсь, все съеденное обратно лезет. «Кто я? Арпадар я. Далекий предок твой, не по матери, по отцу. Ешь быстрее, мне ждать тут недосуг».

От удивления раскрываю рот, и кусок черноты сам лезет в гости.

«Ну вот, а говорил „не могу“. Благословляю. Достоин».

Я снова вижу ауру, она плотнее, и черноты нет. Ленея на руках, все такая же тихая и спокойная.

— Домой, дух, давай домой, — приказываю я, и он медленно проникает в тело. Аура наполняется золотым цветом. Девушка лежит безучастно, как спящая царица. Дыхания нет.

Нажимаю на грудь и резко отпускаю. «Живи, ведьма!» — кричу я. И меня выбрасывает из ускорения.

Ленея громко вздыхает и хрипит, ее сотрясает кашель, а я откатываюсь подальше, ухожу телепортом, и у меня начинается рвота до боли. Сгусток черноты собирается в фигуру и смотрит на меня. «Мы еще встретимся, урод», — звучит у меня в голове, и клякса исчезает.

— Да и хрен с тобой. — Я стою на четвереньках, нет сил поднять голову. — Приходи, встречу.

В теле слабость, моя аура не золотая, а бледно-белая, хорошо, без разрывов, но сил нет даже подняться. Так и стою, тупо уставившись в землю. Неожиданно аура засверкала, как золотой илир. Мышцы наполняются новой, перекачавшейся волнами силой, и я вижу образ девушки в желтом платье в белый горошек. Бледная, но улыбается. Шиза поделилась своей жизнью.

Сканер пустой. Орки бежали. Только множество быков, мыча, бегали в испуге по степи. Теперь Ленея справится. От веревок я ее освободил, теперь гордая орчанка будет спасать сына правой руки. По всей логике, парень должен на ней жениться, если я что-то понимаю в характере орков. Здесь я больше не нужен.

Гради-ила я нашел в кустах. Тот лежал в высокой траве и, применив какое-то свое заклинание, старательно скрывался. Так обычным взглядом и не увидишь, хоть наступи на него.

— Разведчик, вылезай, — позвал я его. — Ты чего так запрягался?

Эльфар зашевелился, высунул голову над кустом, осмотрелся. Облегченно вздохнул:

— Хвала Творцу, это вы, лорд.

— А кого ты думал увидеть, великого князя? — пошутил я.

Эльфар выглядел несколько ошеломленным. Вытянутое лицо, и без того бледное, напоминало белый мрамор. Широко открытые глаза в беспокойстве обшаривали округу и наконец сфокусировались на мне.

— Тут такой ужас творился, — сказал он, подходя и стряхивая с одежды прилипшие травинки и муравьев, которые облепили его и деловито

обживали новую территорию. — Я видел этого духа. Страшно, скажу вам.

— Какого духа?

— Худжгарха, милорд. Огромный, черный, со множеством голов и рук — чудовище. Он появился как раз там, куда вы ушли. — Глаза эльфа стали внимательно ощупывать меня. Я тоже посмотрел на свою одежду, почерневшую от копоти и наполовину обгоревшую.

— К счастью, я никакого духа не видел, — нашелся я, безмятежно глядя прямо в глаза эльфа. — Рядом со мной что-то взорвалось, и я потерял сознание. Когда пришел в себя, кругом было пусто, только быки метались и мычали. А что, действительно так страшно было?

— Не то слово. Дух орал так, что его крик уходил в небо и громом падал вниз. Он как молот прибывал к земле и не давал подняться. Вот как это было.

— Разве дух может орать? — Я изобразил неверие.

— Этот может, — уверенно, без доли сомнения ответил эльф. Он уже пришел в себя, скинул наваждение и спросил: — Что дальше будем делать, милорд?

— Надо быков собирать для посольства, только не знаю, как это сделать. Может, за варгами сходить? — Я вопросительно уставился на него.

— Не надо, я соберу их. Знаю как. — Он подмигнул мне. Видно было, что разведчик полностью отошел от встряски и включился в работу. — Вы куда теперь? С нами?

— Нет, Гради-ил. У меня еще дела есть незаконченные, встретимся в ставке. Ты собирай быков и гони их к посольству.

— Понял, милорд.

Леня очнулась, ее душил кашель, слюна при вдохе попала не в то горло. Она привстала и громко прочистила бронхи. Наконец кашель успокоился, и она смогла вздохнуть полной грудью. Девушка осмотрелась и вспомнила последнее, что она видела: кто-то огромный, обьятый тьмой, появляется в овраге. Эльф наводит лук на него и... и стреляет в нее. Боль. Затухающим взором она видит малыша, который держит ее в своих руках. «Спаси сына правой руки», — успевает сказать Леня и теряет сознание. «Малыш! Наверное, звал с того света», — подумала она. Иначе почему она видела его неясный обгорелый образ. Бедный хуман. Ей стало до боли жалко этого сумасброда. Мысли вернулись обратно. Сын муразы! Страх ударил в сердце, она вскочила и стала суетливо озираться. Вот связанные орки смотрят на нее. Но смотрят как-то странно, можно сказать, с опаской. И тот, о ком она беспокоилась, тоже смотрит на нее. Живой. Хвала предкам. «Где враги?» — пришла запоздалая мысль. Она подхватила лежащий у ног

лук со стрелами и осмотрелась. Никого.

Прямо на примятой траве брошено оружие. «Орки убегали в спешке», — подумала она. Почему? Но память отказывалась ей подчиняться. Она немного помнила после пробуждения. Девушка ощупала кольчугу, на ней под сердцем была дыра. «Стрела попала в меня», — поняла Ленея. А где она? Сломанная стрела лежала рядом. Наконечник отдавал эманациями черноты. Стрела с посмертным проклятием. «Неминуемая смерть и забвение», — подумала она. Но дальше размышлять о том, что же с ней произошло, девушка не стала. Враги могут вернуться и снова застать их врасплох. Надо уходить. Она подобрала один из ножей и стала перерезать веревки, связывающие пленников. У затухающего костра лежала ее седельная сумка и оружие, а также оружие других пленников.

— Поднимаетесь и быстро уходим, — прошептала она, боясь говорить громко. — Сюда могут вернуться, — пояснила она.

Из-за щитов выглядывали головы защитников, напуганных громом и вспышками. Теперь вооружены были все, даже снабженец стоял с арбалетом в руках, но, правда, смело прятался за спину посла. Граф наблюдал картину, от которой ему становилось не по себе. К лагерю, громко мыча, приближалось большое стадо верховых быков. Но что удивительно, всадников на них не было. Это хоть и не внушало страха, но производило жутковатое впечатление. Какая сила гнала их к лагерю? И чего ждать дальше?

— Не стрелять, — приказал граф. — Посмотрим, что будет дальше.

Дальше они услышали гортанное «гоу-гоу», и среди быков показался улыбающийся снежный эльф.

— Не стреляйте! — закричал он. — Мы запряжем быков и двинемся дальше.

Граф сплюнул от досады, все его планы отсидеться и оправдать себя в глазах короля и мстительных союзников рухнули, от Студента неприятности приходят и после смерти. «Чтоб он и за гранью калекой остался», — мысленно пожелал граф.

Степь постепенно успокаивалась, тревожность сменилась покоем и щебетом многочисленных птах. Быки больше не мычали от страха, и вдали затухал голос снежного эльфа, собравшего их и весело погонявшего криком, похожим на английское «гоу» — «иди». Но, наверное, мне просто слышалась эта похожесть. Остальное додумал сам, нафантазировал. Откуда

ему знать наш земной английский?

Главная моя задача теперь состояла в том, чтобы добраться до ставки великого хана. Не верю я, что «лесные» будут просто сидеть сложа руки, пока орки надумают сместить хана. Нет, эти ребята сделаны из другого теста. Они четко знают, чего хотят, и умеют этого добиваться. Одно то, что вапорцы вышли на контакт с кем-то из верхушки Вечного леса и участвуют в операции, говорит о том, сколь значительные силы и ресурсы лесные эльфы привлекли для ее осуществления.

Поэтому мне надо быть там. Что я буду там делать? На этот вопрос я четкого ответа не имел. Надо добраться, осмотреться и тогда решать. А сначала нужно вернуться к сивучам и забрать Рострума. Свою работу он проделал очень качественно и довольно своеобразно. Ну и отдохнул заодно, как в санатории побывал, попил, покуражился вдали от семьи и поблудил.

Сверяя снимки со спутника, я заметил перемены, происшедшие в степи. На огромных просторах, поросших высокими сочными травами, началось движение. Массы орочьей конницы (не скажешь же быконницы, хоть они и скачут на быках) двинулись в разных направлениях, часть направилась к ставке великого хана. А несколько больших отрядов двигались странным образом в ту сторону, куда должен был отправиться я. Мне вообще казалось, что это огромные муравьи снуют по своим делам, перебираясь целыми семьями с только им одним понятными целями. Такое впечатление производили скрины из космоса.

В лагере сивучей царила обычная оркская суeta. Кто-то бранился, дети бегали и дрались, матери шлепками разгоняли их. Орки-мужчины, кто не занят на службе, собирались у костров и о чем-то долго говорили, спорили. Часто дело доходило до драк. Но мне до них не было дела. Я сидел тихо и смотрел глазами Сарги Улу. Напротив него, скрестив ноги, сидел мураза и морщился, глядя на шамана.

— Сарги, после того как ты вернулся, я тебя не узнаю — пьешь гадость, приготовленную учениками, двух учеников казнил и развесил их шкуры. Они боятся подходить к тебе. Человеческих самок понатащил в шатер. Что происходит? Скоро ехать к великому хану, а ты как с ума сошел. — Вождь осуждающе и немного брезгливо смотрел на верховного шамана. Тот был раньше грозой всего племени, им детишек пугали, а теперь орда смеется над ним. Позор! И позор не только для шамана, и для вождя тоже. Но самое главное, с таким верховным он может распрощаться с мечтами стать великим ханом. Тяжелые мысли посещали вождя все чаще. Где скрытный друг, что помогал им? Где обещанная помощь в устранении других вождей, мешающих ему? Все, что они выстраивали столь долго и

упорно, рушится на глазах по вине Сарги Улу.

— Ты боишься остаться без места великого хана? — заплетающимся языком пробормотал шаман. — Правильно делаешь. Другие племена не хотят тебя видеть великим, они хотят поставить брата муразы чахоя — Барама Обака. Он пристрастился к дурман-травке, и шаманы считают, что он будет более управляем. Тебе тоже надо ее курить, — неожиданно выдал свое суждение шаман, — тогда ты будешь иметь возможность, — он поднял вверх крючковатый палец и потряс им, — претендовать на место верховного муразы. — Несмотря на помятый вид и затуманенный взгляд, Сарги Улу теперь говорил внятно, и речь его была довольно связной. — Вот, я тебе приготовил, друг, пару «косячков». — Старик вынул из объемной сумы самокрутки и протянул их ошеломленному такими речами муразе. — Затянись и вдохни аромат небесных кущей. К тебе сразу придет просветление, и появится уважение шаманов других племен.

Пораженный Шадлыб Уркуй безмолвно смотрел на протянутые самокрутки, в его голове не укладывалось то, кем, а вернее, чем стал его соратник и советник. Что такое могло произойти с прозорливым и властным орком, всегда с пренебрежительностью смотревшим на тех, кто курил и пил всякую крепкую гадость, как называл в прошлой, уже можно точно сказать в прошлой жизни Сарги Улу. Один из авторитетнейших шаманов племен.

— Стража! — громко позвал он, и в шатер заскочили два воина. — Возьмите нашего верховного и отвезите его на дальнее стойбище, но так, чтобы никто этого не видел. Посадите в яму и давайте только лепешку и гайрат. Не забудьте отобрать у него посох и сумку, — добавил он. — Ничего, друг, я помогу тебе, — обратился он к шаману.

Тот поднял на вождя глаза и оскалился:

— Меня?! В яму?! — резко повел посохом в сторону воинов, и тех выбросило невидимой силой из шатра. — Ты кого в яму захотел посадить, жалкий и ничтожный пастух и сын пастуха, которого я избрал и поднял до вождей? Мерх вонючий, ты поднял свою руку на благодетеля? — Он махнул рукой с зажатым посохом на муразу, и тот повалился на шкуры.

В шатер вбежали стражники. Они остановились, не зная, что им делать. Они с тревогой и непониманием смотрели на поднимающегося муразу и на шамана, который был в ярости. Нерешительно затоптались на месте. Что-то в шатре вождя происходило странное, но он не звал на помощь и не отдавал приказов; кроме того, они знали, какой крутой нрав у их шамана. Шкуры учеников до сих пор дубятся под лучами светила.

— Пошли прочь! — проревел верховный шаман и, зло

расхохотавшись, прокаркал несколько слов. Стража застыла, а потом повалилась на ковер, лежащий у входа.

— Ну все, Сарги, ты перешел границы, — недобро глядя на шамана, проговорил вождь. И, видя, что тот снова поднимает свою палку, быстро выхватил нож и метнул его. Нож мелькнул быстрым росчерком, вошел по самую рукоять в горло шаману. Сарги замер с поднятой рукой, удивленно посмотрел на муразу и с бульканьем стал заваливаться на шкуры. Мураза с трудом поднялся и подошел к лежащему шаману, из распоротого горла которого толчками выплескивалась кровь, а открытые глаза смотрели на ноги Шадлыб Уркуя.

Постояв перед лежащим стариком, который сразу как-то потерял все свое величие и сухонькой скрюченной фигурой лежал у его ног, вождь наклонился и протянул руку, чтобы вытащить нож. Маленькая фигура шамана, безвольно лежащая в луже крови, вызывала у него жалость и горечь от содеянного. Он укорял себя, что поторопился и расправился с разошедшимся стариком слишком сурово.

— Эх, Улу, Улу, — проговорил со вздохом мураза и потянул нож за ручку. Неожиданно тонкая ручка шамана, почти детская, ухватила его за запястье, а острый конец посоха вонзился ему под подбородок и глубоко проник в мозг.

Я давно вышел из шамана, потому что смотреть его глазами было трудно, взгляд его то фокусировался на окружающем, то перед ним все расплывалось, смазывалось, приобретало размытые очертания. Я сразу, как пошла ссора, проник в шатер и хотел воспользоваться ею, но они все сделали за меня.

Мураза пару мгновений посидел на корточках и ничком завалился на мертвого шамана. Так они и остались лежать, и после смерти уставившись в глаза друг друга. Эти двое перехитрили сами себя. В своей неумной жажде власти они убивали, предавали своих и заключали союзы с врагами. Они, я думаю, даже считали себя вершителями чужих судеб. Но в конечном счете я был отомщен и не засветился. Продвинулся еще на одну клеточку вперед и спрятался за слонами. И, глядя на поверженных врагов, вспомнил поговорку «Не рой другому яму, сам в нее попадешь».

Демон черт-те где

Снова двери. Как будто без них проходящий испытания не проявит свою смелость, испугается выбора и останется тут умирать, от страха сделать неверный выбор. «Небогатая фантазия у сына Творца», — подумал

Прокс.

Словно прочитав его мысли, Аврелия подошла к дверям и, задумчиво рассматривая их, стала медленно говорить, словно вспоминая давно забытые и только сейчас всплывшие из глубин памяти отголоски далекого прошлого.

— Это не Рок создал. Тут поработал Курама, — сообщила она. — Он обманул зрителя, пообещав тому свободу и великое место около себя. Младший сын Творца втайне от Рока создал тупик, куда зритель заманивал доверчивых и отдавал их в жертву Кураме. Но тот своего обещания не выполнил, а старый лич забылся, рассказывая нам истории, и прошел мимо места, где находится жертвенник Курамы. За свое предательство он был уничтожен силой Рока. — Она замолчала и взяла Прокса за руку.

Подошла старуха, до этого внимательно слушавшая девочку.

— Ты знаешь, что там за дверью? — спросила она и с надеждой и усталостью, которую ей не удалось скрыть, посмотрела на снежную эльфарку.

— Нет, не знаю. Зритель дальше не заходил.

— Так это ты из памяти лича вытащила, — не столько задала вопрос, сколько утвердительно сказала старуха, уверенная в своих выводах.

— Я не знаю, — пожала плечами малышка.

— Мы опять пойдем направо, — решительно заявил Алеш и открыл дверь. В нешироком проеме был виден путь, узкой змейкой устремлявшийся между стенами скалы, облепленными уже знакомым светящимся лишайником. Он в точности повторял тот, в который они вошли в самом начале. Подавив вздох, Алеш повернулся посмотрел на замерших в напряжении спутниц и ободряюще подмигнул. «Пошли», — с улыбкой произнес он. И они вошли в двери.

Через несколько часов ему стало казаться, что их будут водить по этим вырубленным в скалах коридорам вечно. На всем протяжении долгого пути представала одна и та же картина — тропинка, стены, небрежно вырубленные в скале, и лишай, тускло освещающий дорогу. Но отметок, которые Прокс делал на стенах, им не попадалось.

Наконец они подошли к очередной пропасти. «Наверное, Рок был любителем-скалолазом», — подумал он, внимательно осматривая противоположный край, находящийся метрах в десяти. Или боялся высоты и наделал тут всяких пропастей, чтобы проверить других, как они проявят свою смелость. У самого края стояла ржавая железная корзина и в ней сломанный арбалет. Прокс перевел взгляд на противоположный берег: там

росло одинокое дерево. Он внимательнее присмотрелся к корзине и увидел в ней остатки сгнившей веревки. Значит, арбалет заряжался стрелой с веревкой, и, перекинув ее, можно было перебраться на другую сторону. Но все от старости сломалось и сгнило. Видно, забросил Рок путь для героев, верно, разочаровался в разумных и уступил Кураме. Иначе чем объяснить труху в корзине? Такие невеселые мысли промелькнули в голове у него.

И снова девочка словно прочитала его мысли, со вздохом сказала:

— Тут Курама был и проклял корзину.

Старуха хмыкнула:

— Ты видишь его следы?

— Ага, — односложно ответила Аврелия.

— Подождите, — сказал до этого молчавший Алеш, достал из рюкзака арбалет, болт, но, скептически осмотрев его, вернул обратно, пошарил в корзине и вытащил другой болт, толстый, с проушиной для веревки и все еще достаточно крепкий. Снова залез в рюкзак и долго там что-то искал. Наконец удовлетворенно хмыкнул и вытащил тонкий ярко-желтый шнур. Привязал его крепко к болту, вложил в арбалет. Прицелился, хотя промазать с десяти метров еще нужно было постараться, и выстрелил. Арбалет негромко хлопнул натянутой витой стальной тетивой, и болт с глухим стуком вошел в дерево.

— Готово, — довольно проговорил он.

Как опытный полевой агент Прокс брал с собой все, что, по его мнению, может пригодиться в пути. В рюкзаке у него было много разного барахла — стропы от парашюта, крючки, запасные ремни, даже огниво и трут. Кто знает, с чем ему придется столкнуться. Теперь его запасливость помогла найти выход из, казалось бы, не просто трудного, а безвыходного положения.

Он сноровисто надел на спутниц ремни, привязал к ним отрезки троса, связав их кольцами, и сквозь них пропустил шнур.

— Старуха, ты поползешь первой по веревке, а Аврелия посмотрит, как надо делать. Я буду держать веревку, так как закрепить ее не на чем. — Он показал глазами на остатки кольца, трухой рассыпавшегося у корзины. — Трудность в том, что придется карабкаться наверх. — Он снова покопался внутри рюкзака и достал несколько фиалов. Два протянул старухе. — Желтый — это зелье увеличения силы. Зеленый — для целительства, — сказал он. — Если обгоришь по дороге, подлечишься.

Старуха ироничным взглядом посмотрела на Алеша и забрала маленькие бутылочки. Он понял, что учить колдунью, какое зелье для чего нужно, это глупо.

— Давай вперед, — поторопил он ее.

Старуха выпила эликсир и быстро поползла по туго натянутому канату. Через минуту она была уже на другой стороне. От ее головы шел дым, и остатки волос обгорелыми клоками торчали из головы, делая ее еще более уродливой. Следом поползла девочка. Она заранее окружила себя заклинанием мороза, и казалось, по канату медленно ползет облако пара, внутри которого девочку видно не было. У края ее подхватила старуха и затащила под дерево. Настал черед Прокса.

— Хуман! — закричала старуха. — Будь осторожен, веревка уже тлеет.

Алеш кивнул головой, показывая, что услышал. Разбежался, подбросил веревку вверх и прыгнул далеко вперед над пропастью. Старуха и девочка невольно вскрикнули. Они провожали глазами тонкий шнур, взлетевший вверх, и увидели Прокса, распластавшегося над пропастью в полете. Затем он ухватил рукой трос гораздо ближе к противоположному краю и полетел вниз в кипящую лаву. Полет закончился сильным ударом о скалу, и, не удержавшись, он соскользнул ниже. Понимая, что времени у него мало, Алеш стал взбираться по шнуру вверх. Бросив взгляд вниз, он испугался. Шнур горел, и его горящий конец быстро приближался к нему. Быстро лезть ему мешал тяжелый рюкзак, и тогда, отчаявшись, он сбросил его, быстрее заработал руками и ногами, упираясь в стену. Огонек горящего троса, весело потрескивая, догонял его, он посильнее оттолкнулся ногами и провалился в пустоту, оказавшуюся под спекшейся коркой на стене. От неожиданности он выпустил трос и вломился в пещеру. В образовавшемся неровном отверстии промелькнул огонек пламени и скрылся вверху. Оттуда раздался горестный вопль старухи и звонкий плач девочки. Прокс ошеломленно огляделся и увидел второй выход с обратной стороны. Узкий, так что пришлось расширять его ножом и руками, чтобы протиснуться.

С трудом выбравшись из ямы, он увидел спины рыдающих спутниц. Они, верно, не видели, что он попал в пещерку и скрылся в ней, и когда подошли к краю, то обнаружили только обгорелый трос. Все это подумал Прокс, пока осторожно приближался к ним, боясь напугать случайным шумом, так как они стояли у самого края бездны и могли от неожиданности в нее свалиться. Но все равно он не смог подобраться незаметным. Под его ногой оглушительно треснула сухая ветка. Обе испуганно обернулись, и старуха дернулась, как от удара, потеряла равновесие и, отчаянно замахав руками, пытаясь ухватиться за воздух, стала падать спиной в пропасть. За полу ее синей мантии ухватилась девочка в отчаянной попытке удержать, не дать свалиться. Но ее сил явно не хватало, и старуха продолжала падать, увлекаемая за собой вцепившуюся Аврелию.

Прокс рванулся вперед и схватил сначала малышку, а затем, другой рукой, старуху за край мантии, резко дернул на себя, и они все трое завалились под дерево. Обе ревущие спутницы лежали на Алеше, обнимая его и заливали его слезами.

Наконец старуха смогла сдержать рвущиеся рыдания и, с надрывом всхлипывая, проговорила:

— Мы-ы-ы ду-ум-мали, чтто-о ты-ы сг-о-оре-эл, — и они снова заревели в два голоса.

Прокс по жизни был одинок. Он привык к этому состоянию. Когда не было привязанностей, не было и тех, кто ждал бы его возвращения с заданий. Тех, за кого бы он волновался и переживал. О ком скучал и ждал встречи. Сама служба агента отрезала любые длительные связи. В сухом остатке пребывала только черствость, рациональность, иногда тоска и замкнутость. Вот так он и жил — без семьи, без друзей, поглощенный работой. Другой жизни для него не существовало. Но эта маленькая эльфарка, ворвавшаяся снежным комочком в его жизнь, смогла растопить лед холодной, расчетливой души, согрела его своим присутствием и дала толчок к желанию поменять жизнь, даже свое отношение к ней. Он был благодарен ей за эти новые чувства, проснувшиеся в нем, он впервые ощутил себя не инструментом в руках необходимости, а просто человеком, имеющим, как и все, свои слабости и не боящимся их открыть. И от того, что из бездушного исполнителя чужой воли он превратился в совсем другое существо, так сказать, очеловечился, ему было тепло и радостно. Странные повороты судьбы, не знаешь, где найдешь и где потеряешь.

— Все нормально, — сказал он, обнимая обеих, — только мы остались без припасов. Пришлось бросить рюкзак, чтобы выбраться. А из оружия — только станер и нож. «Надо было рюкзак отдельно переправлять», — запоздало подумал Прокс. — Ну чего разлеглись? Есть нам нечего, так что надо спешить.

Он поднялся и помог подняться спутницам. За деревом, непонятно как живущим под землей, без света и воды, был новый проход.

Каменные ступени, вырубленные в скале, утопая в гулкой темноте, вели вверх. Алеш, стоя у подножия, проворчал:

— То вверх, то вниз, то по кругу. В чем смелость?

Они стали подниматься и скрылись в темноте.

Из дерева вышел призрак и, глядя ему вслед, с усмешкой сказал:

— Смелость заключается в том, чтобы выполнить свое предназначение, инопланетник. А этот путь, который кажется тебе глупым, показывает твою решимость исполнить предначертанное. Все, кто зашел к

Кураме, побоялись этого. — Призрак достал такой же прозрачный пергамент, как и он сам, такую же печать. Подышал на нее и приложил к пергаменту. — Достоин, — сказал он, постоял и растаял.

ГЛАВА 10

Ставка великого хана

Ставка великого хана расположилась на большом холме. Белые шатры венчали его вершушку, сами склоны холма были свободны от шатров и застроек. А у подножия и вдоль реки стояли глинобитные домики под соломенными крышами и окрашенные в белый цвет. Словно сошедшая с холста картина Тараса Шевченко, передо мной предстала патриархальная Малороссия с утопающими в садах хатенками. Издалека было видно, как широко раскинулся город вдоль реки. Тут тебе белые хатки, тут тебе и Днепр. Для полноты впечатления осталось только встретить парубка в шароварах и с чубом. Застроен город был без какого-либо плана, дома стояли вразброс, как кому взбрело поставить, заставляя извиваться наезженные улицы самым причудливым образом. И кругом поля, насколько хватает глаз. Оседлые орки. Ни стен, ни вала или частокола не было. Да и зачем они нужны здесь, далеко на юге, почти у самого южного океана. Для орков самой лучшей защитой является их храбрость и лихость, вот они — самые прочные стены и глубокие рвы. За рекой раскинули шатры прибывшие представители племен. Собираются муразы на великий совет. Решать будут, кого летом грабить пойдут. Молодые подросшие орки будут доказывать, что они достойны быть мужчинами. Способ доказательства тоже известен — навалятся толпой и отмордуют слабого противника, сонного и неорганизованного, покуражатся и обратно в степь, подальше от основного войска противника. Они мобильные, сел на быка — и в поход.

Вангору же надо полки собрать, обозы, дворянские дружины. Свести всех в одно место и месяц потратить в спорах, кто командовать будет. Король не вмешивается. Выберут. Тут и война закончится. Рай для таких снабженцев, как наш. Наворуют так, что по богатству граф рядом не стоял. Ну и награды, конечно, отличившимся военачальникам. Это знал я, это знали и орки. Поэтому его величество Меехир Девятый, прекрасно понимая, во что выльются пустые хлопоты сбора войск, отрядил посольство с богатыми дарами. Пусть лучше на империю пойдут, она и ближе, и грабить ее сподручнее. Там же извечные враги орков недалеко — лесные эльфяры. Их тоже нужно приструнить. А то возомнили, понимаешь, себя первородными. Это у них вечные споры, кого Творец создал первым. Не уступают первородства друг другу, в этом истоки их вражды.

Слабость орков в их силе, любят они мечом помахать, удалью похвалиться. А думают за них шаманы, у тех физическая немощь компенсируется умом, хитростью и коварством. Вот они в основном и управляют этой гремучей массой. Шепчут на уши вождям, а те спорят, кто достойнее. Только в этот раз верховный хан свою политику ведет, наплевав на шепотки, а это для Великого леса опасно.

Добирался я до ставки не спеша, добыл быка, принял иллюзию орка и спокойно двигался по степи. Одинокiй всадник не внушает тревоги или подозрения. Едет открыто, спокойно. Отряды орков пропускали меня, не задерживая, для чахоя я был сивучем, для сивучей был чахоя.

— Что в степи слышно? — спрашивают все друг друга при встрече.

— Про Худжгарха говорят.

Качают головой, цекают:

— И мы наслышаны.

В одном из двигавшихся к ставке представительств орочьих племен слушал свидетеля Худжгарха. И все слушали, затаив дыхание. Как у нас бы сказали, рассказчики они от бога. Я тоже заслушался. А потом поймал себя на мысли: они и не знают, что рядом с ними сидит живое воплощение духа мщениия. А еще мне стало интересно: а раньше Худжгарх появлялся в степи? О чем и спросил, думал посмотреть, как свидетель выкрутится.

— Не было! — уверенно ответил он. — Отец орков терпелив, долго ждал и прощал неразумных детей своих. Но орки окончательно забыли его заветы. С врагами союзы заключают. Вон у племени муйага вождя и шамана лесные выродки убили своей черной магией. Приняли образ орков, в советники прокрались и убили. И так во многих племенах. Измельчали орки, трусливы стали. Врагам кланяются. Невыносимо это для Отца.

За костром завздыхали:

— Твоя правда. У наших соседей тоже такой советник был, обманул шамана, воинов, что за ним послали, убил и скрылся.

— Вот и я говорю, черные дни наступают. Надо собираться под знаменем Худжгарха, — продолжил свидетель. — Кто признает его власть, жив останется, остальных свои же порежут. Брат с братом биться будет, крови прольется орочьей столько, что реки потекут красные.

Не только орки, но и я был впечатлен нарисованной картиной смуты.

— А какой флаг у него, как узнать?

— Он сам флаг. Огромный, черный, многоголовый, многорукий и с голосом громовым.

Я тут же узнал себя в последнем моем сражении, где меня валорцы поймали.

— И клич у него такой, что в небо уходит и на врагов обрушивается. «Худжгарх» кричит он, — закончил рассказчик.

У костра долго еще не смолкали споры и обсуждения. Кто-то верил, кто-то нет. Но все соглашались: странные события в степи происходят и нарастают они быстро, как лорх колючки собирает.

Я неспешно приближался к саманному городу, где расположилась ставка великого хана. Рядом с городом прямо на окраине раскинулся большой многолюдный базар и несколько постоянных дворов, в один из них я направился. Не постоянный двор в моем понимании, как я привык, а сарай без потолка с открытыми проемами окон без всяких стекол. Грубо сколоченные столы и такие же лавки. В этом сарае были не только орки, но и люди, попадались дворфы. Купцы, их охрана и наемники, авантюристы всех мастей.

Не останавливаясь на проходе, я прошел прямо к хозяину — коренастому дворфу, такому же широкому в плечах, как и Увидус.

— Поздорову, хозяин, — приветствовал я его.

Он внимательно осмотрел меня. Понять, к какому племени я принадлежу, было трудно. По дороге сюда я узнал, что в ставке тотемы родов не носят открыто, такое правило заведено издавна. Здесь верховная власть, и все орки равны перед великим ханом.

— И тебе здравствовать, — ответил он. — Давно в пути?

— Седмицу. Комнаты есть?

— Имеются. Тебе отдельную или общую?

— Отдельную.

— Тогда серебряк в круг, — ответил хозяин.

Я выложил десять монет, и он смел их в мгновение ока.

— Новости есть? — спросил я и выложил пару серебряков.

Они тоже исчезли. А хозяин как-то осторожно повел глазами, придвинулся поближе и тихо заговорил:

— Новостей много, появились свидетели Худжгарха, сначала их стража вылавливала, потом пришли другие свидетели, один из них в одиночку разогнал всю стражу, посланную его схватить. И похвалялся, что эту силу ему дал сам Худжгарх. Народ орков волнуется.

— И что стало с тем свидетелем? — поинтересовался я. Это мог быть кто-то из моих, раз стража не могла с ним справиться.

— А ничего не стало, шаман приходил его приструнить, так он отобрал у него посох и посмеялся над ним. Обозвал его неучем и жуликом. Больше их не трогают. Народ за свидетелей горой встал.

«Еще бы, такое проявление силы Худжгарха», — подумал я.

— Говорят еще, на базаре орк умер, шел, шел и упал, сломал шею, а когда подошли к нему, это оказался вовсе и не орк, а выродок лесной. Так стража его сразу схватила и унесла. Приходящие бают, — он показал кивком головы на сидящих и перешел на шепот, — что раскол у вождей, не могут решить, куда идти походом, до драк дело доходит, а наутро одного из тех, кто ратует за поход на Вангор, мертвым нашли. Лежит, а отрезанную голову в руках держит. И никто не видел, кто его убил. Но тут только слухи — может, врут, может, правду говорят. Вы, орки, мастера придумывать, — он подмигнул мне. — Есть будешь?

— А как же, побольше, — ответил я.

Общую атмосферу и примерное положение дел в ставке я узнал быстро. Для дворфа не важно, что продавать — мясо, постель, вернее, только циновку на глиняном полу или информацию. Но деньги они отрабатывают честно. Я сел за стол рядом с двумя искателями приключений, те немного напряглись и не смотрели прямо на меня, не желая вызвать ссору. Я тоже не обращал на них внимания, мне нужно было сложить картину из кусочков информации, рассказанной хозяином трактира.

Итак, здесь есть замаскированные эльфары, одного выследил Фома и свернул шею, у парня открылась способность к бесконтактному бою, я так не могу. Как ни пробовал, только воздействую на ауру, а он прямо на тело. Думаю, здесь дело в практике шаманизма. Идеальный киллер-диверсант. Все-таки я постепенно обрастаю толковыми специалистами. Потом Грыз преуспел в сборе приверженцев новому явлению степи — Худжгарху. Орки как дети, только большие, готовы верить всему, чего не понимают, но что существует и волнует их воображение. Идет устранение ханов, которые находятся под «колпаком» у агентов Леса, и, судя по всему, агенты почувствовали, что противодействие усилилось. «Что же они предпримут?» — данная мысль занимала меня все это время.

Самое вероятное, что они сделают, — это устранение хана. Под видом болезни. Вопрос в том, пробрались ли они в самую ставку? Нашли ли они там сообщников? Я задумчиво посмотрел на холм, который хорошо был виден из проема окна. Стало жарко, и я расшнуровал верх куртки.

Принесли мясо и кашу. Пока я утолял голод, к столу подсели два орка. Они с презрением посмотрели на меня, и один, ни слова не говоря, плюнул мне в тарелку.

Дальше мое тело двигалось на одних инстинктах, без всякого размышления и ненужных вопросов типа «ты зачем это сделал?» и всего такого.

Мои руки ухватили «плевуна» за уши и с силой грохнули мордой об тарелку с кашей. Второго я приложил ногой в колено, да так, что напрочь сломал ему ногу. Он с воем отлетел на добрых два лага и упал. Второй захлебывался кашей и собственной кровью из сломанного носа. Я поднял его, тоже за ухо, контуженного и ошеломленного, и без замаха ударил коротким, но резким ударом в зубы, вбил их внутрь и оттолкнул орка, впавшего в бессознательное состояние.

— Теперь тебе будет сподручнее плевать, — сопровождал я словами его падение.

На груди что-то стало болтаться. Посмотрев, увидел, что тотем в виде змеи вывалился из куртки, пока я ел. Запрятав его обратно, я понял, что привлекло внимание этих остолопов. Наверное, опять кровники Гремучих Змей.

На нашу потасовку никто не обратил внимания, видно, такое тут случалось частенько. Есть расхотелось, я встал и, не обращая внимания на ползающих противников, ушел на жилую половину.

Отдельный номер — это клетушка метр на два, отгороженная от коридора простой циновкой из соломы, на полу тюфяк, набитый такой же соломой, и ведро с водой. Вот и все апартаменты. Орки — народ непритязательный, живут в поле, спят в седле, так что им здесь просто царские палаты. Мне нужно было поспать и отдохнуть. Напряжение последних дней сказывалось, я тоже был человек, сделанный не из железа и стали, а из плоти и крови.

Великий хан, сидя скрестив ноги на богато украшенном ковре, медленно перебирал четки, искусно сделанные из кости, и размышлял вслух:

— События развиваются стремительно и не совсем так, как мы бы хотели. Раньше мы знали, кто из вождей поддержит, а кто будет против. Было ясно, кто друг, а кто враг. Теперь ничего не понятно, в племенах появились новые муразы. Убиты как наши сторонники, так и противники. Ты, Быр Карам, говоришь, что это не твоих рук дело. — Хан не обращался к правой руке, он продолжал размышлять вслух о том, что его беспокоило. — Тогда кто это делает? Ты не знаешь, я не знаю, никто не знает. Вот это нам внушает опасения. Что за этим последует? — Он задумался. — Да, — сказав одно слово, он надолго замолчал. Молчали и присутствующие.

Тут было над чем подумать. Ломался привычный расклад сил, уходили за грань враги, уходили за грань сторонники. Как это отразится в

дальнейшем, трудно было предположить. Отработанные веками механизмы влияния уже не могли работать так эффективно, как раньше. Вместо подкупа, заключения тайных договоров, как это было принято испокон веков, муразы резали друг друга, как режут ягненка к столу. Орочья кровь текла обильно, обагряя землю, и требовала отмщения. В степи могла полыхнуть гражданская война. А великий хан уже не был арбитром в спорах вождей.

— Много странных событий происходит сейчас в степи. Новая сила появилась — Худжгарх. Повсюду ходят его свидетели и разносят крамольные речи, — продолжил размышлять хан. — Говорят, его видели даже, но я не верю этому, наши старики выживают из ума и придумывают небылицы, но другие верят. А куда повернут последователи духа мщения? На нас или на кого другого? Кто мне скажет?

Он не требовал ответа, он рассуждал сам с собой, ища отгадки в своих мыслях, и не находил.

— Ты слышал, Карам, что эти свидетели говорят? Они говорят: «Пойдет брат на брата» — и все к этому идет. Часть племен пошла войной на сивучей, мстить. Муйага объявили кровную вражду Вечному лесу. Вожди прибыли не с сотней, а с тысячей. Посольство вангорцев по дороге застряло. Почему ты им не поможешь? — Теперь в тихих словах хана звучал вопрос, обращенный к муразе Быр Караме. Но за него ответил третий присутствующий в шатре — верховный шаман:

— Мы не можем, Великий, открыто помогать вангорцам. Это настроит часть вождей, что колеблются, против нас. Нас могут объявить их сообщниками, скажут, что они купили великого хана, и потребуют избрать нового, независимого муразу. Поэтому мы действуем осторожно, Гремучие Змеи помогают посольству, большего мы для них сделать не сможем. А когда оно прибудет, то пусть само покупает голоса вождей, мы будем ни при чем. — Голос шамана звучал так же тихо, но вкрадчиво. — Главное, чтобы часть орды решила пойти на Вангор, а часть — на лигийцев и Лес. Разделившиеся в своем мнении муразы угрозы не представляют, а вот если они решат все идти на Вангор или на лигийцев, это будет скверно. Значит, появился среди них опасный соперник. Шаманы говорят, что по кочевьям ходят агенты Вечного леса, они ищут такого муразу. — Он зашамкал губами и замолчал.

В шатре установилась тишина. Все трое сидели, думая о чем-то своем, осмысляя ситуацию, но все они сходились в одном мнении, что такого муразы сейчас нет.

В шатер вошла орчанка и молча расставила перед сидящими гайрат,

поклонилась и вышла. Дождавшись, когда женщина покинет шатер, правая рука стал говорить:

— В степи идут странные бои; тех, кто мешает продвижению посольства, просто вырезают. Но среди этих отрядов находят убитых магов из Вечного леса. Видели даже целые отряды воинов-эльфаров. И что самое необычное, свидетели говорят, что с ними сражался сам Худжгарх. Нам не стоит враждовать с его последователями. Лучше оставить их в покое, пройдет смутное время, они сами угомонятся. Я предлагаю распространить слух, что против нас, орков, в степи воюют воины Леса. Что есть предатели народа, которые вступили с ними в союз, а Худжгарх их находит и убивает, выполняя волю Отца. Этим мы покажем, что не против Худжгарха, ветераны нас поддержат. Так мы склоним часть орды пойти на Лес. Кто не поверит, пойдет на Вангор, а самые алчные сунутся в империю. Нам повезло, что лесной эльфяр споткнулся и сломал себе шею. Его видели многие, и мы покажем вождям его, пусть посмотрят. Многие станут опасаться, что их объявят пособниками врагов, и голоса вождей разделятся. — Он замолчал.

Хан обдумывал слова своего главного разведчика, поднял гайрат и стал пить, то же сделали и собеседники.

— Пусть будет так, — наконец высказал свою волю великий хан.

А к вечеру он занемог и слег.

Слух о болезни великого хана с быстротой молнии разлетелся по городу. Все обсуждали, что такое могло произойти с муразой столь внезапно. В ставку потянулись шаманы и маги-лекари, но прошел день, и состояние хана ухудшилось. Это мне напомнило болезнь Вироны, и я понял, что без ушастых здесь вряд ли обошлось. Значит, они не смогли полностью управиться с процессом мирного смещения хана с помощью вождей и пошли по довольно скользкому варианту. Достаточно найти опытного мага-целителя, и он сразу поймет, что это порча. Потом не составит труда сложить один плюс один и определить, кому это выгодно. Но вот доживет ли хан до этого момента, сказать сложно, а новый хан может и забыть о разбирательстве. Перед ним встанут другие проблемы — похороны предшественника, Совет вождей и поход. До разбирательства ли тут.

Я переоделся в свой нехейский наряд, подпоясался мечом, повесил сумку и скрытно покинул постоянный двор. У холма вышел из «скрыта» и направился к караульным.

— Тебе чего надо, хуман? — крикнул издали один из часовых.

Видно было, что меры безопасности в ставке усилены, и это неспроста, значит, что-то знают или по крайней мере о чем-то догадываются. Я не думал, что меня, неизвестного хумана, вот так запросто пустят к хану, но я знал метод, как добиться своего.

— Я пришел лечить великого хана, — тоже издалека крикнул я и продолжал свой путь.

— Ступай отсюда, человек, тут без тебя лекарей хватает, — закричал он и пригрозил топором.

— А тебя что, поставили отбирать лекарей для муразы, тупая отрыжка лорха? Зови старшего и не решай за него.

Я продолжал как ни в чем не бывало приближаться к страже. А часовой от удивления раскрыл рот и молча смотрел, как я спокойно подхожу. Наконец он вышел из оторопи, в которую впал после мои слов, и перехватил поудобнее топор.

— Сейчас я тебя полечу, вернее, твою больную голову, — зарычал он.

Я усмехнулся и гаркнул, добавив власти в голос:

— Быстро за старшим, морда немытая! Жду полридки, — уже обычным голосом добавил я.

Но часовой ничего сделать не успел, он дернулся было бежать, но его остановил голос начальника караула:

— Что тут происходит?

Он выплыл из темноты на свет костра и недовольно уставился на часовых, следом посмотрел в мою сторону. Я подошел уже вплотную и сказал:

— Я пришел лечить хана, доложи по команде.

Тот замер так же, как и часовой, с открытым ртом, застыв от моей наглости в великом удивлении. Ибо выражение его клыкастой морды ничем другим описать было нельзя.

— А ты кто? — с трудом выдавил он из себя.

— Я маг и лекарь Ирридар тан Аббаи из рода Гремучих Змей, — представился я и в подтверждение своих слов показал тотем, висевший на груди.

Не понимавший, как такое может быть, орк растерянно проговорил:

— Там уже есть лекари и шаманы.

— И что, великий хан выздоровел? — Я в упор взирал на орка и ждал от него ответа, а тот смотрел на мой тотем и силился понять, каким образом он ко мне попал. Если тот, кто не принадлежал к роду, надевал его тотем, то его просто и незатейливо убивали. А тут сам хуман пришел к ним и хвалится тотемом.

— Откуда он у тебя? — спросил орк, понемногу приходя в себя и подозрительно на меня посматривая.

— Это я скажу не тебе. Иди доложи начальству, пусть позовут Быр Карама.

От моего требования у орков полезли глаза на лоб.

— Хуман, ты понимаешь, что ты просишь?

— Конечно, начальник, я зову своего сородича. — Я знал, что правая рука тоже из рода Гремучих Змей.

Упоминание Быр Карама в качестве моего сородича привело воинов в ярость, но я просто наложил на них оцепенение и прошел мимо. Поднялся на верх холма, никем не остановленный, и только потом снизу раздался яростный вопль: «Держи его!» — и вся троица бросилась за мной. На их шум выскочили другие воины и окружили меня.

— Стоять, хуман! — прозвучал приказ.

— Ну, стою, — спокойно ответил я. — Дальше что?

Мой вопрос ввел их в замешательство. Действительно, что дальше? Это явственно читалось на их лицах, да что там лицах — мордах. И снова сакраментальное: «Ты кто?»

Я оглянулся и показал на троицу, уже поднявшуюся к нам.

— У них спросите, они меня знают.

Взоры всех обратились к подошедшим.

— Это кто? — указал, видимо, еще один начальник на меня пальцем.

Те посмотрели на меня, и прежний начальник ответил так, как я и ожидал:

— Это лекарь и маг из рода Гремучих Змей, пришел лечить великого хана.

Он как-то странно моргал, чувствуя, что говорит что-то не то, а вот что — понять не мог. Что делать, простые кочевники — бесхитростные души. Он ответил точно то же, что я сказал ему, только, по-видимому, забыл мое человеческое имя.

— Услышал? — спросил я его и, не дожидаясь ответа, прикрикнул: — Веди меня к Быр Караму. — И приврал: — Он меня ждет.

Правая рука великого хана смотрел на меня волком, он молча буравил меня взглядом, пытаясь просверлить дырку, но у него это никак не получалось, и поэтому он злился еще больше. Я не стал ждать его вопроса «Ты кто?», а сразу перешел к делу:

— Быр Карам, все вопросы потом, сейчас надо спасти великого хана. Если еще промедлим, то уже будет поздно, все ваши шаманы-раманы ему не помогут. Давай веди! — надавил я.

Надо отдать должное этому орку, покатав желваками, он молча развернулся и пошел, меня под конвоем повели следом за ним.

На подушках лежал умирающий хан, бледный, лоб в испарине, дыхание прерывистое, сам без сознания. Вокруг него толпились шаманы и курили травы, держа в руках пучки: это они изгоняли злых духов. О чем-то спорили и, по-видимому, на больного махнули рукой. Типа, умрет, ну и хрен с ним. Так, по крайней мере, показалось мне.

— Так, неучи и шарлатаны, разошлись! — Я протаранил щуплых заправил народа кочевий, не обращая внимания на их возмущенные крики, и сел у изголовья больного. Посмотрел ауру — ну так и есть, порча, похищение жизни, она утекает куда-то медленно, но верно.

Я влил ему по капле свой эликсир, улучшенный с помощью магии крови, и хан пришел в себя. Тут же местные эскулапы загалдели наперебой, перекрикивая друг друга:

— Получилось! Мы изгнали злого духа! Отец орков благоволит к муразе.

— Убери этих недотеп, — обернулся я к Караму, — они мешают. Хану только полегчало, и его смерть просто отсрочилась. Мне работать надо в тишине.

Но вместо него заговорил другой шаман, стоявший до этого в сторонке и не участвовавший в ритуале изгнания духов.

— Братья, оставьте нас, — тихо, но твердо сказал он, и те послушались, скривились так, словно им снизу воткнули что-то острое или, по меньшей мере, прострелил радикулит, одарили меня презрительным взглядом и вышли.

— Ты не очень почитителен к старшим, — сказал как бы между прочим этот шаман. «Верховный, верно», — подумал я. А вслух сказал:

— А за что их почитать? За то, что они хотят сместить нынешнего хана и поставить на его место Барама Обака из племени чахоя, потому что весь интерес того состоит в том, чтобы курить побольше дурман-травы? За это, что ли?

В шатре, где и так стало тихо после ухода своры шаманов, установилась просто мертвая тишина. Но я не стал развивать эту тему и опять сказал:

— Не мешайте, я лечить буду.

Больной смотрел на меня широко открытыми глазами, а я вдруг ощутил себя доктором из поликлиники. Пальцами опустил нижнее веко хана на одном глазу, потом на другом, глубокомысленно проговорил: «Так-так», — нажал на живот и спросил:

— Болит?

Хан послушно ответил:

— Нет.

— А тут? — Я нажал с другой стороны живота.

— И тут не болит.

— Ясно, — сказал я.

Что там дальше доктор делает, я не знал и сказал, как говорили мне в детстве:

— Открой рот, покажи горло. — Заглянул в его пасть, продолжил: — Скажи «а-а».

— А-а, — протянул хан.

— Понятно.

Я был краток и сосредоточен. Ну, теперь можно ловить проклятие. Имея опыт исцеления Леней, я не стал пытаться ухватить черное пятно, расплывающееся по ауре, а широко развел щупальца малышей, создал замкнутый круг и стал медленно сжимать черноту, она убегала и сжималась, сжималась все плотнее, становилось чернее и меньше. Наконец собрав эту черноту в круг диаметром сантиметров пятнадцать, я остановился. Была у меня задумка, как справиться с проблемой усвоения этой гадости. После последнего поедания у меня выработалось стойкое неприятие такого способа удаления проклятий. Но у меня был свой всеядный симбионт. Но о нем я подумал, как говорится, опосля дела. После того как полечил орчанку.

— Лиан, — обратился я к усилителю своих возможностей, — не прячься, а давай помогай, тебе все равно, что жрать, я же больше не могу.

Симбионт показал озадаченный образ от такого неожиданного предложения и осторожно попробовал, откусив кусок.

— Ешь давай, не ерепенься, — сказал я, вспомнив поучения деда.

Симбионт сморщился и откусил еще кусок.

— Давай-давай, — подбодрил я его, — за малышей ложечку. Мы вон кишмишовку^[14] пили, и ничего, здоровы.

Вот так, морщась, Лиан слопал всю кляксу. Я осмотрел ауру больного, ставшую снова золотой, вышел из магического зрения и строго посмотрел на хана. Тот испуганно сжался под моим взглядом, ожидая самого худшего.

— Тебя отравили, мураза, и сделали это лесные эльфары. В твоём окружении есть враг под иллюзией. Ищите его.

В этот момент мне сильно приспичило. Да так, что я испугался.

— Где отхожее место? — заозирался я. — Мне надо срочно.

Шаман кивнул страже:

— Проводи и обратно.

Я вскочил как ошпаренный, подталкивая растерянную стражу.

— Веди быстрее! — прикрикнул им.

Еле успел. Освобождаясь от проблемы, я почувствовал облегчение симбионта. Так это он сливал таким образом проклятие, понял я. И, развеселившись, крикнул: «Счастливого пути». В голове прозвучало: «Уро-о...» — и бульк.

Уже совсем с другим настроением, но под конвоем я вернулся в шатер. Там находились все те же трое. Хан лежал, не до конца веря своему исцелению, вокруг него сидели верховный шаман и правая рука. Я, не дожидаясь разрешения, уселся с левой стороны от хана и с вызовом посмотрел на возмущенных такой непочтительностью шамана и Быр Карама.

— Имею право, — нагло заявил я и, не обращая внимания на их шипение, обратился к хану: — Так, больной, покажите язык... Теперь «а-а-а»...

Хан добросовестно выполнял мои указания. Почему я занимался на первый взгляд вроде бы всякой ерундой? Да потому что в этой ерунде был скрыт глубокий и невидимый сразу смысл. Все больные, приходя к доктору, ждут от него помощи и выполняют его указания без споров. У них уже заложено в сознании, что доктор имеет право давать им указания, а они должны их выполнить, потому что он разбирается в болезнях и знает, что и как делать. Если бы я действовал как маг, то не имел бы и доли того влияния на хана, каким стал обладать сейчас. Хан доверял мне как доктору.

Простой пример. К вам подходит человек и говорит: «Открой рот». Да вы пошлете его куда подальше. А когда то же говорит доктор, мы стараемся открыть рот как можно шире. Или пример гинеколога-мужчины, который говорит даме: «Раздвинь ноги», — и она раздвигает. Разницу чувствуете? Дело в том, что между больным и доктором образуется прочная связь, основанная на доверии. С магом так не получится.

Я оттянул веки хана вниз и попросил:

— Поводите глазами из стороны в сторону. Ага... — опять неопределенно высказался я. Постучал пальцами по клыкам, прислушался, повторил характерное для Луминьяна многозначительное «однако» и стал щупать живот. — Не болит? А тут?

Получив ответ, с видимым для окружающих удовлетворением произнес:

— Ну что, больной, кризис прошел. Но организм ослаблен.

— Ты скажи, лекарь, что дальше делать и что с ханом? — грубовато

спросил Быр Карам.

— Уважаемый, я вам не лекарь какой-то там. Я дипломированный доктор, можно сказать, земский профессионал. Лекари у вас тут травку курили да спорили, когда хан умрет, скоро или не очень скоро, — обрезал его я.

— А что с великим ханом?

— Кризис болезни прошел, но у него артроз коленей, склероз сосудов и смещение позвонков на спине; кроме того, возрастные отклонения в виде остеохондроза в области шеи. Голову поворачиваете с трудом, больной? — обратился я к хану.

Тот прислушался к себе и, соглашаясь, закивал головой.

— Вот поэтому требуется дополнительное лечение и постоянное нахождение под наблюдением врача. Ну все, больной, выздоравливайте. А я пошел, — поднялся, делая вид, что собрался уходить.

— Куда, хуман, собрался? — осадил меня правая рука и сделал знак охране, те быстро перегородили выход. — А хана кто долечивать будет?

— Не знаю, я пришел его спасти, а лечат его пусть вон братья шамана, — кивнул я на молчаливо сидящего старика. На мой выпад тот только поморщился.

— Присядь, — мягким голосом проговорил хан. — Тебя извиняет молодость и твое умение.

Он дождался пока, я снова усядусь.

— Место по левую руку от меня было свободно, но ты его занял. Сам уселся без приглашения, — усмехнулся он. — Я принял это, не прогнал, теперь ты мой советник, пока я тебя не отпущу. Ты сам принял это решение, я согласился. Теперь тебе за свои поступки отвечать надо. — Он говорил тихо, с расстановкой, давая мне время осознать свое новое положение и статус. И чтобы я понял опрометчивость своего поступка. Это был Гронд, только с клыками, такой же вежливый и опасный.

Я заерзал и обвел всех хмурым взглядом. Быр Карам мстительно усмехнулся, шаман остался сидеть с непроницаемым лицом.

— Так что ты говорил про Барака Абаму? — спросил хан как о чем-то незначительном, без особого интереса — вроде как поддержать угаснувший разговор.

— Барама Обаку, — поправил я. — Что слышал, то и сказал.

— И где о нем говорили как о великом хане? — Лежащий орк продолжал говорить с легкой снисходительностью, показывая, что особого интереса он к этой теме не проявляет. Типа мало ли что говорят. Всем рты не закроешь.

Я принял его манеру и ответил:

— Да болтали разное у сивучей.

Тут не выдержал правая рука.

— Кто болтал? — подался он вперед. Шаман укоризненно посмотрел на Карама, но тот только отмахнулся рукой и в упор уставился на меня.

— У вас, как в любом нормальном государстве, — я ответил ему усмешкой, — пока доберешься до больного, он уже три раза помрет, а советник, который должен знать то, что происходит в степи, спрашивает это у иноземца-хумана. Куда мир катится? — закатил я глаза.

— Человек, не играй с огнем! — Правая рука потянулся своей правой рукой к кинжалу.

— Что, так же, как и сивучи, попытаешься отрубить мне ноги и руки? — Я вел себя нагло, на грани. Шел по тонкому лезвию, но иначе было нельзя. Они должны меня принять именно таким, тогда я что-то смогу сделать. Я расширял рамки дозволенного, и только. Но это было опасно, очень опасно. Я играл на противоречивых чувствах орков. Они выше всего ценили в себе и других смелость и независимость. Уважение и почтительность рассматривали как слабость. А какие дела можно вести со слабым? Только повелевать им. Но я был не орк, а существо в их понимании низшего порядка — человек. Тут могло быть или — или. Но я сумел уже установить незримые нити доверия к себе и пер напропалую.

— Так ты тот студент из посольства, который муразу сивучей обозвал великим ханом? — прервал молчание шаман.

— Да, было дело, — согласился я. — Но вам доложили не совсем верно. Можно даже с определенностью сказать, совсем неверно. Я назвал его великим муразой сивучей. И кто мне скажет, что я был не прав? — Я еще раз осмотрел собравшихся. Мой взгляд был колючим, как шубка ежика, и каждый из глазевших на меня укололся и отступил.

— Расскажи подробнее, что произошло у сивучей, — мягко попросил хан. Не приказал, не потребовал, а именно попросил. С чуть-чуть заметными нотками просьбы в голосе.

— Так рассказывать нечего. У шамана Сарги Улу советник — лесной эльф, вот он и подговаривал его и еще пятерых шаманов сменить хана. Убить непокорных вождей и иметь в совете большинство. Но они не пришли к единодушию. Шаман сивучей хотел видеть на месте великого хана своего вождя, а остальные опасались, что тогда орками будут править лесные эльфы, и лучше поставить дурачка Барама Обаку. Типа тогда они, шаманы, как более достойные будут править.

Я посмотрел на спокойного шамана, но тот и бровью не повел,

оставшись сидеть и дальше с непроницаемым лицом.

— Интересно. И как ты все это узнал? — спросил хан, приподнявшись на подушках. Впервые за весь наш разговор его оставила невозмутимость. — Присутствовал на этом совете?

— Почти. Лежал в шатре вождя и ждал, когда мне отрубят ноги и руки. Пришлось слушать.

Я говорил о том, что слышал сам и видел. Даже если бы они могли отличить ложь от правды, то все равно не смогли бы меня уличить. Все, что я говорил о сговоре, было чистейшей правдой.

— Вроде руки и ноги у тебя на месте, — прервал свое молчание шаман.

— На месте. — Я ответил коротко, не собираясь отвечать, как так получилось.

— А почему? — это был вопрос Быр Карама.

— Я их заново отрастил.

Даже хан поморщился:

— Не хочешь говорить, не говори.

Для него это было сейчас не важно, он прокручивал в голове полученную информацию и делал свои выводы.

— Как сюда добрался? — спросил он.

— Со свидетелями.

Я отвечал односложно, заставляя вытаскивать из меня ответы клещами.

— Это они тебя спасли? — свою версию выдвинул правая рука.

Не отвечая на вопрос, я просто пожал плечами и промолчал, понимай как хочешь. Он и понял по-своему, крикнув:

— Понятно.

— Ну раз понятно, то у меня вопрос как у советника по праву левой руки. Вы врага искать будете или нет? — Я смотрел на ошарашенные моим вопросом лица орков. — У вас окопался здесь лесной эльф, он ходит под личиной орка и имеет доступ к хану и его еде.

— Ты его опознаешь? — живо сообразил хан.

Я уважительно на него посмотрел: не зря он занимает свое место.

— А как же! — внушительно ответил я. — В конце концов, должность советника обязывает находить врагов, а правая рука пусть его обезвреживает. Теперь ты, мураза, не калека однорукий, а как все, с правой и левой рукой. — Я засмеялся своей шутке под оторопелыми взглядами первых владык орков.

— Я тебе тоже руки и ноги отрубил бы на месте сивучей, — ответил

хан, быстрее всех пришедший в себя. — Ты просто несносный и до крайности наглый шарныга. — Он со смехом смотрел на меня. — Не пойму я одной, вернее, двух вещей: зачем тебя в посольство определили и почему ты еще до сих пор жив?

Демон черт-те где

Ступени — гладкие, как будто обработанные заботливой и умелой рукой каменотеса — уходили вверх и тонули в темноте. В этом лабиринте, бессмысленном и малопонятном для Прокса, среди скал тянулась череда плохо освещенных тропинок и прячущихся в темноте каменных лестниц, уходящих то вверх, то вниз. Чего хотел добиться Рок от соискателей его милости — Алеш сколько ни думал, так и не понял. Потом он отбросил всякие мысли о замыслах божественных братьев и сосредоточился на подъеме. Надо просто идти и наконец выбраться из лабиринта. Только бы побыстрее.

Шли они долго, словно поднимались из самых глубин планеты. Ни странностей, ни опасностей на пути не встречалось. Здесь всегда было так. Эту закономерность Прокс уже понял. Спокойные участки являлись обманчивыми, на них могло быть наложено наваждение, заставляя путников брести по кругу или проходить мимо спрятанного прохода. Поэтому он использовал заклинание рассеивания, чтобы вовремя заметить очередное спрятанное ответвление. Но пока их окружали только тьма и молчаливый монолит скалы. Здесь не было слышно даже стука подошв о камень, который обязательно должен был звонко раздаваться по этой длинной и, как ему даже показалось, бесконечной лестнице. Но зато было время подумать о своей судьбе. Кто он в этом мире и что он делает, для чего он родился и для чего живет? Станные, непривычные мысли стали посещать его. Ведь раньше их не было. Для него его жизнь была проста и понятна. Долг и цель, которую нужно достичь любой ценой. А если цена слишком высока?

Раньше и эти вопросы перед ним не возникали. Кто были те люди, что прежде длинной чередой стояли с ним плечом к плечу? Только инструмент. Инструмент, с помощью которого он решал свои задачи. Сломался инструмент, взял новый. А инструмент не имеет ни души, ни своих желаний, его просто используют. И он сам был таким инструментом в чужих руках. Бездушным, пустым, но надежным. Раньше для него это было нормой — так устроена жизнь. Теперь что-то переменялось, в том числе в нем самом. Он сломался как инструмент, внутри стали просыпаться

странные, доселе неизвестные ему чувства. Алеш ощутил привязанность, желание защитить, оградить от опасностей и, если надо, умереть, но не дать беде подобраться к близкому ему существу. Он поднимался, а эти мысли наполняли его, искали ответа внутри него самого и наконец отыскивали глубоко спрятанное, можно сказать, зарытое чувство, способное дать ему ответ на многие вопросы, и он с удивлением ощутил это новое для него состояние, и оно придавало ему силы и надежду, но названия ему он не знал. А если бы решился кому-нибудь рассказать, то с удивлением узнал бы, что оно называется... любовью.

Впереди показался просвет, значит, лестница скоро закончится. Свет становился все ярче, и уже были видны последние гладкие ступени и большая площадка, на которую падал свет, идущий из нового коридора. На площадке лежал раздробленный скелет, словно кости пропустили через большую молотилку.

Аврелия посмотрела на останки и тихо произнесла:

— Это погонщик. Его загрызли кикиморы. Дальше выход из подземелья, но Курама привел сюда своих тварей. А они съели своего погонщика.

Прокс осторожно выглянул в коридор. Вверху висели магические светильники, в стенах было проделано множество круглых отверстий. Сам коридор имел в длину метров десять, но Алеш чувствовал, что пройти его будет непросто. Сильное чувство опасности похолодило спину и мурашками рассыпалось по всему телу. Он почувствовал слабость в ногах и обреченность, к нему пришли мысли о бесполезности дальнейшего пути. Руки стали опускаться, невольно подрагивая.

— Ментальная атака. Отразить, развеять?

— Отразить! — Пелена спала, и Алеш ощутил свободу в теле. В коридоре показались небольшие, похожие на помесь собаки и кошки животные, худые, с выпирающими ребрами и облезлой шкурой, торчащей клоками. В широко разинутых пастьях были видны многочисленные мелкие зубы. Они вылезали из нор, прорытых в скале, и абсолютно беззвучно собирались в стаю.

— Назад! — приказал девочке и старухе Прокс. Сам же достал нож и выступил вперед.

Он не мог дать этим тварям прорваться за его спину, потому что там остались стоять те, кто стал ему дорог, там стояло его новое будущее, и за него он готов был рвать этих тварей не только ножом или руками. И он будет их рвать и грызть зубами.

Кикиморы в нерешительности застыли. Но за их спинами появилась

еще одна, самая крупная. Она выгнула спину, не издала ни единого звука, но Алеш почувствовал сигнал к началу атаки и встретил несущуюся стаю выстрелами из станера, закрепленного на левой руке. Зарядов осталось немного, но он расходовал их без всякой жалости, щедро осыпая монстров разрядами. К нему прорвались только три, но и этого хватило с головой. Они действовали слаженно, одна бросилась в ноги, другая нацелилась на горло, а самая ближайшая вцепилась в руку с ножом. Она сжала пасть, и прочный рычаг сервопривода, сделанный из графона, материала в десятки раз прочнее стали, треснул. Перехватив нож в левую руку, он ударил тварь по глазам. Половина головы отлетела. Ударил еще раз и перерубил шею. На руке повисла только челюсть, не желая разжать хватку. Обратным движением он встретил в полете вторую тварь, пытавшуюся ухватить его за горло, и, помня о могучих челюстях, сразу полоснул по ее шее. Туловище отбросил ногой, а отделившуюся голову отбил кулаком далеко в сторону. Третья порвалась к ногам и прокусила скафандр, вцепившись в ногу. Тут же заработала аптечка. Он не успел еще что-то сделать, как в морду кикиморы что-то прилетело, да так сильно, что размозжило ей голову. Страхнув тварь с ноги, Алеш двинулся к обездвиженным маленьким тварям, плотной грудой лежащим на полу коридора. Главная выступила вперед, встала на самом верху этой кучи и атаковала ментально.

Нейросеть самостоятельно, без команды, отразила атаку, и тварь застыла, широко раскрыв большие красные глазищи.

В последнюю пещеру они вышли через полчаса, все это время Алеш потратил на то, чтобы прикончить всех тварей.

Пещера была невысокая, но довольно большая. Складывалось впечатление, что это была настоящая природная каверна со сталактитами, которые почему-то светились, освещая неровным рассеянным светом пещеру. Алеш огляделся. На земляном полу без единого пучка растительности лежали в разных позах скелеты, даже не скелеты — мумии, хорошо сохранившиеся и представлявшие собой останки несостоявшихся героев.

Путешественники остановились в нерешительности и огляделись. Прокс обошел пещеру по кругу, применяя заклинание развеивания, но прохода не обнаружил. Подойдя к тому месту, откуда начал свой обход, он молча постоял, потом посмотрел на замерших спутниц, ждущих от него чуда, и в его глазах вспыхнула ярость. От понимания предательства, что их просто заманили, дали пустую надежду и оставили умирать вместе с остальными, гнев затопил его душу. «Сука ты, Рок!» — просипел он, так как говорить не мог, спазм сжал его горло, и большой твердый комок

заполнил его. Он размахнулся и врезал по стене пещеры кулаком, вложив в удар все свои силы, и в нем излил бьющую из него ненависть, готовую разорвать его самого. Но сопротивления кулак не встретил, и Прокс, потеряв равновесие, повалился вперед. Он кубарем покатился под горку и оказался у чьих-то ног, одетых в космическую броню. А следом услышал отрывистую команду: «На колени! Руки за голову!»

Ставка

Я смотрел на улыбающегося хана, размышляя, какой дать ему ответ, но за меня ответил шаман:

— Для чего его определили в посольство, понятно. От него хотели таким образом избавиться, чтобы не марать свои руки. А живой он, потому что дурень и смерть боится заразиться от него этой дурью. Нам тоже не мешало бы держаться от него подальше. Дать ему награду и выгнать прочь, запретив появляться здесь. Сивучи уже отравились его ядом, потому и не убили его сразу.

Я скривился, как будто мне в рот насильно сунули лимон и заставили жевать. Великий хан и правая рука задумались.

— В твоих словах есть смысл, — наконец промолвил владыка степи. — Но он показал себя полезным, и я не чувствую, что поглупел, поэтому пусть пока останется, — и посмотрел на скептически усмехнувшегося шамана. Вся его худая сморщенная морда говорила: «И ты утверждаешь после этого, что не заразился?»

Хан сделал вид, что не заметил его насмешки.

— Это можно расценить и по-другому, — осторожно начал я. — Отец орков благоволит к нынешнему правителю степи и посылает ему помощь в моем, так сказать, лице. Если исходить из теории предопределенности событий, то это самый верный ответ на вопрос хана. А в тебе, шаман, говорит излишняя осторожность и желание защитить своих братьев.

— Видишь, как мудро изъясняется моя левая рука, — вновь засмеялся хан, — а ты говоришь дурень. Может, наоборот, к нам придет просветление. — И он заржал в полный голос. Потом сделался серьезным, и уже это был настоящий правитель, властный, решительный и непререкаемый.

— Карам, окружить ставку несколькими кольцами воинов. Никого не выпускать! Всех от малого до гаржика собрать на площади! Мыс левой рукой будем ждать твоего сигнала.

Правая рука поднялся и вышел.

— Расскажи теперь, как ты стал Гремучей Змеей? — Голос хана звучал сухо и не давал повода даже помыслить отшутиться.

— Я пососал грудь шаманки Леней из этого рода. Потом прошел испытание, избив ее братьев. Вот и все.

— Она что, сама подставила тебе свою грудь? — Невозмутимость верховного шамана дала трещину. Он с огромным удивлением смотрел на меня, силясь понять мотивы девушки.

— Нет, не сама, она, как вы знаете, не только шаманка, но еще и дева-воительница, определенная в небесные невесты, и в знак своего положения ходит с открытой правой грудью. Вот я на нее и наткнулся ртом. Случайно. И пососал. Тоже случайно.

— Все равно он дурень, — остался при своем мнении шаман. — У нормальных разумных столько случайностей не бывает. Случайно натолкнулся на грудь, случайно пососал, случайно стал Гремучей Змеей, случайно остался жив и случайно со свидетелями попал в ставку, да и сюда в шатер попал случайно. Он просто забавляет Отца, и все. Ты будь осторожнее с ним, Тарпам. — Он впервые назвал хана по имени. До этого я не знал, как его зовут, все звали его только великий хан, и никак больше.

— Я уверен, что это заразно, — продолжил шаман. — Если моя внучка и лучшая ученица не убила его, а еще и приняла в род, то она заразилась от него. — Дед демонстративно отсел подальше.

Великий хан, не отвечая, просидел молча до тех пор, пока не пришел Быр Карам.

— Все собраны, что дальше? — доложил он.

— Пусть наш молодой лекарь посмотрит на них и попробует выявить шпиона. А ты будь готов его схватить.

— Он не сможет этого сделать, — влез я со своим мнением.

— Почему? — Все посмотрели на меня, а вопрос задал сам хан.

— Потому что шпион — сильный маг, он уничтожит всех стоящих рядом, и стражу в том числе, потом скроется.

Карам презрительно скривился:

— Нам маги не страшны, хуман, иди показывай врага.

— Как знаете. — Я не стал возражать, да и зачем? Эти ребята не поймут слов, пока рылом в собственное дерьмо не окунутся.

На площади столпились десятки орков и орчанок. В магическом зрении сразу выделился эльфар, стоящий за их спинами и старающийся не высовываться. Я применил заклинание развеивания и стал ждать, что будет дальше. Некоторое время стояла тишина, а потом раздались удивленные возгласы. Стража с опозданием рванулась к эльфару. Но тот применил

свиток массового телепорта и скрылся в нем, прихватив с собой ближайших орков. Я не вмешивался по нескольким причинам, первую я уже описал, а вторая состояла в том, что мне не было необходимости делать всю работу за них. Быр Карам из зеленого стал почти серым, он стоял злой и с яростью махал топором, разрубая им воздух. Своего мнения по поводу операции захвата вражеского агента я не озвучивал. Постоял, посмотрел, как бесится правая рука, и пошел обратно к хану. Дорогу мне загородили воины личной стражи. Два орка, презрительно прищурившись, встали на моем пути.

Они преградили путь мне, левой руке самого великого хана! Зная их национальные черты, я долго раздумывать не стал, а смел помеху двумя сильными ударами по мордам прямо в нос каждому, с левой руки правого, с правой — левого, и спокойно прошел в шатер. Не рассказывая о результатах поимки врага, сел по левую руку хана и стал укреплять свое положение, так как ожидал, что сейчас следом за мной ворвется стража.

— Покажите язык, больной, — потребовал я голосом строгим и не терпящим возражений.

Хан послушно высунул язык и сам, без приказа с моей стороны, замычал:

— А-а-а.

В это время в шатер ворвались стражники. Морды клыкастых бойцов выражали крайнюю степень воинственности, но, увидев меня сидящим спокойно у постели хана, растерялись, затоптались на месте и что-то нечленораздельно замычали.

— У вас всегда так, любой может войти к хану и трясти топором? — с деланным удивлением спросил я.

Шаман снова поморщился и небрежной отмашкой руки выгнал стражу.

— Нашли шпиона? — поинтересовался хан.

Я в это время с ложечки пытался дать выпить ему микстуру. Убрал руку и ответил кратко:

— Нашли, выпейте лекарство.

Он проглотил, облизнулся и, довольно засопев, спросил снова:

— И как он?

— Нормально, прихватил с собой твоих поваров, несколько девок и сбежал.

— Сбежал? А где Карам?

— Воздух рубит топором, — пожал я недоуменно плечами, типа, что за странное занятие у правой руки.

Шаман только крякнул.

После моих слов зашел неуспокоившийся Быр Карам. Он продолжал вымещать свою злость, махая топором, как бы ведя бой с тенью.

— Удрал! — сообщил он уже известную новость и посмотрел на меня. Если он ожидал, что я начну над ним смеяться, то он глубоко ошибался. Мне заранее было известно, чем закончится его затея, и по большому счету было все равно.

Я не собирался убивать каждого встречного эльфа из Леса. Жизни не хватит.

— Иди отдохни, лекарь, — сказал хан. — Завтра посольство ваше встречаем, будешь рядом со мной сидеть. — И, увидев, как скривилась моя рожа, спокойно заметил: — Ты сам выбрал это место.

С чувством непонятного томления я вышел.

Мне выделили отдельный роскошный шатер, к нему приставили охрану, но не для того, чтобы сторожить, а для статуса. О том, что я теперь стал левой рукой их главного вождя, знали все.

Лежа на мягких подушках, я пребывал в размышлениях, чем мне может аукнуться такой взлет карьеры по возвращении в Вангор. Графа я не боялся, но за ним стояли гораздо более влиятельные особы, наделенные большими полномочиями и властью. Вот тем это может очень не понравиться. Рядом сидела молодая орчанка и чесала мне спину. Ее прислали скрасить мне ночь, но я нашел ей другое, более приятное применение. В итоге мы оба остались довольны, она — что ее не тронул мерзкий хуман, бледный и противный, как пиявка. Я — что не надо ублажать зеленую лягушку с клыками.

Так ничего и не придумав, я стал засыпать. Надо кстати сказать, что планирование и долгая подготовка с хорошим анализом ситуации и расчетами возможных вариантов не были моей сильной стороной. Как я ни планировал, как ни пытался просчитывать свои шаги, в конечном счете поступал по ситуации. Принимая решения на ходу сообразно возникшей обстановке. Шахматы не были моей любимой игрой. Вот «храп», «тысяча»^[15] или домино — другое дело.

Орчанка отчаянно зевала, показывая клыки, которым позавидовал бы наш нехейский барс, и ногтями расчесывала мне спину, пытаюсь, наверное, прочесать до сердца и вырвать его, чтобы освободиться и лечь спать.

— Спать иди, — отмахнулся от нее я. Но та поняла по-своему. Свернулась калачиком и тут же захрапела в моих ногах. Вот же незадача! Я стал ворочаться, поджимая ноги под себя, хотелось их вытянуть, но там уже лежала орчанка, и мне было неудобно. В конце концов я плюнул и водрузил свои ноги на нее. Теперь стало хорошо, и я провалился в дремоту.

Вроде спал и не спал, но видел ту же комнату с демоном и эльфаром. Эльфар достал из папки лист и прочитал: «Темная эльфарка с Беотийского континента, очень опасна». И снова демон почувствовал мой взгляд и, резко повернувшись, задернул штору. Я проснулся от того, что что-то мешает спать. Привык к темноте и увидел, что рядом сидит орчанка с кувшином в руках, а по моей груди ползет небольшая змея, периодически покусывая меня, но не в силах прокусить кожу. Я взял змейку в руку и засунул ее в пространственный карман — пригодится. Девушка дернулась и бросилась на меня с ножом. Но долетела уже обездвиженной. Не церемонясь, я двинул ей кулаком в мордочку и отправил в недолгое забвение.

— Шиза, ты чего не разбудила меня? Тут нападение было на мою тушку со змеями и ножом.

— Лиан сказал, что беспокоиться нечего, тебе нужно выспаться и отдохнуть, — ответила она совершенно беззаботно.

Вот оно как, эти двое уже сговорились, создали себе внутри меня государство с подданными, садами и со всеми другими делами и уже сами решают без меня, чего мне надо, а чего нет.

Но додумать я не успел: издали раздались звуки рогов и тревожно забили барабаны. В ставке начались шум и суета. Я осторожно выглянул — моей охраны не было. Ярko горели костры, и в их свете было видно, как метались воины и устремлялись куда-то вниз с вершины холма. Меня выбросило в ускоренное восприятие. Со стороны реки поднимались массы орков, еще больше их переправлялось с помощью быков и толпилось на противоположном берегу.

Воины великого хана уже всюду сражались с теми, кто переправился, и пытались их скинуть обратно в воду, но защитников холма было гораздо меньше, и, когда придет новое подкрепление со стороны нападавших, они вынуждены будут отступить.

Лесные братья за дело взялись основательно и привели в действие резервный вариант. Нападавших не более тысячи. Но за ними фактор неожиданности и наш недостаток времени. Пусть остальные племена их разобьют дней через пять, пока подтянутся к ставке, но хану это не поможет. Отступать он не будет и не ударится в бегство, а примет смерть геройскую, но глупую на этой самой вершине, подумал я. Еще подумал, что я вовремя сюда пожаловал. Надо помогать. Иначе дело обернется совсем плохо. Уверен, что среди нападавших есть эльфарские маги и их бойцы, и их обязательно задействуют, чтобы уже окончательно решить вопрос с непокорным ханом.

Еще раз осмотрев поле битвы, увидел, как одна небольшая группа нападавших уверенно пробивается наверх. Они мощно и слаженно действуют в группе, в отличие от «лыцарей степи», бьющихся каждый за себя. Дождавшись, когда они проломаются сквозь защитников и устремятся вверх, создал пять торнадо и запустил их один за другим. Как залп «катюши».

Созданный мной ураган, поднимая тучи пыли, комья земли и травы, могучим сокрушающим потоком устремился навстречу нападавшим, захлестнул их и скрыл в огромном черном облаке, поднявшемся метров на семь-восемь ввысь. Не останавливаясь, он краем задел защитников, пронесся дальше, врезался в наступающую толпу и улетел в реку. Закружил водоворотом, засасывая плывущих орков, и двинулся дальше, заглушая испуганные вопли степняков и мычание, переходящее в рев, быков. Там, где он прошел, было пусто, образовалась широкая просека среди сражающихся. Видно было, что порыв нападавших ослаб и они стали пятиться к воде. Но лесные эльфы были готовы и к такому повороту событий, потому что сразу заработало несколько гасителей магии. Но перед этим раскрылся портал, и из него выскочил десяток деревянных человечков и столько же орков. Они набросились на личную стражу хана, смяли ее и устремились к его шатру.

Что-то подобное я предполагал и, как запасливый хомяк, заранее нацедил своей крови в маленькие фиалы. Кинул один из них под ноги нападавшим и активировал свое новое оружие, неподвластное гасителям магии — «багровый туман». Применять «багровый восход» не стал, достанется всем, в том числе и страже, и правой руке, и шаману, стоявшим последним рубежом обороны у шатра вождя. Я вышел из ускорения.

Ну а теперь поиграем. Чувство восторга и упоения от предстоящего охватило меня. Нехеец взял управление моими действиями в свои руки, а Глухов ушел на место зрителя и не мешал. Два простых меча оказались в моих руках, несколько взмахов, и они запели песню — смертельную песню боя, полную восхитительной радости от предвкушения схватки. В два прыжка я оказался рядом с эльфарами и врубился им в спину. Те, неожиданно увязнув, остановились в растерянности. Я понимал, что бить по телам этих солдат бесполезно, тут или голову сносить надо, или выпивать из них энергию. Я рубил по шеем и головам наискось. Когда они поняли, что появился еще один противник, шесть из десяти бойцов были уничтожены, и Лиан, щедро одаривший меня силой, жадно тащил из них жизнь.

Среди оставшихся в живых был один в серой хламиде,

притворявшийся жрецом, на самом деле я был уверен, что это чертяка, на них у меня было чутье. Я радостно ощерился, видя, как он суетливо заметался, не зная, что ему делать. Уйти бес не мог, работал гаситель, а его отряд зажали с двух сторон. Впереди личная стража, вырезающая пришедших с ним орков, позади я. Он решил, что я менее опасен, и, проскользнув мимо сражающихся, направился ко мне.

— Вот это правильно, — вслух произнес я и встретил подбежавшего демона простым ударом по башке навершием меча. Уже хорошо зная, что лбы у них крепче дуба, силушки не пожалел. Серый упал как подкошенный у моих ног. Недолго думая я нацепил на него ошейник раба и набросился на остальных четверых бойцов. Те успешно справились с орками из числа стражи и надели на Быр Карама. Шаман поддерживал его защиту, и поэтому орк еще держался. Мне понадобилось всего четыре взмаха, и безголовые тела сложились. Именно сложились, они опустились на корточки и плотно прижали безголовое тело к коленям и так замерли. Подозревая здесь какой-то подвох, забрал всю их энергию. Напротив стоял Быр Карам. Видно было, что он сильно устал и выложился полностью. Грудь его ходила ходуном, а пот ручьями стекал по лицу.

— Спасибо, человек! — прохрипел он. — Скажу тебе, я верю твоим словам. Ты посланник Отца, — и бросил взгляд на шамана.

Тому тоже эта маленькая битва далась нелегко. Он не выдержал и отвел глаза.

— Верховный, я хочу вернуть вам подарок, — сказал я и вытащил змейку. Увидев ее в моих руках, шаман и правая рука отскочили подальше.

— Что это значит? — угрюмо спросил Карам. Он с большим страхом смотрел на змею, которая, послушная моей воле, спокойно лежала на моей ладони.

— А это верховный подослал ко мне орчанку с этой змейкой, чтобы я больше никогда не проснулся. Но мы с ней одной крови, и она меня не тронула. — На самом деле я применил заклинание подчинения, усиленное кровью, и оно на змее сработало. Та не видела во мне опасности, как не видела в камне или деревяшке, и продолжала спокойно лежать, согревшись на ладони, ей было комфортно и тепло.

Шаман посмотрел на Быр Карама и ответил не мне, ему:

— Я видел в нем опасность всему, что мы делали. Он разрушитель. Но согласен, он посланник Отца. — Потом воззрился на меня. — Нехеец, я дам откуп. Моя внучка Ленея — твоя.

У меня глаза стали, как у лемура или даже больше. Такого поворота дела я не предвидел, и меньше всего мне хотелось принять это откуп. Я

представил, что привез ее к Овору, и мне стало очень страшно.

— Это действительно ханский подарок, — просчитав до десяти, ответил я. — Но я не могу его принять, так как уважаю Ленею. Не надо, верховный, откупа, ты делал свое дело не со зла, а руководствовался благой целью. Я не в обиде, — и убрал пресмыкающееся создание. — С тебя пара лягушек для моей змейки.

Шаман согласно кивнул головой.

— Еще не все закончилось, враги наступают, а нам надо продержаться до утра, до тех пор, как прибудет тысяча хана, — успокоившись, сказал Карам. Он сорвался с места и направился к подножию холма. А там к нападавшим подошло подкрепление, новые волны орков устремились к реке.

— Я пойду пленника отведу, — сказал я шаману, подхватил тело, лежащее без сознания, и оттащил в палатку. Там нацепил на пленника еще наручники, блокирующие магию, и хорошенько связал его.

За это время атакующие широким полукольцом охватили холм и, преодолевая упорное сопротивление защитников, перемалывая их в бесконечных схватках, поднимались наверх. Я видел, что еще немного, и жидкая цепь обороняющихся будет прорвана во многих местах. И тогда врага не остановить. Нападавшие вырвутся на свободное пространство, и не только хан, но и все, кого найдут озлобленные орки, будут убиты. Пришло время Худжгарха.

Быр Карам, закусив губу, видел, что им приходит конец, несмотря на помощь хумана. Врагов слишком много, и скоро их будет уже не сдержать. То там, то тут одиночные воины напавших племен прорывали оборону, и в места прорыва устремлялись новые и новые бойцы, а латать дыры уже было нечем. И когда казалось, что спасения нет, из-за шатра великого хана выплыло облако высотой лагов в пять. Оно подплыло к сражающимся и загрохотало: «Худжгарх!» И тут же ему ответили из разных мест сотни голосов. Поддержав этот клич и оставляя ряды наступавших, к облаку потянулись воины, они становились перед ним и поворачивались к нападавшим лицом. Их становилось все больше и больше, и они не переставая кричали свой клич радостно и с неописуемым восторгом.

Тот, в кого они верили, пришел. Не вымысел, не сказания бабок и выживших из ума стариков. А вот он, как его и описывали: многоголовый и многорукий. Махнул руками, и в стане тех, кто не верил в него, взорвалось светило. Ярчайшей вспышкой осветило округу, испепелив много воинов. И с грохотом обрушилась на них неведомая сила, таща их в середину и давя и разрывая на куски. И так это зрелище было ужасно, что сердца всех орков

дрогнули, и оставшиеся в живых встали на колени, склонив головы в покорности.

Быр Карам тоже встал на колени, в благоговении склонил голову. А столб тьмы постоял и исчез, как будто и не было его. Кто-то стал дергать его за рукав. Рядом стоял на коленях хуман и шептал ему: «Все, как свидетели говорили. Видишь, не врал».

Скрав

— Седьмой, тут прямо из стены чудо выскочило в древнем скафандре.

Прокс поднял голову и удивленно посмотрел на двух бойцов, держащих его на прицеле тактических плазмометов. На их боевых скафандрах отлично был виден символ космопехоты Сил Специальных Операций — лунный кот, черный хищник, выгнувший спину и с торчащим хвостом на фоне желтой луны. Хорошо зная, что эти ребята обычно стреляют по всему, что движется, а потом спрашивают: «Ты кто?» — Алеш поднял руки за голову и проговорил:

— Агент АДа. Позывной «Демон». Вы должны знать обо мне.

К ним подошел третий, с нашивками ротного. Посмотрел на покорно стоящего на коленях Алеша и протянул руку, помогая подняться.

— Заместитель командир роты Бета ССО, ди листер (капитан) Мерц Кури. — Он осмотрел Прокса и добавил: — Вижу, вам здорово досталось. Медицинская помощь нужна?

— Нет, ди листер, спасибо, мне нужно вернуться. Там, — он показал на скалу, — мои друзья, я схожу за ними и вернусь.

Ротный с сомнением посмотрел на отвесную скалу, круто уходящую ввысь, на Прокса и только пожал плечами. Но когда агент АДа исчез в ее толще, у него вырвался изумленный возглас. Он подошел и потрогал камень, нагретый лучами местной звезды. Везде под рукой ощущалась только твердая поверхность.

— Эти АДовцы просто звери! — в восхищении проговорил он. — Живем, ребята! — и весело подмигнул бойцам.

Прокс свободно прошел сквозь толщу камня и оказался снова в пещере. У самой стены стояли старуха и девочка. Увидев Алеша, они с визгом бросились ему на шею. Обхватили и повисли, не желая отпускать. Растроганный Прокс гладил их по головам и приговаривал:

— Все хорошо, мы дошли, дошли.

— Дошли! — услышал он чей-то голос, повторивший за ним это слово.

Старуха и девочка, вцепившиеся в Алеша мертвой хваткой из страха, что он опять исчезнет и они останутся одни, обернулись.

За их спинами стоял полупрозрачный человек и спокойно смотрел на троицу.

— Вы действительно дошли, и ты, инопланетник, проявил смелость, не то что они, дошедшие и сдавшиеся в конце, — он посмотрел на тела мумий. — Ты сумел побороть себя и пройти преграду. Они не осмелились и умерли в шаге от свободы. — Он подплыл к ним и протянул Алешу прозрачный свиток. — Это свидетельство Скрава. Оно твое.

Алеш посмотрел на странный свернутый кусок пергамента, почти прозрачный и выглядевший нереально, колебался и все-таки забрал. Тот мгновенно исчез.

— А дальше что? — недоуменно спросил Прокс. Он не ощутил ничего — ни чуда, ни волнения, ни прилива сил или знаний, все осталось по-прежнему.

— Живи, — все так же спокойно ответил прозрачный субъект, — и постарайся найти свое предназначение. Но для твоих спутниц у меня есть подарок. Они тоже прошли с тобой и заслужили. — Он подлетел к Аврелии и коснулся кулона. Тот вошел в ее тело и исчез. — Теперь никто не сможет отнять у тебя знания, дарованные Творцом, — произнес незнакомец. Обернулся к старухе. — Я возвращаю тебе молодость и силу. Проклятие больше не властно над тобой, — сказал он и коснулся ее лба.

Морщинистое лицо женщины изменилось, разгладилось, и на Прокса огромными ярко-изумрудными глазищами, в которых плескалось непередаваемое удивление, смотрела очень красивая девушка с почти черными волосами с явно видимыми зелеными прядками. Дух внимательно посмотрел на них троих и, больше не говоря ни слова, стал удаляться.

— А ты кто? — первой опомнилась Аврелия.

Но дух, не оборачиваясь, спросил в ответ:

— А ты разве не знаешь? — и растаял в воздухе.

Алеш, неожиданно для себя поближе притянул к себе девушку с зелеными глазами и крепко обхватил ее талию рукой. Ему не хотелось отпускать ее, он всматривался в ее глаза и терялся в них.

— Тебя как звать? — спросил он ее. Простое обращение к ней — старуха его язык произносить отказывался.

— Крома, — ответила та, не пытаясь вырваться из его хватки, наоборот, она теснее прижалась к нему. И снизу смотрела на него, ища его взгляд и пытаясь найти в нем что-то для себя важное.

— Без всяких «ила»? — поинтересовался Алеш. Он знал, что к имени

эльфаров обычно добавлялось «ил» или «ила», что означало «первый» — как знак первых разумных, сотворенных Творцом.

— Без, — кратко ответила она. — Теперь без.

Он хотел быстрее покинуть этот лабиринт, взял их за руки:

— Пошли.

— Стой! — остановила его Крома. — А трофеи?

Она решительно высвободила свою руку и направилась к мертвецам. Не брезгуя, по-хозяйски стала обшаривать застывшие навеки мумии тех, кто по каким-то причинам не смог сделать последний шаг и выйти за стену.

Девочка тоже стала усердно ей помогать.

— Алеш, — сказала она, — тебе нужна новая броня, вот тут очень хорошо сохранившийся кожаный доспех, как раз тебе по росту, и меч, все зачаровано.

Бедный человек, он умер от разрыва сердца. Она притащила с собой пояс, на котором висели кинжал и меч. Алеш подошел к мертвецу и вынужден был признать, что снаряжение действительно было очень хорошим, время не оставило на нем следов разрушения. И кираса, и поножи были в идеальном состоянии, только не было заряда энергии на них, и определить свойства заклинания он не мог. Он осмотрел свой разорванный скафандр, так долго и хорошо послуживший ему. Ему было жалко расставаться с ним, но он хорошо понимал, что в том состоянии, в каком находился сейчас, он только мешал. Перегнутые и сломанные сервоприводы затрудняли движения. Алеш решительно скинул его и стал облачаться в доспехи.

Крома очень ловко обирала остальные тела, не обращая на них внимания. Аврелия с восторгом смотрела на Прокса в кирасе и, сложив ручки у груди, выдохнула:

— Какой же ты красавец!

На ее возглас обернулась Крома и изучающе, очень внимательно, словно увидела в нем нечто новое, посмотрела на Прокса. А он в смущении затоптался на месте. Обычно они видели его лицо через маску гермошлема, теперь же он стоял с неприкрытой головой.

— Вы оба красивые, — продолжила девочка, переводя взгляд с Алеша на Кромку. И вдруг спросила: — Алеш, а ты женишься на бабушке? — Потом зажала рот ручкой и рассмеялась: — Я оговорила. На Кромке.

Алеш заморгал, уставившись на девушку, которая посмотрела кокетливо на него одними глазами, не поворачивая головы, и выпрямила спинку, показывая свою фигуру во всей красе.

— Если Крома согласится, то да, — неожиданно для себя решительно

сказал он и покраснел.

— Это что, предложение? — Крома повернулась к нему вполоборота. Она так и осталась сидеть рядом с одним из павших героев.

— Да, — коротко ответил Прокс и шмыгнул носом. Он по-детски беззащитно стал оглядываться, словно хотел найти поддержку своему решению, но вокруг были только стены пещеры и молчаливые мумии, свидетели его предложения.

— Я подумаю! — промолвила девушка и гордо задрала носик. А следом не выдержала и с визгом бросилась на шею Алешу. Крепко ухватила его, нашла своими губами его губы и впилась в них неистово долгим сладким поцелуем. Аврелия опять сложила ручки у груди. Покачала головой и тихо воскликнула:

— Ах, это любовь!

Ставка

Посольство прибыло только через пять дней после битвы. За рекой догорали повозки и шатры тех, кто не пошел за Худжгархом. Их преследовали и убивали безжалостно, и не важно, что они были из того же племени или рода, что и последователи духа мщения. Линия разлома на своих и чужих произошла по их вере. И всех неверных вырезали поголовно. Лагерь худжгархистов рос с каждым часом, там появились новые пророки, воодушевлявшие орков своими речами. Шли суды над инакомыслящими и показательные казни вероотступников. Но об этом я узнал гораздо позже от Фомы.

А сейчас все мои мысли были заняты тем, как объяснить свое появление в ставке, а именно мое чудесное воскрешение. И место по левую руку хана. Подо мной «горела» подушка, и я весь извертелся. Великий хан глянул искоса на мои терзания и без улыбки совсем тихо проговорил:

— Ты скоро привыкнешь.

В ставке навели порядок, трупы убрали, а охранную службу несла подошедшая личная тысяча верховного вождя. Так что ничто не напоминало о еще недавно шедших тут кровопролитных боях. Если не считать большой выгоревшей проплешины на склоне холма, обращенном к реке.

Но вот наступил момент истины, которого я боялся. В шатер, пятясь, спиной вперед зашли граф, Луминьян и несколько посольских клерков. Остановились и повернулись. Спасибо Шизе, что приводила мой гормональный баланс в норму. Но вот графу она это сделать не смогла.

Когда посольство повернулось к нам, то мне показалось, что их всех сразу разбил паралич. Вытаращенные глаза, отвисшая челюсть и молчание, которое можно было истолковать как оскорбление хана, если бы не их ошеломленный вид. Неожиданно посол закатил глаза и упал, лишившись сознания.

Луминьян пошамкал ртом и выдавил:

— Где же ему еще быть!

Охрана хана грозно загрохотала оружием. Мне сбоку было видно, что хан был доволен произведенным впечатлением, этот жук вел свою игру, в которой отвел определенное место и мне. Меня снова использовали в своих целях. Я поджал губы и только вздохнул.

Посла привели в чувство и усадили на подушку, остальные остались почтительно стоять.

— Как прошел ваш путь, господин граф? — вежливо спросил вождь, стараясь перевести взгляд посла с меня на себя, но тот как привязанный все равно возвращался ко мне. Я сидел невозмутимо, как Будда. Со стороны должно было казаться, что я ушел глубоко в себя, занимаясь самосозерцанием.

Хан не смог не доставить себе удовольствие и сказал:

— Я вижу, мой советник левой руки вызывает у вас, граф, интерес.

Посол непонимающе посмотрел на великого хана и промолчал. Он вообще был не в состоянии что-либо соображать, слышать и отвечать. Хан это понял.

— Ну хорошо, — как всегда тихо промолвил великий вождь, — идите и отдохните. Я вижу, вы устали с дороги. Вас пригласят на вечерний пир.

Граф как сомнамбула поднялся и, забыв поклониться, пятясь вышел. Вместе с ним вышли и остальные.

— Иди и ты, хуман, — отпустил меня хан, — только микстуру дай, я чувствую, как мне становится лучше.

Я облегченно вышел из шатра и увидел издалика приближающуюся Ленею. Ее глаза вспыхнули от узнавания и сузились, превратившись в щелки. Я, не останавливаясь, резко повернул направо и заспешил прочь.

— Стой, бледная пиявка, — раздалось мне вслед.

Я, не зная, как от нее спрятаться, захромал, словно месье Бендер, убегающий от мадам Грицацуевой. У меня оставалась маленькая надежда, что, может быть, орчанка подумает, будто ошиблась. Но она уже приближалась, крича мне вслед с яростью обманутой женщины:

— Стой, шарныга немый. Стой, гад и вун.

Я захромал еще сильнее и прибавил ходу. Но скоро мой шаг перешел в

бег, так как преследовательница не отставала. Я метался между шатров, не зная, где можно спрятаться.

За нашим забегом наблюдали стражники, Луминьян и довольно улыбающийся верховный шаман. Он все-таки позволил себе маленькую месть, рассказав внучке обо мне, и теперь наслаждался. А я, как это уже стало правилом, опять удирал. На этот раз от разъяренной степной тигрицы и проклинал коварного шамана и свою незавидную судьбу.

— Я все равно доберусь до тебя! И ты мне скажешь, почему ты, сволочь, отказался от откупа! — закричала девушка со слезами в голосе, потеряв меня из виду.

Я пробрался в свой шатер, как какой-то воришка, приложил палец к губам, чтобы мои охранники не выдали меня шаманке, и спрятался внутри.

Демон уже пришел в себя, между рогов у него выскочила огромная шишка. Он уже не был под иллюзией эльфа и со страхом смотрел на меня.

— Боишься? — спросил я. — Правильно делаешь. Я, как ты можешь видеть, рив. Поэтому лежи молча, а я буду думать.

А подумать мне было над чем. Это в первую очередь посольство. Как направить орков на Лес? Потом последователи Худжгарха, ресурс, с которым я не ведал, что делать. Теперь вот шаманка добавилась в копилку неприятностей, возмущенная моим отказом взять ее в качестве откупа. Я сидел, ломал голову, пытаюсь найти приемлемый ответ на свои вопросы, а за стенами шатра шла своя, веками устоявшаяся жизнь. Кто-то куда-то спешил, кто-то радовался, кто-то ругался. И никому не было дела до юного хумана, спрятавшегося в своем шатре. Все как обычно и как всегда.

Примечания

Шарныги — мелкие животные-падальщики, живущие в степи, типа шакалов.

Гаржйк — обращение к знатном орку.

Перг — степная хищная птица размером с сокола.

Два сотых — выражение, обозначающее гибель корабля и пилота,
полсотни — уничтожение корабля.

Мерх — кастрированный бык.

Грохт — местный орел.

Мильер — обращение к членам семьи великого князя.

Рив — смертельный враг на языке скравов.

Листер — капитан первого ранга.

«*Мак*» — малый атакующий корабль.

Гарлян — растительный наркотик.

Шардон — игра, напоминающая домино.

«Блек энд уайт» — игра слов: в переводе означает «черный и белый», и так же называется знаменитый, прекрасно сбалансированный виски.

Кишмишовка — самогонка из изюма.

«Хран» и «тысяча» — карточные игры.